

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2022 Том 22 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2022 Volume 22 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международно-рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 12.09.2022. Выход в свет 22.09.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,1. Тираж 500 экз. Заказ № 825. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Гориков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хазендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kurojatinik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Кравченко С.А.** Вызовы «современного зла» устойчивому развитию: запрос на сотрудничество научного и теологического знания (на англ. яз.)..... 477
- Капишин А.Е.** Концепция сакральности Э. Дюркгейма..... 489
- Кильдюшов О.В.** Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте)..... 503
- Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Гудкова Я.А.** Диагностика уровня конформности студенческой молодежи (результаты методического эксперимента)..... 518

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Белов А.А., Данилов А.Н., Ротман Д.Г.** Белорусское общество: от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения 531
- Рязанцев С.В., Волкова О.А., Оставная А.Н.** Роль цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии covid-19 (кейс молдавских мигрантов)..... 544
- Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е.** Стартовые позиции абитуриентов вузов и особенности их дальнейшего обучения: социологический анализ 557
- Розанова Н.Н.** Информационное поле концепта «репутация российской власти» в зеркале экспертного и общественного мнения 572
- Масловская Е.В.** Поле судебного перевода: организационные структуры и формы капитала 590
- Шабденова А.Б., Алимбекова Г.Т., Лифанов С.А.** Социально-значимая информация и проблемы доверия казахстанских граждан к СМИ 605
- Назарова И.Б.** Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья) 616

Темнова Л.В., Бапинаева Э.Г. Приспособительные практики медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения	630
Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Человеческое развитие, удовлетворенность человеческим капиталом и безопасность в сибирском и дальневосточном приграничье (на англ. яз.).....	646
Неустроева А.Б., Шишигина А.Н. Продовольственное обеспечение в Арктике: мнение муниципальных властей (на англ. яз.).....	661
Попов Е.А. Социальные функции сельских фермеров (на примере Алтайского края)	672

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Черняк А.З., Ивлева М.Л., Орехов А.М. Идея справедливости как социальная «ловушка» для России	687
Посталовский А.А. Установочное исследование как методологический инструмент формирования пиплметрической панели медиаизмерения аудитории телевидения.....	707
Кияненко К.В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дризде и в современной России	720
НАШИ АВТОРЫ	732

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kravchenko S.A.** Challenges of ‘modern evil’ for the sustainable development:
A request for cooperation of scientific and theological knowledge477
- Kapishin A.E. E.** Durkheim’s concept of sacredness489
- Kildyushov O.V.** The police state as a symptom: German classical philosophy
and modern biopolitics (Hegel vs Fichte).....503
- Puzanova Zh.V., Larina T.I., Gudkova Ya.A.** Diagnostics of the students’ level
of conformity (results of the methodological experiment)518

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Belov A.A., Danilov A.N., Rotman D.G.** Belarusian society: From the values
of survival to the values of development and self-expression531
- Ryazantsev S.V., Volkova O.A., Ostavnaia A.N.** The role of the digital diaspora
in overcoming the vulnerabilities of migrants under the covid-19 pandemic
(the case of Moldovan migrants)544
- Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E.**
Starting positions of university applicants and features of their further education:
A sociological analysis.....557
- Rozanova N.N.** The information field of the concept ‘Russian power reputation’
in the expert and public opinion.....572
- Maslovskaya E.V.** The field of legal translation: Organizational structures
and forms of capital590
- Shabdenova A.B., Alimbekova G.T., Lifanov S.A.** Socially significant information
and issues of the Kazakhstanis’ trust in the media.....605
- Nazarova I.B.** Monitoring of the population health and health risk factors
(research methodology)616

Temnova L.V., Bapinaeva E.G. Adaptive practices of healthcare workers under the reforms	630
Maximova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Human development, satisfaction with human capital and security in the Siberian and Far Eastern border regions	646
Neustroeva A.B., Shishigina A.N. Food supply in the Arctic: Municipal authorities' opinion	661
Popov E.A. Social functions of rural farmers (on the example of the Altai Region).....	672

SOCIOLOGICAL LECTURES

Chernyak A.Z., Ivleva M.L., Orekhov A.M. Idea of justice as a social trap for Russia.....	687
Postalovskiy A.V. Exploratory research as a method for making a people-metric panel in the media study of the television audience	707
Kiyanenکو K.V. Social strategies for urban management and urban-environment development in the works of T.M. Dridze and in contemporary Russia.....	720

AUTHORS	732
----------------------	-----

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-477-488

Challenges of ‘modern evil’ for the sustainable development: A request for cooperation of scientific and theological knowledge*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations

Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The author considers the latest challenges for the sustainable development as determined by ‘modern evil’. Its essence is not limited to specific sanctions or war: it is multifaceted—expressed in simulacra and fakes, ‘non-events’ and post-truth; producing ‘moral blindness’, neo-nationalism, xenophobia and Russophobia, ‘cultural racism’, and ‘normal traumas’ in the society and nature. Actually, ‘modern evil’ embodies a parallel entity in the form of a new Antichrist acting among us on behalf of a ‘higher reason’ and ‘progressive humanity’, while introducing chaos and instability into people’s life worlds. The author uses interdisciplinary methods to examine specific manifestations of ‘modern evil’: temptations of novelty, hyper-consumption and ‘conspicuous consumption’, global, pragmatically oriented digitalization, which spreads destructive content. These manifestations of ‘modern evil’ should be replaced by the sharing of goods and services, movement towards the ethics of modesty and national-sovereign digitalization. The demand for cooperation of representatives of scientific and theological knowledge for the sake of new forms of sustainable development meets the requirements of the realities of global complexity and nonlinearity. Such cooperation can become a driver of the humanity’s active production of good and humanism — as the main factor of movement to the ‘sane society’ functioning in harmony with humanized scientific-technological innovations and authentic nature.

Key words: ‘modern evil’; sustainable development; global complexity; nonlinearity; ‘arrow of time’; digitalization; humanism

Today the formation of ‘global complexity’ as developing nonlinearly under the influence of both external and internal factors has become visible by producing challenges for the sustainable development [32. P. 151–162]. According to the ‘arrow

*© S.A. Kravchenko, 2022

The article was submitted on 22.03.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

of time' idea, "human societies, especially in our time, obviously have a much shorter time scale... It is interesting that with an increase of complexity, going from the stone to human societies, the role of the arrow of time, of evolutionary rhythms, increases" [28. P. 301]. 'Modern evil' is also affected by the 'arrow of time' and becomes more complex, which is manifested in its pluralization and dispersion. Its multiple faces make it more difficult to see how it deforms the life worlds of people, erases the referents of good and evil, and undermines the sustainable development. As a response to these challenges, social sciences rediscover the issues of God and religion and use the concept 'modern evil'. M. Wieviorka argues that "today God has returned to societies which until recently, were justified in believing that they were becoming totally secularized... 'Modern evil' is the outcome of human action and implies degradation, destruction, negation, in any event a challenge to the physical, mental, or moral integrity of certain people or groups, directly or indirectly" [36. P. 2, 11].

The power of 'modern evil' extends, and its influence is expressed in simulated friendship and faithfulness, communications with imagined and fabricated faceless others on Facebook. Insensitivity, lack of human spirit, and the dispersion of morality are the result of the cults of formal, pragmatic modes of thinking and acting. Global digitalization has become a 'value of values' reducing the role of local faith, culture, and traditions. Previously sustainable routines and values reproduced by religious beliefs and scientific knowledge are losing their functionality. The consequences of 'modern evil' cannot be overcome by bureaucratic and political structures — only by cooperation of scientific and theological knowledge.

There are modern reflexive theories studying 'global complexity', nonlinearity, turbulences in societies and nature [33] and innovative investigations of 'modern evil' as producing new challenges for the sustainable development [11; 36]. Subtle forms of violence deforming social and individual consciousness are considered with J. Baudrillard's theory of simulations and simulacra, his concept of 'non-event' [3; 4; 5]. In the research of simulations, new ideas have evolved: the drama-producing performances deform long-lived values and norms, affect people's behavior by the immoral force and immediate benefits [1]. To analyze the challenges of pragmatic digitalization U. Beck's theory of 'the metamorphosis' is used [14] together with theories of cosmopolitan humanism and planetary social organization [15; 27; 34].

The quintessence of 'modern evil'

Under the 'arrow of time', the evil changes its essence and appearance — its functioning becomes more sophisticated, which transforms humanism, knowledge of God and changes, respectively, the relationship of people with animate and inanimate nature and with each other. The becoming 'modern evil' is complex: it includes hybrid challenges of both moral and natural character by acting as global anonymous and lurking in human's agency. This has led directly and indirectly to social ills and nature sufferings, which is why 'modern evil' is much more dangerous than relatively simple 'old evil'. The challenges of 'modern evil' for the sustainable development are also

becoming more complex: its functionality does not affect specific people at a particular time, but rather the population of the entire world. It has brought new cults of formal efficiency and novelty, which transform social consciousness, human soul and body, life-milieu — a value-based ‘homelessness’ emerges. ‘Modern evil’ facilitates the spiral of violence by producing invisible but sophisticated forms of domination that deeply deforms human life, society, and nature. In social networks, there are powerful signs and symbols, the meanings of which do not adequately correlate with either people’s will or the humanistic nature of man. It is this type of ‘softer’ violence that has led in Europe to a surge of neo-nationalism, xenophobia, Russophobia, and a ‘new, cultural racism’ that labels Jews or Russians as ‘evil’, cultivates hatred towards non-Western cultures and civilizations. ‘Modern evil’ manifests itself in the pragmatic mode of digitalization. A new, secular ‘soul’ of society’s members emerges, and social communications are reorganized into a kind of computer functioning. ‘Modern evil’ also manifests itself in the deformation of man’s relationship with nature, which leads to ‘dead’ soil and ‘dead’ water [29].

According to M. Wieviorka, “evil is linked with suffering which can be both physical and mental. . . former differences are becoming blurred. The place of God and that of nature are changing. The separation between body and soul is challenged” [36. P. 5, 6]. He pays particular attention to the four new manifestations of ‘modern evil’ in Europe: 1) Xenophobia undermining the capacity of Europe “to represent the humanist values which should characterize it”. 2) ‘New racism’ or ‘neo-racism’: the people targeted by it are “no longer described in physical or biological terms but much more in cultural terms. . . Islamophobia has made Islam a religion which sets its believers apart from other members of community”. ‘Modern evil’ stigmatizes people as ‘culturally maladaptive’, unable to assimilate values and norms — they are pushed to leave Europe. 3) ‘Judeophobia’ — the new anti-Semitism, unlike that of the previous period, does not insist on the physical attributes of Jews. “There is less talk of the ‘Jewish race’. Instead it depicts a population which is in essence evil and malicious”, which makes European Jews move to other countries. 4) Global terrorism replaced ‘classical terrorism’ (an occasional phenomenon) as a permanent feature [37. P. 205, 208–210, 213, 219].

J.C. Alexander described the essence of ‘modern evil’: social realities are not inherently good or bad, sacred or vulgar, they acquire a certain qualitative, moral-value content only as a result of signification, a never ending coding of realities by individual and collective actors. This ultimately determines the liquid character of social knowledge and traumatizes the ideas of good and evil: “Events are one thing, representation of them quite another. . . The gap between event and representation can be conceived as the ‘trauma process’”. The collective agents of the trauma process (‘meaning making’) “may be elites, but they may also be denigrated and marginalized classes. They may be prestigious religious leaders or groups of whom the majority has designed as spiritual pariahs” [2. P. 93–94]. The original meanings of events produced in social networks with the help of performances and dramatic

effects are permanently recoded into images of evil, and vice versa: “In the spectacle societies of modernity, everything is top-down; nothing comes from the bottom up... Those watching the performance don’t see it as performance; they identify with the protagonists and experience enmity toward the antagonist on stage” [1. P. 2, 4]. It follows that the simulated images appear to be real and trustworthy. Often performances and dramatic effects are used for political purposes by those who control the means of symbolic communication, but the price is a growing mass skepticism that undermines the sustainable living and development.

In countering the challenges of ‘modern evil’, scholars and theologians have intensified the search for new forms of humanism. R. Braidotti develops the concepts of posthuman and posthumanism. There were different types of humanism in the history of mankind (in Europe, the humanist ideas of the Enlightenment). For a number of historical reasons, especially under fascism and communism (‘revolutionary humanism’), the European humanism was in crisis, from which it could not recover and was replaced by “a posthuman development” which “comes from science and technology studies... This indicates a global sense of interconnection among all humans, but also between the human and non-human environment... This new pan-humanity is paradoxical in two ways: firstly, because a great deal of its interconnections are negative and based on a shared sense of vulnerability and fear of imminent catastrophes and, secondly, because this new global proximity does not always breed tolerance and peaceful coexistence; on the contrary, forms of xenophobic rejection of otherness and increasing armed violence are key features of our times”. These evil realities gave rise to theorizing “a cosmopolitan posthumanism that is supported as much by the European tradition as by non-Western sources of moral and intellectual inspiration”. Elaboration of new ethical values has begun. “These new formations are postulated on the demise of that ‘Man’ — the former measure of all things”. He is replaced by the posthuman, whose ethics “proposes an enlarged sense of interconnection between self and others, including the non-human or ‘earth’ others” [15. P. 39–40, 50, 49]. These ideas are important for facing the challenges of ‘modern evil’. However, the concepts of posthuman and posthumanism seem ambiguous: they can be used to interpret incipient, qualitatively new ethical values and norms that are humane in their basis, but without due explanations they can be perceived as nihilism of humanism in general. It is better not to contrast Man with the posthuman, but to speak of the potential of his new social type.

The challenges of ‘modern evil’ to the sustainable development determined the need in cooperation of scientific and theological knowledge as two main intellectual approaches. Until the early 21st century, theology did not have an opportunity to reveal its spiritual and intellectual potential, while science did not consider the importance of faith and human spirit. The integral scientific-theological approach should be applied to study the consequences of the manifested challenges to the sustainable development: reproduction of simulacra and simulations, ‘death of the social’, seductions which deform human spirit and lead to the separation of body and

soul; pragmatic digitalization creating both benefits to explore nature and dangers of control over the human race.

The diagnostics of ‘modern evil’ requires integral and broader approaches that take into account achievements of both sciences and theology. The practical cooperation of scientific and theological knowledge can be institutionalized in the form of state-theological structures and joint intellectual projects based on the collaboration of secular and theological educational institutions. Such cooperation makes it possible to consider all sorts of dispersions and turbulences of society and nature, and to search for new forms of humanism, including the humanistic orientation of any scientific research which becomes an ethical imperative.

‘Liquid evil’ as the main expression of ‘modern evil’

Z. Bauman and L. Donskis introduced the concept ‘liquid evil’: initially manifestations of evil were “based on a black-and-white social perspective, in which we can easily identify the resilience of evil in our social and political reality — assumes the appearance of goodness and love”; this is ‘solid evil’. Today evil is not obvious and self-evident: low-intensity political oppression and human rights violation, low-intensity military conflicts obfuscate and obliterate the dividing line between war and peace. “War is peace, and peace is war... The old ‘good’ Devil represented solid evil with its symbolic logic of the quest human souls... yet the logic of liquid evil is to seduce and retreat, changing its appearance all the time”. The typical feature of ‘liquid evil’ is “a prestidigitator-style racket of make believe” [11. P. 3–6, 15].

Under the seductions of ‘liquid evil’, life practices and humanistic attitudes ‘blurred’. In the traditional society, there were binding realities — humanistic principles and faith shaped the strictly defined needs of human beings. For centuries, man integrally lived with nature and took from it only what was necessary. However, he could not resist the temptation to take more than was necessary for the functioning of his body and spirit. So, the ‘conspicuous consumption’ started as a waste of time, money, and commodities [35]. Since the Enlightenment, a formal-rational, pragmatic, and mercantile approach to nature has developed, changing not only nature but also man, means of his labor, and conditions of his existence. Globalization spread these trends throughout the world and determined the movement towards unfixed, dispersed realities that express “a culture of disengagement, discontinuity and forgetting”. Its basic function is not to satisfy existing needs but to create new ones, which corresponds to ‘non-satisfaction desires’. Thus, ‘liquid evil’ transforms the human soul and body and develops a new social type ‘*homo elicens*’ (‘man choosing’) with a ‘consuming body’ [7. P. 62, 80, 89].

The factor pushing the man towards a sin of consumerism is that humanism and anti-humanism, good and evil, prohibitions and temptations coexist in the time and space. The challenges of non-satisfaction desires turn into a planetary lawlessness and armed violence; “instead of great expectations and fairytale dreams, ‘progress’

generates insomnia full of nightmares” [8. P. 7–10, 11]; the increasing anxiety due to selfishness and violence generates a phobic atmosphere [6]; ‘collateral damage’ in the form of a value-based ‘homelessness’ emerges [9].

Among the challenges of ‘liquid evil’ to the sustainable development is the ‘global epidemic of nostalgia’ caused by the deformation of social happiness and justice that are found not in the present or future but in the past due to the ‘optionality of human choices’. “The ‘civilizing process’ that was meant to have been designed, conducted and monitored by the modern state, looks more and more as a reform of human manners, not human capacities, predispositions and impulses. In the course of the civilizing process, acts of human violence were shuffled out of sight, not out of human nature”. The distinction between ‘good violence’ and ‘bad violence’ disappears. “We have to file a violence-free world among perhaps the most beautiful — thought also, alas, the most out-of-reach — utopias... In the result, the Leviathan has lost — in any but a purely formal sense — its assumed, and indeed commonly granted, monopoly on drawing the line separating the legitimate from illegitimate violence”. To overcome the global epidemic of nostalgia and to restore the weakened social bonds by replacing ‘bad’, unrighteous violence with ‘better’ violence, has never been possible. Contrary to neoliberalism and its verdict ‘there is no alternative’, today, for the sake of the sustainable development, it is necessary to admit that “we — human inhabitants of the Earth — are in the either/or situation: we face joining either hands, or common graves” [10. P. 3, 13–14, 16, 22, 167].

The challenges of ‘liquid evil’ in their digital form are vividly expressed in social networks in which virtual, ‘softer’ forms of violence are produced and deform social and individual consciousness. The Internet “enslaves the mind and the will. People sit in front of a screen, a computer monitor or a tablet and immerse themselves in this reality. Virtual loves, virtual tragedies, virtual conflicts develop. We are immersed in the kingdom of crooked mirrors” [20]. According to the Program for International Student Assessment (PISA), in 2015, 95 % of the 15-year old students in the OECD countries had Internet access at home, and on a typical weekday, spent more than two hours online after school. Children are ‘connected’ in different contexts, not just at home. According to the PISA 2012 data, in the OECD countries, 72 % of students used computer technologies (desktops, laptops or tablet computers) at school vs 93 % at home. Technology use is on the rise in other age groups as well [30].

The impact of computer technologies on students’ brain and cognition becomes possible due to the ‘liquid evil’ power of permanent changes in the meanings of signs creating new seductions — ‘needs’ in the form of “object-signs of consumption” [3. P. 25]. ‘Softer’ forms of sign-violence and simulacra of what is good control people’s consciousness and behavior. J. Baudrillard believes that human civilization heads towards a dehumanized world of simulations in all spheres of social life. There is an absorption of social events by simulacra of ‘non-events’: thus, viewers of the Gulf war were shown something that did not happen [4]. The

very notion of normativity and deviance begins to blur. By replacing objective and subjective reality with signs of reality, we get an illusion of reality which refers to the simulation of goodness. All former values are expressed by signs. Simulacra control not only what objects we must consume and with whom communicate, but also what we should do in general and what we should strive for. Individuals cannot realize their true needs — they may think that money can buy anything but they can only want what their group consumes. The revealing of the mechanism of simulacra production based on new seductions makes ‘modern evil’ transparent [5].

Recently, new challenges of ‘liquid evil’ have emerged in the pragmatic digitalization. There are evident achievements in digitalization: “today’s digital societies give rise to new social forms... ‘the digital’ entails changes in the relations between technologies and social life; between knowledge, society and technology” [26. P. 11]. Benefits of the digital technology “enable and generate a new responsiveness to both students and educators” [16. P. 159]. However, the pragmatically oriented digitalization becomes an expression of ‘liquid evil’ by spreading destructive content and digital surveillance: “The digital technology is capable of creating tools that provide total control over the individual. Nothing like this could have happened in the past. Human thought, technical civilization today has reached a level where, by implementing the digital technology, it is possible to provide total control over the human person... The book of Apocalypse says that the coming of the Antichrist will be accompanied by total control over man. It does not use these words, but it is very clear from the content that it refers to the ability of total control over human behavior. It says that the seal of the Antichrist will be put on the forehead of man, and without this seal it will be impossible to buy or sell, or participate in any social relations — man will be doomed to destruction” [21].

The pragmatic digitalization promotes ‘liquid evil’ by constantly changing human beings. While traditionally we were conditioned by our biological and psychic physicality, by our life-worlds, today from our birth we are dependent on the consequences of digitalization. Socialization always involved the transmission of values and norms from the older generation to the younger. Today, as U. Beck argues, socialization is being metamorphosed: new generations “incarnate the digital *a priori* — yet not at the end but at the beginning of their socialization... the younger generations were already born as ‘digital beings’” [14. P. 188]. Human-machine hybrids are becoming widespread. Many people implant chips in their bodies to turn into metamorphosed cyborgs: on the one hand, this allows to scan data from the body by any mobile device; on the other hand, a variety of information can go directly to the cyborg brain. C. Greenfield argues that computers “have altered our brains”, making real empathy almost impossible without visual contact and body language [19]. According to W.H. Vanderburgh, digitalization has formed ‘new secular myths’: “the myth of science allows us to live as if scientific knowing has no limits, thereby ruling out the need for all other knowing”. As a result, “we are beginning to see glimpses of the emerging anti-person who lives as if our being

a symbolic species can be ignored most of the time, only to surrender ourselves to becoming *homo informaticus*". The 'anti-person' has different ideas and criteria for happiness and justice. In the former society, happiness was sociocultural in nature, in the contemporary society, it is technical and determined by the individual adaptation to the environment through digitalization. However, a return from the 'anti-person' to human is possible — it is necessary to abandon the 'secular opium': "If we choose this course of events, we will guarantee destruction as a symbolic species, and we will most likely take the planet down with us". The digital, despite obvious benefits and conveniences, poses latent threats to people's livelihoods. By means of resymbolization and reification "we will discover how unscientific our science is in relation to all life, how inhuman our technique is, how uneconomic our unlimited growth is in producing debt rather than wealth" [34. P. 331, 333, 371, 384].

Digitalization extends its influence not only on humans but also on nature and climate making them turbulent. The transition from post-industrial and post-Internet worlds to the digital era has been accompanied by the destructions of the environment: "Most people in the developed West have very little awareness of the e-waste issue because companies have managed to ship most of it to the developing world, often illicitly" [27. P. 154–155]. Man is rooted in nature in two ways: his physicality and the conditions for life. Man depends on nature but has a creative power which manifests in emotional, volitional, and intellectual activity. If nature suffers from human destructiveness or from the damage caused by the invasion into the micro-micro world of bacteria and viruses, nature defends itself by producing new illnesses. The pragmatic digital development 'naturally' traumatizes human life and the biosphere — these are 'normal traumas' [24. P. 150–159] of nature, which lead to climate turbulence and, thus, have 'normal' traumatic effects on the economy, tourism, and human livelihoods in general. Moreover, 'normal traumas' can be caused by non-human actants — computer networks and digital clouds as complex systems can get out of the human control [25]. In the becoming social-digital-natural realities, in particular those involving 'smart machines' and 'digital cities', the principles of artificial intelligence bring not only desirable innovations but also evils in the form of increasing vulnerabilities of dehumanization.

'Liquid evil' poses an unresolvable problem for both scientific and theological approaches. An example of cooperation of a scholar and a theologian is provided by Z. Bauman and ex-priest, now an academic theologian and cultural historian S. Obirek — both took the path "from the blind arrogance of the possessor of a single truth to the restraint of a witness to multiple human truths". They recognize natural differences between scientific and religious approaches to the interpretation of life, but oppose "uncritical quasi-religious believers" who claim a monopoly in understanding good and evil, virtue and vice, truth and falsehood [12. P. 2–3]. What is needed today is not skepticism or confrontation with reason or belief but cooperation of scientific and theological knowledge to face the challenges of 'liquid evil'. The demand for such cooperation presupposes the following: philosophers

of religion considered evil in an abstract and logical perspective, and formulated deductive arguments to show that certain facts about evil are logically incompatible with the existence of the omnipotent God [18. P. 35–66]: the theological approach is based on the recognition of God's creation of the world order. Theists usually distinguish moral and natural evils by connecting moral evil with particular persons engaged in vice and their possible salvation, while natural evil is the result of natural processes that produce victims [31]. A harmonious combination of science and theology can guarantee the development of optimal approaches to overcoming evils caused by the formal and pragmatic use of knowledge and technology. Common goals can be achieved by specific methodologies: science proceeds from the unknown risks, while theology recognizes the mystery of God and His will; science stands for innovations, theology — for the preservation of moral and spiritual traditions. However, both can develop human spirit in the integral knowledge.

Cooperation of scientific and theological knowledge can make a crucial contribution to the humanistic digital turn in the contemporary knowledge [22]. This includes the study of various manifestations of moral and natural evils, including the side-effects of digitalization, and 'illnesses' of humanist practices — like all social realities, humanism can periodically be in crisis or anomie. The humanistic digital turn can be a factor of the development of the humanist discourse based on the recognition of God's will (basic principles of the world order, preservation of the authentic nature and humanization of technologies). The common task is to develop a scientific-theological praxis, a roadmap for the formation of the humanistic language of world-knowledge and daily living.

The transition to a new model of thinking and activity based on the cooperation of scientific and theological knowledge is possible. Mankind should activate the production of the good and humanism as the main factor of the viability and sustainability of society and nature. One way is to revive the functionality of myths and archetypes, among which are the hero, the sage, the saint, the penitent. The traditional rites and social practices are very important: baptism, absolution, love of neighbor, communion, good shepherd, atonement — they have historically contributed to the social integration of the normative order.

The cooperation of scientific and theological knowledge allows for a purposeful minimization of radicalism and pragmatism in relation to the results of digital technologies and artificial intelligence. In particular, humanistic digital modernization is in demand: traditional modernization, aimed at the transition to a qualitatively new level of consumption based on the development of productive forces and digital technologies, should be replaced by an alternative type of modernization focused on the ethics of modesty. Sharing consumption becomes popular (shared use of cars, facilities, clothes, etc.) pointing to “the rise of a utility function that privileges affordable consumption over the logic of capital accumulation”

[17. P. 210]. Representatives of these forms of consumption struggle against wasted and hyper consumption for the measured and modest standards of living. They believe that consumption can be based not on ‘universality’ of property but on principles of humanism; they look for alternatives of the pragmatic consumption, try to establish “new forms of ‘bio-sociality’ and bio-citizenship” [15. 41].

The goal of cooperation of science and theology implies overcoming interventions into the human genome, shaping a humane relationship between society and nature, taking into account new climatic and epidemiological turbulences. The evil of the pragmatic digitalization is a great challenge for all social, natural and human sciences together with the theological knowledge. In response to these challenges, scholars have developed new integral approaches to digitalization, which incorporate humanizing trends of the contemporary knowledge. It is hoped that scientists’ and theologians’ cooperation can ensure the transition to a fundamentally different trend of development while preserving the humanistic foundations in all technical innovations. All previous turns in science were based on ideas of pragmatic efficiency and growth of benefits; today we need a humanistic digital turn. We witness the emergence of a global human community that cannot do without God’s will and moral regulators — a cosmopolitan ethic based on a cosmopolitan responsibility develops. As U. Beck argues, ‘planetary ethics’ presupposes ‘forgiving the unforgivable’: “not only God must forgive, but human beings must forgive human beings” [13. P. 46].

References

1. Alexander J.C. *The Drama of Social Life*. Cambridge; 2017.
2. Alexander J.C. *The Meaning of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press; 2003.
3. Baudrillard J. The system of objects. M. Poster (Ed.). *Jean Baudrillard: Selected Writings*. Stanford; 1988.
4. Baudrillard J. *The Gulf War Did Not Take Place*. Bloomington; 1991.
5. Baudrillard J. *The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena*. London; 1993.
6. Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge; 2006.
7. Bauman Z. *Liquid Life*. Cambridge; 2007.
8. Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge; 2007.
9. Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge; 2011.
10. Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge; 2017.
11. Bauman Z., Donskis L. *Liquid Evil*. Cambridge; 2016.
12. Bauman Z., Obirek S. *Of God and Man*. Cambridge; 2015.
13. Beck U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge; 2007.
14. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; 2016.
15. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge; 2015.
16. Bustillos J. The digital divide. Neoliberal imperatives and education. Isaacs S. (Ed.). *European Social Problems*. London–New York; 2017.
17. Castels M. et al. *Another Economy is Possible*. Cambridge; 2017.
18. Conway D.A. The philosophical problem of evil. *Philosophy of Religion*. 1988; 24.
19. Greenfield S. Computers may be altering our brains — we must ask how. *Independent*. August 12, 2011.

20. Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia. 2015. Interview. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/04/30/patriarh>.
21. Kiril, Patriarch of Moscow and All Russia. 2021. Christmas interview, January 7. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5746352.html>.
22. Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
23. Kravchenko S.A. Being cosmopolitan and anti-cosmopolitan — the complex risks of covid-19: The demand to move from the ‘society of normalization’ to global medical surveillance. *European Sociologist*. 2020; 45 (1).
24. Kravchenko S.A. The birth of ‘normal trauma’: The effect of non-linear development. *Economics and Sociology*. 2020; 2.
25. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton; 2013.
26. Marres N. *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge; 2017.
27. Onosov A.A. Religija chelovechestva O. Comta i sotsiologija obshhego dela N.F. Fedorova: mery pozitivizma [Comte’s religion of Humanity and Fedorov’s sociology of common cause: Measures of positivism]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (1).
28. Prigogine I., Stengers I. *Order Out of Chaos: Man’s New Dialogue with Nature*. London–New York, 2018.
29. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge; 2014.
30. Scheleicher A. Impacts of Technology Use on Children: Exploring Literature on The Brain, Cognition And Well-Being. OECD Education Working Paper No. 195, 2019.
31. Surin K. *Theology and the Problem of Evil (Signposts in Theology)*. Wipf and Stock; 2004.
32. Urry J. Global complexity. *International Studies Review*. 2007; 5 (2).
33. Urry J. *Climate Change and Society*. Malden; 2011.
34. Vanderburg W.H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto; 2016.
35. Veblen T. *The Theory of Leisure Class*. New York; 1994.
36. Wiewiorka M. *Evil*. Cambridge; 2012.
37. Wiewiorka M. Europe facing evil: Xenophobia, racism, anti-Semitism and terrorism. M. Castells (Ed.). *Europe’s Crises*. Cambridge; 2017.

Вызовы «современного зла» устойчивому развитию: запрос на сотрудничество научного и теологического знания

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. В статье анализируются новейшие вызовы устойчивому развитию, порождаемые «современным злом», суть которого не ограничивается конкретными санкциями или войной: оно многолико — выражается в симулякрах и фейках, «не-событиях» и постправде, культивирует «моральную слепоту», неонационализм, ксенофобию и русофобию, «куль-

*© Кравченко С.А., 2022

Статья поступила 23.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

турный расизм», «нормальные травмы» человека, общества и природы. «Современное зло» фактически олицетворяет параллельную сущность в виде нового Антихриста, действующего среди нас от имени «высшего разума» и «передового человечества», внося при этом хаос и неустойчивость в жизненные миры людей. В статье используются междисциплинарные методы исследования конкретных проявлений «современного зла»: соблазнов новизны, гиперпотребления и «демонстративного потребления», глобальной, прагматически ориентированной цифровизации, распространяющей деструктивный контент, которым противопоставляется совместное использование товаров и услуг, движение к этике скромности и национально-суверенная цифровизация. Автор обосновывает востребованность сотрудничества представителей научного и теологического знания ради выработки новых форм устойчивого развития, адекватных реалиям глобальной сложности и нелинейности. Это сотрудничество может стать драйвером перехода к активному производству добра и гуманизма как главного фактора движения к «здоровому обществу», функционирующему в гармонии с очеловеченными научно-технологическими инновациями и аутентичной природой.

Ключевые слова: «современное зло»; устойчивое развитие; глобальная сложность; нелинейность; «стрела времени»; цифровизация; гуманизм

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-489-502

Концепция сакральности Э. Дюркгейма*

А.Е. Капишин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198 Россия
(e-mail: poliarnik@yandex.ru)

Аннотация. Концепция сакральности Э. Дюркгейма, сформулированная в «Элементарных формах религиозной жизни», призвана объяснить, по какой причине и каким способом агрегат людей становится «единым целым» и воспроизводит себя в таком качестве. Эта концепция является логическим основанием «социологического холизма» Дюркгейма, поскольку посвящена анализу, как выражался Т. Парсонс, «ядра социальной системы». Принципы данной концепции противоположны принципам «методологического номинализма и индивидуализма», принятым в британской социальной антропологии и выраженных в теории анимизма. Дюркгейм характеризует сакральное как «безличную силу», безличное «коллективное существо», «коллективную душу», создаваемую и воспроизводимую людьми в религиозных культах. Индивидуальное начало сводится к животному, дикому, которое выступает только как часть тела «коллективного существа» в первобытных обществах. В понимании природы религиозных обрядов Дюркгейм опирался на концепцию ритуала У. Робертсона-Смита, согласно которой главный смысл культа заключается в «единении» адептов с божеством и друг с другом. Убрав из нее божество как трансцендентное начало, Дюркгейм свел смысл религиозных ритуалов к воспроизводству социального единства, солидарности. Концепция сакральности Дюркгейма, как и полярная ей по принципам теория анимизма, основана на понятийном аппарате философии Нового времени, что обусловило антропоморфизацию сознания, смещение понятий «персона» и «индивидуальность». Значимость концепции сакральности Дюркгейма неверно представлять в позитивистском смысле — как объяснение необъяснимых альтернативными теориями фактов. В таком качестве она подверглась критике и была отвергнута большинством ученых. Однако она важна как часть «социальной инженерии», изменившей интеллектуальную среду, в том числе научное сообщество, в определенном, идеологически левом направлении.

Ключевые слова: сакральность; религия; общество; сознание; тотемизм; анимизм; холизм; номинализм, культ

Значение «сакрального» в теории Э. Дюркгейма отлично от значений, которыми наделялся этот термин другими авторами, такими как Р. Отто, М. Хайдеггер, Р. Генон и М. Элиаде. Сакральность у Дюркгейма — термин более широкий, чем религия, хотя именно для ее определения он вводился. Первоначально религия была охарактеризована Дюркгеймом в работе «Об определении религиозных явлений» — как «более или менее организованный

* © Капишин А.В., 2022

Статья поступила 30.11.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

и систематизированный ансамбль религиозных явлений», состоящих в обязательных верованиях и связанных с действиями, направленными на объекты верований. Эта характеристика подверглась критике и в итоге не устроила его самого. Поэтому в главной своей работе о религии «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейм вводит термин «сакральность» [1. С. 83–120], но не дает ей определения. В первом разделе Дюркгейм счел достаточными следующие утверждения: 1) «все известные религиозные верования... предполагают разделение реальных и идеальных вещей, которые представляют себе люди, на два класса... хорошо выражаемых словами “профанное” и “сакральное”» [1. С. 103– 104] — сосуществующие «параллельно» друг другу; 2) «под сакральными вещами не стоит понимать только существ, называемых богами или духами... любая вещь может быть сакральной» (включая слова и действия) [1. С. 104]; 3) «сакральные вещи часто считаются более высокими по рангу и обладающими большей силой, чем профанные», но в каком именно смысле «большой силой» не уточняется [1. С. 105]. Отличие в «большой силе» у Дюркгейма является количественным и потому неясным для разведения сакрального и профанного.

Возможно, потому что работа Дюркгейма недавно была переведена на русский язык, в российском научном сообществе о сакральности Дюркгейма говорилось порой так лаконично, будто он не написал второй и третий разделы «Элементарных форм религиозной жизни». Нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что Дюркгейм вовсе не наделял сакральное и профанное «содержательными признаками», а противопоставлял их по «чисто формальному, структурному различию» [4. С. 35]. Приведенные характеристики даны только в первом, вводном разделе работы Дюркгейма, а в дальнейшем он наполняет термин «сакральное» большим смыслом, вводя новые значения, из которых следует отметить «безличную силу».

Прежде чем перейти к раскрытию значений сакральности у Дюркгейма, следует обратиться к его концепции общества, сформулированной до написания «Элементарных форм религиозной жизни», начав с критики теории общества, сложившейся в современной ему британской социологии и антропологии. В концепции Дюркгейма выражен принцип социологического холизма, базовый для концепции сакральности.

Г. Спенсер был в то время наиболее авторитетным представителем направления, утверждавшего в социальных науках номинализм и индивидуализм. Согласно Т. Парсонсу, «негативной точкой отсчета исходной ориентации Дюркгейма служила утилитарная концепция взаимодействия дискретных индивидуальных интересов, выдвинутая впервые Гербертом Спенсером, который понимал промышленное общество как сеть “договорных отношений”». Важность отношений договора, т.е. отношений, условия которых устанавливаются тем или иным типом соглашения *ad hoc*, была прямым следствием разделения труда, выводимого на передний план в давней традиции утили-

тарной экономики, идущей от Локка и... Адама Смита. Дюркгейм сделал эту традицию мишенью своей критики... показывая, что допущения Спенсера — которые были общими для всей либеральной ветви утилитарной традиции — не могут объяснить даже простейшего компонента порядка в системе социальных отношений, базирующейся исключительно на преследовании индивидуального корыстного интереса» [6. С. 240].

Под критикой Дюркгеймом «либеральной ветви утилитарной традиции» Парсонс понимал критику номиналистской концепции общества как результата «общественного договора». Для этой концепции характерно «акцентирование сферы свободы и ожидаемого независимого достижения единицы системы в том духе, что единица свободна от контроля системы... Спенсеровский индивидуализм был отрицанием социального контроля в нынешнем смысле этого понятия» [6. С. 263]. Парсонс возводил свою теорию, базирующуюся, напротив, на признании «важности интеграции системы», к критике Дюркгеймом «номинализма и индивидуализма либерального утилитаризма». Выраженные в ней тезисы Дюркгейма Парсонс определяет как заложившие «фундамент теории социальной интеграции». По его словам, французский социолог был «преимущественно теоретиком проблемной области социальной интеграции», которого более всего занимало «первичное ядро социальной системы» [6. С. 266]. Именно для его объяснения Дюркгейм разработал концепцию сакральности. Э. Причард охарактеризовал ее так: «Религия — это прежде всего способ, посредством которого общество рассматривает себя как нечто большее, чем совокупность индивидов, и с помощью которого оно поддерживает внутреннюю солидарность и преемственность» [10. С. 61].

Дюркгейм критиковал Спенсера с позиции социологического реализма, утверждая существование общества как надындивидуальной реальности особого онтологического рода, которая эмпирически сама по себе, подобно универсалиям реалистических школ средневековой философии, не может быть зафиксирована, проявляясь в индивидах. Поэтому социологические номиналисты, к которым относились представители классической британской социологии как последовательные эмпиристы, общество понимали как агрегат индивидов, который может быть непосредственным объектом эмпирического исследования. Такая номиналистическая модель общества логически связана с методологическим индивидуализмом, утверждающим, что индивиды, как «робинзоны», самостоятельны и первичны по отношению к обществу [9. С. 30, 31].

Дюркгейм выступил против базового принципа теории Спенсера, согласно которому «индивида унижают всякий раз, когда ему дают понять, что он зависит не только от самого себя». Социальное как коллективное в теории Дюркгейма «обладает принудительной силой относительно индивидов». Такое принуждение следует понимать не как прямое насилие, а как резуль-

тат «гидравлического давления общественной атмосферы», воздействующей на всех, но, как и воздушное (атмосферное) давление, в нормальных условиях не замечаемое [9. С. 33]. Индивидуальное сознание в теории Дюркгейма вторично по отношению к коллективному — божественной и унитарной социальности, а не «арифметической сумме индивидуальных сил, воли, идеалов, мнений и т.п.» [9. С. 26].

В этой же связи Дюркгейм «сакральное-коллективное-праздничное» противопоставлял «профанному-индивидуальному-повседневному», выражая идею, невозможную в номиналистической и либеральной социологии, но естественную в социалистической: коллективное начало — разумное и социализирующее, а индивидуальное — животное, биологическое. Последнее, в случае отделения от коллектива, неизбежно не реализует себя как разумное существо или деградирует. Индивидуальное в холистской социологической модели может быть только временным и бездуховным. Бессмертие — свойство исключительно коллективное, так как духовное может быть только коллективным.

Согласно Дюркгейму, в первобытных обществах индивидуальное сознание не выделялось из коллективного, не имея автономии. Такое первичное соотношение сознаний он обозначал как механическую солидарность. Органическая солидарность возникла в результате того, что коллективное сознание, продолжая «интегрировать индивидуальные сознания», позволило им обрести автономию, но не независимость. Г.Б. Юдин противопоставил теорию Дюркгейма концепции Ф. Тенниса, в которой общность (по замечанию Дюркгейма, это понятие близко по смыслу механической солидарности) замещалась обществом — для него характерно «отсутствие единого источника воли» и принцип социальной организации, полностью отличный от примордиального [12. С. 127–128]. Иными словами, в концепции Дюркгейма коллективное сознание не перестает быть доминирующим по отношению к индивидуальному в любом нормальном обществе. Социальное развитие он, в отличие от Тенниса, не понимал как постепенный распад «унитарного общества» и превращение его в агрегат индивидов. Поэтому «Дюркгейм не проводит различия между первобытными и современными обществами с точки зрения механики взаимодействия индивидуального и коллективного» [12. С. 129].

Различие моделей общества, конечно, связано с пониманием религии. В теории Дюркгейма религия — источник единства холистически понимаемого общества. Теория религии Спенсера и других представителей британской социологической и антропологической школы базировалась на принципах индивидуализма и утилитаризма. Духи разного ранга и силы в теории анимизма — духовные индивидуальности, в основе культов которых лежат как потребности в жертвах, так и потребности участников культа, в обмен на жертвы духам рассчитывающих на «духовные блага». В теории анимизма в основе религии, как и магии, лежат договорные отношения между духами

и людьми. Духи понимаются, как правило, как бывшие люди, сменившие телесную оболочку, но в принципе оставшиеся такими же в поведении и мышлении. Места коллективному сознанию в теории анимизма нет, духовный мир понимается здесь на манер человеческого общества — как конкурентная среда, в которой духи соперничают друг с другом, эволюционируют и усиливаются за счет поглощения соперников. С.Н. Зенкин назвал теорию анимизма «скрыто теистическим объяснением первобытных религий, когда духи мыслились как неполноценные, недоразвитые боги» [4. С. 114].

Исходным представлением анимизма как самой ранней формы религии, согласно британской классической антропологии, является душа — индивидуальная сущность, двойник земного тела человека. Это представление о теле, но призрачном, состоящим из тончайшей материи. Э. Тейлор и его последователи считали, что идея души возникла в результате интерпретации сновидений и галлюцинаций. Это позволило Дюркгейму критически заметить, что в теории анимизма верования строятся на «понятиях сновидений» [8. С. 52]. Представление о душе-двойнике в сочетании с идеей о необходимости ее питания посредством принесения жертв стало утверждаться в теории анимизма как источник религиозных представлений и обрядов. Все их участники — люди и духи — понимались как индивидуальные существа. Соответственно, первобытный коллектив выступал как ассоциация индивидуальных существ человеческого или духовного порядка, как сумма приносящих и получающих жертвы индивидов. Поэтому в концепции анимизма нет места коллективному сознанию — вместо него представлена иерархия индивидуальных сознаний, взаимодействующих друг с другом.

Концепция анимизма исходит из типичного для британских социальных наук представления об обществе как сумме индивидуальных существ, выстраивающихся в иерархию, на вершине которой находятся самые могущественные духи — божества. С ними часто соотносятся кланы, находящиеся с ними в особых отношениях в силу генеалогической связи. Такие представления лежат в основании социальной иерархии кланов, представители которых, учитывая силу божества-покровителя, вступают в родственные или патрон-клиентские отношения. Унитарное и эгалитарное, а не стратифицированное общество при этом невозможно. Последователя руссоизма, коим и был Дюркгейм, такая теория по определению не устраивает.

Дюркгейм, критикуя теорию анимизма, отметил, что душа в представлениях архаичных народов связана с телом более тесно, чем утверждали Тейлор и Спенсер. Поэтому в большинстве таких обществ смерть воспринимается как фактор, ослабляющий, а не усиливающий «жизненную энергию души». В связи с этим, заключает Дюркгейм, теория анимизма не объясняет представления, почему душа человека после смерти превращается в могущественного духа. Как эволюционист он отмечал, что культ предков распространен у развитых народов (например, у древних греков и римлян), но неизвестен

наиболее примитивным народам (австралийским аборигенам). Полагая, что представление о духах не может проистекать из представления об индивидуальных душах-двойниках, Дюркгейм предлагает собственную версию происхождения представлений о духовном и сакральном и обращается к тотемизму как наиболее ранней (по его мнению) форме религии.

Концепцию религии Дюркгейма некорректно определять как теорию тотемизма. Он не был открывателем тотемизма как формы религии и не претендовал на это: «Такой специфический набор верований и религиозных практик, известный как тотемизм, был исследован в племенах американских индейцев еще в 1791 году; и хотя повторные наблюдения велись в течение следующих восьмидесяти лет и показали, что этот институт был широко распространен, тотемизм считался в значительной степени американским и довольно архаичным явлением. Только в 1871 году Дж.Ф. МакЛеннан в статье “Поклонение животным и растениям” показал, что тотемизм был возможным истоком, из которого происходили значительно более развитые религии» [8. С. 57]. МакЛеннан предложил первую в социальных науках теорию тотемизма как поклонения животным, или зоолатрии.

Ее Дюркгейм не принял, предложив свою интерпретацию данной формы религии, опираясь, в частности, на метод У. Робертсон-Смита, утверждавшего в работе «Лекции по религии семитов», что «тотемизм — источник жертвоприношения и ритуального аппарата более высоких религий» [8. С. 57–58]. Дюркгейм считал, что в обществах австралийских аборигенов (наиболее примитивных) представлена элементарная форма религии — поклонение божеству клана, который был персонификацией клана. При этом клан как общество понимался холистически. Эмпирической базой Дюркгейма были новые для того времени этнографические работы Спенсера и В.Дж. Гиллена «Племена аборигенов центральной Австралии».

Излагая во втором и третьем разделах «Элементарных форм религиозной жизни» собственную теорию тотемизма, Дюркгейм развертывал свою концепцию сакральности. В частности, он так определил «элементарную форму религии»: «Тотемизм — это религия, посвященная... некоей безымянной и безличной силе... можно сказать, что она и есть тот бог, которому посвящен любой тотемический культ. Только здесь речь идет о безличном боге, без имени, без истории, о боге, присущем самому миру и рассеянном среди бесчисленного множества вещей» [1. С. 344]. В этой связи он писал о культах типа маны у меланезийцев — как «безымянной и рассеянной повсюду силы» [1. С. 353], направленных на ее добычу. Дюркгейм ссылаясь на мнение исследователя меланезийцев Р. Кодрингтона, считавшего, что такая сила не может быть «неким видом высшего существа» [1. С. 353]. Скажем, вакан индейцев Северной Америки «ни в коей мере не является существом, обладающим личностью», не имеет персонифицированного облика [1. С. 350]. Но наибольшее внимание Дюркгейм уделял культам австралийских аборигенов, как наи-

более примитивным и не имеющим «даже абстрактной идеи такой силы» [1. С. 345]. Тотем австралийских аборигенов, по его мнению, это «материальная форма, в которой в воображении людей представлена нематериальная субстанция, энергия, рассеянная по самым разным видам существ, являющаяся подлинным и единственным объектом культа» [1. С. 345]. Такого рода сила в первобытных представлениях существует «над всеми богами», «различные способности богов — лишь ее частные и персонифицированные проявления» [1. С. 349–350]. Согласно Дюркгейму, духовные существа понимались первоначально как «индивидуализированные формы» коллективной безличной силы, а в развитых религиях — как персонифицированные духовные субстанции.

Дюркгейм интерпретировал клан австралийцев как тотемическое животное или растение: все вещи, имеющие к нему отношение, в том числе и люди, понимались как части одного коллективного существа. С.В. Трофимов, как и Эванс-Причард [10. С. 61], отметил, что у Дюркгейма «божество клана, тотемический принцип... не может быть ничем иным, чем собственно клан, персонифицированный и представленный к воображению под видимой формой животного или растения, которое служит как тотем» [8. С. 63]. Вера в существо, обозначаемое тотемной эмблемой, как и поклонение ему, является для Дюркгейма элементарным культом, от которого производны все более развитые культы. Родственность тотема Дюркгейма и суверена Ж.Ж. Руссо как концептов очевидна, можно сказать, что тотем Дюркгейма — это суверен Руссо в первобытном обществе.

Сакральность для Дюркгейма не только тотемическое начало, но и коллективная душа: «индивидуальная душа — это лишь часть коллективной души группы; это безымянная сила, находящаяся в основе культа, но воплотившаяся в индивиде, к личности которого она присоединяется; это индивидуализированная мана» [1. С. 457]. «Душа есть ни что иное как тотемическое начало, воплощенное в каждом человеке... проникая в индивидов оно с неизбежностью индивидуализируется... каждый человек... обладает частичкой этого начала, и она не может стать похожей на того отдельного субъекта, в котором заключена» [1. С. 434]. Таким образом, мана, индивидуализируясь в теле человека, приходя в него из неопределенного источника извне в качестве бесформенной силы и материального субстрата, приводит к формированию его двойника — индивидуальной души. Таким образом, Дюркгейм считал, что, в первобытных представлениях индивидуальность существует только при условии наличия тела, а внетелесного основания индивидуальностей как душ не существует.

В концепции тотемизма Дюркгейма, нашло выражение распространенное среди симонистов и последователей Ш. Фурье и П. Леру представление о метемпсихозе душ. Дюркгейм отметил, что австралийские аборигены «обнаруживают самый примитивный способ верования» в существование души

как «второго призрачного “я”», которое мигрирует из тела одного члена клана в другое. Однако для Дюркгейма такие души — не индивидуальные субстанциональные формы, а «индивидуализированная безличная сила», принимающая разные обличья, в том числе человеческие. Бессмертным может быть только коллективное существо, т.е. общество. При этом понимание индивидуальности как того, что лишено собственных качеств, исключает представление об изначальном неравенстве индивидуальных душ.

Дюркгейм в понимании сакральности исходил из «культурной интуиции» (термин С. Зенкина) о мане как о безличной силе, имеющей эмпирически фиксируемые проявления, особенно часто в виде электричества. Она же — «коллективная душа», из которой происходят и в которую возвращаются индивидуальные души. Определение сакральности посредством формальных, структурных характеристик было свойственно антропологам-структуралистам второй половины XX столетия (например, М. Дугласу), пытавшимися заново понять теорию сакральности Дюркгейма, на основе принципов структурализма.

«Энергетическая» трактовка сакрального у главного ученика Дюркгейма М. Мосса стала основной: он заменил термин «сакральное» на «мана», ссылаясь на то, что «межкультурный аспект понятия священное» слишком относителен [8. С. 99]. Концепция сакрального как маны развивалась поздним представителем французской социологической школы Р. Кайуа в работе «Человек и сакральное»: он писал о «силе, скрывающейся в освященном человеке и вещи», которая «готова разлиться наружу, хлынуть как жидкость, разрядиться как электрический заряд».

Из утверждения, что элементарные формы религии основаны на сообщении не с индивидуальными сверхъестественными силами, а с безличной силой, следует отрицание того, что духовные существа — личные и индивидуальные (Дюркгейм не различал понятия «личность» и «индивидуальность») — должны присутствовать в любой религии. Поэтому Дюркгейм утверждал, что религия возможна без веры в существование и сообщение с духовным личным существом: «Религия выходит за рамки идеи богов или духов, и, следовательно, не может быть определена исключительно последней» [1. С. 215]. «Суть религии — не вера в богов, возможны религии и без божества, первичный феномен религии — это переживание сакрального» [4. С. 199]. В итоге Дюркгейм сформулировал определение религии через обращение к сакральному: «Религия — это взаимосвязанная система верований и практик, относящихся к сакральным вещам. . . верований и практик, которые объединяют всех своих приверженцев в единую моральную общность» [4. С. 35]. Такое обезличенное сакральное, очищенное, в терминологии С. Зенкина, от «скрытого теизма», получило название божественного социального.

Дюркгейм отмечал, что представление о безличной силе близко по значению первоматерии в философии: «Такова первая материя, из которой созда-

ются разнообразны́е существа, являющиеся предметом поклонения в религиях всех времен. Духи, демоны, гении, божества различного рода — это лишь конкретные формы, которые эта энергия, эта “потенция”... принимает, индивидуализируясь... сгущаясь вокруг вымышленного легендарного существа» [1. С. 360]. В авраамических религиях первоматерия выводится из совершенного духовного существа — Бога, что находит выражение в средневековых христианских, исламских, иудейских философских и теологических монистических системах. В политеистических религиях первоматерия и божества сосуществуют и не выводятся друг из друга, что также характерно для философии Платона и Аристотеля, школы Санкхья в Индии. Чтобы доказать происхождение духовных существ от безличной силы Дюркгейм обратился к религиям, считавшимися в его время наиболее примитивными, — чтобы найти признаки того, что безличная сила в наиболее примитивных представлениях мыслится первичной по отношению к духовным существам.

Концепция сакральности как обезличенной первоначальной социальной целостности напоминает представления о первоначальном хаосе, первоматерии политеистических религий, из которой был создан мир, но за тем существенным исключением, что в них присутствовало также патриархальное божественное начало, подчинившее хаос и создавшее космос. Сакральность у Дюркгейма самодостаточна, не нуждается в мужском принципе для реализации. Такой смысл сакральности присутствует и в феминизме, утверждающем самодостаточность женского и вторичность мужского начала. Его выразил еще И.Я. Бахофен в теории первоначальности матриархата. Идеологически левые концепции социальных философов и социологов XIX–XX веков утверждали этот принцип, и теория Дюркгейма — одна из них.

Приверженность представителей левых идеологий концепции матриархата, не базирующаяся на соображениях логико-эмпирического порядка, имеет идеологическое объяснение: равенство актуальных статусов (которое неверно смешивать с равенством возможностей или потенциальных статусов в либерализме) возможно только в унитарном матриархальном обществе. В таком гипотетическом обществе индивидуальности — лишь проявления одного коллективного и безличного начала, от которого они рождаются пустыми в смысле отсутствия врожденных специфицирующих качеств и в котором в итоге растворяются. Таким гипотетическим «сакральным обществом», исходным по отношению к индивидуальностям человеческим и духовным, является тотемическое общество Дюркгейма. Его распад и трансформация первоначальной формы сакральности ведут к тому, что унитарное и эгалитарное общество начинает структурироваться. Вместе с социальной стратификацией в нем развивается сила индивидуального, мужского, героического начала, с которым приходит время конфликтов. Такому типу не свернутого, а эволюционирующего общества соответствует другая социологическая модель — методологического индивидуализма британской школы социальных наук.

Говоря о способах контакта людей примитивных сообществ с сакральным, Дюркгейм критикует концепцию жертвоприношения Тейлора — как дара духовным существам, и принимает теорию ритуала У. Робертсона-Смита, утверждающего, что совместная ритуальная трапеза, следующая за жертвоприношением, обновляет обязательство родства. Робертсон-Смит считал, что ранние жертвы были трапезами, в которых «участие в общей плоти» вновь подтверждало обязательство родства, объединяя богов и верующих [8. С. 76]. Эта теория восходит к концепции жертвоприношения как способа установления и поддержания сообщения богов и людей, сформулированной неоплатониками Порфирием и Ямвлихом в споре со стоиками, согласно которым жертвоприношение — питание людьми богов. Впрочем, неоплатоники и стоики считали богов реальными духовными сущностями, а Дюркгейм говорил о них как о представлениях.

В концепции «сверхиндивидуального сакрального» Дюркгейм опирался на понятийный аппарат философов Нового времени. Схоластическая и античная философии с различением коллективной и индивидуальной душ, человеческой и ангелической/демонической природ если ему и были знакомы, то не учитывались. Он писал, что «во всех религиях боги — индивидуальности, отличающиеся друг от друга» [1. С. 713]. Однако христианские и мусульманские богословы этого не утверждали. Принципом индивидуализации в средневековых философских системах считалась материя, поэтому божественное существо не могло быть материальным. Такой же принцип, как правило, распространялся на существ ангельской/демонической природы, которые при всей их персональности не считались индивидуальностями.

Теория сакральности Дюркгейма, как и теория анимизма, стала результатом исследования на основе понятийного аппарата философов Нового времени. Приняв определение Тейлора — духовных существ как субъектов, обладающих сознанием и наделенных силами, превосходящими человеческие [1. С. 93], Дюркгейм игнорировал возможность того, что сознание могло быть, по крайней мере на уровне представлений, разным. Неоплатоники, как и представители средневековых философских систем, утверждали, что только низшие духовные существа имеют сознание, подобное человеческому. Соответственно, сознание как понятие необязательно должно иметь в качестве референта человеческое ментальное состояние. Это обстоятельство Дюркгейм игнорировал, упростив понимание сознания — для него оно либо подобно человеческому, либо немислимо. Дюркгейм утверждал, что любое «духовное существо» должно 1) обладать сознанием, 2) индивидуальным сознанием, 3) сознанием, подобно человеку, испытывающим подобные человеческим чувства и эмоции. Если все эти условия не выполнялись, представление о «духовном существе» Дюркгейм переводил в представление о «безличной духовной силе».

Дюркгейм также не обосновал сильное в логическом смысле утверждение, что представления о богах — это персонификации представления

о безличной силе. Во многих религиях духовные существа и безличная сила сосуществуют как связанные, но независимые друг от друга начала. Боги в них добывают такую силу для реализации себя, но из этого не следует первичность безличной силы и вторичность личного духовного существа. Например, в индуизме Шива считается трупом без своей супруги Шакти, дающей ему силы, но из этого не следует, что Шива произошел от Шакти или является ее персонификацией. Такой вывод делают только радикальные шактисты, считающиеся в индуизме «адептами левой руки».

Следует сказать о связи теории сакральности с идеями, распространенными в интеллектуальной среде Дюркгейма. Хотя представители его научного сообщества отделяли себя от ненаучных концепций и практик спиритуалистических обществ, между ними существовала концептуальная связь. Ее, разумеется, нельзя понимать упрощенно, в том смысле, что ориентированные на позитивистский идеал научности теории социологов и антропологов и спиритуалистские концепции утверждали примерно одно и то же. Эти теоретические системы имели разные философские и методологические основания, и речь идет о концептуальной связи не на уровне утверждений, а общих теоретических положений. Эти концепции развивались в одной социальной среде интеллектуалов, в которой курсировали одни и те же если не понятия (итог законченной дискурсивной мыслительной работы), то смыслы, или «культурные интуиции».

Понятие безличной силы, ставшее основой теории сакральности Дюркгейма, не ново для западной культуры Нового времени. Термин «мана» стал обозначением «культурной интуиции» европейских ученых, выраженной ранее в понятиях «флюиды», «эфир», «животный магнетизм» [4. С. 114]. Открытия безличной маны не было — Кодрингтон, введший этот термин в научный оборот, а затем и Дюркгейм использовали давно существовавший в европейской культурной среде концепт, обозначив его новым термином из словаря первобытных народов. В какой мере этот концепт соответствует смыслам, которые вкладывали австралийские аборигены, индейцы и другие представители первобытных культур в термины «мана», «ваканда» и другие, отдельный вопрос.

Таким образом, теория Дюркгейма сформировалась не столько под влиянием эмпирических исследований того времени, сколько внутренних для западной культуры факторов. С точки зрения эмпирического обоснования она не отличается от теории анимизма: обе эволюционистские концепции спекулятивны, к обоим можно отнести критику, суть которой выразил Э. Эванс-Причард, назвавший их «социологической метафизикой», а теорию Дюркгейма он также характеризовал как пронизанную «социалистическим оттенком» [10. С. 73, 75], поскольку «он надеялся и ожидал, как Сен-Симон и Конт, что по мере того как духовные религии придут в упадок, их место займут секуляризованные религии гуманистического типа» [10. С. 68]. В этой связи концепция сакральности Дюркгейма может пониматься как часть «со-

циальной инженерии», стремящейся не столько объяснить то, что было, сколько изменять социальную реальность, маскируясь под позитивную науку.

Первым ученым, подвергшим концепцию Дюркгейма критике на методологическом и концептуальном уровне, стал А. Ван Геннеп, и впоследствии его критические аргументы неоднократно воспроизводились другими авторами [7]. Геннеп критиковал Дюркгейма за «спекулятивное теоретизирование», утверждая, что он создал теорию на недостаточном эмпирическом материале, некритически восприняв сомнительные источники [7. С. 17–18]. Также Геннеп впервые отметил спекулятивность дихотомии сакрального и профанного, поскольку во многих примитивных культурах предмет оказывался сакральным или профаным в зависимости от времени и места [7. С. 21–22].

Затем теория Дюркгейма была подвергнута критике эмпирическими исследователями жизни австралийских аборигенов. Они, «подобно австралийскому социологу У. Станнеру, потратили месяцы на поиски конкретных случаев дихотомии “священное-мирское”, прежде чем прийти к выводу, что австралийские факты, используемые Дюркгеймом, и их интерпретация просто не соответствуют истине» [8. С. 87]. Об искусственности дихотомии сакральное/профанное писал и основатель традиционализма Р. Генон, отметивший в «Очерках о традиции и метафизике», что традиционные общества были пронизаны сакральным. Об искусственности дихотомии Эванс-Причард писал: «то, что Дюркгейм называет “священным” и “обыденным”, находится на одном и том же уровне житейского опыта, и эти два аспекта не только не отделены, но столь тесно переплетены, что их невозможно разделить. Они не могут, следовательно, ни в том, что касается жизни индивида, ни в том, что касается жизни социума, быть помещены в закрытые разделы, отрицающие друг друга: когда один аспект появляется — другой не исчезает... определения Дюркгейма не оставляют места ситуационной гибкости: то, что “священно”, может быть таковым только в определенном контексте и в определенных обстоятельствах» [10. С. 69]. М. Элиаде подытожил, что «никто больше не рассматривает тотемизм как фундаментальную, универсальную и самую архаичную религиозную форму» [11. С. 190].

Среди значительного числа антропологов и социологов распространился взгляд, что «данные по австралийской антропологии были представлены Дюркгеймом лишь для иллюстрации своей теории, но при этом сама теория не строилась на этих данных и даже не была призвана их объяснить» [8. С. 88–89]. Вероятно, изначально она была призвана получить признание как основывающаяся на эмпирических фактах теория — в научном сообществе и среди интеллектуалов того времени. Именно так она первоначально воспринималась большим числом ученых, оказав определяющее влияние не только на известных социологов, но и социальных антропологов, в частности на А. Редклиффа-Брауна. Однако мало кто из социальных антропологов с середины XX века воспринимал концепцию Дюркгейма как адекватную

эмпирическим реалиям: «Разработанная Дюркгеймом теория устарела прежде всего в интерпретации религии австралийских аборигенов, ее не признают сегодня этнологи и в объяснении религиозных верований, построенном на предположении, что мифы вторичны по отношению к ритуалам» [2. С. 75].

Важность концепции сакральности Дюркгейма заключается не в том, что это выдающаяся теория естественнонаучного типа. Она значима тем, что в ней выражен в научной форме взгляд на религию как на то, что произошло от культа безличного коллективного существа, в котором растворено индивидуальное начало. Концепция сакральности Дюркгейма систематизировала «культурные интуиции» левых западных интеллектуалов своего времени и позже стала фундаментом структурной антропологии Ж.К. Леви-Стросса: критикуя французскую социологическую школу, он не скрывал, что является идейным преемником Дюркгейма.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018.
2. Гараджа В.И. Социология религии. М., 2005.
3. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. М., 2000.
4. Зенкин С. Небожественное сакральное. М., 2012.
5. Кайуа Р. Человек и сакральное. М., 2003.
6. Парсонс Т. Вклад Дюркгейма в теорию социальных систем // Социологический ежегодник. 2014. №2013–2014.
7. Трещенок Ю.М. Изучение ритуалов перехода в современном религиоведении: Дисс. к.ф.н. СПб., 2017.
8. Трофимов С.В. Социология религии Эмиля Дюркгейма: Дисс. к.с.н. М., 2002.
9. Шавель С.А. «Божественное социальное» Дюркгейма в современном прочтении // Социологический альманах. 2016. №7.
10. Эванс-Причард Р. Теории примитивной религии. М., 2004.
11. Элиаде М. Религии Австралии. М., 1998.
12. Юдин Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2013. №2.

E. Durkheim's concept of sacredness

A.E. Kapishin

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: poliarnik@yandex.ru)

Abstract. E. Durkheim's concept of sacredness as formulated in *The Elementary Forms of the Religious Life* aims at explaining why and how an aggregate of people becomes 'a single whole' and reproduces itself. This concept is the logical foundation of Durkheim's 'sociological holism' for it focuses, according to T. Parsons, on 'the core of the social system'. The principles of this concept are opposite to the principles of 'methodological nominalism and individualism' of the British social

*© A.E. Kapishin, 2022

The article was submitted on 30.11.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

anthropology as expressed in the theory of animism. Durkheim defines the sacred as an ‘impersonal force’, impersonal ‘collective being’, ‘collective soul’ created and reproduced on the religious cults. The individual principle is reduced by Durkheim to the animal and wild which can be understood only as a part of the ‘collective being’ in primitive societies. In defining the nature of religious rituals, Durkheim relied on the concept of ritual by W. Robertson-Smith, which defines the main meaning of cults as the ‘union’ of adepts with the deity and each other. By removing the deity as a transcendental principle, Durkheim reduced the meaning of religious rituals to the reproduction of social unity, solidarity. Durkheim’s theory of sacredness, like its opposite — the theory of animism, is based on the concepts of the philosophy of the Modern Time, which determined the anthropomorphization of consciousness and confusion of terms ‘person’ and ‘individuality’. The significance of Durkheim’s concept should not be identified in the positivist perspective — as an explanation of facts unexplained by alternative theories. In such an interpretation, this concept was criticized and rejected by most scholars. However, it is important as a part of ‘social engineering’ which changed the intellectual environment, including the scientific community, in a specific, ideologically leftist direction.

Key words: sacredness; religion; society; consciousness; totemism; animism; holism; nominalism; cult

References

1. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoy zhizni* [The Elementary Forms of the Religious Life]. Moscow; 2018. (In Russ.).
2. Garadzha V.I. *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion]. Moscow; 2005. (In Russ.).
3. Genon R. *Ocherki o traditsii i metafizike* [Essays on Tradition and Metaphysics]. Moscow; 2000. (In Russ.).
4. Zenkin S. *Nebozhestvennoe sakralnoe* [The Undivine Sacred]. Moscow; 2012. (In Russ.).
5. Caillois R. *Chelovek i sakralnoe* [Man and the Sacred]. Moscow; 2003. (In Russ.).
6. Parsons T. Vklad Durkheima v teoriyu sotsialnyh sistem [Durkheim’s contribution to the theory of social systems]. *Sotsiologichesky Ezhegodnik*. 2014; 2013–2014. (In Russ.).
7. Treshchenok Yu.M. *Izuchenie ritualov perekhoda v sovremennom religiovedenii* [The Study of Transition Rituals in Contemporary Religion Studies]: Diss. k.f.n. Saint Petersburg; 2017. (In Russ.).
8. Trofimov S.V. *Sotsiologiya religii Emilya Durkheima* [Emil Durkheim’s Sociology of Religion]: Diss. k.s.n. Moscow; 2002. (In Russ.).
9. Shavel S.A. “Bozhestvennoe sotsialnoe” Durkheima v sovremennom prochtenii [Durkheim’s “divine social” in the contemporary interpretation]. *Sotsiologichesky Almanah*. 2016; 7. (In Russ.).
10. Evans-Pritchard R. *Teorii primitivnoy religii* [Theories of Primitive Religion]. Moscow; 2004. (In Russ.).
11. Eliade M. *Religii Avstralii* [Australian Religions]. Moscow; 1998. (In Russ.).
12. Yudin G. Kollektivnoe i individualnoe v filosofskoy antropologii E. Durkheima [Collective and individual in the philosophical anthropology of E. Durkheim]. *Russian Sociological Review*. 2013; 2. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-503-517

Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте)*

О.В. Кильдюшов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному сюжету в истории социальной мысли, получившему новое звучание в период пандемии, — дискуссии видных представителей немецкой классической философии относительно объемов понятия «полиция» как раннемодерной формы биополитического контроля. Во вводной части статьи утверждается, что критика полицейской науки и практики классиками немецкого идеализма стала парадигматической для проблематизации в рамках самосознания гражданского общества модерна новых-старых функций и возможностей санитарно-полицейского государства. В первом разделе показано напряжение между философией Просвещения и «полицейской наукой», сложившейся в рамках камералистской традиции XVII–XVIII веков, и отмечен значительный интеллектуальный вклад просветителей, прежде всего учения о праве И. Канта, в радикальные инновации политической семантики на рубеже XVIII–XIX веков, послужившие философским основанием для установления правового государства и вытеснения дискурса полицейской заботы абсолютистской власти о благе подданных. Во второй части статьи представлена краткая реконструкция попыток И.Г. Фихте на излете полицейской науки XVIII века — после эксплицитной кантовской критики не санкционированной снизу опеки государства — совместить старые идеи камералистики с новыми современными принципами индивидуальной свободы. Третий раздел статьи посвящен критике Г.В.Ф. Гегеля, часто воспринимавшегося в истории политической мысли в качестве апологета авторитарного прусского государства, — нереалистичности полицейско-научных представлений о возможности тотального биополитического контроля над социальной и экономической активностью свободных индивидов современного типа. Реконструируется гегелевский аргумент об абсурдности идеи всеохватывающего санитарно-полицейского регулирования в духе Фихте. Делается вывод о релевантности обращения к данным фигурам, понятиям и проблемному полю — для нового прочтения истории провала раннемодерной биополитической утопии в свете актуальных сюжетов на стыке карантина и суверенитета.

Ключевые слова: полицейская наука; немецкая классическая философия; биополитика; раннемодерное полицейское государство; Кант; Фихте; Гегель

* © Кильдюшов О.В., 2022

Статья поступила 28.11.2021 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Академическая свобода мыслится многим просто как освобождение от всех полицейских законов; тогда как, разумеется, в академиях также должна быть полиция.

И.Г. Фихте

В условиях пандемии социальные науки оказались в структурно сложной ситуации: с одной стороны, сохраняется академическая рутина в виде более или менее упорядоченного исследовательского процесса с вполне традиционными предметными полями, с другой — социологи как непосредственные участники событий вынуждены оперативно в качестве экспертов реагировать на происходящее вокруг. Однако социология как наука о действительности не подразумевает наивно-эмпирического обращения к «самой реальности» — как будто не было предшествующей теоретической работы, зафиксированной в истории идей и дисциплинарной идентичности. Напротив, в ситуации эпистемологического вызова обостряется проблема поиска релевантных эвристических ресурсов, пусть и вне социологических источников. В этом смысле выявление социологически значимых импликаций пандемии невозможно без обращения к базовому словарю философии модерна (возвращение суверенитета, цифровое полицейское государство, пределы биополитического контроля и т.д.). Более того, при анализе событий и процессов, синхронных — как нынешняя пандемия — для изучающих их социальных ученых, существует опасность скатиться до банального комментария на злобу дня, что можно было наблюдать на примере ряда известных интеллектуалов, отчасти превратившихся в колумнистов; при этом появились и первые оценки социологических последствий эпидемии [12].

Для приращения знания современных обществ о себе (в виде адекватного описания социальных импликаций пандемии и прогноза развития ситуации) методологически полезным может оказаться диалектическое приближение к предмету через историческое дистанцирование от него. Проверенным способом занять эвристически необходимую дистанцию к проблематике дня сегодняшнего является обращение к традиции культурной рефлексии исторически отличного, но структурно схожего опыта — к попыткам концептуализации биополитического контроля в предшествующие эпохи. Один из эвристических ресурсов здесь — классическая немецкая философия, пытавшаяся в новых институциональных условиях модернизирующейся Европы переопределить границы личности, общества и государственного суверенитета. Показательным сюжетом, хотя и малоизвестным, стала проблематизация новой философией предшествовавшей ей камералистской традиции с ее ядром в виде «полицейской науки» [10]. Особенно значимой областью регулирования в полицейском дискурсе были жизнь и здоровье подданных, что получило соответствующее обозначение: *Gesundheitspolizei*, т.е. «полиция здоровья». И хотя все общества в той или иной мере осуществляют «политику

здоровья» (М. Фуко), именно в XVIII веке социальные и даже политические импликации медицины стали предметом эксплицитной рефлексии со стороны полицеистики, которая разрабатывала правила и предписания по сохранению здоровья и увеличению численности населения. В эпоху просвещенного абсолютизма здоровье и телесное благополучие поданных впервые попали в число важных целей политической власти.

Немецкие классики — И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель и др. — столкнулись с развитой *Polizeywissenschaft* во время своей академической социализации и затем по-своему «преодолевали» это теоретическое наследие. Свообразными арьергардными боями с полицейской наукой XVIII века, переходящими в дискуссию о новом понимании баланса прав и компетенций индивида, общества и государства в Европе начала XIX века, стала полемика Гегеля с Фихте по поводу предмета и объема компетенций полиции.

С. Жижек, оперативно откликнувшийся на пандемию серией публицистических интервенций, также обратился к этому сюжету для историко-философского фундирования актуальных дебатов. В первую очередь, его интересовала судьба свободы в условиях санитарно-полицейского карантина как рамочной модели позднемодерной социальности [7]. При этом он ссылается на раннего Гегеля, который в первой своей публикации «Различие систем философии Фихте и Шеллинга» (1801) вступил в полемику с проектом полицейского государства Фихте. Молодой Гегель указал на неизбежное биополитическое следствие расширительного толкования функций полицейского государства: «жизнь впадает в зависимость, а рефлексия получает господство над ней и одерживает победу над разумом. Это бедственное состояние утверждается в качестве естественного права» [5. С. 149]. Гегель критикует дурную бесконечность тотализирующего полицейского разума у Фихте, называя его «бедствием»: «его бесконечное распространение на все проявления жизни имеет силу как абсолютная необходимость». В результате такой экспансии «не существует просто ни одного поступка, из которого последовательный рассудок этого государства не был бы в состоянии вывести возможный ущерб для других, и с этой бесконечной возможностью имеет дело профилактический рассудок и его сила — долг полиции» [5. С. 149].

Гегель показывает на примерах из Фихте, «насколько бесконечность определения становится целью в себе и теряется [в бесконечности]», вследствие чего «нет в этом идеале государства ни одного действия, которое бы с необходимостью не было бы подведено под закон, не бралось бы под непосредственный контроль и не соблюдалось бы полицией или другими правителями в такой степени, что в государстве с конституцией, созданной согласно этому принципу, полиция довольно точно знает, где находится каждый ее гражданин в любое время дня и чем занимается» [5. С. 149]. При этом Гегель иронизирует над нереалистичным инфляционированием у Фихте объема функций полицейского контроля: «Каждый гражданин найдет заня-

тие не для одного, как у прусских военных один иностранец имеет лишь одно доверенное лицо, но, по крайней мере, для полдесятка людей по надзору, расчетам и т.д.; каждый из этих инспекторов найдет людей в свою очередь и так до бесконечности; подобно тому, как любое из простейших дел порождает массу дел до бесконечности» [5. С. 150].

Жижек цитирует и другую работу молодого Гегеля — неопубликованными фрагменты 1802–1803 года, посвященные «Конституции Германии», повторяя его критику расширительного толкования полицейского интервенционизма в духе Фихте: «Между тем в новых, частично реализованных теориях господствует предубеждение, согласно которому государство рассматривается как машина, весь бесконечно сложный механизм которой приводится в действие одной пружины; все учреждения, связанные с самой природой общества, должны, согласно этим теориям, создаваться государственной властью, регулироваться ею, преобразовываться в соответствии с ее приказами и подвергаться ее контролю» [3. С. 83–84; см. также: 22]. Осуждая «стремление педантично определять все детали», Гегель призывает государство «требовать от отдельного человека только то, что ему необходимо», а остальное «предоставить своим гражданам значительную свободу в их жизни и волеизъявлении» [5. С. 77].

Жижек иронично замечает, что, несмотря на свободолюбивый пафос молодого Гегеля, вызывающий наши симпатии, в отличие от «тоталитарных» устремлений Фихте, сегодня прав может оказаться последний: «при наличии сложной цифровой сети, постоянно регистрирующей нашу деятельность, контроль, предусмотренный Фихте, сегодня не только возможен, но в значительной степени уже является фактом» [7]. Необязательно заходить так далеко, чтобы обнаружить в нынешних формах цифрового контроля реализацию тотальных представлений Фихте о внешнем надзоре за гражданами: «Цифровая регистрация всех наших действий (состояния нашего здоровья, наших пристрастий в чтении, наших мнений и предрасположенностей) в конечном счете направлена именно на то, чтобы предсказать наши нарушения закона, а затем действовать превентивно, чтобы сделать их невозможными для нас» [7]. Тем не менее, имеет смысл обратиться к полицейской утопии Фихте, вызвавшей столь резкую реакцию Гегеля. Критика полицейской науки и практики с позиций философии немецкого идеализма является парадигматической для современного столкновения самосознания гражданского общества с функциями и возможностями санитарно-полицейского государства.

Философия Просвещения и полицейская наука XVIII века

Исторически основными функциями правителя были ведение войны, заключение мира и поддержание порядка на подвластной территории (*pax et justitia*). В раннее Новое время к ним добавляется содействие приращению

богатства у подданных как ресурса самой власти. В XVIII веке появляется новая функция — устройство общества как социальной среды, способствующей телесному благополучию, здоровью и долголетию подданных. Все эти гетерогенные задачи не возлагались на конкретный государственный аппарат (специализированные ведомства), а решались посредством многообразных регламентов и институтов, получивших в XVII веке наименование *polizey*. Под «полицией» понималось не силовое учреждение современного типа, а набор механизмов принуждения, посредством которого власть пыталась вызвать в населении желаемые позитивные эффекты (сохранение порядка, управляемый рост богатства и обеспечение здоровой среды). Здоровье и телесное благополучие стали политически значимыми целями господства наряду с экономическим регулированием и поддержанием порядка и должны были обеспечиваться полицированием социального тела — в результате огосударствления медицины в XVIII веке возникла полиция здоровья (*Gesundheitspolizey*) [16].

Камералистика эпохи абсолютизма представляла собой концентрированное выражение биополитического понимания «просвещенного» господства. Понятие «*policey*» толковалось максимально широко и затрагивало практически всю жизнь подданных. «Всеобщий словарь искусств и наук» И.Т. Яблонского сообщал читателю середины XVIII века: «Если определять этот предмет как он есть, то *policey* — установление, учиненное высшей властью с тем, чтобы подданные могли иметь хорошее пропитание и все, потребное для их удобства. И этим она отличается от судебного, статского и военного дела, потому что оно имеет своей целью безопасность, *policey* же — удобство жизни» [8. С. 459]. Ему вторит крупнейший немецкий полицеист И.Г. Юсти: «Государственное искусство отвращает нас от нападения извне и охраняет нас от внутренних беспорядков и раздоров. *Policey* же обеспечивает здоровье, безопасность частной собственности и добрые нравы подданных, а также старается распространить повсюду в стране пропитание и изобилие» [8. С. 460–461], причем внешняя безопасность и внутренний покой должны были создать предпосылки для достижения подлинной цели просвещенного правителя — всеобщего благоденствия и счастья подданных.

Исходным для полицейской науки XVIII века было представление о принципиальном совпадении интересов абсолютистской монархии и ее подданных, и последние рассматривались как объект высочайшей заботы, а не как автономные и правоспособные субъекты модерного типа. Полицейское государство эпохи Просвещения, несмотря на всю свою «просвещенность» и апелляцию к рациональному праву, оставалось абсолютистским в той мере, в какой принуждало подданных к «процветанию» и «благоденствию», дискурсивно маскируя преобладающий государственный интерес (*Staatsraison, raison d'état*) идеей заботы об общем благоденствии [10].

Видным теоретиком «государственного эвдемонизма» является философ немецкого Просвещения Х. Вольф, который стремился обеспечить прусскому государству легитимацию с точки зрения естественного права. Он сформулировал ключевой тезис полицейстики абсолютизма: существование полицейского государства необходимо в силу ограниченности рассудка подданных, неспособных понять свой подлинный интерес и счастье. Опираясь на аристотелевскую традицию практической философии и математические методы, он пытался дедуцировать моральные истины из принципов полноты, необходимости и целесообразности: следование этим истинам должно было привести к самосовершенствованию и счастью (*Glückseligkeit*), а тот, кто противится им, препятствует собственному совершенству [23. С. 289–290].

Альтернативное понятие полиции связано с именем немецкого правоведа И.Ш. Пюттера, которому приписывается высказывание о невозможности принудить граждан к счастью воздействием сверху. Согласно новому взгляду, основная задача полиции — не забота о благополучии подданных, а предупреждение возможных угроз. Поэтому Пюттер считается создателем применяемого до сих пор понятия полиции, из которого в духе либерального понимания автономии граждан исключалась деятельность государства по увеличению их благосостояния [15].

Таким образом, в рамках государственного эвдемонизма просвещенного абсолютизма ставкой в борьбе за *bonum commune* оказались *libertas*, первоначально увязываемые с нормативной идеей предписанного сверху счастья подданных, но все больше понимавшиеся как автономное пространство действия индивидов современного типа. Соответственно, неконтролируемая снизу концентрация власти в руках абсолютистских правителей постепенно стала восприниматься как новый источник угрозы для общего блага: неограниченность компетенций полицейского государства оказалась несовместима с идеей свободы и все больше отождествлялась с тиранией. По сравнению с медленным признанием социальных и экономических свобод подданных в духе британского либерализма распространение индивидуальных прав на политическое участие оказалось еще более проблематичным. Контрпросвещение оставило примечательные образцы аргументации в пользу полицейского интервенционизма как разумной альтернативы автономии граждан, чреватой опасностями в области политики: например, «подлинная свобода состоит не в участии в высшей власти, а в спокойном наслаждении личными правами, безопасностью и собственностью»; или: монарх делает все, «чтобы действовать осторожно и разумно на благо государства», так что «добродетель и мудрость монарха заменяют отсутствие любой политической свободы» [23. С. 325].

Как показали исследования политической семантики немецкого Просвещения, в это время появляются ключевые для модерна понятия «гражданин государства», «самоуправление» и «правовое государство», от-

развившие изменения правосознания. Несмотря на фактическое отсутствие прав политического участия, немецкие просветители реализовали максимум дискурсивного влияния на понятийный язык эпохи. Ключевая фигура здесь — И. Кант, сыгравший важнейшую роль в обнулении идейной традиции полицейского эвдемонизма: «Под благом государства подразумевается не благополучие граждан и их счастье — ведь счастье (как утверждает и Руссо) может в конце концов оказаться гораздо более приятным и желанным в естественном состоянии или даже при деспотическом правлении; под благом государства подразумевается высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами» [9. С. 350]. Установив гегемонию своей критической философии на академической сцене, Кант разрушил нормативные основания предшествующего естественного права, задачей которого было теоретическое опосредование между эмпирической природой человека и нормативным дискурсом. Политическим следствием ревизии естественно-правовых оснований вследствие кантовской критики познания стала эрозия легитимации государственного интервенционизма с помощью топоса «счастья» подданных [17. С. 27].

Через отождествление легитимного вмешательства с одобряемым всеми законом Кант сформулировал базовую идею конституционного правового государства и перевел на новый теоретический уровень формально-юридические основания для вторжения правительства в гражданскую жизнь. Дальнейшее сужение компетенций полицейского государства эпохи абсолютизма вытекало из кантовского требования ограничить деятельность государства его базовой целью обеспечения безопасности — для максимального соответствия конституции принципам права, которое Кант эксплицитно определяет как «совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого в соответствии со всеобщим законом свободы». Кантовское учение о праве быстро стало восприниматься как критическая школа с политической программой правового государства, т.е. вытеснения абсолютистского государства полицейской заботы о благе подданных. Здесь слились идеи экономического либерализма, эмансипаторный пафос Французской революции и политические требования конституционалистов. Хотя эта теория была описанием скорее желаемого, чем фактического состояния Германии, с нею связаны фундаментальные изменения в политической семантике, например, вытеснение пассивного «подданного» «гражданином», требующим права политического соучастия. Кант консервативно сузил его статус и круг интересов, но сама эксплицитная формулировка цели освобождения от не санкционированной снизу опеки государства открывала путь к развитию политико-теоретических концептов независимо от их философского происхождения. Тем любопытнее попытка Фихте на излете полицейской науки XVII века совместить старые идеи камералистики с новыми модерными принципами.

Фихте как последний философ полицейского государства

Учение Фихте о полиции представляет социологический интерес как попытка рефлексии социального порядка в контексте революционного XVIII века. В ряде сочинений он развивал оригинальную утопию полицейского государства уже в условиях кризиса немецкого абсолютизма вследствие общего модернизационного эффекта Французской революции. Фихтевский контрактуализм в духе Руссо сочетается с авторитарными тенденциями, что характерно для утопистов Просвещения и теоретиков общественного договора [20. С. 84]. В «Основах естественного права» (1796) Фихте предпринимает попытку дедуктивного выведения понятия полиции в системе естественного права, в свою очередь, являющейся результатом дедукции из его принципов наукоучения.

Рамочный вопрос философии права Фихте — как возможно сообщество свободных существ: он следует за повесткой Французской революции, стремясь теоретически осмыслить новую политическую практику [2. С. 84], и к нему «в полной мере можно отнести слова Маркса, сказанные им о кантовской философии: его учение тоже можно считать “немецкой теорией французской революции”» [2. С. 116]. Однако исходная идея свободы приводит Фихте к полицейскому государству тотального контроля за индивидами. С одной стороны, он во вполне современном смысле понимает объем прав и свобод правоспособных подданных, подлежащих защите со стороны государства. В духе эпохи индивиды выступают у него субъектами правоотношений, в которых воплощается их живая индивидуальность. Из реальности правовой практики вытекала логика их взаимного признания как свободных и разумных личностей, что имело значительные последствия для определения функций государства в отношении защиты и гарантий их прав. С другой стороны, Фихте мыслит биополитически, подчеркивая, что предметом заботы государства отныне является сама возможность жить в обществе.

В его утопии государство как разумно организованная общность обязано обеспечить каждому эту возможность — посредством упорядочения со стороны полиции как особого «сословия». Полиция призвана поддерживать рамочный социальный порядок, чтобы было возможно общежитие как таковое. По сути, Фихте рассматривал государство исключительно с точки зрения его полицейских функций — как административную машину, регулирующую продуктивную деятельность граждан и их объединений [1. С. 231]. В рамках утопии тотального полицейского контроля Фихте формулирует принцип прозрачности достаточно мобильного общества раннего модерна для надзирающего взгляда: «Главная максима всякой хорошо устроенной полиции: ... каждого гражданина должно быть возможно сразу же признать всюду, где это требуется, как то или иное определенное лицо: ни у кого не должно быть

возможности остаться неизвестным чиновнику полиции... Каждый должен постоянно иметь при себе паспорт, выданный ближайшим к нему властным органом, в котором была бы точно описана его личность; и это имеет силу без различия сословий» [14. С. 259].

Особое впечатление на современников, включая Гегеля, произвела идея Фихте верифицировать личность портретом в паспорте, выдаваемом полицейскими органами: «Поскольку одно лишь словесное описание личности всегда остается двусмысленным, то пусть у важных особ, которые, следовательно, могут и оплатить это, в паспорте вместо описания находится верно написанный портрет» [14. С. 259]. Фихтевский фантазм тотального контроля иногда принимает формы паноптикума: «полиция приблизительно точно знает, где находится и чем занимается в любое время дня каждый гражданин. ...Каждого можно признать сразу же на месте, при помощи описанного выше паспорта. В подобном государстве преступление есть нечто крайне необычное; ему предшествует известное необычное движение. В государстве, где все есть порядок и все идет по струнке, полиция сразу же замечает это необычное движение» [14. С. 264–265]. При этом Фихте, обнаруживая в государстве реализацию норм естественного права, не ограничивает полномочия полиции предупреждением и наказанием правонарушений частных лиц друг против друга и против государства, а продвигается в направлении тотализирующего понимания государственных функций, в частности, обеспечения морального права гражданина жить своим трудом.

В трактате «Замкнутое торговое государство» (1800) Фихте разрабатывает эксплицитный проект раннебуржуазного государства полицейского социализма [13], где государство не просто полностью контролирует, но и организует жизнь граждан, вплоть до обеспечения их трудом. При этом в нем устраняется механизм конкуренции, так что в сферу государственного регулирования попадает вся хозяйственная активность — от выбора сферы деятельности до определения вознаграждения за труд как доли в доходе. Также государственные органы должны были наделяться полномочиями осуществлять ввоз и вывоз товаров в рамках внешней торговли.

С точки зрения истории утопических идей проект Фихте интересен откровенностью и последовательностью в разработке полицейско-социалистического устройства эпохи раннего модерна. Государство из учреждения полицейского контроля превращается у него в оператора общественной жизни. В этом смысле полицейская утопия Фихте может рассматриваться как последняя стадия немецкого камерализма. Крушение полицейского государства немецкого абсолютизма во время наполеоновских войн стало для Фихте вызовом не только как для мыслителя, но и как для гражданина.

Гегель: гражданское общество против полицейского государства

В гегелевской «Конституции Германии» есть фрагменты, которые очевидно направлены против полицейской утопии Фихте, хотя тот прямо не упоминается. Гегель критикует расширительное понимание полиции: «В соответствии с государственными теориями, которые в наши дни разрабатываются так называемыми философами и провозвестниками прав человека или реализуются в виде грандиозных политических экспериментов, все то, что мы исключили из необходимого понятия государственной власти (кроме самого главного — языка, культуры, нравов и религии), подчинено непосредственной деятельности государственной власти, причем так, что она полностью определяет все эти стороны жизни и регулирует их вплоть до мельчайших деталей» [3. С. 81–82]. Такая же аргументация встречается в Предисловии к «Философии права», где Гегель упоминает Фихте как сторонника неограниченного полицейского государства, сравнивая его педантизм с платоновским: «Платон мог бы воздержаться от рекомендации нянькам не стоять с детьми на одном месте, а всегда качать их, и Фихте мог бы воздержаться от конструирования, как это тогда называли, усовершенствования паспортной системы, которое сводилось к тому, что в паспорта подозрительных лиц помещались не только их приметы, но и изображения. В такого рода измышлениях нет и следа философии, и она тем более может отказаться от подобной сверхпремудрости, что по отношению к бесконечной массе предметов она должна проявить величайшую либеральность» [6. С. 54].

При этом Гегель соглашается с Фихте, что усиливающаяся юридизация управления не сделала полицию необязательной и не редуцировала ее до задач обеспечения безопасности, как считали представители радикального направления в полицейской науке вслед за Кантом. Но Гегель не разделяет сформулированный Фихте в духе просвещенческого естественного права принцип, согласно которому полиция есть посредник между сторонами договора — подданными и государством — во всех случаях, когда подданный не может подать иск [14. С. 256]. В то же время в «Философии права» Гегель помещает полицию в раздел «Гражданское общество», а не «Государство», т.е. полиция у него далека от ее современного понимания как государственного учреждения: «Цель полицейского надзора и опеки — предоставить индивиду всеобщую наличную возможность для достижения индивидуальных целей».

Принципиальное отличие гегелевского учения о полиции в том, что неопределенное понятие полиции у Фихте абстрактно дедуцируется, т.е. спекулятивно выводится из общих философских посылок, а у Гегеля помещено в широкий контекст «нравственности» как синтеза абстрактного права и морали и в более узкий социологический контекст «гражданского общества». Гегелевское понимание полиции конкретизировано с точки зрения философии права и историко-социологически, причем социологическая конкрет-

ность характерна не только для зрелого автора «Философии права», но и для молодого Гегеля периода «Конституции Германии» и «Ваадтских писем» [4]. Полиция (вместе с корпорациями) выступает у него как инстанция имманентной нравственности гражданского общества, выполняя в первую очередь функции публичного управления, тогда как корпорации — современные организации интересов, пришедшие на смену цехам. Полиция решает задачи поддержания порядка и является органом для общественных и государственных интервенций, например, в случаях чрезвычайного роста народонаселения и промышленности. Гегель видит, что накопление богатства и массовое обнищание могут представлять угрозу социальному порядку и требуют биополитического вмешательства в стихию частных интересов [21. С. 141].

В переводе на язык современной социальной теории полиция как система социально-политических мер должна, по Гегелю, применяться там, где дает сбой упорядочивающий механизм гражданского общества (например, в конфликте интересов производителей и потребителей). В этом смысле она действует индивидуально-субсидиарно по отношению к самоорганизующемуся механизму «системы потребностей», но с точки зрения базовых социальных практик модерна является внешним порядком, т.е. не вмешивается в хозяйственную деятельность граждан, а лишь устанавливает для нее необходимые правовые и организационные рамки [19. С. 237]. В то же время Гегель все еще исходит из широкого понимания полиции и проблематизирует дискурс всеохватывающей полицейской заботы о благе и процветании граждан, указывая на отсутствие «границы в себе, которая указывала бы, что вредно и что не вредно, ... что следует запретить или подвергнуть надзору, подозрению, допросу или привлечь к ответственности». Он подчеркивает субъективность и контингентность многих полицейских мер: «из-за этих аспектов случайности и произвольных действий личности полиция становится чем-то ненавистным. При очень развитой рефлексии она может принять такую направленность, что вовлечет в сферу своего ведения все возможное, ибо во всем можно найти такое отношение, посредством которого то или иное может считаться вредным. Полиция может действовать чрезвычайно педантично и стеснять повседневную жизнь индивида».

Возобновляя полемику с Фихте, Гегель (в записи Грисхайма) однозначно дистанцируется от излишне расширительного понимания полицейского надзора: «У Фихте государство в целом есть полиция, и он совершенно не философски подходит затем к специальным вопросам. Полиция обязана знать, что ежеминутно делает каждый гражданин, где он находится, но ведь за его внутренней жизнью наблюдать невозможно. Если кто-либо покупает нож, полиция должна знать, для чего он его купил, должна следовать за ним, чтобы он не убил кого-нибудь. Путешественник сразу же вызывает подозрение, паспорта, описания его примет недостаточно для его легитимации, в паспорте должно находиться также его изображение» [6. С. 458].

Таким образом, Гегель, часто воспринимавшийся в истории политической мысли как апологет авторитарного прусского государства, убедительно показывает нереалистичность полицейско-научных представлений о тотальном биополитическом контроле за социальной и экономической активностью свободных индивидов современного типа. Он доводит идею всеохватывающего санитарно-полицейского регулирования до логического конца, до абсурда: «Если так строить рассудочное государство, то можно прийти к частностям, которые сами в себе уничтожают себя. Над полицией следует также установить надзор и т.д.». В этом отношении зрелый Гегель остается на позициях, что были высказаны им в «Конституция Германии»: «Центральной государственной власти, правительству, надлежит предоставлять своим подданным свободу во всем, что не относится к прямому ее назначению — к организации власти и ее сохранению... не может быть более священной для правительства обязанности, чем предоставление гражданам свободы в такого рода вопросах и их защита, независимо от каких бы то ни было соображений утилитарного характера, ибо эта свобода священна сама по себе» [3. С. 84].

Понятие «биополитика» было разработано М. Фуко на материале современной политической и полицейской практики [11]. С его помощью он реконструировал исторически уникальную попытку реализации утопии полицейского государства в абсолютистских монархиях XVIII века, получившей социально-теоретическое фундирование в немецкой «полицейской науке». В сегодняшней ситуации обращение к опыту пришедшей ей на смену немецкой классической философии может быть полезно для реконструкции проблематизации императива тотального биополитического контроля.

Примечательно, что оба выдающихся представителя немецкого идеализма стали жертвами эпидемий, ставших предметом заботы «полиции здоровья». Так, во время антинаполеоновской кампании 1813 года Фихте с женой ухаживали за ранеными в военном госпитале в Берлине, где заразились сыпным тифом, в результате чего он умер 29 января 1814 года [1. С. 212]. Гегель стал жертвой эпидемии, несмотря на ряд драконовских, но абсолютно бессмысленных санитарно-полицейских мер: он умер 14 ноября 1831 года в Берлине от холеры. Вспышка холеры в столице Пруссии произошла летом 1830 года — она была неизвестна в Европе и называлась «азиатской гидрой», поскольку местом ее возникновения считалась Индия. Не понимая природу инфекции, власти принимали решительные, но бессмысленные меры вроде тотального карантина — герметичные армейские кордоны не могли остановить распространения возбудителя через зараженную воду, но блокада границ и сухопутных торговых путей нанесла огромный экономический ущерб. Несмотря на то, что прусские врачи участвовали в борьбе с холерой в России, которая чуть раньше столкнулась с эпидемией, военные и медицинские вла-

сти проигнорировали русский опыт и рекомендовали берлинцам перейти на здоровое питание, что лишь повлекло повышение цен. Слишком поздно принятые адекватные меры привели ко множеству жертв, среди которых оказался и величайший ум эпохи. Критик безграничного полицейского надзора был со всеми почестями похоронен на Доротеенштадтском кладбище рядом со своим оппонентом Фихте.

Информация о финансировании

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Новые социальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Библиографический список

1. Виндельбанд В. От Канта к Ницше. М., 1998.
2. Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. М., 1979.
3. Гегель Г.В.Ф. Конституция Германии // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978.
4. Гегель Г.В.Ф. Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (Во) к городу Берну» // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978.
5. Гегель Г.В.Ф. Различие систем философии Фихте и Шеллинга (продолжение) // Кантовский сборник. Вып. 14. Калининград, 1989.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
7. Жижек С. Гегель и полицейское государство // URL: <https://syg.ma/@lacanalia/slavoi-zhizhiek-gieghiel-i-politsieiskoie-ghosudarstvo-otryvok-iz-knighi-gieghiel-v-podkliuchiennom-mozghe>.
8. Зеллин Ф. Политика // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М., 2014.
9. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. М., 1994.
10. Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.
11. Кильдюшов О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3.
12. Филиппов А.Ф. Эпидемия: первые социологические последствия и перспективы // Россия в глобальной политике. 2020. № 3.
13. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство // Соч. в 2-т. Т. 2. СПб., 1993.
14. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М., 2014.
15. Ebel W. Der Göttinger Professor Johann Stephan Pütter aus Iserlohn (Göttinger Rechtswissenschaftliche Studien. Band 95). Göttingen, 1975.
16. Foucault M. Die Politik der Gesundheit im 18. Jahrhundert // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 1996. Band 7. No. 3.
17. Hennis W. Zum problem der deutschen Staatsanschauung // Hennis W. Politik als praktische Wissenschaft. Aufsätze zur politischen Theorie und Regierungslehre. München, 1968.
18. Kobe Z. The interface of the universal: On Hegel's concept of the police // Philosophy and Society. 2019. Vol. 30. No. 1.
19. Maier H. Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre, 2. München, 1980.
20. Saage R. Vertragsdenken und Utopie. Studien zur politischen Theorie und zur Sozialphilosophie der frühen Neuzeit. Frankfurt am Main, 1989.

21. *Schnädelbach H.* G.W.F. Hegel. Hamburg, 1999.
22. *Schlözer A.L.* Allgemeines Staatsrecht und Staatsverfassungslehre. Göttingen, 1793.
23. *Stolleis M.* Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 1: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800. München, 1988.

The police state as a symptom: German classical philosophy and modern biopolitics (Hegel vs Fichte)*

O.V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Abstract. The article considers a little-known topic in the history of the social thought, which has regained relevance under the pandemic — the discussion between the outstanding philosophers of the German idealism on the conceptual interpretation of police as an early-modern form of biopolitical control. In the introductory part, the author argues that the critique of the science and practice of policing by the classics of the German idealism is paradigmatic for the present-day study of the new/old functions and powers of the sanitary-police state concerning the modern civil society’s self-reflection. In the first part, the author describes the tension between the Enlightenment philosophy and the ‘science of policing’ developed by the Cameralists of the 17th–18th centuries, and emphasizes the significant intellectual contribution of the Enlightenment thinkers, primarily Kant’s legal doctrine, to the radical innovations in the political semantics at the turn of the 18th–19th centuries. Such innovations became the philosophical basis for the rule of law which questioned the discourse of the absolutist state control over its subjects’ welfare by means of police. In the second part, the article presents a brief reconstruction of Fichte’s attempts to combine the old Cameralist ideas with the new modern principles of individual freedoms at the end of the 18th-century era of the science of police — after Kant’s explicit criticism of the state care unauthorized from below. The third part of the article focuses on Hegel’s critique: in the history of the political thought he was often considered an apologist of the authoritarian Prussian state, but questioned the very possibility of the police-scientific idea of the total biopolitical control over social and economic activities of free modern-type individuals. The author reconstructs Hegel’s argumentation of the absurdity of the total sanitary-police regulation as suggested by Fichte, and insists on the relevance of these thinkers, concepts and thematic fields for reconsidering the failure of the Early-Modern biopolitical utopia under the current intersections of lockdowns and sovereignty.

Key words: science of police; philosophy of German idealism; biopolitics; Early-Modern police state; Kant; Fichte; Hegel

Funding

The publication was prepared within the research project of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University — Higher School of Economics “New societal communities of the global world: Affects and cultural legitimization of differences” as a part of the Basic Research Program of the HSE in 2021.

* © O.V. Kildyushov, 2022

The article was submitted on 28.11.2021. The article was accepted on 10.06.2022.

References

1. Vindelband V. *Ot Kanta k Nietzsche* [From Kant to Nietzsche]. Moscow; 1998. (In Russ.).
2. Gaidenko P.P. *Filosofiya Fichte i sovremennost* [Philosophy of Fichte and Modernity]. Moscow; 1979. (In Russ.).
3. Hegel G.W.F. *Konstitutsiya Germanii* [The Constitution of Germany]. Hegel G.W.F. *Political Works*. Moscow; 1978. (In Russ.).
4. Hegel G.W.F. *Iz "Konfidentsialnyh pisem o prezhnem gosudarstvenno-pravovom otnoshenii zemli Vaadta (Vo) k gorodu Bernu"* [From "Confidential letters about the former state-legal relationship of the land of Waadt (Vo) to the city of Bern"]. Hegel G.W.F. *Political Works*. Moscow; 1978. (In Russ.).
5. Hegel G.W.F. *Razlichie sistem filosofii Fichte i Schellinga (prodolzhenie)* [The difference between the systems of philosophy of Fichte and Schelling (continued)]. *Kant Collection*. Issue 14. Kaliningrad; 1989. (In Russ.).
6. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Zhizhek S. Hegel i politsejskoe gosudarstvo [Hegel and the police State]. URL: <https://syg.ma/@lacanalia/slavoiv-zhizhek-gieghiel-i-politsieiskoe-ghosudarstvo-otryvok-iz-knighigieghiel-v-podkliuchiennom-mozghie>. (In Russ.).
8. Zellin F. *Politika* [Politics]. *Dictionary of Basic Historical Concepts*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2014. (In Russ.).
9. Kant I. *Metafizika nravov* [Metaphysics of morals]. Kant I. *Collected Works*: in 8 vols. Vol. 6. Moscow; 1994. (In Russ.).
10. Kildyushov O.V. *Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i politsejskoj praktiki* [Police as science and politics: on the birth of modern order from philosophy and police practice]. *Russian Sociological Review*. 2013; 12 (3). (In Russ.).
11. Kildyushov O.V. *Michel Foucault kak issledovatel "politsejskogo gosudarstva": programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya* [Michel Foucault as a researcher of the "police state": Program, heuristic problems, prospects for studying]. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (3). (In Russ.).
12. Filippov A.F. *Epidemiya: pervye sotsiologicheskie posledstviya i perspektivy* [Epidemic: First sociological consequences and prospects]. *Russia in Global Politics*. 2020; 3. (In Russ.).
13. Fichte I.G. *Zamknutoe torgovoe gosudarstvo* [Closed trading state]. Fichte I.G. *Essays*: in 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg; 1993. (In Russ.).
14. Fichte I.G. *Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya* [The Basis of Natural Law According to the Principles of Science]. Moscow; 2014. (In Russ.).
15. Ebel W. *Der Göttinger Professor Johann Stephan Pütter aus Iserlohn* (Göttinger Rechtswissenschaftliche Studien. Band 95). Göttingen; 1975.
16. Foucault M. *Die Politik der Gesundheit im 18. Jahrhundert*. *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. 1996. Band 7. No. 3.
17. Hennis W. *Zum problem der deutschen Staatsanschauung*. Hennis W. *Politik als praktische Wissenschaft. Aufsätze zur politischen Theorie und Regierungslehre*. München; 1968.
18. Kobe Z. *The interface of the universal: On Hegel's concept of the police*. *Philosophy and Society*. 2019; 30 (1).
19. Maier H. *Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre, 2*. München; 1980.
20. Saage R. *Vertragsdenken und Utopie. Studien zur politischen Theorie und zur Sozialphilosophie der frühen Neuzeit*. Frankfurt am Main; 1989.
21. Schnädelbach H. *G.W.F. Hegel*. Hamburg; 1999.
22. Schlözer A.L. *Allgemeines Staatsrecht und Staatsverfassungslehre*. Göttingen; 1793.
23. Stolleis M. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 1: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800*. München; 1988.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-518-530

Диагностика уровня конформности студенческой молодежи (результаты методического эксперимента)*

Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина, Я.А. Гудкова

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru; yana140210@mail.ru)

Аннотация. Студенческая молодежь подвержена влиянию как слабо защищенная от различных рисков группа, чем пользуются экстремистские и террористические организации. Воздействие на молодых людей происходит посредством социально-психологических механизмов, таких как внушение, заражение, подражание, убеждение и др., применяемых с целью вовлечения в экстремистскую деятельность. Оказываемое влияние становится эффективным в результате высокого уровня конформности, а в случае вовлечения в экстремистские организации — пагубным и опасным как для человека, так и для общества. В статье представлены результаты исследовательского проекта по изучению характеристик, которые могут влиять на уровень конформности у студенческой молодежи. Был проведен эксперимент с использованием фокус-групп и методик диагностики внушаемости, уровня эмоционального интеллекта и психотипов. Зависимой переменной выступил уровень конформности студентов. Для обсуждения была выбрана тема отношения к изменам в контексте доверия — как наиболее простая и допустимая для дискуссии. Все участники — девушки с негативной установкой к предмету обсуждения. В эксперименте участвовали две группы — для влияния на изначальную (негативную) установку при помощи стимульного материала и специальной методики. Группы были гомогенны по уровню эмоционального интеллекта: одна группа — с уровнем ниже среднего, вторая — выше среднего. Удалось установить, что определенную степень конформизма склонны демонстрировать студенты с тревожным и эмотивным радикалом. Прямой взаимосвязи конформности с уровнем эмоционального интеллекта не обнаружено, но сделано предположение о вероятном влиянии уровня эмпатии на конформность. Полученные результаты могут способствовать введению новых форм профилактической работы в университетах, включая мониторинг характеристик, которые могут показать связь с уровнем конформизма.

Ключевые слова: конформизм; диагностика уровня конформности; доверие; студенческая молодежь; экстремизм; эмоциональный интеллект; психотип

Современный мир меняется стремительно быстро — появляются новые нормы, переосмысливаются традиционные ценности, трансформируется понимание того, как должно быть устроено общество. Все это подвергает различным рискам (мошенничество, вовлечение в экстремистскую

* © Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Гудкова Я.А., 2022

Статья поступила 20.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

деятельность и т.д.) уязвимые социальные группы, в число которых входит молодежь. Молодые люди находятся в процессе формирования собственной позиции, в поиске ценностей и своего места в обществе, в связи с чем данная социально-демографическая группа в наибольшей степени подвержена воздействию экстремистских и террористических идей. По данным Антитеррористического центра на 2018 год, 70 % террористов — это молодые люди 18–29 лет [15].

Вовлечение молодежи в экстремистские организации происходит за счет различных механизмов, в том числе социально-психологических: заражение (основано на бессознательной передаче эмоционального фона); подражание (порождает новые групповые нормы и ценности); убеждение (аргументированное влияние, направленное на изменение мнения или решения); внушение (снижение сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого материала); контроль сознания и пр. [3]. Чаще всего воздействие с целью привлечения в экстремистские организации направлено на студенческую молодежь, что объясняется высокой социальной активностью группы, заинтересованностью в идее (вышей цели), неравенством в обществе [3], а также «особенностями незрелости психики молодых людей» [17].

Результаты социологических опросов показывают интересную закономерность: чем младше респондент, тем выше его доверие к окружающим (рис. 1) [23], т.е. молодые люди более подвержены внушению в силу своей доверчивости.

«Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» (%)

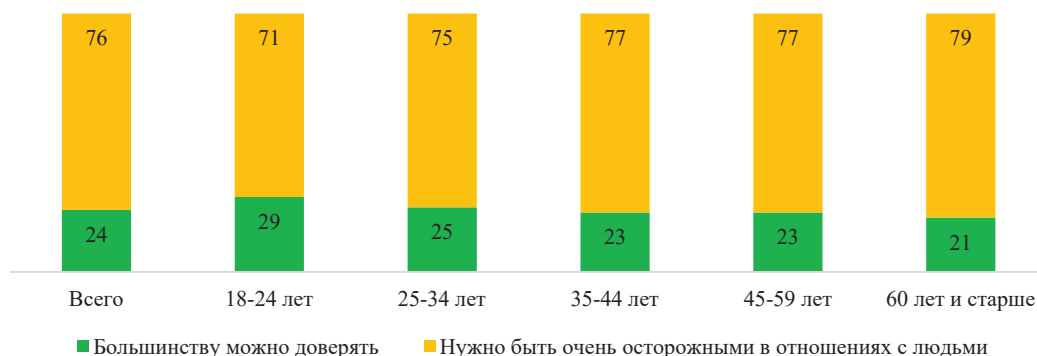

Рис. 1. Данные российского опроса WVS в 2017-2020 годы

Влияние информации соотносится с тем, как люди оценивают субъекта коммуникации по критерию доверия/недоверия [12]. «Эффективность воздействия зависит от степени доверия целевой аудитории источнику информации, будь то персона или организация; от силы образа, несущего стратегическую

идею влияния на людей из целевой аудитории; от мощи информационного потока и от совпадения ценностных кодов» [12].

Категории «доверие» и «конформность» тесно взаимосвязаны: степень доверия, или доверчивость, зависит от таких психологических особенностей личности, как наивность, внушаемость, конформность и склонность к догматизму [7]. Понятие «доверие» имеет множество трактовок, что влечет проблему его операционализации. С социально-философской точки зрения доверие — совокупность установок, отражающих отношение человека к себе, другому и миру и выражающих уверенность в значимости и безопасности объекта доверия. Это определение подчеркивает, что доверие выполняет функцию одной из общечеловеческих фундаментальных ценностей [5]. В историко-философском контексте можно проследить изменение понимания термина «доверие», прежде всего, в соизмерении с родовым понятием веры: доверие можно рассматривать как частный случай веры, перенесенный в сферу социальной реальности, на уровень субъект-объектной связи [4]. Э. Фромм отмечал, что вера связана с чувством безопасности и надежности существования, что близко по содержанию понятию «доверие», которое также связано с ощущением безопасности в социуме и невозможно без веры в себя и других [18]. Доверие выступает одним из факторов самосознания и обретает все новые социально-культурные формы [4].

Можно отметить почти антонимичную взаимосвязь доверия с риском и опасностью. Данная связь может подразумевать отсутствие страха и опасений перед непредвиденными обстоятельствами, что дополняется характеристикой спокойствия. П. Штомпка пишет, что оказание доверия связано с понятием риска: доверие — убежденность, уверенность «в отношении будущих непредвиденных действий других» [21]. Э. Гидденс говорит о феномене доверия в эпоху модерна, определяя его как редукцию опасностей, присущих определенным видам деятельности: доверие связано не просто с функционированием социальных систем, а с их правильным функционированием [22]. Как правило, в социологической парадигме исследуется соотношение личностного доверия (к другим) и системного доверия (к абстрактным системам и институтам) [2]. В социологии доверие — «культурная установка на восприятие другого и взаимодействия с ним» [6], что подразумевает прогнозирование поведения индивида в той или иной ситуации. В этой связи некоторые исследователи рассматривают доверие как механизм конструирования новой реальности. Например, Ф. Фукуяма считает, что доверие — «это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [19]. Одни исследователи считают, что доверие способствует накоплению социального капитала, приравнивают эти два понятия (Дж. Коулмэн), другие говорят об обратной

зависимости — чем больше накопленный социальный капитал, тем выше уровень доверия в обществе (Р. Патнэм) [14].

С точки зрения психологии доверие как сложный сознательный или бессознательный феномен имеет следующие стороны: когнитивную (знание о надежности и предсказуемости объекта); эмоциональную (вера в лучшие проявления и черты человека/группы); поведенческую (оптимизм, деятельность из чувства спокойствия) [9]. Конечные цели индивидуальной или групповой установки на доверие зависят от конкретно-исторических условий и культурных традиций: это может быть и борьба («война всех против всех», «счастье в борьбе» и т.д.), и одиночество («в толпе») и т.д. Доверие может выступать в разных формах — как политическое, экономическое, культурное, идеологическое и пр. Проблема заключается в выявлении основных причин возникновения и механизмов функционирования доверия и недоверия.

Одной из характеристик, способствующих установлению доверия, является конформность. На примере экспериментов с «подсадными утками» С. Аш показал, как мнение большинства может влиять на человека: конформность — «сознательное устранение индивидом разногласий с группой и установление фактического или формального согласия с ней» [8]. Исследователи отмечают как положительные, так и отрицательные стороны конформности: она способствует адаптации в новой группе (или среде), но с точки зрения включения в экстремистские организации при высоком уровне конформности человек быстрее принимает требования и правила группы, изменяя прежние убеждения. Посредством авторитетных личностей, давления группы, воздействия через информационные каналы, устрашения и т.д. процесс внутреннего принятия радикальных идей становится быстрым и эффективным инструментом привлечения в экстремистские организации.

Р. Мертон рассматривает конформность с точки зрения девиантного поведения. Предложенная им типология индивидуального приспособления включает следующие формы: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж [13]. Конформное поведение соотносится с принятием действующих культурных целей и использованием институционализированных средств их достижения, что определяет высокую степень стабильности общества, но и утрату гибкости приспособления к новым условиям [13]. В понимании Н. Смелзера конформность — такой тип поведения, при котором индивид следует групповым нормам, получая определенное поощрение от членов коллектива, т.е. стремление к конформности — один из факторов успешной социализации [10]. Д. Майерс определяет конформность как «изменение поведения или убеждений индивида в результате давления группы», что проявляется в уступчивости (внутреннее неприятие требований, но внешнее согласие с ними) и одобрении (полное принятие требований —

внутренне и внешне) [11]. Майерс выделил две причины конформности: желание быть принятым в группе, чтобы избежать участи изгоя (нормативное влияние по М. Дойчу); желание получить важную информацию (информационное влияние).

Изучение факторов конформности позволяет не только выявить и оценить степень внушаемости, но и проанализировать поведение различных типов личности в ситуации потребления информации, что может быть полезно в рамках воспитательной работы вузов и диагностики экстремистских проявлений. Понятием «внушаемость» обозначают характеристику человека, которая обуславливает готовность к подчинению воздействиям окружающей среды (другие люди, средства массовой информации, книги, телевидение и т.п.). Степень внушаемости индивидуальна, особое влияние на нее оказывают возраст, пол, соматическое состояние, интеллектуальное развитие, социальный статус и др. Внушаемость может быть повышенной к одному стимулу (например, к своей болезни) и низкой по отношению к другому (в деловых отношениях); первичной (восприимчивость к самовнушению и гипнозу) и вторичной (отношения подчинения, мотивация и низкая самооценка) [20]. К социально-психологическим детерминантам внушаемости можно отнести конформизм, делегирование ответственности, эмпатию, психическое заражение, ролевое взаимодействие и степень социальной включенности. Открытым остается вопрос, одинаково ли человек проявляет свойства конформности и подвержен внушению в различных ситуациях. Так, субъект, склонный к дисциплине в деловых и рабочих отношениях (например, военный), может в личной (непрофессиональной) жизни проявлять другие черты (жесткость, упрямство, авторитарность) в условиях, где нет обязанности поддаваться давлению группы.

Таким образом, доверие — установка, подразумевающая под собой уверенность в надежности объекта; конформность — тип поведения, при котором индивид следует установленным в группе нормам и правилам, и меняет свое мнение, если люди вокруг демонстрируют отличную от его точку зрения; внушаемость — свойство поддаваться целенаправленному воздействию, направленному на изменение отношения, установки, чувств и т.д. Идея нашего проекта родилась из исследовательского вопроса, как конформность соотносится со степенью внушаемости, психотипом и уровнем эмоционального интеллекта, и как эти знания можно применить для диагностики групп риска по экстремистским проявлениям. Под психотипом понимается ведущий «радикал» (однородные по происхождению внутренние психические условия, носящие врожденный характер или усваиваемые в процессе социализации), и таких радикалов выделено семь — истероидный, эпилептоидный, паранойяльный, эмотивный, шизоидный, гипертимный, тревожный [см. подробнее в: 16].

Задачи исследования: определить уровень эмоционального интеллекта и психотипические акцентуации участников фокус-групп; измерить социальную установку в отношении феномена «супружеские измены» по шкале Лайкерта и отобрать участников с негативной установкой; с помощью стимульного материала и проективных методик («подсадная утка», ассоциативные вопросы, видеоматериалы) осуществить попытку воздействия на установку участников в ходе фокус-группы, затем повторно измерить социальную установку и сравнить попарно (у одинаковых психотипов) среди представителей с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта. Исследование строится на применении экспериментального подхода с использованием метода фокус-групп; контрольные переменные — психотип и уровень эмоционального интеллекта; зависимая переменная — внушаемость.

Группы по своему составу гомогенны (русские девушки, учащиеся магистратуры и бакалавриата 3-4 курса РУДН с отрицательной социальной установкой по отношению к супружеским изменам) и рандомизированы по двум признакам — эмоциональный интеллект (высокий и низкий) и психотипы. Группа 1 — девушки с преобладающим низким эмоциональным интеллектом, по одной с выраженной акцентуацией каждого типа, отрицательная установка к супружеским изменам. Группа 2 — девушки с преобладающим высоким эмоциональным интеллектом, по одной с выраженной акцентуацией каждого типа, отрицательная установка к супружеским изменам. Тема измены выбрана как наиболее простая для влияния на мнения участников в ходе обсуждения. На этапе рекрутинга среди участников замеряется уровень эмоционального интеллекта с помощью теста Холла, определяется их психотип, регистрируется отношение к супружеским изменам посредством шкалы Лайкерта (негативная установка — 35-50 баллов).

Во время фокус-групп предпринята попытка влияния на установку респондентов с целью изменения ее на противоположную, применяя стимульные материалы/методики — проективные и ассоциативные вопросы, видеоролики, «подсадная утка» (в фокус-группе участвует человек, играющий роль участника с положительной установкой к изменам). По окончании фокус-групп произведен повторный замер установки участников для проверки гипотез о внушаемости психотипов с разным уровнем эмоционального интеллекта. Для сравнения установок проводится тест, который позволяет сравнить пары участников — например, участники с шизоидной акцентуацией с низким и высоким уровнем эмоционального интеллекта и т.д. Также для валидации с участниками проведено интервью после фокус-группы — для более точного определения факта смены установки на противоположную той, что измерена скрининговой анкетой.

Выдвинутые гипотезы: участники с низким уровнем эмоционального интеллекта более подвержены конформности (изменению социальной установки); участники со слабой нервной системой (истероиды, эмотивы — асте-

ники, гипотимики) подвержены конформизму в большей степени; тревожные в силу особенностей психики (конформизм и боязнь перемен) могут изменить социальную установку в том случае, если некоторые участники группы открыто выскажутся о противоположной точке зрения.

Количество фокус-групп — две, по 5–8 участников: девушки 3–4 курсов бакалавриата и 1–2 курсов магистратуры, имеющие отрицательную установку к изменам в романтических отношениях, обладающие определенным психотипом и уровнем эмоционального интеллекта. Для эксперимента были отобраны представители разных психотипов, обладающих высоким и низким эмоциональным интеллектом — для проверки гипотез о связи между двумя параметрами и конформизмом. Для участия были выбраны девушки, так как они обладают более высоким уровнем эмпатии [1], что является одной из составляющих эмоционального интеллекта и самой уязвимой для влияния областью. Отрицательная установка к изменам была выбрана с точки зрения распространенности феномена и этичности смещения отношения к нему. Сценарий фокус-групповой дискуссии основывался на методике Лайкерта: было разработано 10 суждений, каждое из которых соотносится с блоками и заданиями гайда, что позволило сфокусировать внимание участниц на отношении к изменам (табл. 1).

Таблица 1

Тематические блоки и суждения гайда фокус-группы

Блок	Суждения
Блок 1: «Измена и удовлетворение сексуальных потребностей»	Измена — это лишь способ ощутить новые эмоции и разнообразить сексуальную жизнь Измена — это предательство своего партнера Когда человек изменяет своему партнеру, он доставляет последнему эмоциональную боль Супруг, изменяющий своей половинке, — это незрелый эгоист, которому нет оправдания Если супруг изменил своему партнеру из-за неудовлетворенности сексуальной жизнью, то измену можно простить Сексуальные и/или романтические отношения с несколькими партнерами одновременно аморальны/неприемлемы Если оба партнера изменяют друг другу, то такие отношения в любом случае обречены на провал
Блок 2: «Измена и укрепление отношений»	В некоторых случаях измены могут быть полезны для отношений В каком-то смысле измена укрепляет союз, поскольку изменник, чувствуя вину и раскаяние перед партнером, начинает больше им дорожить
Блок 3: «Измена и личное счастье»	Измена — эффективное средство борьбы с кризисом и депрессией

В рамках каждого блока респондентам задавались проективные вопросы и предлагались стимульные материалы для обсуждения, в которых отражены различные стороны романтических отношений и измена партнера: видео-

отрывки из сериалов («Элита», «Секс в большом городе», «Бeverли-Хиллз 90210» и др.), выступление бельгийского психолога Э. Перель по вопросу последствий и причин измен, истории отношений российских знаменитостей. Оказалось, что для большинства девушек измена ассоциируется с предательством и обманом, нарушением договоренностей (чаще негласных): *«некрасивый поступок», «нечестно по отношению к другому», «обман»* и др. Девушки в основном проявляли конформизм, выражая общепринятое негативное мнение об изменах. При этом конформность проявлялась как внутренняя форма, т.е. девушки не просто демонстрировали отрицательную установку на измены, но и внутренне были согласны с ней. В некоторых случаях конформность подкреплялась таким социально-психологическим механизмом, как подражание. Можно привести слова одной из участниц (эмотив, низкий эмоциональный интеллект), для которой значим образец брака родителей: *«У меня перед глазами мои родители с шикарными отношениями, просто поражаюсь. И они никогда друг другу не изменяли, они самодостаточные люди, каждый со своим хобби, т.е. они не теряют себя никогда».*

В процессе дискуссии участницы четко разграничивали измену и «нетрадиционные» формы романтических отношений, например, полиаморию: *«Я не считаю изменой. Я считаю, здесь вполне всех все устраивает, все по договоренности»; «Мне кажется, не становится что-то изменой, когда два партнера имеют сходный выход».* Если при вступлении в отношения или будучи парой люди договариваются о наличии друг у друга еще одного партнера (или нескольких), то изменой это считать нельзя. Что касается своей личной жизни, то девушки заявляли, что такие сценарии, как полиамория, свободные отношения и пр., практиковать не стали бы и придерживаются традиционных романтических отношений: *«для меня это дико, но если это приносит кайф другим, то ок»; «Я бы не стала практиковать это в своих отношениях, но у меня нет негативного к этому отношения. Если людям это требуется, то пожалуйста».* Конформность проявилась у двух девушек, обладающих высоким уровнем эмоционального интеллекта и психотипами «гипертим» и «истероид».

Из всех предложенных к рассмотрению случаев поступок изменщика был воспринят в положительном контексте только как возможность спасения и выхода из абьюзивных отношений, где присутствовало насилие. Некоторые участницы отметили, что измена в подобных ситуациях может помочь моральному состоянию: *«Возможно, это дает ей сил, что в принципе на стороне есть какая-то стена, которая сможет ее защитить»; «у нее какое-то тепло в душе появляется, а домой она приходит, а ее там бьют»; «Измена могла бы быть спасительной в плане того, что... появился человек, которому она доверила то, что с ней происходит внутри семьи».* На сторону изменщицы встали участницы шизоидного, депрессивного и тревожного психотипов с низким эмоциональным интеллектом и представительница истероидного

психотипа с высоким уровнем эмоционального интеллекта; остальные были убеждены, что измена тут вряд ли поможет. Нестандартная ситуация привела к разделению на две группы: те, кто продолжал считать, что измены — это плохо; те, кто придерживался мнения, что насилие хуже, чем измена. В обеих группах наблюдается конформность к каждой теме.

Большинство респондентов по итогам пост-интервью заявили, что взглянули на измены под другим углом, и некоторые случаи заставили их задуматься о реальных причинах и последствиях измен. Наиболее сильное впечатление на участниц оказали задания про героиню Шарлотту из сериала «Секс в большом городе», выступление Э. Перель и вопросы об измене как способе выйти из абьюзивных отношений.

Несмотря на это, результаты повторного анкетирования показывают, что смещения в установке незначительны, что говорит о склонности девушек к конформизму в данном вопросе. Кроме того, исход любой ситуации с изменой участницы видели в расставании пары и разрыве отношений вследствие подрыва доверия к партнеру, негативных ассоциаций, осадка по отношению к изменщику, т.е. возобновление отношений возможно при определенных условиях и желании обоих партнеров сохранить союз или невозможно вообще.

С точки зрения поведения психотипов и их реакции на стимульные материалы можно сделать следующие выводы: у представителей тревожного психотипа смена установки не произошла, что подтверждает гипотезу о том, что тревожные в силу особенностей психики, в том числе высокого конформизма и боязни перемен, могут изменить социальную установку, если некоторые участники группы открыто выскажутся о противоположной точке зрения. Эмотивы также проявляют высокую степень конформности, но не склонны к изменению установки, что опровергает гипотезу о большей внушаемости людей со слабой нервной системой. Возможно, сработал и фактор личного опыта: в первом случае — образ крепких взаимоотношений родителей как образец для подражания, во втором — пример измены из личной жизни. Для эмотивов характерно твердое следование своим идеалам и соблюдение высоких норм морали, поэтому такие ситуации, как измены и несправедливость по отношению к человеку, для них неприемлемы. Гипертимам и истероидам свойственно управлять эмоциями, а иногда и мыслями других людей благодаря высокой степени распознавания эмоций, поэтому данные информанты являлись групповыми лидерами, их мнениям доверяли. Таким образом, если данный компонент является основополагающим в эмоциональном интеллекте, то человек менее подвержен стороннему воздействию, а сам способен влиять на мнение других.

Методика «подсадная утка», которая использовалась в обеих фокус-группах, сработала успешно. В пост-интервью, отвечая на вопрос, кто поспособствовал изменению взгляда на измены, четверо назвали имя той, что играла роль «тайного агента». Помимо прямых указаний, следует учесть высказыва-

ния участниц, которые соглашались с мыслями «подсадной утки» и развивали свои идеи в положительном контексте. Вопрос по шкале Лайкерта на измерение установки и повторный замер после фокус-групп по этой же шкале позволил выявить наиболее значимые смещения у респондентов, т.е. данная методика также сработала.

Что касается гипотезы, что участники с низким эмоциональным интеллектом более внушаемы и подвержены конформности (изменению социальной установки), то в данном случае ее нельзя проверить по причине недостаточности наблюдаемых параметров. Каждый случай рассматривался отдельно, поэтому можно только утверждать необходимость учитывать не только общий показатель эмоционального интеллекта, но и другие параметры (возможно, уровень эмпатии влияет на внушаемость человека при условии использования соответствующего стимульного материала).

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания №075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

Библиографический список

1. Белобородов А.М., Сыманюк Э.Э. Устойчивость развития эмоционального интеллекта будущих специалистов // Образование и наука. 2018. № 7.
2. Вершинин С.Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы // Антиномии. 2001. № 2.
3. Глуховская Д.М., Юшина С.В. Факторы-детерминанты привлечения студенческой молодежи в ряды экстремистско-террористических организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.
4. Глушко И.В. Понятная дихотомия «доверие-недоверие» в контексте мультиметодологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6.
5. Глушко И.В. Социальное доверие: концепт и структура // Философия права. 2013. № 6.
6. Григоренко Б.Ю. Доверие как предмет социологического анализа: социокультурный аспект // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1.
7. Ильин Е.П. Психология доверия. СПб., 2013.
8. Конформность // URL: <https://gufo.me/dict/social/КОНФОРМНОСТЬ>.
9. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
10. Лукова В.А. Концепция успешной социализации Н. Смелзера // Социология молодежи / Под ред. В.А. Лукова. М., 2015.
11. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
12. Макаревич Э.Ф. Алгоритм коммуникативного влияния // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 2.
13. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
14. Неофитова А.А. Доверие как категория социологического анализа // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 4.
15. Новиков А.П. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб., 2018.
16. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Гаспаривили А.Т. и др. Личностные характеристики участников фокус-группового исследования как фактор повышения качества данных // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.

17. Сумина Е.А., Рыков А.А. Социально-психологические механизмы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Академическая мысль. 2019. № 2.
18. Татьяна Л.Г. Групповые и личностные детерминанты доверия // URL: <https://disser.spbu.ru/files/diss2/diss2/dn51sb5Phf.pdf>.
19. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
20. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком: психологическая манипуляция. М.–Мн., 2001.
21. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
22. Giddens A. *Konsequenzen der Moderne*. Fr.a.M., 1995.
23. Puzanova Z.V., Larina T.I., Zakharova S.V. Recommendations for interviewers conducting sociological surveys: The use of the psychotypes theory and analysis of respondents' nonverbal reactions // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. № 1.
24. Trotsuk I. "To trust or not to trust" is not the question; "How to study trust" is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.
25. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. № 2.
26. WVS: Wave 7 (2017-2020) // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

Diagnostics of the students' level of conformity (results of the methodological experiment)*

Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, Ya.A. Gudkova

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru; yana140210@mail.ru)

Abstract. Students are the most socially influenced group due to being poorly protected from various risks, which is used by extremist and terrorist organizations. Such an impact on the younger generation can be ensured by various social-psychological mechanisms, such as suggestion, emotional contagion, imitation, persuasion, etc., which can be used for their involvement in extremist activities. Any influence can be effective under the high conformity; concerning involvement in extremist organizations, such influence can be dangerous for both person and society. The article presents the results of the study of the characteristics that can affect the level of students' conformity. The authors conducted an experiment based on focus groups and methods for diagnosing suggestibility, emotional intelligence and psychotypes. The dependent variable was the level of conformity. The topic for discussion was attitudes to infidelity as the easiest and acceptable to discuss. All participants were women with a negative attitude to the topic. In the experiment, two groups participated — to influence the initial (negative) attitude with stimulus and special techniques. The groups were homogeneous in terms of emotional intelligence: one group was below average, the second group was above average. The experiment showed that students with an anxious and emotive radical tend to demonstrate a certain degree of conformity. There is no direct correlation between conformity and the level of emotional intelligence, but the authors suggest the influence of empathy on conformity. The results of the

* © Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, Ya.A. Gudkova, 2022

The article was submitted on 20.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

research can contribute to new forms of preventive work at universities, including monitoring of those student characteristics that can affect the level of conformity.

Key words: conformity; diagnostics of the level of conformity; trust; student youth; extremism; emotional intellect; psychotype

Funding

The article was prepared within the framework of the state task No. 075-00167-20-03 “Social-humanitarian foundations for countering extremism”.

References

1. Beloborodov A.M., Symanyuk E.E. Ustoichivost razvitiya emotsionalnogo intellekta budushchih spetsialistov [Sustainable development of the emotional intelligence of future specialists]. *Obrazovanie i Nauka*. 2018; 7. (In Russ.).
2. Vershinin S.E. Fenomen nedoveriya v kontekste postsovetskogo obshchestva: k postanovke problemy [The phenomenon of distrust in the post-Soviet society: Formulation of the issue]. *Antinomii*. 2001; 2. (In Russ.).
3. Glukhovskaya D.M., Yushina S.V. Faktory-determinanty privlecheniya studencheskoj molodezhi v ryady ekstremistsko-terroristicheskikh organizatsij [Factors-determinants of students' involvement in extremist and terrorist organizations]. *Gosudarstvennoe i Munitsipalnoe Upravlenie. Uchenye Zapiski*. 2020; 4. (In Russ.).
4. Glushko I.V. Ponyatijnaya dikhotomiya “doverie-nedoverie” v kontekste multimetodologii [Conceptual dichotomy “trust-distrust” in the multimethodology]. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2012; 6. (In Russ.).
5. Glushko I.V. Sotsialnoe doverie: kontsept i struktura [Social trust: Concept and structure]. *Filosofiya Prava*. 2013; 6. (In Russ.).
6. Grigorenko B.Yu. Doverie kak predmet sotsiologicheskogo analiza: sotsiokulturny aspekt [Trust as an object of sociological analysis: A social-cultural aspect]. *Znanie. Ponimanie. Mnenie*. 2013; 1. (In Russ.).
7. Il'yin E.P. *Psikhologiya doveriya* [Psychology of Trust]. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
8. Konformnost [Conformity]. URL: <https://gufo.me/dict/social/KONFORMNOST>. (In Russ.).
9. Kuprejchenko A.B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya*. [Psychology of Trust and Distrust]. Moscow; 2008. (In Russ.).
10. Lukova V.A. Kontseptsiya uspeshnoj sotsializatsii N. Smelsera [N. Smelser's concept of successful socialization]. *Sotsiologiya molodezhi*. Pod red. V.A. Lukova. Moscow; 2015. (In Russ.).
11. Myers D. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social Psychology]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
12. Makarevich E.F. Algoritm kommunikativnogo vliyaniya [Algorithm of the communicative influence]. *Vestnik MGLU. Obshhestvennye Nauki*. 2018; 2. (In Russ.).
13. Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
14. Neofitova A.A. Doverie kak kategoriya sotsiologicheskogo analiza [Trust as a category of sociological analysis]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2016; 4. (In Russ.).
15. Novikov A.P. *Profilaktika terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede* [Prevention of Terrorism and Extremism among the Youth]. Saint Petersburg; 2018. (In Russ.).
16. Puzanova Z.V., Larina T.I., Gasparishvili A.T. et al. Lichnostnye kharakteristiki uchastnikov fokus-grupпового issledovaniya kak faktor povysheniya kachestva dannyh [Personal characteristics of the focus group participants as a factor of the data quality]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (4). (In Russ.).
17. Sumina E.A., Rykov A.A. Sotsialno-psikhologicheskie mekhanizmy вовлечения molodezhi v terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatelnost [Social-psychological mechanisms of the

- youth involvement in terrorist and extremist activities]. *Akademicheskaya Mysl*. 2019; 2. (In Russ.).
18. Tatyana L.G. Gruppovye i lichnostnye determinanty doveriya [Group and personal determinants of trust]. URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/dn51sb5Phf.pdf>. (In Russ.).
 19. Fukuyama F. *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtue and the Creation of Prosperity]. Moscow; 2004. (In Russ.).
 20. Shejnov V. P. *Skrytoe upravlenie chelovekom: psikhologicheskaya manipulyatsiya* [Hidden Control: Psychological Manipulation]. Moscow–Minsk; 2001. (In Russ.).
 21. Sztompka P. Sotsialnoe izmenenie kak travma [Social change as a trauma]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2001; 1. (In Russ.).
 22. Giddens A. *Konsequenzen der Moderne*. Frankfurt-am-Mein; 1995.
 23. Puzanova Z.V., Larina T.I., Zakharova S.V. Recommendations for interviewers conducting sociological surveys: The use of the psychotypes theory and analysis of respondents' nonverbal reactions. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 1.
 24. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
 25. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2.
 26. WVS: Wave 7 (2017-2020). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-531-543

Белорусское общество: от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения*

А.А. Белов¹, А.Н. Данилов¹, Д.Г. Ротман²

¹Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

²Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь
(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены новые тенденции в системе ценностных координат белорусского общества. На основании данных международных социологических опросов, проведенных в рамках проектов «Европейское исследование ценностей» и «Всемирное исследование ценностей», проанализированы изменения ценностных ориентаций, происходящие в белорусском обществе в течение последних тридцати лет. В качестве методологии использован подход к определению системы ценностных координат, предложенный Р. Инглхартом и К. Вельцелем. Изучение фундаментальных тенденций изменения ценностного мира современного общества имеет практическое значение для анализа внутренних факторов актуальных социально-политических процессов и оценки перспектив дальнейшего устойчивого развития социально-политических институтов. Цель статьи — определение основных направлений трансформации ценностных ориентаций белорусского общества с периода обретения государственного суверенитета. Авторы делают вывод о стремительном движении белорусского общества от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения. В ходе проекта был проведен анализ демографической структуры населения Беларуси с точки зрения ценностных приоритетов. Выяснилось, что демографической базой секулярно-индивидуалистических ценностей, а также ценностей самовыражения выступают высокообразованные жители крупных городов младшего (до 30 лет) и среднего (до 49 лет) возраста. С учетом роста доли населения с высшим образованием и второй волны урбанизации (оттока населения из малых городов в крупные) следует ожидать расширения демографической базы и, соответственно, дальнейшего распространения указанных ценностных ориентаций. В этой ситуации система образования выступает в качестве источника

*© Белов А.А., Данилов А.Н., Ротман Д.Г., 2022

Статья поступила 12.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

содержательного наполнения происходящих перемен, формируя ценностную матрицу грядущей социальной реальности.

Ключевые слова: базовые ценности; ценностные ориентации; постматериальные ценности; миссия образования; индекс автономности; факторный анализ; белорусское общество

Изучение ценностей занимает особое место в системе социологического познания уже с классического периода развития социологии как науки. Практическую значимость ценностной проблематики обозначил М. Вебер, исследуя типы легитимного порядка в обществе [1. С. 331–384]. Легитимность — готовность людей ориентироваться в своем поведении на установленные в обществе нормы и правила — может обеспечиваться разными способами, но наиболее оптимальным и устойчивым является внутреннее согласие — когда большинство членов общества требования порядка воспринимают как естественное и справедливое выражение собственных ценностей и убеждений. Такой тип ценностно-рациональной мотивации способен побудить людей к сознательному добровольному действию по защите социального порядка или изменению, если он не соответствует их ценностным ориентациям.

Легитимизация как обоснование социальных норм (порядка) ценностями, которые лежат в их основе, — постоянный процесс, его двигателем выступает изменение ценностных ориентаций. Этот процесс имеет решающее значение для стабильного развития общества, поскольку от легитимности норм зависит готовность людей их придерживаться. Когда ценности большинства меняются, действующие нормы и подходы к их легитимизации теряют актуальность. В обществе формируется запрос на изменения, которые могут затрагивать основные сферы жизни. Если социальные нормы, которые уже не отвечают ценностям людей, искусственно сохраняются, то возникают основания для протестов и конфликтов. Протестные настроения имеют место в тех случаях, когда политика государства не учитывает ценностные предпочтения большинства членов общества и настаивает на сохранении сложившейся нормативной среды.

Несмотря на достаточно раннее признание значимости изучения ценностей в социологии, широкие возможности для проведения эмпирических исследований появились лишь во второй половине XX века и были реализованы в двух взаимосвязанных проектах: «Европейское исследование ценностей» (European Values Study, далее — EVS) и «Всемирное исследование ценностей» (World Values Study, далее — WVS). Несмотря на некоторые различия проектов, в целом их методология совпадает, что позволяет объединять результаты в рамках одной базы данных [11]. Первая волна опросов в рамках проектов началась в 1981 году, Беларусь присоединилась к исследованиям в 1990 году [7–10], и в стране было проведено шесть опросов. В рамках WVS опросы проводились в 1990 году (Институт социологии НАН Беларуси), 1996 (Лаборатория НОВАК) и 2011 (Центр социально-политических исследований БГУ); в рамках EVS — в 2000, 2008 и 2018 (ЦСПИ БГУ). Таким образом,

в Беларуси доступны данные двух проектов с 1990 по 2018 годы (практически весь исторический период независимости страны).

Методология EVS и WVS заключается в сборе эмпирических данных методом индивидуального интервью «лицом-к-лицу». Бланк интервью содержит несколько сотен вопросов — респондентам предлагается высказать суждения по множеству аспектов жизни (семья, работа, друзья, досуг, политика, религия и т.д.). Использование одинаковых вопросов во всех странах-участницах и в разных волнах позволяет проводить сравнения в пространстве и времени. Большое количество вопросов помогает оценивать даже весьма специфические ценностные ориентации и установки. Помимо анализа таких частных случаев, ряд исследователей предпринимают попытки обобщения накопленных данных для выявления системообразующих координат ценностного сознания, от которых зависит большинство оценок и суждений людей. Наибольшую известность приобрела методология анализа данных, предложенная Р. Инглхартом и К. Вельцелем [12] и основанная на выделении двух основных координат в системе ценностей: традиционные ценности — секулярно-рациональные; ценности выживания — ценности самовыражения [13]. Традиционные ценности предполагают важность религии и связей между родителями и детьми, почтение к авторитету и семейным традициям. Люди, разделяющие эти ценности, зачастую отвергают разводы, аборт, эвтаназию и самоубийство. Общества, где преобладают традиционные ценности, отличаются высоким уровнем национальной гордости и более националистическими взглядами. Секулярно-рациональные (индивидуалистические) ценности противоположны традиционным: такие общества уделяют меньше внимания религии, традиционным семейным ценностям и авторитету, считают относительно приемлемыми разводы, аборт, эвтаназию и самоубийства. Ценности выживания акцентируют экономическую и физическую безопасность в связи с этноцентричным мировоззрением и низким уровнем доверия и толерантности. Ценности самовыражения придают первостепенное значение защите окружающей среды, растущей терпимости к «иному» и участию в принятии решений в экономической и политической жизни.

На практике значения по каждой оси рассчитывались на основе всего десяти показателей, и для проведения соответствующих расчетов первичные данные опросов, где в качестве единицы наблюдения выступали респонденты, были агрегированы до уровня стран [14]. В результате была получена таблица, где в строках представлены страны, а в столбцах — десять признаков:

- Значимость веры в Бога — средний балл по шкале от 1 до 10, где 1 — совсем не важен, а 10 — очень важен;
- Индекс автономности — первоначально рассчитывается для каждого респондента на основе вопроса о наиболее желательных для ребенка качествах, которые необходимо поощрять в процессе воспитания: варианты «независимость» и «решительность и настойчивость» прибавляют

к индексу по 1 баллу, а варианты «религиозность» и «послушание», напротив, отнимают. Значение индекса для респондента может составлять от -2 до $+2$ (например, -2 получается, если респондент выбирает одновременно «религиозность» и «послушание», не выбрав ни один из оставшихся вариантов; 0 — если респондент выбирает все четыре качества). После расчета индекса по каждому респонденту вычисляется среднее значение по стране;

- Допустимость аборт и гомосексуализма — оба признака измеряются по 10-балльной шкале, где 1 — никогда нельзя оправдать, а 10 — всегда можно оправдать, т.е. чем больше баллов ставит респондент, тем более лояльно он относится к таким формам поведения; по каждой стране рассчитывается средний балл;
- Гордость за национальность — измеряется на основе порядковой шкалы: 1 — очень горжусь; 2 — скорее горжусь; 3 — скорее не горжусь; 4 — вообще не горжусь. Для каждой страны рассчитывается среднее значение: чем ближе средний балл к 1, тем выше гордость за принадлежность к своей стране и наоборот;
- Уважение к власти — для каждой страны рассчитывается как доля респондентов, не считающих позитивным изменением, если в будущем уважение к власти будет расти, т.е. чем ниже процент, тем выше уважение к власти, и наоборот;
- Индекс постматериализма — первоначально рассчитывается для каждого респондента на основе вопроса о приоритетных целях для страны на ближайшие десять лет. Предлагается выбрать две наиболее важные цели из четырех: два варианта касаются поддержания порядка в стране и борьбы с ростом цен, а вторые два — свободы слова и возможности влиять на государственные решения. Если респондент выбирает оба варианта, связанных со свободой слова и участием в принятии решений, его определяют как носителя постматериалистических ценностей; если оба варианта, связанных с порядком и ростом цен, — как носителя материалистических ценностей; если по одному варианту от каждой группы целей — как носителя смешанного типа ценностей. Для каждой страны рассчитывается доля сторонников постматериалистических ценностей;
- Уровень счастья — измеряется на основе порядковой шкалы: 1 — совсем не счастлив; 2 — скорее не счастлив; 3 — скорее счастлив; 4 — очень счастлив. Для каждой страны рассчитывается средний балл — чем он ближе 4, тем выше уровень счастья;
- Участие в политической жизни — для каждой страны рассчитывается как доля респондентов, фактически принимавших участие в подписании петиций;
- Доверие к людям — как доля респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять.

В соответствии с методологией Инглхарта и Вельцеля, десять признаков отражают две основные оси ценностных ориентаций [15. С. 291–324], причем каждая ось описывается пятью признаками (табл. 1).

Таблица 1

Описание осей ценностных ориентаций на основе набора признаков

Ось: традиционализм vs индивидуализм		
Признак	традиционализм	индивидуализм
значимость веры в Бога	высокая	низкая
индекс автономности	низкий	высокий
допустимость абортов	низкая	высокая
гордость за свою национальность	высокая	низкая
уважение к власти	высокое	низкое
Ось: выживание vs самовыражение		
Признак	выживание	самовыражение
индекс постматериализма	низкий	высокий
уровень счастья	низкий	высокий
участие в политической жизни	низкое	высокое
допустимость гомосексуализма	низкое	высокое
доверие к людям	низкое	высокое

Объединение десяти признаков в рамках двух обобщенных (интегральных) показателей основано на методе главных компонент с применением метода вращения «варимакс», а расчет конкретных значений интегральных показателей — на регрессионном анализе. Полученные значения стандартизируются методом Z-оценки (большинство значений входит в интервал от -3 до 3 , среднее — 0 , стандартное отклонение — 1). Конкретные значения обобщенных показателей во многом зависят от состава стран, включенных в анализ. Например, если страна приняла участие в пяти волнах, то она включается в базу как пять самостоятельных объектов, что обеспечивает максимальный охват данных, собранных за всю историю реализации EVS и WVS. Однако в таком подходе есть и сложности, в частности, если отсутствуют данные по отдельным показателям ряда стран в рамках некоторых волн (если возможно, то пропуски заполняются значениями показателей для этих стран за другие годы). В результате объем выборки составил 448 объектов — это данные о 117 странах в разные моменты времени.

По итогам проведенного анализа на основе собственных значений корреляционной матрицы были извлечены две главные компоненты (два обобщенных показателя), которые суммарно объясняют 68,6% дисперсии исходных призна-

ков (на первую компоненту приходится 41 % дисперсии, на вторую — 27,6%). Значения критериев сферичности Бартлетта (0,001) и адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (0,823) показывают допустимость использования метода главных компонент для анализируемого набора данных. Матрица факторных нагрузок, отражающая связь исходных признаков с новыми интегральными показателями, представлена в Таблице 2: первая компонента в наибольшей мере коррелирует с первыми пятью признаками, которые отражают ось «традиционализм vs индивидуализм». В соответствии с исходными шкалами, чем выше значения по первой компоненте, тем выше уровень секулярно-индивидуалистических ценностей в обществе, и наоборот. Такая интерпретация соответствует полученным данным: так, между первой компонентой и верой в Бога наблюдается сильная отрицательная связь, а с индексом автономности — напротив, сильная положительная, т.е. чем выше значение первой компоненты, тем меньше веры в Бога и выше индекс автономности. Следует отметить корреляции между первой компонентой и показателями «гордость за национальность» и «уважение к власти»: соответствующие показатели имеют обратную зависимость, т.е. чем выше их значения, тем ниже гордость за национальность и уважение к власти (положительные корреляции в табл. 2). Вторая компонента коррелирует с пятью индикаторами, которые отражают ось «выживание vs самовыражение». В соответствии с исходными шкалами, чем выше значения по второй компоненте, тем выше уровень ценностей самовыражения и развития в обществе, и наоборот. При этом ключевым признаком в данном случае является «индекс постматериализма», который отражает ориентацию людей на ценности свободы слова и политического участия. Кроме того, для второй компоненты характерны высокие корреляции с уровнем политического участия, лояльности к гомосексуализму и уровнем счастья.

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок

Исходные признаки	Компонента 1	Компонента 2
значимость веры в Бога	–0,906	
индекс автономности	0,861	
допустимость аборт	0,804	
гордость за национальность	0,776	
уважение к власти	0,6	
индекс постматериализма		0,805
уровень счастья		0,781
участие в политической жизни	0,472	0,715
допустимость гомосексуализма	0,496	0,719
доверие к людям	0,603	0,44

* значения меньше 0,4 скрыты

Таким образом, анализ данных EVS и WVS позволил воспроизвести методологию Инглхарта и Вельцеля и рассчитать значения обобщенных показателей ценностных ориентаций для всех стран в разные годы исследования, что позволяет проводить сравнительный анализ соответствующих показателей в географическом и историческом разрезе. На первом этапе мы воспроизводим мировую карту ценностей — всех стран по итогам последней волны опроса (2017–2020) (рис. 1): Беларусь, как и большинство близких в историко-культурном отношении стран (Россия, Украина, Сербия, Болгария и др.), характеризуется положительными значениями секулярно-индивидуалистических ценностных ориентаций, чем отличается от многих закавказских и среднеазиатских республик бывшего СССР (Азербайджан, Армения, Грузия и др.), которые тяготеют к более традиционным (религиозным) ценностным ориентациям. По второй оси Беларусь характеризуется ориентацией на ценности выживания (стабильности), но в стране более выражено тяготение к ценностям самовыражения, чем в других странах с преобладанием православной версии христианства (Россия, Украина, Сербия, Болгария и др.).

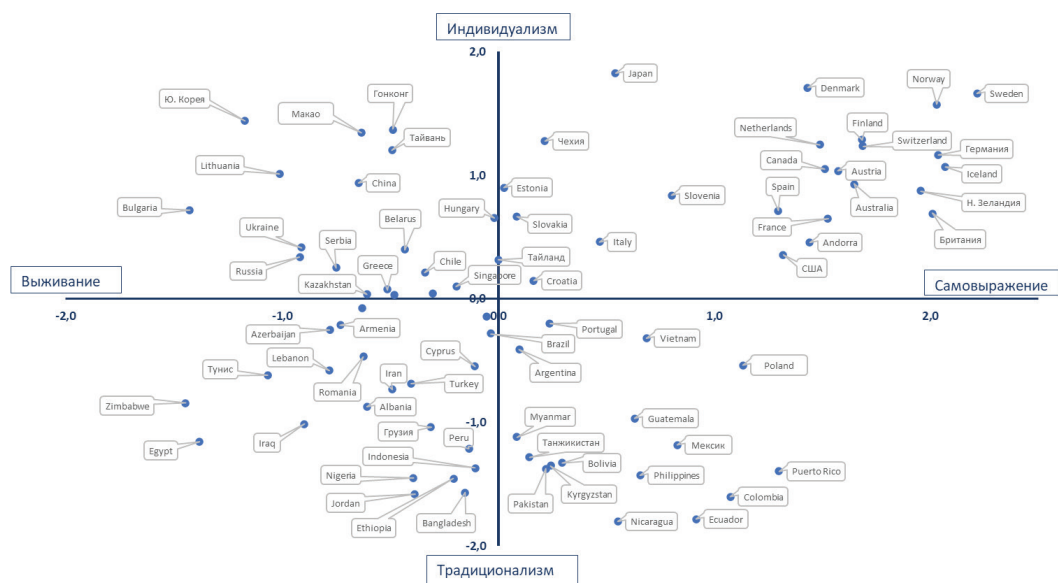

Рис. 1. Страны мира в системе ценностных координат

Динамика позиции Беларуси в системе ценностных координат с 1990 до 2018 года демонстрирует однозначный тренд на снижение значимости ценностей выживания и стремительное движение в направлении ценностей самовыражения и развития. На Рисунке 2 Беларусь представлена в виде целостного объекта в системе ценностных координат, хотя социально-демографические группы общества могут существенно различаться по своим ценностным ориентациям. Для анализа ценностных ориентаций в разрезе

социально-демографических групп население было разделено на подгруппы в зависимости от значений трех признаков: возраст (менее 30; 30– 49; 50+), тип поселения (сельская местность, малые и средние города, крупные города) и наличие высшего образования образование (да; нет). На пересечении признаков образовано 18 подгрупп, для каждой на основе методологии Инглхарта–Вельцеля рассчитаны две оси ценностных ориентаций.

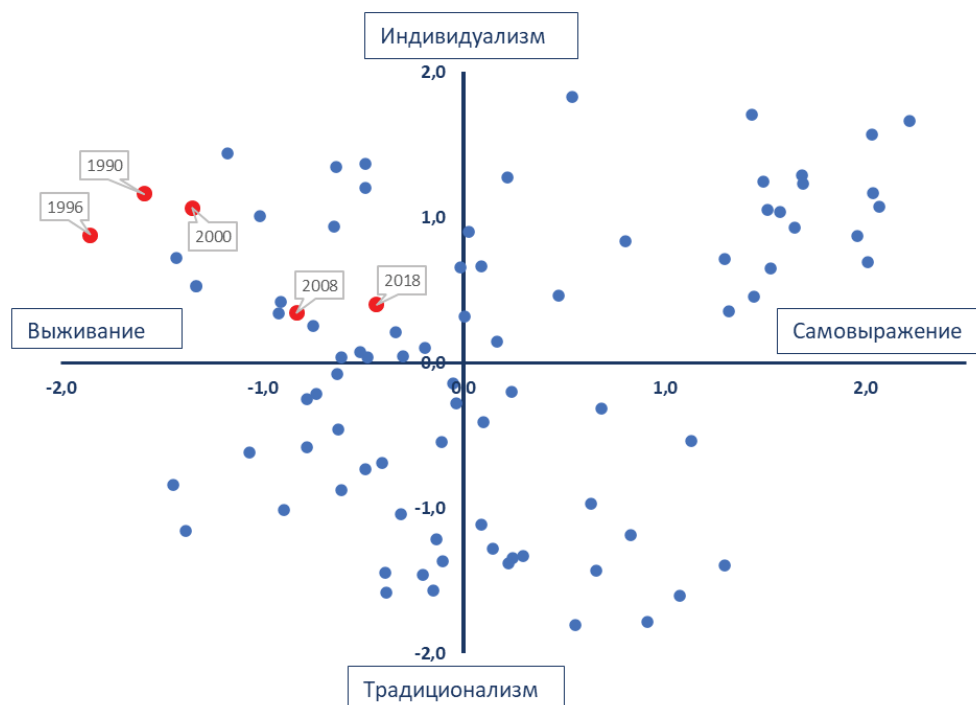

Рис. 2. Динамика позиции Беларуси в системе ценностных координат (1990–2018)

Первоначально для социально-демографических подгрупп было рассчитано евклидово расстояние и проведена кластеризация для определения однородных слоев населения по ценностным ориентациям (рис. 3).

В структуре белорусского общества выделяется кластер с наибольшим уровнем значимости ценностей индивидуализма и самореализации (обозначен синим): три группы городской молодежи (до 30 лет), две из них представлены молодежью с высшим образованием (ВО); группа молодежи из крупных городов без высшего образования (НО), в основном студенты. Второй кластер (обозначен желтым) занимает промежуточное положение по шкале «выживание — самовыражение» и представлен восемью группами, семь из которых характеризуются наличием высшего образования, шесть групп — население в возрасте до 50 лет. Третий кластер (обозначен красным) в наибольшей мере тяготеет к ценностям выживания и представлен семью группами, шесть из которых не имеют высшего образования а четыре составляет население старшего возраста (50+).

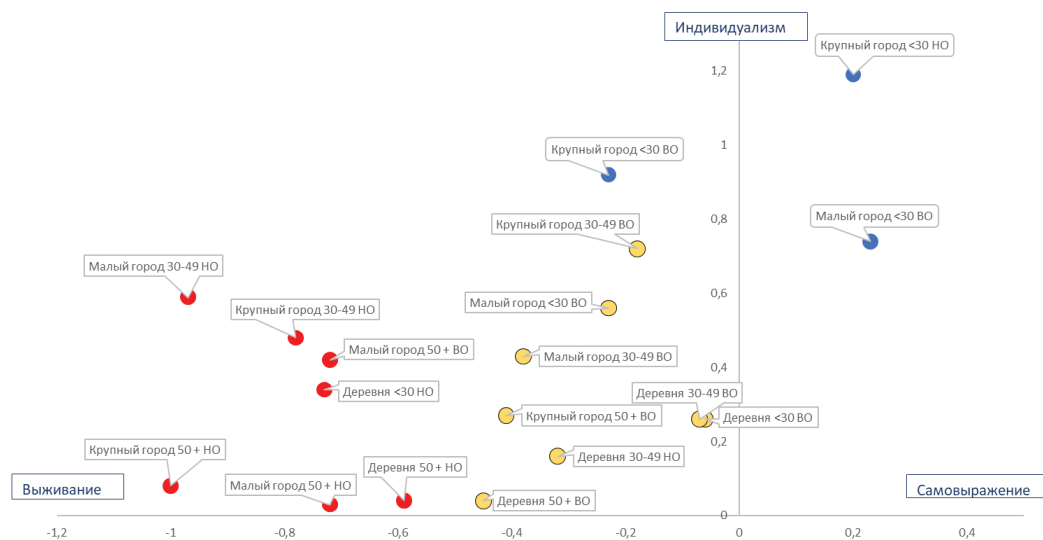

Рис. 3. Социально-демографические группы белорусского общества в системе ценностных координат

Представленные результаты показывают, что за последние десятилетия белорусское общество прошло путь от ценностей выживания и стабильности к ценностям самовыражения и развития, и в авангарде указанных изменений находятся молодые горожане с высшим образованием. По своим ценностным ориентациям данная группа сопоставима с такими странами, как Чехия, Словакия, Венгрия и Хорватия. В то же время значительная часть старших возрастных групп и населения без высшего образования по-прежнему тяготеет к ценностям выживания и стабильности. С учетом возрастного состава данных групп, а также тенденций урбанизации и роста охвата молодежи высшим образованием, можно предположить дальнейшее и ускоренное продвижение белорусского общества в направлении ценностей самовыражения.

Изменение содержания базовых ценностей напрямую связано с адаптацией современной молодежи к жизни в условиях глобальной нестабильности и новых вызовов. Новые поколения остро воспринимают проявления социальной несправедливости, нарушения прав и свобод, нежелание считаться с их мнением в решении актуальных проблем и выборе будущего. Возможность реализации базовых ценностей в существующих социально-экономических условиях становится важнейшим фактором сохранения стабильной ситуации в стране.

Образование существенно влияет на формирование ценностей, но миссия образования меняется, зависит от возможностей государства, человеческого потенциала и социально-политической ситуации. «Образование — это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть... Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться

на усредненный уровень. Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главу угла» [2. С. 412, 414]. В конце прошлого века стратегия образования начала меняться, превращаясь в сферу услуг, — на смену академизму и культу знаний пришли формализм и имитация. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, «в 1990-е годы — начале XXI века в России произошло существенное снижение уровня и качества образования. Были осуществлены неоднозначные, спорные, а в ряде случаев принципиально ошибочные изменения, приведшие к ухудшению социально-экономического положения преподавательской интеллигенции, к дезориентации в ценностных установках студенческой и учащейся молодежи... Педагоги — учителя в школе и преподаватели вузов — во все большей становятся обладателями черт прекариата — слоя, характеризуемого нестабильным, неустойчивым положением на рынке труда, что становится постоянной характеристикой их жизненного мира. Именно такое состояние образования позволяет его характеризовать как травмированное, так как осуществляемые меры по его оптимизации не продвинули, а, наоборот, дезорганизовали процесс подготовки и воспитания интеллектуального потенциала страны» [6. С. 230].

Глобальная нестабильность, происходящие в мире трансформации, детерминированные политическими, экономическими и социокультурными факторами, определяют содержание и место образования в жизни общества. Влияние оказывают и отрицательная демографическая динамика, и новые медиатехнологии, и ускорение динамики жизни. Универсальной модели образования не получается — общие вызовы нивелируются национальными культурами.

Среди общих вызовов следует отметить, прежде всего, лавинообразное внедрение цифровых технологий и телекоммуникационных систем в систему образования. Пандемия подтвердила правильность ставки на их освоение. Цифровые технологии умножают возможности обучения, меняют восприятие собственных достижений, понимание своего развития и систему управления учебным процессом. К тому же Интернет и цифровые технологии становятся все дешевле и доступнее. Наблюдается активное осовременивание управления, форм и методов работы учебных заведений. Создание технологических стартапов оценивается экспертами-инвесторами как одно из наиболее перспективных направлений. В системе образования возникает новый глобальный рынок, который может достаточно быстро заместить традиционные системы и внести новые стандарты. Не случайно чаще других высказывает неудовлетворенность государственным образованием бизнес в сфере высоких технологий — компании ставят вопрос о создании собственных образовательных структур. И наконец, главный вызов для образовательной системы — мотивировать молодых людей учиться. Исследования показывают, что в результате массовизации образования уве-

личивается доля студентов, которые не видят в нем особой ценности. Но, с другой стороны, увеличивается доля молодых людей, которые понимают смысл и значение образования и предъявляют высокие требования к образовательным программам.

Ответом на эти и другие вызовы, которые со временем еще обозначатся, должна стать пересборка системы образования. Образование не может не отвечать запросам научно-технического прогресса, развития экономики и общества. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает комплекс неполноценности, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути и завтрашнем дне. Потребность в глобальной «дорожной карте» будущего образования велика, поскольку образование — ключ к построению другой ценностной реальности. Осваивая новые технологии, создавая новые практики на их основе, меняя собственные представления и приоритеты в связи с этими практиками, образовательные системы трансформируют организацию и содержание образовательных процессов. Конечно, не стоит идеализировать информационно-коммуникационные технологии: в частности, они создают возможности для подмены содержания образования формой, что ведет к профанации обучения и социальной коммуникации. Чтобы построить новую модель образования, нужно не «сносить» предшествующие практики, а вдохнуть в них новую жизнь, найдя здоровое зерно и переосмыслив существующие образовательные подходы. В рамках массовой системы образования необходимо разрабатывать новые подходы и решения, позволяющие преодолеть стоящие перед ней вызовы без драматической потери в качестве, без слепого копирования «лучших практик», игнорируя свой опыт и ценности [5].

Библиографический список

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Понимающая социология. М., 2021.
2. Миронов В.В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М., 2020.
3. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
4. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
5. Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М., 2015.
6. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
7. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2009.
8. Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2013.

9. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, В.В. Правдивца, Д.Г. Ротмана. Минск, 2016.
10. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна 2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
11. Integrated Values Surveys 1981-2021 // URL: <https://www.gesis.org/en/services/finding-and-accessing-data/european-values-study/integrated-values-surveys-ivs-1981-2021>.
12. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. N.Y., 2005.
13. Inglehart–Welzel Cultural Map // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp>.
14. Benedictis L.D., Rondinelli R., Vinciotti V. Cultures as networks of cultural traits: A unifying framework for measuring culture and cultural distances // URL: <https://arxiv.org/abs/2007.02359>.
15. Lakatos Z. Traditional values and the Inglehart constructs // *Public Opinion Quarterly*. 2015. Vol. 79.

Belarusian society: From the values of survival to the values of development and self-expression*

A.A. Belov¹, A.N. Danilov¹, D.G. Rotman²

¹Belarusian State University

Kalvarijskaya St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus

²Centre for Sociological and Political Research of Belarusian State University

Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Abstract. The article considers new trends in the value system of the Belarusian society. Based on the data of the international sociological surveys conducted as waves of the European Values Study and World Values Study, the authors identify changes in the value orientations of the Belarusian society over the past thirty years. The authors use the methodological approach to identifying the system of value orientations that was developed by R. Inglehart and K. Welzel. The study of fundamental trends in the changing value world of the contemporary society is of practical importance for understanding internal factors of the current social-political processes and for assessing prospects for the further sustainable development of social-political institutions. The article aims at identifying the main directions in the transformation of the value orientations of the Belarusian society since the acquisition of state sovereignty. The authors conclude that the Belarusian society moves from the values of survival to the values of development and self-expression. In the project, the authors conducted an analysis of the demographic structure of the Belarusian society in terms of value priorities and found out that the demographic base of secular-individualistic and self-expression values consists of highly educated residents of large cities of younger (under 30) and middle (up to 49) age. Given the growth of the share of population with higher education and the second wave of urbanization (the outflow from small towns to large cities), we should expect an expansion of this demographic base and, accordingly, the further spread of these value orientations. In this

* © A.A. Belov, A.N. Danilov, D.G. Rotman, 2022

The article was submitted on 12.03.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

situation, the education system acts as a source of the ongoing changes and develops the value matrix of the coming social reality.

Key words: basic values; value orientations; post-material values; mission of education; autonomy index; factor analysis; Belarusian society

References

1. Weber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. *Ponimayushchaya sotsiologiya*. Moscow; 2021. (In Russ.).
2. Mironov V.V. *Metafizika ne umiraet: izbrannye statyi, vystupleniya i intervyyu* [Metaphysics Never Dies: Selected Articles, Speeches and Interviews]. Moscow; 2020. (In Russ.).
3. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
4. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opasenyi (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
5. Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Chujkina S. *Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie kariery, rynki i vlast v pyati stranah* [How to Become a Professor: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries]. Moscow; 2015. (In Russ.).
6. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiej i revolyutsiej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Trauma Society: Between Evolution and Revolution (A Theoretical-Empirical Analysis)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus v proekte "Issledovanie evropejskikh tsennostej"* [Value World of the Contemporary Man: Belarus in the European Values Study]. Ed. by D.M. Bulynko, A.N. Danilov, D.G. Rotman. Minsk; 2009. (In Russ.).
8. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnykh proektah po izucheniyu tsennostej* [Value World of the Contemporary Man: Belarus and its Neighbors in the International Value Studies]. Ed. by D.M. Bulynko, A.N. Danilov, D.G. Rotman. Minsk; 2013. (In Russ.).
9. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropejsky soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektah po izucheniyu tsennostej* [Value World of the Contemporary Man: Eastern Partnership, European Union and Russia in the International Value Studies]. Ed. by D.M. Bulynko, A.N. Danilov, V.V. Pravdivets, D.G. Rotman. Minsk; 2016. (In Russ.).
10. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: projekt "Issledovanie evropejskikh tsennostej", volna 2018* [Value World of the Contemporary Man: European Values Study, Wave 2018]. Ed. by D.M. Bulynko, D.G. Rotman. Minsk; 2019. (In Russ.).
11. Integrated Values Surveys 1981–2021. URL: <https://www.gesis.org/en/services/finding-and-accessing-data/european-values-study/integrated-values-surveys-ivs-1981-2021>.
12. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. New York; 2005.
13. Inglehart–Welzel Cultural Map. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.
14. Benedictis L.D., Rondinelli R., Vinciotti V. Cultures as networks of cultural traits: A unifying framework for measuring culture and cultural distances. URL: <https://arxiv.org/abs/2007.02359>.
15. Lakatos Z. Traditional values and the Inglehart constructs. *Public Opinion Quarterly*. 2015; 79.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-544-556

Роль цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии covid-19 (кейс молдавских мигрантов)*

С.В. Рязанцев^{1,3}, О.А. Волкова¹, А.Н. Оставная²

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6–1, Москва, 119333, Россия

²Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
ул. 25 октября, 128, Тирасполь, 347250, Молдова

³Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: riazan@mail.ru; volkovaoa@rambler.ru; alaost@rambler.ru)

Аннотация. Современные информационно-коммуникативные технологии способствуют становлению квазиинститута транснационального сообщества мигрантов в качестве цифровой диаспоры. Ей свойственны несколько функций: поддержание связей со страной происхождения, обеспечение транснационального взаимодействия, конструирование идентичности мигрантов, консолидация их этнической общности и социальная адаптация, выражение субъектности диаспоры в публичной сфере, психоэмоциональная поддержка. Актуальность исследования роли цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии обусловлена необходимостью осмысления адаптации мигрантов в условиях трансформации миграционных процессов и использования мигрантами современных информационно-коммуникативных технологий. Объект исследования — онлайн-группы молдавских мигрантов, которые характеризуются стремительной институционализацией диаспорных организаций. Предмет — механизмы социальной адаптации молдавских мигрантов, призванные преодолеть их уязвимости и риски в условиях пандемии посредством современных информационно-коммуникативных технологий. Исследование основано на концепте «цифровая диаспора» и вторичном анализе данных Представительства Международной организации по миграции в Молдове об интернет-практиках молдавских мигрантов (2017) и положении мигрантов в условиях пандемии (2020). Основной метод исследования — анализ содержания крупнейших интернет-групп молдавских мигрантов в социальной сети. Инструмент анализа — метод построения «дерева проблем» и «дерева решений». Исследование показало, что в период пандемии интернет-группы молдавских мигрантов стали площадкой их самоорганизации и преодоления ряда уязвимостей, а также выполнили информационную, организационную, представительскую, мобилизационную и рекреационную функции. Сделан вывод, что опыт интернет-групп молдавских мигрантов может быть экстраполирован на другие мигрантские сообщества и иные контексты, где целесообразна политическая, экономическая и социокультурная субъектность мигрантов.

Ключевые слова: мигранты; цифровая диаспора; функции цифровой диаспоры; субъектность диаспоры; уязвимость мигрантов; covid-19; молдавская диаспора

* © Рязанцев С.В., Волкова О.А., Оставная А.Н., 2022

Статья поступила 13.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Пандемия covid-19 породила новые риски и угрозы для мигрантов. Большинство публикаций по этой теме рассматривают политики и программы стран исхода и приема мигрантов [30; 31], и незначительное количество публикаций посвящено роли мигрантского сообщества в преодолении уязвимостей [29; 32]. Наше исследование нацелено на рассмотрение интернет-активности молдавского мигрантского сообщества в противостоянии рискам пандемии. Проект основан на эмпирических данных Представительства Международной организации по миграции в Молдове (МОМ Молдова) об особенностях интернет-практик молдавских мигрантов («Интернет-активность молдавских мигрантов и оценка сайтов, которые они используют для удовлетворения своих потребностей», 2017) и положении молдавских мигрантов за рубежом в условиях пандемии («Экспресс-оценка МОМ воздействия covid-19 на благополучие молдавской диаспоры», 2020).

В последние десятилетия в зарубежной науке стало использоваться понятие «цифровая диаспора» («виртуальная диаспора», «е-диаспора»). Его методологической основой служат несколько концепций. Во-первых, теория социального капитала П. Бурдьё, который наряду с экономическим и культурным капиталом выделяет социальный капитал — совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания (членство в группе) [22. С. 66]. Во-вторых, теория воображаемых сообществ Б. Андерсона, согласно которой нация — социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть [21. С. 30–32]. В-третьих — теория сетевого общества М. Кастельса: современные информационные технологии способствуют становлению «сетей», характеризующихся открытостью, децентрализованностью, саморазвитием, преобладанием горизонтальных связей, автономностью включенных в них узлов [27. С. 13]. В-четвертых, концепция «глобальной деревни» М. Маклюэна: использование электронных средств коммуникации делает несущественным физическое расстояние между пользователями и «сжимает» его до размеров «глобальной деревни» [14]. В-пятых, теория миграционных сетей Д. Массея, в которой описаны функции «социальных сетей мигрантов» и «сообществ мигрантов» в создании мигрантской инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие и адаптацию мигрантов [13]. В-шестых, теория транснационализма, которая исходит из включенности мигрантов в многосторонние взаимодействия (семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные, политические) и развития их субъектности и идентичности в этих сетях отношений, связывающих их с двумя и более государствами [1. С. 8].

Концепт «цифровая диаспора» означает сообщество мигрантов, взаимодействующее посредством информационно-коммуникационных технологий. Согласно Дж. Бринкерхофф, цифровой диаспоре свойственны такие харак-

теристики, как добровольность участия и общения, низкие барьеры входа/выхода, неиерархическая коммуникация [2. С. 86]. Цифровая диаспора может выполнять несколько функций:

- поддержание связей со страной происхождения (контактов с семьями и друзьями, оставшимися на родине) [6];
- обеспечение транснационального взаимодействия — посредством онлайн-практик связи мигрантов простираются через континенты и океаны, формируя глобальную виртуальную коммуникацию диаспоры [9]; транснациональная коммуникация поддерживает рассредоточенные «сообщества сходства» и способствует объединению капитала [12];
- конструирование идентичности мигрантов — интернет-активность обеспечивает формирование новых дискурсов и нормативных структур, позволяющих по-новому определить свои идеалы и интересы в качестве сообщества [3], мигранты утрачивают этнические черты, и формируется цифровая транснациональная идентичность [2];
- консолидация этнической общности — этнические онлайн-сообщества и цифровые диаспоры пытаются повернуть время вспять и «обновить чувство общности», выступая элементом посттрадиционного мира [7];
- социальная адаптация — на начальном этапе миграции онлайн-источники наряду с институциональными (посольства/консульства, работодатели, кадровые агентства, мигрантские и другие организации) и неинституциональными структурами (семья, друзья/знакомые) способствуют адаптации мигрантов в стране приема (получение документов, поиск жилья и работы) [15]; социальные сети расширяют возможности поддержания прочных связей с семьей и друзьями, задействуют слабые связи в организации миграции и интеграции, создают новую инфраструктуру, состоящую из латентных связей, содержат дискретные и неофициальные источники инсайдерской информации о миграции [6];
- выражение субъектности диаспоры в публичной сфере — наполнение «мигрантской риторики» в онлайн-группах социально значимой проблематикой [10]; диаспоры все чаще заявляют о своей позиции, используя анонимность и свободу выражения мнений, которые обеспечивает Интернет (особенно это характерно для диаспор, которым было отказано в выражении своей позиции на родине, — курдской диаспоры в Европе, сирийской диаспоры в Турции и др.) [8];
- психоэмоциональная поддержка — возможность ежедневного общения с близкими в социальных сетях может повысить психологическое благополучие мигрантов и побудить их устанавливать больше социальных контактов в офлайне [8].

В отечественной мигрантологии акцентируются несколько особенностей цифровой диаспоры мигрантов: это социально-информационный и коммуникационный квазиинститут, который реализует разные виды информации

онного взаимодействия в формате социального диалога (внутренний диалог этнического сообщества в виде внутренней координации, взаимодействия и самопрезентации; внешний диалог — межобщинное взаимодействие, коммуникация с принимающим государством и его гражданским обществом; гипервнешний диалог — международное транснациональное информационное взаимодействие и транснациональная мобильность) [23. С. 44]; это квазиинститут в силу своей «неформальности», недостаточной легальности и институционального закрепления в принимающем сообществе [24. С. 26]; это централизующее поле для культурной идентичности, связывающее мигрантов с местом происхождения, и виртуальный центр, вокруг которого складываются воображаемые этнические пространства [26. С. 62]. Социальные сети играют ключевую роль в повседневной жизни земляков, представляя собой развивающуюся публичную сферу для диаспор и функционируя как «место встречи» [25]. Членство мигрантов в виртуальном пространстве одновременно консолидирует и дезинтегрирует/фрагментирует национальную идентичность, и основой дезинтеграции выступают расхождения во мнениях и «рваных» нарративах [26]. Социальные медиа выступают в качестве инструмента минимизации информационного дефицита, как один из действенных механизмов интеграции, частично компенсируя дефицит социального капитала в принимающей стране и минимизируя затраты и риски, связанные с тем или иным этапом миграционного процесса [33].

В зарубежной мигрантологии создана серьезная теоретическая основа для анализа процессов миграции с использованием концепта «цифровая диаспора». Среди российских исследователей миграции данный феномен не нашел должного осмысления в качестве методологического инструмента эмпирического изучения, хотя концепт цифровой диаспоры позволяет иначе посмотреть на адаптацию мигрантов, особенно в ситуациях неординарного характера, какой стала пандемия covid-19, доказательством чему служит кейс молдавских цифровых диаспор.

Республику Молдова характеризует интенсивная эмиграция: численность молдавских мигрантов за рубежом составляет около 1 млн., при том что, согласно Бюро национальной статистики Молдовы, на начало 2021 года численность населения страны составила 2,6 млн. Значительная часть молдавских мигрантов за рубежом — это временные трудовые мигранты в России, Италии, Израиле, Германии и др. В последние годы Молдова проводит активную миграционную политику, реализуя множество программ и проектов по консолидации молдавской диаспоры, в результате чего во многих странах функционируют молдавские диаспорные организации, включая онлайн-сообщества. Согласно результатам картографирования ассоциаций молдавской диаспоры, их характеризуют следующие достижения: добились признания диаспоры надежным партнером властями стран приема; продвижение Молдовы в стране эмиграции; сохранение и передача молдавской

культуры и традиций, общего исторического наследия и основ взаимодействия между Молдовой и страной эмиграции; выступление в качестве агента перемен в Молдове и помощи населению; импорт положительного опыта из стран эмиграции в Молдову; ресурс информирования о безопасной миграции и социальной защите мигрантов [19]. Отмечается активность молдавских мигрантов в создании интернет-сообществ и их использовании в качестве инструментов информирования мигрантов, т.е. социальные сети стали источником транснационального влияния (в том числе политической мобилизации и передаче инноваций [5], сохранении этнической и культурной идентичности детей молдавских мигрантов за рубежом [20]).

В допандемийный период были проведены исследования молдавских мигрантов за рубежом [4; 16–18]: они показали высокий уровень уязвимости мигрантов в правовой (легальность пребывания и социальная защищенность), экономической (занятость, доходы и качество жизни) и социальных сферах (адаптация и интеграция). Исследование «Экспресс-оценка МОМ воздействия covid-19 на благополучие молдавской диаспоры» выявило новые уязвимости: снижение доходов (62%), отсутствие компенсации или пособия по безработице (57%), потеря или приостановление работы (47%), потеря доходов (26%), нехватка денег для покрытия расходов по ипотеке или аренде жилья (23%), качество жизни на грани выживания (16%). Факторами уязвимости стали: правовой статус в стране пребывания; сфера деятельности; тип трудового договора; политика социальной защиты принимающей страны и включения мигрантов в число ее бенефициаров; бюрократические процедуры доступа к государственной поддержке и т.д. [28. С. 52]. Согласно результатам исследования «Интернет-активность молдавских мигрантов и оценка сайтов, которые они используют для удовлетворения своих потребностей» порядка 60–75% молдавских мигрантов пользуются Интернетом ежедневно, и наиболее популярные ресурсы — социальные сети (81%), видеохостинги (74%), онлайн-чаты (63%) и новостная рассылка онлайн (49%).

Наше исследование показало, что крупнейшие интернет-сообщества молдаван за рубежом функционируют в социальной сети Facebook¹. Были выявлены 8 групп, в которых состоят свыше 10 тысяч человек. Крупнейшие из них (свыше 50 тысяч) объединяют пользователей в транснациональную группу «Adopta un moldovean» [Приобрати молдаванина], а также в географические группы в Великобритании, Италии и Франции. Примечательно что численность молдавских цифровых диаспор по данным локациям (за исключением Италии) в разы больше, чем официальное количество мигрантов в них: по данным дипломатических и консульских миссий Республики

¹ Компания Meta Platforms Inc., владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, по решению суда от 21.03.2022 г. признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

Молдова, в 2019 году 129 тысяч молдаван находились в Италии, 18 тысяч — в Великобритании, 17 — во Франции. Это обстоятельство обусловлено тем, что цифровые диаспоры представляют собой транснациональное сообщество, которое объединяет молдавских мигрантов в конкретной стране, в других странах, членов их семей, возвратных мигрантов в Молдове и соотечественников, планирующих эмиграцию за рубеж.

Тематика диаспорных интернет-групп зависит от интернет-культуры мигрантов и приоритетов их коммуникации. Так, среднее число публикаций по 8 группам составляет 27,9 публикаций в сутки и 683,9 публикаций в месяц (Табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие интернет-группы молдавских мигрантов в социальной сети

Группы	Дата регистрации	Количество участников на 07.02.2022	Частота публикаций		Ссылка
			в сутки	в месяц	
Moldoveni in UK [Молдаване в Великобритании]	29.05.2012	79260	33	902	https://www.facebook.com/groups/233845123394521
Moldoveni in Italia [Молдаване в Италии]	23.10.2016	75637	9	344	https://www.facebook.com/groups/moldoveni.in.italia
Salut Paris (Moldovenii in Franta/ Moldovenii din Paris) [Привет Париж (Молдаване во Франции/ Молдаване в Париже)]	18.01.2015	68966	95	2127	https://www.facebook.com/groups/Franta
Adopta un moldovean [Приобрети молдаванина]	24.12.2016	56817	5	173	https://www.facebook.com/groups/1835960850007480
Moldoveni in Germania [Молдаване в Германии]	16.11.2017	33728	28	651	https://www.facebook.com/groups/BASARABENI.IN.GERMANIA/
Moldoveni in Spania [Молдаване в Испании]	25.02.2013	18807	8	185	https://www.facebook.com/groups/189552631169097
Moldovenii in Israel [Молдаване в Израиле]	01.12.2018	18757	19	434	https://www.facebook.com/groups/206712266873877/
Moldoveni in Olanda [Молдаване в Голландии]	22.08.2018	13180	26	655	https://www.facebook.com/groups/moldoveniinolanda

Интернет-активность молдавских мигрантов связана с тем, что в условиях зарубежья для них характерны проблемы социокультурной адаптации и интеграции, т.е. значима коммуникация внутри мигрантского сообщества. Поскольку молдавских мигрантов за рубежом характеризует высокая дисперсия в географическом пространстве, офлайн-коммуникация с соотечественниками затруднена, а Интернет и социальные сети обеспечивают взаимодействие. Аргументом в пользу этой гипотезы служит тот факт, что крупнейший контингент молдавских мигрантов проживает в России (356,8 тысяч), где социокультурная адаптация и интеграция молдаван с россиянами происходит быстрее, чем в других странах. Причем в социальных сетях лишь несколько интернет-групп молдавских мигрантов в России («Молдаване в Москве и МО» — 8,3 тысячи, «Молдаване в России» — 3,5, «Молдаване Санкт-Петербурга» — 3,1), т.е. количество их участников значительно меньше числа молдавских мигрантов в стране, а публикационная активность в группах очень низкая.

В период пандемии covid-19 большинство стран ввели ограничения на перемещения населения, установили режим самоизоляции и пр., что повысило роль Интернета в самоорганизации мигрантов. Исследователи выделили следующие уязвимости мигрантов в период пандемии: заражение; отсутствие доступа к надлежащему уходу; возникновение серьезных симптомов и осложнений; негативное психосоциальное воздействие; отсутствие доходов и средств существования [11]. Поскольку эта система уязвимостей мигрантов в условиях пандемии имеет иерархический характер, она легла в основу «дерева проблем», а анализ содержания публикаций в интернет-группах молдавских мигрантов позволил разработать для него «дерево решений» (Табл. 2).

Таблица 2

«Дерево проблем» и «дерево решений» для интернет-групп мигрантов

Заражение covid-19	→	Предотвращение заражения
Ограниченная осведомленность о рекомендуемых профилактических мерах, в том числе из-за языковых барьеров	→	Информирование о профилактических мерах на языке мигранта
Неспособность соблюдать социальную дистанцию в многолюдных домах	→	Информирование о размещении в безопасных условиях
Опора на общественный транспорт	→	Информирование о частных пассажирских перевозках
Занятость в профессиях с близким контактом с людьми	→	Информирование о правах в профессиях с близким контактом с людьми
Ограниченный доступ к основным предметам гигиены	→	Сбор и раздача предметов гигиены
Ограниченные средства индивидуальной защиты на рабочем месте	→	Информирование о правах на средства индивидуальной защиты на работе

Продолжение таблицы 2

Отсутствие доступа к надлежащему уходу	→	Информирование о правах доступа к надлежащему уходу
Отсутствие права/приоритета на медицинское обслуживание	→	Информирование о правах на медицинское обслуживание
Отсутствие доступа к объектам инфраструктуры	→	Информирование о доступных объектах инфраструктуры
Ограниченная осведомленность о вариантах/праве на медицинскую помощь	→	Информирование о вариантах/праве на получение медицинской помощи
Языковые барьеры	→	Посредничество
Нежелание обращаться за помощью из-за страха ареста или стигматизации	→	Поддержка/посредничество
Возникновение серьезных симптомов и осложнений	→	Минимизация серьезных симптомов и осложнений
Легочные (респираторные) проблемы, связанные с поездками и условиями жизни	→	Информирование о безопасной миграции
Физическое истощение	→	Сбор и раздача предметов первой необходимости, предоставление приюта
Невозможность получить своевременную помощь	→	Информирование и посредничество
Негативное психосоциальное воздействие	→	Минимизация воздействия
Ограниченное жилое и бытовое пространство во время изоляции	→	Информирование о размещении мигрантов в безопасных условиях
Изоляция и неспособность общаться	→	Коммуникация с помощью современных средств связи, в том числе с психологами
Препятствия для захоронения умерших	→	Информирование о возможностях и помощь в захоронении умерших
Беспокойство, связанное с ограничениями передвижения, потенциальным арестом или вероятностью стать жертвой ксенофобских действий	→	Поддержка/посредничество при обращении за помощью и организации возвращения на родину
Отсутствие доходов и средств существования	→	Сбор и раздача финансовой помощи и предметов первой необходимости
Прекращение базовой помощи и услуг по интеграции	→	Информирование и посредничество
Потеря работы	→	Информирование о правах при потере работы, новых вакансиях
Невключение в схему поддержки доходов, программы предоставления жилья или субсидий, льгот на аренду	→	Информирование и посредничество
Неспособность поддерживать статус регулярной миграции	→	Информирование и посредничество

Таким образом, метод дерева проблем и решений доказывает эффективность интернет-групп мигрантов в преодолении уязвимостей пандемии — они выступили в качестве площадки самоорганизации и выполнили следующие функции: информационную — информирование мигрантов о различных аспектах заболевания, вакцинации, перемещений, социальной защиты и др. (в онлайн-группах публиковалась официальная информация и описывался опыт мигрантов, т.е. группы оказались более эффективными в информировании мигрантов, чем официальные каналы коммуникации (сообщения государственных структур и СМИ)); организационная — решение проблем мигрантов с помощью сообщества (информирование, волонтерство, сбор финансовых средств и др.); представительская — защита прав и интересов мигрантов, в том числе в рамках проводимой Республикой Молдова политики возвращения и социальной защиты мигрантов в условиях пандемии; мобилизационная — активизация политического (электорального) потенциала диаспоры для политических процессов в Республики Молдова (так, во втором туре выборов Президента Республики Молдова в 2020 году на зарубежных избирательных участках проголосовало 16% всего электората, на досрочных парламентских выборах в 2021 году — 14,4%); рекреационная — снятие психологического напряжения на фоне стресса в условиях пандемии посредством общения и взаимной поддержки.

Информация о финансировании

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН

Библиографический список

1. *Basch L.G., Glick Schiller N., Szanton Blanc C.* Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. Langhorne, 1994.
2. *Brinkerhoff J.* Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement. Cambridge, 2009.
3. *Brinkerhoff J.M.* Digital diasporas' challenge to traditional power: The case of Tibet Board // *Review of International Studies*. 2011. No. 38.
4. *Cheianu-Andrei D.* Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom. Chisinau, 2013.
5. *Ciobanu R., Rosca M.* Moldovan diaspora's social networks: Political mobilization and participation // *Central and Eastern European EDem and EGov Days*. 2020. Vol. 338.
6. *Dekker R., Engbersen G.* How social media transform migrant networks and facilitate migration // *Global Networks*. 2013. Vol. 14. No. 4.
7. *Diamandaki K.* Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global Media Journal*. 2003. No. 2.
8. *Diker E.* Social media and migration // URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration>.
9. *Everett A.* Digital Diaspora: A Race for Cyberspace. Albany, 2009.
10. *Filiz G., Asad A.L.* Migrant networks. Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource. URL: DOI:10.1002/9781118900772. etrds0220.
11. *Guadagno L.* Migrants and the covid-19 pandemic: An initial analysis // *Migration Research Series*. 2020. Vol. 60.

12. Komito L. Social media and migration: Virtual community 2.0 // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. Vol. 62. No. 2.
13. Massey D. A synthetic theory of international migration // World in the Mirror of International Migration. 2002. No. 1.
14. McLuhan M., Powers B.R. The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century. N.Y., 1992.
15. Meeteren M.J., Pereira S. The differential role of social networks. Strategies and routes in Brazilian migration to Portugal and the Netherlands // Citizenship, Migration & the City. 2013. Vol. 66.
16. Mosneaga V. Mapping Moldovan diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia. Chisinau, 2017.
17. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges. Chisinau, 2013.
18. Ostavnaia A. Mapping Migration from Transnistria. Chisinau, 2017.
19. Vladicescu N. Cartografierea asociațiilor din diasporă. Studiu sociologic. Chisinau, 2021.
20. Volkova O., Besschetnova O., Ostavnaja A. Distance education as a way of saving ethnic and cultural identity of migrant children // International Scientific Conference “eLearning and Software for Education”. 2017. Vol. 1.
21. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
22. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
23. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Цифровая диаспора мигрантов: к вопросу о методологии исследования // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5.
24. Глухов А.П., Кужелева-Саган И.П. Новые концептуальные рамки исследований «цифровизации» миграции и диаспор: от маргинала к «подключенному» к сети // «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск, 2016.
25. Демченко Е.В. Роль электронных СМИ и социальных медиа в создании новой коммуникативной среды диаспоры (на примере удмуртов) // Человеческий капитал. 2017. № 10.
26. Исхакова Л.Г. Гибридные идентичности представителей диаспор: кейс татар в США // Дискуссия. 2017. № 11.
27. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
28. Оставная А.Н. Проблемы молдавских мигрантов в условиях пандемии covid-19 // Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2.
29. Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии covid-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6.
30. Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. Влияние пандемии covid-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4.
31. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии covid-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3.
32. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Касымов О.К. Таджикские общины в российских регионах в период пандемии covid-19: занятость и солидарность // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 1.
33. Тимошкин Д. Доверие vs дезинформация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5.

The role of the digital diaspora in overcoming the vulnerabilities of migrants under the covid-19 pandemic (the case of Moldovan migrants)*

S.V. Ryazantsev^{1,3}, O.A. Volkova¹, A.N. Ostavnaia²

¹Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

²Shevchenko Pridnestrovian State University
25 October St., 128, Tiraspol, 347250, Moldova,

³RUDN University

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

(e-mail: riazan@mail.ru; volkovaoa@rambler.ru; alaost@rambler.ru)

Abstract. Contemporary information-communication technologies contribute to the development of the quasi-institution ‘transnational migrant community’ in the form of digital diaspora. It has several functions: maintaining ties with the country of origin, ensuring transnational interaction, constructing the identity of migrants, consolidating their ethnic community and social adaptation, expressing the subjectivity of the diaspora in the public sphere, psycho-emotional support. The relevance of the study of the digital diaspora’s role in overcoming vulnerabilities of migrants under the pandemic is determined by the need to consider the adaptation of migrants in the context of the transformation of migrations and the use of contemporary information-communication technologies by migrants. The object of the study is the online groups of Moldovan migrants, which are characterized by the rapid institutionalization of diaspora organizations. The authors focus on the mechanisms of social adaptation of Moldovan migrants, which serve to overcome their vulnerabilities and risks under the pandemic with information-communication technologies. The study is based on the concept “digital diaspora” and the secondary analysis of the data from the Representative Office of the International Organization for Migration in Moldova on the Internet practices of Moldovan migrants (2017) and on the situation of migrants under the pandemic (2020). The main research method is the analysis of the content of the largest Internet groups of Moldovan migrants in the social network with the techniques “problem tree” and “decision tree”. The study showed that during the pandemic, the Internet groups of Moldovan migrants became a platform for their self-organization and overcoming vulnerabilities, and also performed informational, organizational, representative, mobilization and recreational functions. The authors believe that the experience of the Internet groups of Moldovan migrants can be extrapolated to other migrant communities and other contexts supporting the political, economic and social-cultural subjectivity of migrants.

Key words: migrants; digital diaspora; functions of digital diaspora; diaspora subjectivity; migrants’ vulnerability; covid-19; Moldovan diaspora

Funding

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System. Project № 060120-2-174.

* © S.V. Ryazantsev, O.A. Volkova, A.N. Ostavnaia, 2022

The article was submitted on 28.11.2021. The article was accepted on 10.06.2022.

References

1. Basch L.G., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne; 1994.
2. Brinkerhoff J. *Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement*. Cambridge; 2009.
3. Brinkerhoff J.M. Digital diasporas' challenge to traditional power: The case of Tibet Board. *Review of International Studies*. 2011; 38.
4. Cheianu-Andrei D. *Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom*. Chisinau; 2013.
5. Ciobanu R., Rosca M. Moldovan diaspora's social networks: Political mobilization and participation. *Central and Eastern European EDem and EGov Days*. 2020; 338.
6. Dekker R., Engbersen G. How social media transform migrant networks and facilitate migration. *Global Networks*. 2013; 14. (4).
7. Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace. *Global Media Journal*. 2003; 2.
8. Diker E. Social media and migration. URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration>.
9. Everett A. *Digital Diaspora: A Race for Cyberspace*. Albany; 2009.
10. Filiz G., Asad A.L. Migrant networks. Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource. URL: DOI:10.1002/9781118900772. etrds0220.
11. Guadagno L. Migrants and the covid-19 pandemic: An initial analysis. *Migration Research Series*. 2020; 60.
12. Komito L. Social media and migration: Virtual community 2.0. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2011; 62 (2).
13. Massey D. A synthetic theory of international migration. *World in the Mirror of International Migration*. 2002; 1.
14. McLuhan M., Powers B.R. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century*. New York; 1992.
15. Meeteren M.J., Pereira S. The differential role of social networks. Strategies and routes in Brazilian migration to Portugal and the Netherlands. *Citizenship, Migration & the City*. 2013; 66.
16. Mosneaga V. *Mapping Moldovan diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia*. Chisinau; 2017.
17. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. *Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges*. Chisinau; 2013.
18. Ostavnaiia A. *Mapping Migration from Transnistria*. Chisinau; 2017.
19. Vladicescu N. *Cartografierea asociatiilor din diaspora. Studiu sociologic*. Chisinau; 2021.
20. Volkova O., Besschetnova O., Ostavnaja A. Distance education as a way of saving ethnic and cultural identity of migrant children. *International Scientific Conference "eLearning and Software for Education"*. 2017; 1.
21. Anderson B. *Voobrazhayemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow; 2001. (In Russ.).
22. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002; 3 (5). (In Russ.).
23. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Tsifrovaya diaspora migrantov: k voprosu o metodologii issledovaniya [Digital diaspora of migrants: On the research methodology]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2020; 9 (5). (In Russ.).
24. Glukhov A.P., Kuzheleva-Sagan I.P. Novye kontseptualnye ramki issledovaniy "tsifrovizatsii" migratsii i diaspor: ot marginala k "podklyuchennomu" k seti [A new conceptual framework for the study of the "digitalization" of migration and diasporas: From the marginal to the "connected"]. *"Tsifrovyye diaspori" migrantov iz Tsentralnoy Azii: virtualnaya setevaya organizatsiya, diskurs "voobrazhaemogo soobshchestva" i konkurentsiya identichnostey*. Tomsk; 2016. (In Russ.).

25. Demchenko E.V. Rol elektronnyh SMI i sotsialnyh media v sozdanii novoy kommunikativnoy sredy diaspory (na primere udmurtov) [The role of the electronic mass media and social media in creating a new communicative environment for the diaspora (on the example of the Udmurts)]. *Chelovechesky Kapital*. 2017; 10. (In Russ.).
26. Iskhakova L.G. Gibridnye identichnosti predstaviteley diaspor: keys tatar v SShA [Hybrid identities of diasporas' representatives: The Tatar case in the US]. *Diskussiya*. 2017; 11. (In Russ.).
27. Castells M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg; 2004. (In Russ.).
28. Ostavnaia A.N. Problemy moldavskikh migrantov v usloviyah pandemii covid-19 [Problems of Moldovan migrants under the covid-19 pandemic]. *Demograficheskie Issledovaniya*. 2021; 1 (2). (In Russ.).
29. Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Uyazvimye gruppy v chrezvychaynyh situatsiyah: solidarnost i doverie gosudarstvu kak osnova strategiy migrantov v Rossii vo vremya pandemii covid-19 [Vulnerable groups during disasters: Solidarity and trust to the state as the basis for migrant strategies in Russia under the covid-19 pandemic]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 6. (In Russ.).
30. Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. Vliyanie pandemii covid-19 na polo-zhenie migrantov na rynkakh truda stran SNG [The impact of the covid-19 pandemic on the labor migration in the CIS]. *Baltiysky Region*. 2020; 12 (4). (In Russ.).
31. Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ryazantsev N.S. Polozhenie trudovyh migrantov v regi-onah mira: vyzovy pandemii covid-19 i reaktsiya pravitelstv [Situation of labor migrants in the regions of the world: Challenges of the covid-19 pandemic and the response of governments]. *Nauchnoe Obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i Pravo*. 2020; 3. (In Russ.).
32. Ryazantsev S.V., Vazirov Z.K., Kasymov O.K. Tadzhikskie obshchiny v rossiyskikh re-gionah v period pandemii covid-19: zanyatost i solidarnost [Tajik communities in Russian regions during the covid-19 pandemic: Employment and solidarity]. *Nauchnoe Obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i Pravo*. 2021; 1. (In Russ.).
33. Timoshkin D. Doverie vs dezinformatsiya: ekonomika russkoyazychnykh "migrantskih" grupp v sotsialnyh setyah [Trust vs disorientation: Economy of the Russian-speaking "migrant" groups in the social media]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2019; 20 (5). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-557-571

Стартовые позиции абитуриентов вузов и особенности их дальнейшего обучения: социологический анализ*

И.А. Алешковский², А.Т. Гаспаршвили^{1,2,3},
О.В. Крухмалева^{1,2}, Н.П. Нарбут^{1,3}, Н.Е. Савина²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский государственный университет
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

³Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образовательных траекторий студентов в зависимости от того, как они поступали в вуз. Отличительной чертой образовательного перехода «школа–вуз» в российской системе образования является разнообразие оснований для поступления: по результатам ЕГЭ, по итогам участия в олимпиадах школьников, по целевому приему, по особой квоте. Эти основания оказывают существенное влияние как на дальнейшие образовательные траектории студентов, так и на качество подготовки специалистов и их профессиональные траектории. Вместе с тем устойчивость системы высшего образования к внешним вызовам, обеспечение ее конкурентоспособности, модернизация и поиск новых форм и моделей работы с талантливой молодежью в настоящее время являются приоритетными направлениями развития отечественной высшей школы. В статье представлена сравнительная оценка студенческого контингента, его мотивации на обучение и образовательные достижения, представлений о возможных профессиональных и образовательных траекториях в разрезе различных групп обучающихся. Основой для анализа послужили данные опроса студентов вузов России, проведенного сотрудниками Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) и Российского университета дружбы народов (РУДН) в ноябре–декабре 2021 года (N = 37457). Результаты опроса показали, что на этапе перехода из школы в вуз формируется неоднородный студенческий поток, различающийся по качеству и формам подготовки, реализации индивидуальных способностей и склонностей, уровню мотивации и запросов на получение высшего образования. Особую группу среди абитуриентов составляют победители и призеры олимпиад школьников — как наиболее перспективные и мотивированные выпускники школы. Реалии вступительных кампаний последних лет показывают, что наличие вариативных оснований поступления в вуз приводит к конфликтам и противоречиям в рамках высшей школы.

* © Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е., 2022
Статья поступила 10.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Ключевые слова: высшее образование; образовательный переход; олимпиады школьников; целевое обучение; ЕГЭ; качество образования; талантливая молодежь; индивидуальные образовательные траектории

Обеспечение качества высшего образования, его соответствия современным запросам экономики и общества — основные задачи системы подготовки профессиональных кадров, которые решаются как каждой образовательной организацией, так и системой высшего образования в целом. Реалии пандемии covid-19 обострили требования к качеству образования, в том числе в контексте обеспечения качества контингента абитуриентов при переходе из системы общего образования в высшую школу. Различные меры, введенные в связи с пандемией, пересмотр порядка и сроков сдачи итоговой государственной аттестации также оказали значительное влияние на сложившиеся процедуры перехода «школа–вуз». Новый порядок приема в вузы с 2021/2022 учебного года вызвал бурные дискуссии в академической среде, а также ряд обоснованных претензий со стороны участников образовательного процесса и общества.

Образовательному переходу «школа–вуз» посвящен целый ряд работ отечественных [1; 4; 9; 14; 16] и зарубежных авторов [5; 20; 22]. Отличительная особенность российской системы высшего образования — различные основания для поступления. Основная часть абитуриентов поступает в вуз по результатам единого государственного экзамена (ЕГЭ). Однако абитуриенты могут быть зачислены по целевому набору, в рамках особой квоты, как победители и призеры олимпиад школьников. Такая вариативность оснований для вхождения в систему высшего образования присуща российской системе и не имеет аналогов. В то же время организация и вовлечение школьников в интеллектуальные соревнования характерны для многих стран, но в каждой системе они имеют особенности, сконцентрированы на определенных направлениях (математика, информатика, науки об обществе) и, как правило, могут выступать элементом портфолио ученика при поступлении в вуз [14]. Важно отметить, что массового характера эти мероприятия не носят. В целом российские эксперты неоднозначно оценивают наличие предпочтений для разных категорий абитуриентов — они могут увеличивать образовательное неравенство, вносить элементы непрозрачности и коррупционности в прием в высшую школу [2; 7; 15; 23; 25].

Работа с особыми категориями абитуриентов, в частности с теми, кто имеет более высокие результаты на выходе из системы среднего образования (талантливая молодежь, одаренные дети), а также возможности реализации индивидуальных образовательных траекторий активно обсуждаются в последние годы в российской и зарубежной литературе [9; 10; 25]. Анализ этих проблем вышел за пределы психолого-педагогического знания в междисциплинарный контекст. Одной из национальных целей развития России до 2030 года стали возможности для самореализации и развития талантов.

Важность работы по выявлению и сопровождению талантливых детей отмечена в паспорте Национального проекта «Образование», включающем федеральный проект «Успех каждого ребенка», который подразумевает работу с талантливыми детьми [1]. Традиционно работа с ними на уровне школы соотносится, прежде всего, с участием в интеллектуальных соревнованиях и конкурсах, но неверно считать данное направление единственным и определяющим в системе среднего образования.

Поиск, отбор и вовлечение талантливой молодежи в научно-образовательный процесс в России осуществляется в рамках массового олимпиадного движения школьников. Основы проведения интеллектуальных состязаний для школьников в России имеют глубокие корни [6], и за последние годы сложилась система, которая уверенно зарекомендовала себя в практической работе, — на международной арене российские сборные имеют устойчивую лидерскую позицию. Основой олимпиадного движения являются Всероссийская олимпиада школьников, проводимая Минпросвещения, и олимпиады под эгидой Российского совета олимпиад школьников. Два этих блока ежегодно объединяют миллионы талантливых и целеустремленных обучающихся для прохождения интеллектуальных соревнований как в рамках школьных дисциплин, так и смежных наук и комбинированных, нестандартных направлений. Цель такой работы — отбор и стимулирование развития талантов и одаренных детей, формирование ранней профилизации школьников, содействие образовательной мобильности.

Всероссийская олимпиада школьников (ВОШ) — самое массовое интеллектуальное мероприятие для школьников в России. Она охватывает 24 общеобразовательных предмета и включает четыре этапа: школьный, муниципальный, региональный и заключительный. Диплом победителя (призера) олимпиады предоставляет право поступления в вуз без экзаменов по направлению подготовки (специальности), соответствующей профилю ВОШ. В 2020/2021 учебном году участниками школьного этапа ВОШ стали более 7 миллионов школьников, по итогам заключительного этапа 496 школьников стали победителями и 2379 — призерами [14]. Перечневые олимпиады проводятся под эгидой Российского совета олимпиад школьников (РСОШ), который был создан Минобрнауки в 2007 году при организационно-техническом и научно-методическом сопровождении Российского Союза ректоров (РСР).

Основными конкурентными группами при поступлении в вуз выступают олимпиадники и высокобалльники (выпускники с результатами ЕГЭ выше 90 баллов по каждому предмету) — как наиболее перспективные и мотивированные абитуриенты. Результаты ЕГЭ и дальнейшие образовательные траектории выпускников школ находятся в поле зрения исследователей, например, отмечено, что «результаты экзаменов и личностные характеристики абитуриента влияют на потенциал студентов и их успеваемость» [25]: студенты,

поступившие по результатам олимпиад, превосходят по успеваемости тех, кто поступил на общих основаниях, в том числе при одинаковых показателях ЕГЭ, т.е. важны определенные личные качества студентов-олимпиадников.

Предпочтения олимпиадников в выборе вуза и проблемы, возникающие в связи с их территориальным распределением, анализировались в совместном исследовании РСР и ВШЭ в 2010–2011 годы [8]: «Олимпиадники составляют авангард выпускников, а всякий авангард — немногочисленный. Почти 30 % вузов вообще не обучают олимпиадников, еще 30 % принимают не более 9 победителей и призеров олимпиад. Еще в треть вузов поступают не более 250 олимпиадников, и только 7 % вузов принимают их больше. При этом более 1000 олимпиадников принимает менее 1 % вузов. В целом олимпиадники составляют чуть более 4 % от общей численности очных бюджетных мест в России» [8]. За прошедшие годы ситуация практически не изменилась.

На протяжении последних лет наблюдается тенденция увеличения числа дипломантов олимпиад школьников, растет популярность интеллектуальных состязаний и уменьшается возраст их участников, однако в доленом отношении (среди всех абитуриентов, приходящих в высшую школу) количество таких абитуриентов незначительно. Возрастает и количество выпускников школ, являющихся высокобалльниками. Тем самым и качественное школьное образование, и олимпиады стали значимым социальным лифтом для выпускников. Проблема заключается в том, что большую часть дипломантов олимпиад традиционно принимают лишь около десяти вузов — «идет перераспределение олимпиадников по вузам. В условиях экономических проблем... ставка на профессиональный успех растет, и студенты-олимпиадники и высокобалльники выбирают ведущие вузы, которые за счет высокого качества образования гарантируют потом трудоустройство. Те олимпиадники из регионов, которые раньше могли позволить себе “домашний” вуз, теперь считают, что надо ехать в Москву» [2]. По данным за 2021 год, большинство победителей и призеров олимпиад школьников поступили в следующие университеты (табл. 1).

Таким образом, необходимость анализа форм подготовки, отбора и обучения в вузах разных контингентов обучающихся — талантливой молодежи (участников олимпиад школьников и тех, кто сдал ЕГЭ на стобалльный результат) и тех, кто поступал по общему конкурсу, представляется актуальной практико-ориентированной задачей. Мотивация на обучение представителей каждой группы, уровень и способы подготовки к поступлению, а также требования к образовательному процессу в вузе и будущей профессиональной деятельности — интересные и перспективные направления социологического анализа, результаты которого могут способствовать вариативности организации работы с разными группами студентов и повышению качества высшего образования.

Таблица 1

Университеты по количеству абитуриентов, зачисленных на бюджет без вступительных испытаний (олимпиадников) в 2021 году [10]

Вуз	Зачислено на бюджет, чел.	Без вступительных испытаний, чел.	%
МГУ имени М.В.Ломоносова	3835	494	12,9
НИУ «Высшая школа экономики»	2411	1060	44,0
СПбГУ	2136	365	17,1
Финансовый университет	1480	370	25,0
Университет ИТМО	1336	511	38,3
РУДН	1029	201	19,6
МФТИ	914	382	41,8
НИЯУ МИФИ	824	304	36,9
РАНХиГС	706	265	37,5
НИУ «МИСиС»	698	150	21,5
МГИМО	405	102	25,2

Объект исследования — студенты вузов России, предмет — мотивация на получение высшего образования у разных категорий студентов и образовательные достижения в процессе обучения. Опрос был проведен в ноябре–декабре 2021 года при поддержке РСР и Российского профессорского собрания на отсеченной (поточной) выборке в 37457 человек. Сбор данных проводился на платформе Google Forms с помощью стандартизированного бланка анкеты. Данные были разделены на несколько массивов: поступившие в вуз по результатам ВОШ и олимпиад РСОШ (1632); по результатам ЕГЭ (31018); по особой квоте (1340); по целевому набору (3467). Поступление по результатам ЕГЭ — основная форма перехода из школы в вуз, на втором месте — целевое обучение (около 10%). Практически 86% из тех, кто указал, что поступил в вуз по результатам олимпиад (ВОШ и РСОШ), обучаются в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, что подтверждают и данные мониторинга качества приема в вузы [10].

В выборке представлены все федеральные округа. Социально-демографические характеристики респондентов представлены в Таблице 2. В опросе приняли участие около 1% всех студентов вузов и 1,5% всех студентов, обучающихся очно.

ЕГЭ в настоящее время выступает обязательным инструментом перехода из школы в вуз. Несмотря на неоднозначные оценки его эффективности со стороны экспертов и общественности, альтернативы ему пока нет [3; 15; 18; 25]. Большинство опрошенных поступили в вуз по результатам ЕГЭ в рамках общего конкурса (82,8%). По данным Рособрнадзора, средние баллы ЕГЭ

в 2021 году составили: русский язык – 71,4; профильная математика – 55,1; английский язык – 72,2; литература – 66; информатика – 62,8; география – 59,1; обществознание – 56,4; физика – 55,1; история – 54,9; химия — 53,8; биология – 51,1. В 2021 году Рособрнадзор зафиксировал 8121 стобалльный результат: 2 предмета по 100 баллов — 409 человек; 3 предмета — 16 человек; 4 предмета — 3 человека [17].

Таблица 2

Социально-демографические характеристики участников опроса (в %)

Показатель	Характеристики	Общий массив	По Олимпиаде	По ЕГЭ	По квоте	Целевое обучение
Пол	Мужской	34	47,5	33,2	35,4	34,2
	Женский	66	52,5	66,8	64,6	65,8
Уровень образования	Бакалавриат	70,9	69,6	73	69,9	53,4
	Магистратура	9	9,6	9,5	6,5	4,7
	Специалитет	20,1	20,8	17,5	23,6	41,9
Курс обучения	Первый	9	9,6	9,5	6,5	4,7
	Второй	32,1	33,9	31,2	39,8	36,5
	Третий	22,5	24,8	22,5	21,9	21,8
	Четвертый	17,4	15	18	15,1	14,7
	Пятый (спец.)	15,8	12,9	15,9	13,9	16,8
	Шестой (спец.)	2	1,7	1,8	1,8	3,2
	Магистратура 1 курс	4,5	5,1	4,8	3,3	1,8
	Магистратура 2 курс	4,5	4,5	4,7	3,2	2,9

Обязательный экзамен по русскому языку опрошенные сдали достаточно хорошо, но сравнительный анализ по выделенным массивам показывает существенные отличия. Так, среди поступивших по результатам олимпиад более половины отметили, что сдали ЕГЭ по русскому языку на 90 баллов и выше (54,2%). Среди поступивших по результатам ЕГЭ эта доля не превышает 25,6% (по квоте — 18,1%, у целевиков — 17,5%). Вместе с тем доля получивших относительно низкие баллы (59 и ниже), наоборот, по указанным массивам увеличивается. Так, если среди поступивших по результатам ЕГЭ таковых было 6,8%, среди олимпиадников — 3,3%, то среди поступивших по квоте и целевому набору — фактически каждый десятый.

Результаты ЕГЭ по профильной математике также отличаются. Наиболее высокие баллы у олимпиадников, среди других категорий доля получивших высокие баллы значительно меньше (в среднем каждый десятый). Особенно показательны результаты по группам поступивших по квоте и целевиков — у каждого пятого баллы ЕГЭ были ниже 50, фактически столько же имели результат 50–59 баллов. С учетом того, что большинство респондентов в данных категориях проходят обучение по направлениям «здравоохранение», «экономика», «менеджмент», «информационные технологии» и инженерным специальностям, такие низкие баллы по профильному предмету говорят о недостаточной школьной подготовке. В то же время данный результат вполне ожидаем, так как ЕГЭ по профильной математике — один из самых сложных экзаменов и требует высокого уровня подготовки. Средний балл по России в 2021 году по данному предмету составил 55,1, что можно считать достаточно низким показателем.

Особое значение при поступлении в вуз имеют дополнительные баллы за индивидуальные достижения (максимум 10). Баллы могут быть начислены за аттестат с отличием (золотая медаль), итоговое сочинение, участие в международных и всероссийских олимпиадах, призовые места на международных спортивных соревнованиях, наличие значка ГТО — «Готов к труду и обороне», волонтерство и иные достижения. Вузы самостоятельно определяют, сколько дополнительных баллов начислить абитуриенту и какие категории достижений учитывать. Медаль «За особые успехи в учении» выдается выпускникам-отличникам без разделения на «золото» и «серебро». Чтобы получить медаль ЕГЭ, нужно сдать его на 220 баллов за три дисциплины. Аттестаты с отличием получают победители и призеры заключительного этапа ВОШ. Отмечаются медалями выпускники, сдавшие ЕГЭ по русскому языку или профильной математике на 100 баллов. За наличие аттестата с отличием в разных вузах можно получить от 2 до 10 баллов, наибольшее количество баллов (10) за медаль — в региональных вузах.

По итогам приема 2021 года в ряде ведущих вузов баллы за индивидуальные достижения часто оказываются решающими для прохождения конкурса на бюджетные места. Например, проходной балл на некоторые направления подготовки составлял 306–308 баллов при трех экзаменах ЕГЭ, т.е., помимо высоких результатов (98–100) за ЕГЭ, решающими были баллы за индивидуальные достижения. Это привело к ряду спорных ситуаций, в частности, непрохождению по конкурсу абитуриентов со 100 баллами по ЕГЭ, но без индивидуальных достижений. По общему массиву более половины респондентов не имели дополнительных баллов за индивидуальные достижения (53,4%). Распределение по категориям респондентов представлено на Рисунке 1.

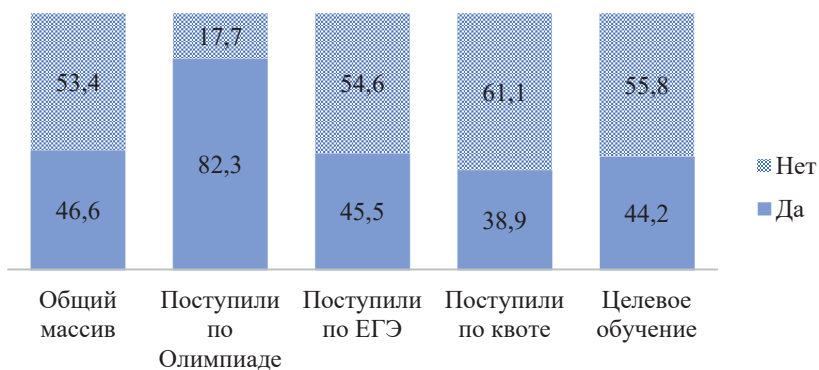

Рис. 1. Наличие дополнительных баллов за индивидуальные достижения (в %)

Среди тех, кто поступал по результатам ЕГЭ, половина получили дополнительные баллы за отличную учебу в школе (медаль) — 49,7%, на втором месте — итоговое сочинение (37,1%), на третьей — знак ГТО (25,6%). Среди олимпиадников большинство указали участие в олимпиадах и других конкурсах интеллектуальной направленности — 61,8%. Каждый второй из них имел баллы за медаль (52,9%), 39,1% — за итоговое сочинение (35,3% в среднем по массиву). Показательно, что в данной группе больше всего тех, кто указал иные достижения — 28,8%. Наиболее скромные показатели по индивидуальным достижениям у тех, кто поступал по целевому набору: меньше всего получили дополнительные баллы за сочинение, но выше доля участников волонтерского движения и тех, кто имеет значок ГТО.

Относительно форм подготовки к ЕГЭ респонденты распределились следующим образом: поступившие по результатам олимпиад готовились к ЕГЭ в рамках школьной программы (41,1%) и занимались самостоятельно (56,8%). Эта ситуация вполне объяснима, так как абитуриенты, поступающие по результатам олимпиад, делают ставку на решение олимпиадных заданий, соответственно дополнительного времени на подготовку к ЕГЭ у них, как правило, нет. Те, кто поступали по другим основаниям, указали занятия с репетитором и дополнительные занятия в школе. Дистанционные занятия по предметам и курсы подготовки при вузах имеют практически одинаковые доли среди всех категорий респондентов.

Наиболее раннее профессиональное определение характерно для целевиков, поздний и сиюминутный выбор — для тех, кто поступал по результатам ЕГЭ. В этом отношении группа поступивших по результатам олимпиад демонстрирует более целенаправленный подход к выбору направления обучения. Логично предположить, что наиболее определенная ситуация должна быть у тех, кто поступает по олимпиадам (чаще всего вуз и олимпиада связаны, особенно это касается перечневых олимпиад РСОШ). Действительно, более половины респондентов в данной группе указали, что определили для себя вуз для поступления в старшей школе, но спонтанное решение указал

каждый четвертый. В сравнении с олимпиадниками в группе тех, кто поступал по результатам ЕГЭ, наблюдалась большая неопределенность: 40,4% отметили, что приняли решение о выборе вуза в последний момент, вероятно, исходя из результатов ЕГЭ. В группе тех, кто поступил в вуз по целевому набору, практически каждый пятый отметил, что вуз был выбран в начальной и средней школе. Такие ответы особенно показательны для обучающихся по медицинскому и педагогическому профилю, так как соответствующих вузов не так много, особенно в регионах.

Говоря о том, что повлияло на выбор направления подготовки, в целом по массиву респонденты указали три основных фактора — советы родителей, информация из СМИ и Интернета, успешный опыт более взрослых знакомых. Однако в ответах на этот вопрос зафиксирована достаточно высокая доля тех, кто привел и другие факторы, не детализируя их. В группе поступивших по олимпиадам можно наблюдать более осознанный выбор, основанный на общении с представителями вузов, на рекомендациях учителей и публикациях в СМИ, т.е. выбор направления подготовки в данной группе основан на значительном объеме разносторонней информации, на мнениях профессионального сообщества и общественности. При этом для олимпиадников характерно наименьшее давление со стороны близкого окружения — родителей, друзей и знакомых. Для целевиков, наоборот, значимым фактором при выборе направления подготовки является мнение близких. Среди них выше, чем по массиву, доля тех, кто указал, что решение о развитии его профессиональной траектории принимали родители.

Еще более показательны ответы респондентов о значимых критериях выбора вуза. Безусловный приоритет качеству образования отдали респонденты во всех группах, но структура ответов различается. В группе олимпиадников качеству образования отдали приоритет 75,4%, далее идут престиж вуза и перспективы трудоустройства (по 52%), на третьем месте — позиция вуза в профессиональных рейтингах (31,5%). Для олимпиадников фактически не имели значение такие факторы, как легкость поступления в вуз и его территориальное расположение (около 8%), но для других групп данные факторы имеют значение — их отметил приблизительно каждый пятый.

Помимо факторов влияния на выбор профессии и вуза важно понимать, насколько оправдались ожидания от получаемого высшего образования. В целом данные показывают достаточно ровное распределение по всем группам респондентов, без выраженных отклонений от средних значений. Это может свидетельствовать о том, что и ведущие вузы, куда в основном поступают олимпиадники, и остальные вузы соответствуют ожиданиям абитуриентов при выборе учебного заведения. Показательно, что достаточно высокая доля респондентов указала вариант «полностью соответствует или даже превосходит ожидания». Доля студентов, поступивших по результатам олимпиад, при выборе данного варианта самая высокая — 26%.

Завершающим вопросом в блоке мотивации на обучение было выяснение мнений респондентов о том, что дает им высшее образование. Дискуссионность места и роли образования, а также высокого уровня образования в условиях информационного общества порождает ряд противоположных мнений в отношении высшей школы в массовом сознании. Зачастую лидеры мнений и авторитетные специалисты подвергают сомнению необходимость продолжения обучения после завершения школы. Традиционные аргументы о необходимости получения профессии и успешности в жизни сегодня подвергаются критике и сталкиваются с достаточно убедительными аргументами о том, что высшее образование — это во многом дань моде, стереотип, нежелание входить во взрослую жизнь и т.п.

Все респонденты отметили, что высшее образование дает им, в первую очередь, интересную профессию. Самые высокие доли выбравших этот вариант ответа зафиксированы у целевиков и поступивших по квоте (53 % и 49,3 %). Среди олимпиадников данный вариант набрал наименьшую долю ответов — 42,3 %. В среднем по массиву этот вариант ответа указали 46,8 %. Далее идет трактовка высшего образования как возможности сделать хорошую карьеру: в среднем по массиву — 41,8 %, среди олимпиадников — 34,2 %. На третью позицию респонденты поставили возможность получать высокую заработную плату — 33,8 %. Практически по всем позициям ответы студентов, поступивших по результатам олимпиад, отличаются от средних значений по массиву и от других групп. Так, для олимпиадников важно, что высшее образование дает возможность получить диплом престижного вуза (35,2 %), а материальную составляющую (возможность получения высокой заработной платы) они оценивают значительно ниже, чем другие респонденты. Важным фактором для олимпиадников является такое преимущество высшего образования, как возможность заниматься наукой (31,1 % — в два раза выше средних показателей по массиву), а также установление контактов и связей (35,3 %) и возможность работать или продолжать обучение за границей (22,2 %).

Таким образом, анализ мотивов получения высшего образования наиболее ярко характеризует разные студенческие потоки, сталкивающиеся в процессе обучения в вузе. Для наиболее сильных и подготовленных студентов (олимпиадников) значимы факторы, связанные с престижностью и имиджем образовательной организации, а также с возможностями профессионального, социального и научного роста; для целевиков — ориентация на карьерный рост, хорошую профессию и высокую заработную плату; по структуре ответы поступивших по квоте во многом повторяют позиции целевиков, но с более сглаженными границами распределений.

Можно с большой долей уверенности предположить, что стартовые позиции студентов на входе в систему высшего образования будут оказывать прямое влияние на их успехи и достижения в процессе обучения в вузе [8; 15;

19]. Так, те, кто поступили по результатам олимпиад, за время обучения имеют отличные оценки в зачетной книжке (40% в группе), а в других группах доля отличников значительно ниже — от 28,6% (среди поступивших по ЕГЭ) до 21,8% (среди поступивших по квоте и целевому набору). Олимпиадники чаще других категорий имеют в своем активе во время обучения в вузе опубликованные научные работы (каждый пятый), осваивают информационные технологии (24%) и занимаются иностранными языками (22,5%). Кроме того, представители данной группы продолжают участвовать в интеллектуальных состязаниях (олимпиадах и конкурсах), добиваясь победных результатов на российском и международном уровнях. Анализ фактической успеваемости респондентов в осеннем семестре 2020/2021 учебного года подтверждает более высокую успеваемость олимпиадников. Более 70% из них учатся без троек, а 23,7% имеют только отличные оценки.

Важным показателем является и доля тех, кто указал, что в период обучения в вузе получил приглашение на работу по получаемой специальности. Среди олимпиадников доля таких ответов в два раза выше, чем в среднем по массиву. Это может свидетельствовать о том, что работа с талантливой молодежью, показывающей высокие образовательные и научные результаты, в российских вузах налажена, и работодатели демонстрируют заинтересованность в таких работниках еще на этапе получения ими образования.

Во всех группах есть доля студентов, которые указали, что не имеют каких-либо значимых достижений. Это довольно тревожный показатель, который может свидетельствовать как об отсутствии у студентов интереса к учебе и получаемой специальности, так и о слабой работе вузов по вовлечению молодежи в научную и образовательную деятельность, по формированию их мотивации к профессии и развитию навыков *soft skills*, которые являются неотъемлемым элементом современного образования.

Данные исследования показывают, что на продолжение обучения в вузах России после завершения текущего уровня более всего ориентированы олимпиадники и целевики. В среднем по массиву 40% указали, что будут учиться дальше. Продолжать обучение за рубежом чаще всего хотят олимпиадники (доля в два раза выше, чем в среднем по массиву, и почти в три раза выше, чем по отдельным группам).

Таким образом, анализ мнений российских студентов относительно стартовых позиций при вхождении в вуз и мотивации обучения позволяет сделать ряд выводов. Студенческий контингент вузов России крайне неоднороден: несмотря на наличие стандартных оснований для поступления в вуз и открытого конкурса по ряду направлений в вузы приходят менее подготовленные абитуриенты, поступившие не на основании интеллектуальных достижений и способностей, а с использованием особой квоты или механизмов целевого набора. Данная ситуация требует более глубокого анализа и разработки инструментов, которые бы способствовали сглаживанию образовательного

неравенства и обеспечивали доступ к образованию наиболее способных, мотивированных и целеустремленных выпускников школ и системы СПО.

Наиболее успешны в обучении, по сравнению с другими группами, те студенты, кто в качестве основания для поступления имел достижения в олимпиадах школьников. Они имеют более высокий уровень успеваемости, ориентированы не только на учебу, но и на активную научную деятельность, планируют для себя более долгие сроки обучения и получение максимально высокого уровня образования. Анализ их мотивации показывает, что она наиболее адекватна тем задачам современной высшей школы, которые ставят перед ней государство и рынок труда.

Наименее однородна группа тех, кто в качестве основания для поступления указал результаты ЕГЭ. Среди них значительна доля тех, кто не имел мотивированного выбора направления подготовки (специальности) или вуза. Студенты, поступившие по целевому набору, представляют значительную группу в структуре контингента обучающихся, особенно это касается таких направлений как «Здравоохранение», «Образование», «Экономика» и «Менеджмент». Полученные данные свидетельствуют о ряде проблем как в организации и вовлечении студентов этой группы в процесс обучения, так и в повышении их общего уровня подготовки.

Библиографический список

1. *Абанкина Т.В.* Развитие сети общеобразовательных учреждений в регионах: результаты реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2007–2008 гг. // *Вопросы образования*. 2009. № 2.
2. *Агранович М.* Почему победители олимпиад занимают в вузах большинство бюджетных мест // *Российская газета*. № 185. 16.08.2021 г.
3. *Болотов В.А., Вальдман И.А.* Как обеспечить эффективное использование результатов оценки образовательных достижений школьников // *Образовательная политика*. 2012. № 1.
4. *Болотов В.А., Горбовский Р.В., Вальдман И.А.* и др. Поступление в вузы в постсоветских странах: экзамены как инструмент решения государственных задач / Под общ. ред. В.А. Болотова, Р.В. Горбовского. М., 2020.
5. *Бурдые П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования. М., 2007.
6. *Донская К.* История олимпиадного движения // URL: <https://olimpiada.ru/article/687>.
7. *Константиновский Д.М., Вознесенская Б.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А.* Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М., 2011.
8. *Кузьминов Я., Фрумин И.* Корреляция олимпиад и векторов академической мобильности // *Ректор вуза*. 2012. № 3.
9. *Лепешев Д.В.* Актуальные проблемы по организации работы с одаренными и талантливыми детьми // *Наука и реальность*. 2020. № 3.1.
10. Мониторинг качества приема в вузы — 2021 // URL: <https://www.hse.ru/ege2021>.
11. Министерство просвещения Российской Федерации: олимпиады // URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/olympiads.
12. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2014. № 2.
13. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2013. № 4.

14. Прахов И.А. Обзор основных моделей перехода «школа–вуз» в западноевропейских странах и США // Вопросы образования. 2009. № 2.
15. Пересецкий А.А., Давтян М.А. Эффективность ЕГЭ и олимпиад как инструмента отбора абитуриентов // Прикладная эконометрика. 2011. № 3.
16. Рощина Я.М., Другов М.А. Выбор профессии: по любви или по расчету? Препринт. Серия WP3: Проблемы рынка труда. М., 2002.
17. Статистика баллов ЕГЭ 2021 г. // URL: <https://blog.maximumtest.ru/post/statistika-ballovegeh-2021.html>.
18. Хавенсон Т.Е., Соловьева А.А. Связь результатов Единого государственного экзамена и успеваемости в вузе // Вопросы образования. 2014. № 1.
19. Ilishkina D., Bruin A., Podolskiy A., Volk M., Van Merriënboera J. Understanding self-regulated learning through the lens of motivation: Motivational regulation strategies vary with students' motives // International Journal of Educational Research. 2022. Vol. 113.
20. Julien F., Bureau S. Motivation at school: Differentiation between and within school subjects matters in the prediction of academic achievement // Contemporary Educational Psychology. 2018. Vol. 54.
21. Komulainen E., Huurrea T., Aroa H., Rahkonen O. Health, lifestyle, family and school factors in adolescence: Predicting adult educational level // Educational Research. 2006. Vol. 48.
22. Niedlich S., Kallfaß A., Pohle S., Bormann I. A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review // Review of Education. 2021. Vol. 9. No. 1.
23. Reay D. Unequal childhoods: Class, race and family life // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 112. No. 2.
24. Redford J. The Effects of Concerted Cultivation on Academic Achievement. Richmond, 2007.
25. Toomsalu-Stefanova L.M., Fokina E.N., Molchanova A.V., Berduygina O.N. Study of the quality of applicants' admission to universities based on the results of the Unified State Exam in Russia // International Journal of Instruction. 2020. Vol. 13. No. 2.

Starting positions of university applicants and features of their further education: A sociological analysis*

**I.A. Aleshkovski², A.T. Gasparishvili^{1,2,3},
O.V. Krukhmaleva^{1,2}, N.P. Narbut^{1,3}, N.E. Savina²**

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

³Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru;

krukhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Abstract. The article considers the features of students' educational trajectories as depending on how they entered the university. A distinctive feature of the Russian system of higher education is various grounds for the educational transition "school–university": the results of the Unified

*© I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, N.P. Narbut, N.E. Savina, 2022

The article was submitted on 10.03.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

State Exam, school Academic Olympics in key subjects, employer-sponsored education, and quotas. These grounds seem to affect the further education of students and the quality of training and professional trajectories. At the same time, the resistance of the higher education system to external challenges, its sustainable competitiveness, modernization and the search for new forms and models of work with the talented youth are priority development tasks of the national higher education system. The article presents the results of the comparative analysis of the students' motivation for learning, educational achievements, ideas about possible professional and educational trajectories. The analysis is based on the data of the Russian students survey conducted by the Center for Educational Development Strategy of the Lomonosov Moscow State University and RUDN University in November-December 2021 (N = 37457). The research findings show that at the stage of the transition from school to university, there is a very heterogeneous student inflow by quality and forms of training, individual abilities and inclinations, motivation and requests to the higher education. There is a special group — prize-winners of school Academic Olympics — of the most talented and promising applicants. The admission companies show that variable grounds for entering universities lead to certain conflicts and contradictions in the higher education system.

Key words: higher education; educational transition; school Academic Olympics; employer-sponsored education; Unified State Exam; quality of education; talented youth; individual educational trajectories

References

1. Abankina T.V. Razvitie seti obshcheobrazovatelnykh uchrezhdenij v regionah: rezultaty realizatsii prioritnogo natsionalnogo proekta “Obrazovanie” v 2007–2008 gg. [Development of the educational institutions network in regions: Results of the priority national project “Education” in 2007–2008]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2009; 2. (In Russ.).
2. Agranovich M. *Pochemu pobediteli olimpiad zanimayut v vuzah bolshinstvo byudzhetykh mest* [Why the winners of the school Academic Olympics take most budget places in universities]. *Rossiyskaya Gazeta*, No. 185. 16.08.2021. (In Russ.).
3. Bolotov V.A., Valdman I.A. Kak obespechit effektivnoe ispolzovanie rezultatov otsenki obrazovatelnykh dostizhenij shkolnikov [How to ensure the effective use of the results of the assessment of schoolchildren' educational achievements]. *Obrazovatel'naya Politika*. 2012; 1. (In Russ.).
4. Bolotov V.A., Gorbovsky R.V., Waldman I.A. and al. *Postuplenie v vuzy v postsovetских stranah: ekzameny kak instrument resheniya gosudarstvennykh zadach* [Admission to Universities in Post-Soviet Countries: Exams as a Means of Solving State Tasks]. Moscow; 2020. (In Russ.).
5. Bourdieu P., Passron J.-K. *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the Education System Theory]. Moscow; 2007. (In Russ.).
6. Donskaya K. Istoriya olimpiadnogo dvizheniya [History of the school Academic Olympics movement]. URL: <https://olimpiada.ru/article/687>. (In Russ.).
7. Konstantinovskiy D.M., Voznesenskaya B.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. *Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodezhi: 1998–2008 gody* [Education and Life Trajectories of the Youth: 1998–2008]. Moscow; 2011. (In Russ.).
8. Kuzminov Ya., Frumin I. *Korrelyatsiya olimpiad i vektorov akademicheskoy mobilnosti* [Correlation of school Academic Olympics and vectors of academic mobility]. *Rector Vuza*. 2012; 3. (In Russ.).
9. Lepeshev D.V. *Aktualnye problemy po organizatsii raboty s odarennymi i talantlivymi detmi* [Actual issues of organizing the work with gifted and talented children]. *Nauka i Realnost*. 2020; 3.1. (In Russ.).
10. *Monitoring kachestva priema v vuzy — 2021* [Monitoring of the quality of the admission to universities — 2021]. URL: <https://www.hse.ru/ege2021>. (In Russ.).

11. Ministerstvo prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii: olimpiady [Ministry of Education of the Russian Federation: Olympiads]. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/olympiads. (In Russ.).
12. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
13. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Repertuar strakhov rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [Russian students' main fears: The results of an empirical study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 4. (In Russ.).
14. Prakhov I.A. *Obzor osnovnykh modelej perekhoda "shkola–vuz" v zapadnoevropejskikh stranah i SShA* [An overview of the main models of the "school– university" transition in the West European countries and USA]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2009; 2. (In Russ.).
15. Peresetsky A.A., Davtyan M.A. *Effektivnost EGE i olimpiad kak instrumenta otbora abiturientov* [The efficiency of the USE and school Academic Olympics as a tool for selecting applicants]. *Prikladnaya Econometrika*. 2011; 3. (In Russ.).
16. Roschina Ya.M., Drugov M.A. *Vybor professii: po lyubvi ili po raschetu?* [Choice of profession: for love or by design?] Preprint. Seriya WP3: Problemy rynka truda. Moscow; 2002. (In Russ.).
17. Statistika ballov EGE 2021 g. [Statistics of the USE results for 2021]. URL: <https://blog.maximumtest.ru/post/statistika-ballov-egeh-2021.html>. (In Russ.).
18. Khavinson T.E., Solovieva A.A. *Svyaz rezul'tatov Edinogo gosudarstvennogo ekzamina i uspevaemosti v vuze* [The relationship between the results of the Unified State Exam and academic performance at the university]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2014; 1. (In Russ.).
19. Ilishkina D., Bruin A., Podolskiy A., Volk M., Van Merriënboera J. Understanding self-regulated learning through the lens of motivation: Motivational regulation strategies vary with students' motives. *International Journal of Educational Research*. 2022; 113.
20. Julien F., Bureau S. Motivation at school: Differentiation between and within school subjects matters in the prediction of academic achievement. *Contemporary Educational Psychology*. 2018; 54.
21. Komulainen E., Huurrea T., Aroa H., Rahkonen O. Health, lifestyle, family and school factors in adolescence: Predicting adult educational level. *Educational Research*. 2006; 48 (1).
22. Niedlich S., Kallfaß A., Pohle S., Bormann I. A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review. *Review of Education*. 2021; 9 (1). 2021.
23. Reay D. Unequal childhoods: Class, race and family life. *American Journal of Sociology*. 2006; 112 (2).
24. Redford J. *The Effects of Concerted Cultivation on Academic Achievement*. Richmond; 2007.
25. Toomsalu-Stefanova L.M., Fokina E.N., Molchanova A.V., Berduygina O.N. Study of the quality of applicants' admission to universities based on the results of the Unified State Exam in Russia. *International Journal of Instruction*. 2020; 13 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-572-589

Информационное поле концепта «репутация российской власти» в зеркале экспертного и общественного мнения*

Н.Н. Розанова

Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, 214000, Россия
(e-mail: rozznina@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты исследовательского проекта по изучению репутации российской власти. Его задачами были выявление и обоснование содержания концептов «репутация российской власти» (государственной и муниципальной) и «репутация уровней и ветвей российской власти» (на примере региональной исполнительной власти), и определение степени тождественности их концептуального поля. Была разработана, эмпирически обоснована (по результатам экспертной оценки и массового опроса населения регионов Центральной России в августе — ноябре 2021 года) и уточнена теоретическая модель концепта «репутация российской власти», который ранее не выступал самостоятельным предметом научного исследования. В статье представлены структура и содержательное наполнение информационного поля концепта, которое (с известной долей условности) определено как двуядерное. Базовое ядро — это смысловое поле категории «репутация», содержательное ядро включает характеристики концепта «репутация российской власти». Обозначены приоритетные характеристики, составляющие основу содержательного ядра или ближнюю периферию базового ядра, а также характеристики дальней и крайней периферии. В содержании концепта «репутация российской власти» определены два принципиальных блока — институциональный и деятельностный — в их интегрирующих характеристиках — служение народу и результативность/эффективность власти. Выявлено преобладание характеристик институционального блока (особенно в общественном мнении), свидетельствующее о приоритете ценностного содержания репутации над прагматическим. В научный оборот вводится концепт «репутация российской власти» — как сложный национальный феномен исторически обусловленной общественно-политической действительности, представляющий собой ценностное восприятие и относительно устойчивое мнение граждан о власти, основанные на определенном опыте общения, оценке ее реальных действий, вызывающие чувство доверия и воплощающие предназначение власти — служение народу — в результативной, эффективной деятельности; отражающий систему ожиданий и представлений граждан о должной власти (честной, ответственной, справедливой, заботливой и обеспечивающей защиту).

Ключевые слова: репутация российской власти; концепт; концептуальное поле; информационное поле; содержательные характеристики репутации российской власти; ценностное отношение к власти; экспертное мнение; общественное мнение

* © Розанова Н.Н., 2022

Статья поступила 16.01.2022 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

Кардинальные ценностные преобразования XXI века, сопряженные со становлением нового типа общества, приводят к трансформации социальных отношений и восприятия социальных феноменов. Реалии информационного общества и цифровизация ключевых социальных процессов меняют понимание окружающего мира, смещая акценты с оценки реальных действий на образ этих действий. В результате знание формируется не столько самой реальностью, сколько ее создаваемым и транслируемым образом [20. С. 139]. Изучение концепта «репутация российской власти», сопряженного с «политической реальностью» и определяющего возможности ухода от манипулирования общественным сознанием и трансляции исключительно позитивных имиджей власти, актуализировано национальными приоритетами — достижения внутреннего единства и согласия, развития механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.

Репутация — один из ключевых видов символического капитала, нематериальных ресурсов развития субъекта, определяющих его потенциал. Изучение репутации, в том числе как междисциплинарного феномена, находится в фокусе внимания современной науки. Спектр подходов и интерес исследователей обуславливается и важностью прикладных задач — в области управления репутацией. Высоким потенциалом обладает изучение репутации политических субъектов, включая перспективы комплексного осмысления репутации власти в контексте современного российского социально-политического пространства. В силу отсутствия в российской науке исследований репутации власти на уровне сложных комплексных субъектов (власть в целом, федеральная/региональная/муниципальная власть с учетом ветвей власти) необходима разработка методологии исследования концепта «репутация власти» и ее эмпирическая апробация. Под концептом «репутация власти» понимается как репутация российской власти в целом (государственная и муниципальная власть), так и репутация ее различных уровней и ветвей. Соответственно, исследование имеет два основных вектора: выявление и обоснование содержания концепта «репутация российской власти» (результаты представлены в данной статье) и концепта «репутация различных уровней и ветвей власти» на примере репутации региональной исполнительной власти.

В изучении репутации российской власти ключевым выступает институциональный (неинституциональный) подход, актуализацию которого связывают с работой Д. Марча и Й. Олсена [27]. Обращение к данному подходу продиктовано и необходимостью преодоления последствий институциональной бессубъектности 1990-х годов, оправдания общественных ожиданий улучшения деятельности государства [2. С. 8889]. К значимым положениям «нового» институционального подхода относится концепция институциональной логики — системы культурных элементов (ценностей, убеждений и нормативных ожиданий), с помощью которых формируются смыслы, происходит оценка

повседневной деятельности [26]; а также фокус на интересах и предпочтениях акторов, правилах их поведения [9. С. 209].

Принимая во внимание разнообразие направлений неoinституционализма [см., напр.: 28], мы руководствуемся преимущественно идеями социологического неoinституционализма, акцентирующего внимание на исследовании ценностной основы деятельности акторов и культурного контекста, на кодах, нормах должного поведения, определении институтов в терминах системы убеждений [4. С. 63]; на первый план выходит процесс конструирования общественных норм в ходе социализации и формирования устойчивых идентификаций [16. С. 67]. Формирование ценностного пространства российской власти сопряжено с ее положительной репутацией у населения, что обеспечивает высокую поддержку власти и ее идентификацию — «моя/наша власть».

В «оптике» социологического институционализма логика объяснений выстраивается через создание категориальной схемы, которая позволяет уточнять используемые концепты, расщеплять их, вводить в объяснительную схему новые концепты, фиксирующие феномены эмпирической реальности, которым прежде не придавалось важное значение [11. С. 189]. К таким феноменам относится масштабный институциональный субъект — российская власть, и центральный концепт — «репутация власти».

Дизайн исследования включает два ключевых этапа: 1) научно-теоретический этап — были изучены различные аспекты репутации власти как междисциплинарного феномена, с использованием методов теоретического познания; сформулированы рабочие гипотезы — а) содержательно концепт «репутация власти» включает в себя два принципиальных блока (институциональные — качественные характеристики власти, исходящие из ее предназначения — и деятельностные/функциональные характеристики, отражающие содержание и основные направления деятельности власти, ее результативность/эффективность); б) уровень развития региона может оказывать влияние на сущностные признаки и содержание концептов «репутация власти» и «репутация различных уровней ветвей власти» — они будут едины в ядре концепта и базовых блоках характеристик или будут зависеть от уровня развития региона. В статье представлено обоснование гипотез в части концепта «репутация российской власти». По результатам научно-теоретического этапа была построена рабочая модель концепта «репутация власти» и уточнена методология эмпирического исследования.

2) Эмпирический этап исследования включал два подэтапа: сначала был проведен экспертный опрос [7; 24] в августе — сентябре 2021 года. В исследовании приняли участие 15 экспертов (выборка методом «снежного кома») — авторитетных ученых, занимающихся проблемой репутации, и практикующих политологов, руководителей профессиональных сооб-

ществ в области политконсалтинга, с опытом работы/проведения исследований в социально-политической сфере (15–20 лет). Анкета включала преимущественно шкальные и открытые вопросы [13. С. 187]. Полученные результаты позволили уточнить рабочую теоретическую модель концепта и легли в основу инструментария массового анкетного проса, реализованного в октябре — ноябре 2021 года. Одна из гипотез определила основной критерий отбора — уровень развития региона, с учетом его динамики. В качестве пилотных были выбраны 6 регионов Центрального федерального округа (далее — ЦФО). Уровень развития регионов — условный синтетический критерий, аккумулирующий несколько многофакторных классификаций, с приоритетом их социальной ориентации (рейтинги качества жизни; социально-экономическое положение; уровень благосостояния семей; индекс развития человеческого потенциала). Соответственно, были определены регионы, сопоставимые по основным параметрам: Смоленская, Брянская и Орловская области (средний уровень развития, по ряду параметров ближе к низкому; низкая динамика) и Белгородская, Калужская и Липецкая области (высокий уровень развития; высокая динамика). Количество респондентов — 1500 человек, выборка многоступенчатая, квотная по полу, возрасту, территории проживания (областной центр — периферия). Расчет выборки осуществлялся на основе данных Росстата на 1 января 2021 года. Объем и структура выборочной совокупности отвечают требованиям репрезентативности, ошибка выборки — 2,53 %. Эмпирический этап позволил провести апробацию методологических положений, уточнить и содержательно «наполнить» теоретическую модель концепта «репутация власти» с учетом экспертного и общественного мнения.

Таким образом, изучение концепта соответствует общей логике этапа концептуализации в социологическом исследовании — с применением алгоритмической и вербальной методических стратегий преобразования эмпирических данных [8]. Используется методология концептуального анализа как наиболее эффективная в концептуально сложных («нерасчищенных») предметных областях, в которых значения терминов четко не зафиксированы, объем и содержание понятий не определены, отношения между понятиями не установлены [10. С. 118].

Представим ключевые теоретические положения и результаты эмпирической проверки и обоснования рабочих гипотез исследования.

Концепт занимает центральное место в изучении спектра проблем гуманитарных наук, являясь также самостоятельным предметом исследования. Многообразии научных подходов к его трактовке [см., напр.: 6; 15] определено как тем, что *концепт* является «категорией мыслительной, ненаблюдаемой, и это дает большой простор для ее толкования» [13. С. 16], так и его междисциплинарностью и многомерностью. Принимая во внимание разнообразие подходов к интерпретации концепта и отталкиваясь от его энциклопедического

дически нейтрального и лаконичного определения как содержания понятия, его смысловой наполненности в отвлечении от конкретно-языковой формы выражения [1], выделим ряд положений, наиболее значимых в нашем исследовании: концепт является ментальной проекцией культурного контекста, связан с национальными ценностями и культурными особенностями; в составе концепта есть пассивный (исторический) и активный (актуальный) слои; *концепт является единицей коллективного знания/сознания*, носит надличностный характер; концепт представляет собой образование динамического характера, обладает относительно упорядоченной структурой; *концепт многомерен, имеет сложную структуру; смысловая многослойность концепта оборачивается его дискретностью, что делает возможным фиксацию репрезентаций смыслов и легитимирует работу с эмпирическими данными* [18. С. 113–114]; в содержание концепта входят как соответствующие значения, так и совокупность ассоциаций, связанных с личным и культурным опытом носителя [15. С. 3].

При разработке концептуального поля понятия «репутация власти», поскольку представители разных научных школ вычленяют сходные базовые компоненты, мы опирались на семантико-когнитивный подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина, предлагающих трехкомпонентную структуру концепта: чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [13. С. 74–81]. В статье мы сосредоточимся на информационном компоненте концепта, который включает основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления; это признаки, наиболее существенные для предмета или его использования, характеризующие его важнейшие дифференциальные черты, обязательные составные части, основную функцию и т.п. [13. С. 77–78]. Информационное поле концепта рядом исследователей определяется и как понятийное. В силу ограниченности объема публикации не представляется возможным изложить результаты изучения интерпретационного и образного полей концепта «репутация российской власти».

По результатам изучения научно-теоретических подходов и уточнения теоретической модели на основе экспертного мнения была разработана схема информационного поля концепта «репутация российской власти» (Рис. 1) — оно определено как двуядерное. В центре находится категория «репутация» (с ее условным преломлением к субъекту, носителю репутации — российской власти — и объекту — населению как носителю мнения о репутации). Соответственно, базовое ядро составляют сущностные признаки репутации. Содержательное ядро — это совокупность характеристик, составляющих репутацию российской власти. Двуядерная структура концепта введена, чтобы правильно расставить акценты в его двуслойности (репутация + репутация российской власти). Если вернуться к общим принципам структуры концепта, то содержательное ядро можно представить как периферию базового ядра.

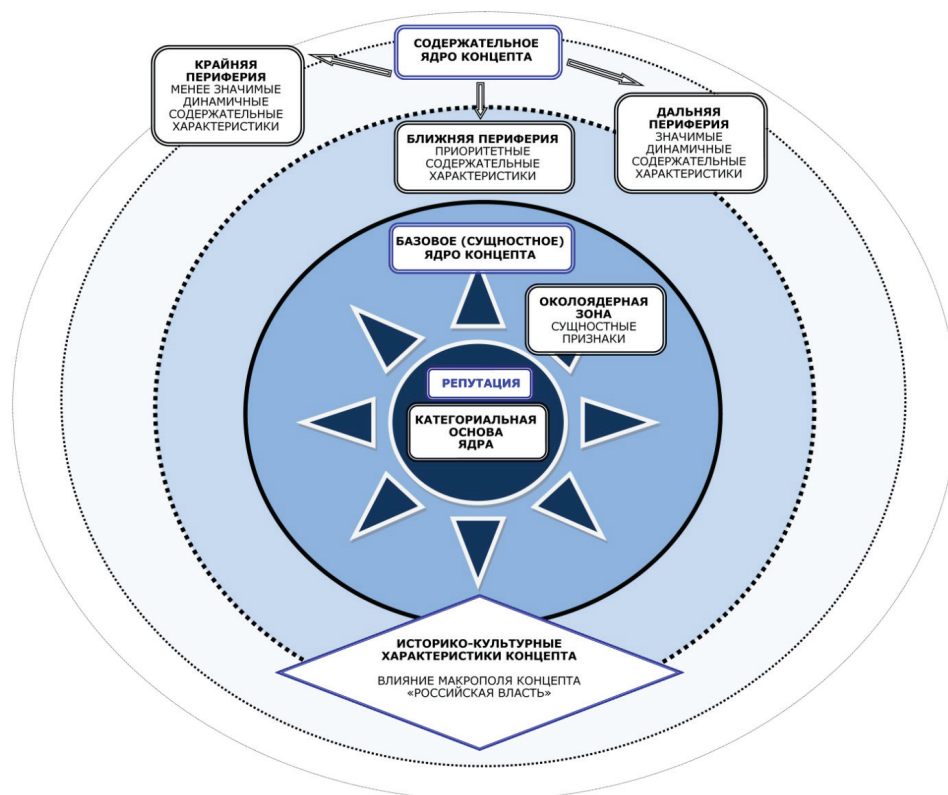

Рис. 1. Структура информационного поля концепта «репутация российской власти»

Базовое ядро — смысловое поле «репутации» — состоит из категориальной основы (дефиниция «репутации») и околоядерной зоны (существенные — конститутивные — признаки репутации, которые выделяют ее из ряда других, в том числе близких феноменов (таких, как имидж). В содержательном ядре можно выделить приоритетные содержательные характеристики репутации российской власти, которые составляют основу ядра (ближняя периферия базового ядра концепта) и отличаются относительной устойчивостью (разделяются большинством), и значимые динамичные содержательные характеристики (дальняя периферия). Под динамичностью характеристик понимается их большая (по сравнению с характеристиками ближней периферии) подверженность влиянию разных факторов (субъективные особенности отношения к власти, персональный опыт взаимодействия с ней, особенности развития социально-политической ситуации в регионе и др.). Проявление «подвижности» характеристик можно увидеть в расстановке акцентов респондентами из разных регионов при определении степени их значимости. Также в структуре концептуального поля выделим крайнюю периферию, включающую еще менее значимые и более динамичные характеристики (1).

В концептуальное поле по результатам экспертной оценки также включены (в качестве рабочего, требующего дальнейшего изучения, структурного

элемента) историко-культурные характеристики — особенности национальной модели государственности и формирующиеся под влиянием макрополя концепта «российская власть».

Рассмотрим структурные элементы поля концепта подробнее.

Базовое (сущностное) ядро концепта «репутация российской власти». Экспертам, используя метод рецептивного эксперимента, были заданы вопросы: «Что Вы понимаете под категорией “репутация российской власти”, учитывая, что подразумевается официальная государственная и муниципальная власть?»; аналогичные вопросы о ключевых характеристиках и аспектах (сущностных и содержательных) репутации российской власти (2). На основе экспертного мнения была определена категориальная основа базового ядра: мнение, оценка, отношение, восприятие/образ, представление населения о власти («*мнение, социальная оценка актора, восприятие гражданами “поведения” власти всех уровней, отношение населения к власти и ее восприятие населением (образ), под репутацией власти мы понимаем отношение к ней со стороны населения*»). Это номинативные признаки категории «репутация» — в рамках массового опроса населения «перепроверять» их было излишним.

Эксперты выделили сущностные признаки (околоядерная зона) репутации:

- доверие (ключевой признак) — «*репутация — это степень доверия граждан к власти, как население относится к власти, т.е., по большому счету, близко к доверию*»; в исследовании репутации большую роль играет концепция доверия (так, П. Штомпка относит репутацию к основаниям доверия [29. С. 71], в психологии доверие — родовое понятие по отношению к репутации [22]);
- устойчивость, длительность (опыт взаимодействия, история отношений);
- оценка реальных действий, поведения власти — «*устойчивое мнение о власти, сформировавшееся у общества в течение длительного времени на основе реального опыта взаимодействия населения и государственных органов, устойчивый образ, мнения и оценки, учитывающие события и действия власти*»; «*ретроспективное восприятие гражданами “поведения” власти всех уровней*»;
- ценностное отношение к власти;
- система ожиданий, представлений о соответствии власти ее должному/идеальному варианту — «*система ожиданий соответствия власти представлениям о справедливом, заботливом и честном управлении государственными и муниципальными ресурсами*»; «*репутацию власти можно определить как отражение в массовом сознании общества (региона, города и т.п.) представлений о соответствии (несоответствии) образа власти ее идеальному прототипу... в репутации сравнивается реальная власть с представлением о должном, нормативном, эталонном*».

Ответы экспертов принципиально соотносятся с теми существенными признаками репутации, которые выделяют исследователи [см., напр.: 3; 5; 14; 19; 21–23]. Допущенное нами условное определение структуры концепта как двухъядерной и «репутации» в качестве ее базового ядра наглядно иллюстрирует мнение эксперта: *«Репутация власти — то же самое, что репутация организации, независимо от сферы деятельности, но она касается отношения граждан к институтам и руководству власти».*

Ключевые существенные признаки концепта, выделенные экспертами, подтверждаются результатами опроса населения (Табл. 1). Кардинальной разницы в ответах респондентов из разных регионов не выявлено — расхождения составляют до 10 % (за единичными исключениями), и отсутствует зависимость ответов от региона.

Таблица 1

«Согласны ли Вы со следующими утверждениями?»

Существенные признаки	Да	Нет
	%	%
Репутация власти формируется длительное время	87,7	12,3
Репутация — это устойчивое мнение о власти	75,9	24,1
Репутация основана на опыте взаимодействия населения и власти	85,3	14,7
Репутация — это оценка реальной деятельности, поступков власти	83	17
Репутация показывает, насколько власть близка к идеалу	67	33
Репутация отражает степень доверия к власти	82,9	17,1
Репутация — это ценностное отношение к власти	74,2	25,8

Содержательное ядро концепта «репутация российской власти» эксперты определили следующим образом (названы большинством): честность; ответственность; справедливость; забота о народе, его защита; легитимность, законность; открытость, прозрачность; результативность/эффективность (достижение поставленных целей) — ближняя периферия базового ядра. Был предложен ряд конкретных характеристик, связанных с деятельностью власти в различных сферах, с ориентацией на потребности и интересы населения в части обеспечения «достойной жизни» (например, качество образования, здравоохранения, культуры, комфортная среда и др.), которые были объединены в характеристику «создание условий для достойной жизни».

Эксперты назвали и иные содержательные характеристики, которые можно отнести к дальней и крайней перифериям базового ядра: верность слову, выполнение обещаний; «близость к народу», понимание нужд и чаяний жителей, отзывчивость; сила власти; коммуникация, взаимодействие с населением; профессионализм, компетентность; неподкупность (отсутствие коррупции)

и др. Поскольку в экспертном мнении принципиальных различий в данной группе выявлено не было, основанием для их отнесения к дальней и крайней периферии стало общественное мнение.

Смысловое наполнение характеристик, определенных экспертами, позволяет сгруппировать их в соответствии с предположением о выделении в содержательном ядре репутации российской власти двух принципиальных блоков: институционального и деятельностного. Первые эксперты «наполнили» следующими характеристиками: честность; ответственность; справедливость; забота о народе, его защита; верность слову, выполнение обещаний; «близость к народу», понимание нужд и чаяний жителей, отзывчивость; сила власти; открытость, прозрачность; коммуникация, взаимодействие с населением; неподкупность власти; легитимность, законность действий; ориентация на развитие. Также сюда вошла интегрирующая характеристика институционального блока — служение народу, нравственные ценности/ориентиры власти. Характеристики деятельностного блока: профессионализм, компетентность; качество оказываемых услуг; эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств; оперативность принятия решений; готовность к разрешению кризисных ситуаций; создание условий для достойной жизни; и интегрирующая характеристика — результативность/эффективность. Разделение содержательных характеристик репутации на два блока условно — для определения степени значимости ценностного (институциональный блок) или прагматического (деятельностный блок) содержания. Экспертное мнение свидетельствует о приоритете ценностного содержания репутации.

Перечень из 20 определенных экспертами содержательных характеристик лег в основу массового опроса в 6 регионах ЦФО. Хотя ряд характеристик оказался многосоставным (служение народу; результативность/эффективность, отчасти конкретизированная в характеристике «создание условий для достойной жизни» через направления деятельности власти по достижению показателей эффективности), мы сохранили их в формулировках экспертов не только для «чистоты» эмпирической части, но и исходя из задачи изучения значимости для населения более конкретных/предметных или обобщающих/интегрирующих характеристик.

Руководствуясь положением о трех измерениях репутации в европейской традиции (функциональное, социальное и эмоциональное) [25] и соотнеся два первых измерения с блоками институциональных (социальное измерение) и деятельностных (функциональное) характеристик, в массовом опросе было решено уточнить и значимость эмоционального измерения. В рамках экспертного опроса только один эксперт выделили публичный образ власти («внешний вид политиков/чиновников/государственных учреждений и т.д.»), поэтому к 20 содержательным характеристикам экспертов был добавлен внешний образ власти. Ниже представлены результаты опроса населения (Табл. 2–3).

Вопрос звучал следующим образом: «Выберите 5–7 наиболее значимых для Вас характеристик, которые создают репутацию российской власти». В Таблице 2 представлены более, в Таблице 3 — менее значимые характеристики.

Таблица 2

Содержательные характеристики репутации российской власти, значимые для четверти и более опрошенных, в %

Характеристики репутации российской власти	Средний % по регионам	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
1. Честность	58,3	71,2	56,3	45,1	57,5	54,8	59,2
2. Забота о народе, его защита	53,8	56,2	63,6	44,1	50,9	61,3	48,8
3. Справедливость	52,8	61	55	46,4	50,5	52,4	47,9
4. Ответственность	52,1	54,5	55,4	47,9	52,4	47,6	53,1
5. Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	41,5	40,7	48,9	46,7	35,2	37,5	39,9
6. Выполнение обещаний – соответствие слова и дела	41	34,2	49,4	37,2	39,6	47	36,2
7. Неподкупность власти (отсутствие коррупции)	31,7	29,7	42,4	29,1	27,1	29,2	34,1
8. Открытость, прозрачность	31,2	51,4	31,6	27,6	30,4	26,8	34,7
9. Сила власти	29,9	35	17,7	37,5	28,6	22,6	32,4
10. Коммуникация, взаимодействие с населением	29,4	28,5	33,3	36	25,6	24,4	27,2
11. Профессионализм, компетентность	28,7	24,3	35,1	25,7	28,6	31,5	30,8
12. Создание условий для достойной жизни (доходы, рабочие места, инфраструктура, демография, здравоохранение, образование, комфортная среда)	27,5	23,2	40,7	19,5	24,9	20,8	25,7
13. Служение народу, нравственные ценности/ориентиры власти	22,8	20,9	18,6	28,7	20,9	25	23,8

Наиболее значимы для населения (половины и более опрошенных) честность; забота о народе, его защита; справедливость и ответственность (прежде всего, Белгородской области). При этом ряд характеристик в Липецкой области (все четыре характеристики; в целом характерен более равномерный выбор характеристик), Орловской (ответственность) и Смоленской (забота о народе, его защита; справедливость) немного «отстают» от среднего значения (50 % и более). Тем не менее, по сравнению с остальными характеристиками

в данных регионах, они все равно являются лидирующими (за исключением «близости к народу, понимания нужд и чаяний народа, отзывчивости» — в Липецкой области она вторая по значимости после ответственности. Зависимость между значимостью содержательных характеристик и группами регионов отсутствует, но выражены особенности выбора в каждом регионе: например, население Белгородской области особое внимание уделило открытости, прозрачности власти — 51,4 %; сила власти менее значима для жителей Калужской области. Изучение и интерпретация особенностей данного выбора — задача следующего этапа исследования.

К характеристикам дальней периферии отнесем те характеристики, что значимым менее чем для четверти опрошенных (исключая приоритетные), — ранее они были отнесены к динамичным, что и было подтверждено результатами массового опроса: их «подвижность» зависит от особенностей восприятия власти населением каждого региона. Содержательные характеристики, имеющие невысокую степень значимости для населения, можно отнести к крайней периферии информационного поля концепта «репутация российской власти» (Табл. 3). Внешний образ власти в силу его минимальной значимости для населения в поле концепта включен не был.

Таблица 3

Содержательные характеристики репутации российской власти, значимые менее чем для четверти опрошенных, в %

Характеристики репутации российской власти	Средний % по регионам	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
14. Эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств	17,8	11,9	21,6	20,3	16,1	17,9	22,4
15. Качество оказываемых услуг	17,4	17,5	22,1	11,5	19,4	16,1	17,8
16. Легитимность, законность действий	16,7	15,5	18,2	11,9	16,8	17,9	21,5
17. Результативность, достижение поставленных целей, эффективность	14,9	12,1	15,6	17,2	12,8	19	15
18. Ориентация на развитие страны	13,8	14,7	19,9	8,8	10,3	20,8	10,8
19. Готовность к разрешению кризисных ситуаций	13,3	15	16	10	11	15,5	12,6
20. Оперативность принятия решений	10,3	14,7	16,5	16,5	17,9	21,4	16,8
21. Внешний образ: внешний вид служащих/зданий/интерьер и т.п.	3,7	2,8	2,6	5,4	6,2	4,2	0,5
Иное/ничего из перечисленного	0,46	0,6			0,7	1,1	

Таким образом, в качестве основы содержательного ядра (ближней периферии базового ядра) выступают семь приоритетных характеристик: честность; забота о народе, его защита; справедливость; ответственность (по мнению и экспертов, и населения); легитимность, законность; открытость, прозрачность; результативность/эффективность (по мнению экспертов). В оценках экспертов и населения в содержательном ядре преобладают характеристики институционального блока, что позволяет говорить о приоритете ценностной составляющей репутации российской власти над прагматической.

Выделенные характеристики репутации российской власти позволяют определить смысловое наполнение данного концепта. Изучение факторов, источников формирования репутации власти, собственно оценка репутации и других значимых признаков, вытекающих из ее основного информационного содержания, а также чувственного репутационного образа (методом рисуночного теста для экспертов и его вербального описания для населения), проводилось автором в рамках исследования интерпретационного и образного полей концепта ранее. Так, оценка репутации российской власти в целом, по уровням и ветвям власти, отдельным высшим должностным лицам позволила выявить, с одной стороны, наличие единого оценочного пространства, в том числе, для 6 регионов Центральной России (преобладает трехбалльная оценка по шестибалльной шкале, различия в оценке незначительны), с другой — определенные закономерности в оценке (например, региональные органы власти оцениваются выше, чем федеральные и муниципальные, а оценка репутации губернатора — самая высокая по сравнению с главой Правительства РФ и главой муниципального образования, практически совпадает с репутации оценкой Президента РФ).

Историко-культурные характеристики концепта «репутация российской власти». Часть экспертов в качестве концептуальных признаков репутации российской власти выделила ряд особенностей, характерных для исторически сложившейся национальной модели государственности и ее восприятия населением: моноцентризм, стремление к контролю за публичной сферой, державная идеология, высокая «дистанция власти», претензии на патернализм, сакрализация руководителей; слабое вовлечение граждан в процесс управления; низкая степень коммуникации с населением и др. Данные особенности, безусловно, влияют на репутацию российской власти и формируются под влиянием макрополя концепта «российская власть». На данном этапе исследования их можно включить в концептуальное поле в качестве условного рабочего элемента, руководствуясь положением о наличии в составе концепта пассивного (исторического) и активного (актуального) слоев [17]. Оценка «активности» характеристик, включенности в контекст концепта, — самостоятельная задача дальнейшего исследования (например, патернализм можно определить как характеристику активного слоя, исходя из того, что «забота о народе, его защита» оказалась в числе наиболее значимых для насе-

ления репутационных характеристик). Соответственно, историко-культурные характеристики концепта «репутация российской власти» можно рассматривать либо в качестве самостоятельного элемента концептуального поля, либо в качестве фактора, влияющего на формирование репутации.

По результатам апробации теоретической модели концепта наполним его информационное поле (Рис. 2; характеристики крайней периферии не включены, чтобы избежать визуальной перегруженности).

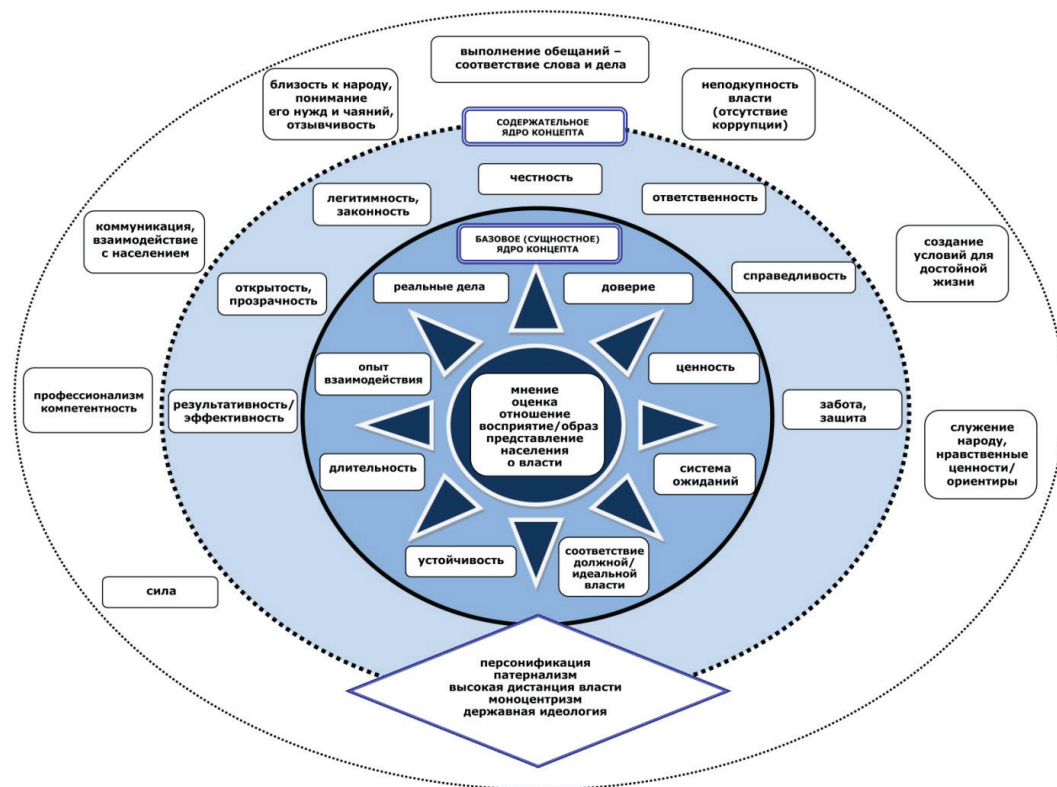

Рис. 2. Содержание информационного поля концепта «репутация российской власти»

Таким образом, репутация российской власти — сложный национальный феномен исторически обусловленной общественно-политической действительности, представляющий собой ценностное восприятие и устойчивое мнение граждан о власти, которые основаны на определенном опыте общения и оценке ее реальных действий, вызывающих чувство доверия и воплощающих предназначение власти — служение народу — в эффективной деятельности; отражающий систему ожиданий и представлений граждан о должной власти (честной, ответственной, справедливой, заботливой и обеспечивающей защиту) (3). В ходе исследования была подтверждена гипотеза о наличии в содержании концепта «репутация российской власти» двух принципиальных блоков: институциональные характеристики аккумулированы в интегри-

рующем «служении народу», деятельностные — в результативности/эффективности власти. Преобладание характеристик институционального блока (особенно в общественном мнении) свидетельствует о приоритете ценностного содержания репутации над прагматическим. Гипотеза о зависимости содержания концепта «репутация российской власти» от уровня развития региона (на примере двух групп регионов ЦФО), подтверждена не была, но была выявлена разница в степени значимости тех или иных характеристик репутации власти в разных регионах, свидетельствующая об их динамичности.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Проект № 21-011-31720 опн «Концепт “репутация власти”: сущность, содержание, закономерности функционирования в репутационном пространстве».

Примечания

- (1) В определенной степени (исходя из методологических положений когнитивной лингвистики) характеристики содержательного ядра можно отнести и к интерпретационному полю концепта, в то же время специалисты в данной области указывают на отсутствие четкой грани между информационным и интерпретационным содержанием концепта [13. 77–78].
- (2) В экспертном опросе выявлялись различия категорий «имидж власти» и «репутация власти». Однако результаты их сравнения, как и иных, имеющих сходство понятий (образ, авторитет, бренд и пр.), — самостоятельны предмет рассмотрения, в том числе в рамках изучения репутации как сложного междисциплинарного феномена (см., напр.: Розанова Н.Н. Имидж — репутация — бренд: стратегия формирования ценности власти // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 4; Розанова Н.Н. К вопросу о сущности понятия «репутация власти» (по результатам социологических исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4).
- (3) Данное определение, являясь своего рода идеальным теоретическим конструктом, в своем практическом преломлении, в частности при оценке характеристик репутации российской власти, иллюстрирует картину, далекую от ожиданий населения. Так, приоритетные характеристики оцениваются населением Центральной России невысоко: честность — 2,66 балла; ответственность — 2,85; справедливость — 2,71; забота о народе, его защита — 2,79 (средний балл по шестибальной шкале).

Библиографический список

1. Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Концепт // Социология / Сост. А.А. Грицанов и др. Мн., 2003.
2. Бюрократия и власть в новой России (руководитель проекта М.К. Горшков) // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 1.
3. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории. М., 2013.
4. Ваславский Я.И., Габуев С.В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6.
5. Дзялошинский И.М. Круглый стол: «Имидж. Репутация. Капитализация» // PR-Линия. 2008. № 2.
6. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 104.

7. *Калмыков Н.Н., Краснопольский И.А.* Реформирование системы государственной службы Российской Федерации // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2016. № 2.
8. *Каныгин Г.В., Габдуллин А.И.* Схема концептуализации социологического исследования // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 7.
9. *Кузнецов А.М.* «Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа // *МЕТОД*. 2014. № 4.
10. *Масленников Е.В.* Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социологического измерения // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2011. № 3.
11. *Панов П.В.* Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // *Политические исследования*. 2015. № 3.
12. *Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Панов Л.Г., Филиппова Л.Е.* Институциональный анализ политического пространства в России: предварительные результаты // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2019.*
13. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
14. *Рудакова А.Э., Гришин О.Е.* Репутационный капитал государства. М., 2017.
15. *Сабадашова М.Г.* Подходы к определению концепта // *Научные труды КубГТУ*. 2016. № 1.
16. *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология. М., 2020.
17. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2004.
18. *Тао Мэнтин, Быстрова Т.Ю.* Методологический потенциал изучения концептов в культурологии // *Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2020. Т. 26. № 2.
19. *Трубейской А.Ю.* Психологическая модель репутации в системе политических коммуникаций // *Мир психологии*. 2006. № 2.
20. *Тюленев И.С.* Основные подходы к теоретическому анализу репутации организации: возможности социально-философского осмысления // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2010. № 2.
21. *Устинова Н.В.* Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования. Екатеринбург, 2005.
22. *Фокин В.В.* Психологическая сущность репутации // *Современные гуманитарные исследования*. 2009. № 3.
23. *Харламов И.Г.* Управление формированием репутационного капитала // *Власть*. 2008. № 11.
24. *Ehrenbrink P.* Expert survey — triggers for state reactance // *The Role of Psychological Reactance in Human–Computer Interaction*. Cham, 2020.
25. *Eisenegger M.* Trust and reputation in the age of globalization // J. Klewes, R. Wreschniok (Eds.). *Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century*. Berlin–Heidelberg, 2009.
26. *Haveman H.A., Gualtieri G.* Institutional logics // *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*. R. Aldag (Ed.). Oxford University Press, 2016.
27. *March J.G., Olsen J.P.* The new institutionalism: Organizational factors in political life // *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78.
28. *Schmidt V.* Comparative institutional analysis // *Sage Handbook of Comparative Politics / Ed. by T. Landman, N. Robinson*. L.–New Delhi–Singapore, 2009.
29. *Sztompka P.* *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press, 1999.
30. *Trotsuk I.* “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.
31. *Trotsuk I.V., Ivlev E.A.* Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. № 2.

The information field of the concept ‘Russian power reputation’ in the expert and public opinion*

N.N. Rozanova

Smolensk State University
Przhevalsky St., 4, Smolensk, 214000, Russia
(e-mail: rozznina@yandex.ru)

Abstract. The article presents the results of the research project on the reputation of the Russian power, which aimed at identifying and explaining the content of the concepts ‘Russian power reputation’ (state and municipal power) and ‘reputation of the levels and branches of the Russian power’ (on the example of the regional executive power), and at assessing their closeness in the conceptual field. The author developed and empirically tested (expert and public opinion polls were conducted in the regions of Central Russia in August — November 2021) a theoretical model of the ‘Russian power reputation’, which has not been independently studied before. The article presents the structure and content of the information field of this concept, which (with a certain degree of convention) is defined as two-cored. The basic core is a semantic field of the category ‘reputation’, the substantive core includes characteristics of the concept ‘Russian power reputation’. The author identifies key characteristics constituting the basis of the substantive core or the near periphery of the basic core, and characteristics of the far and extremely far periphery. The content of the concept ‘Russian power reputation’ consists of two main blocks — institutional and activity — in their integrating characteristics (service to the people and effectiveness/efficiency of power). The institutional block characteristics prevail (especially in public opinion), which indicates the priority of the value content of reputation over the pragmatic one. Thus, a new concept is introduced into the scientific discourse — ‘Russian power reputation’, which means a complex national phenomenon of the historically determined social and political reality — it represents a value perception and relatively stable opinion of citizens about the authorities as based on certain experience of communication and estimates of their real actions which determine a sense of trust and embody the purpose of government — to serve the people — in a productive, effective way; and it reflects the system of citizens’ expectations and perceptions of a proper power (honest, responsible, fair, caring and protective).

Key words: Russian power reputation; concept; conceptual field; information field; content characteristics of the Russian power reputation; value attitude to the power; expert opinion; public opinion

Funding

The study was supported by the RFBR and EISR. Project No. 21-011-31720 on “The concept ‘reputation of power’: Essence, content, patterns of functioning in the reputational space”

References

1. Abushenko V.L., Katsuk N.L. Kontsept. *Sociologiya: Entsiklopediya* [Sociology: Encyclopedia]. Sost. A.A. Gritsanov i dr. Minsk; 2003. (In Russ.).
2. Byurokratiya i vlast v novoj Rossii (rukovoditel proekta M.K. Gorshkov) [Bureaucracy and power in the new Russia (project leader — M.K. Gorshkov)]. *Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz*. 2006; 1. (In Russ.).

*© N.N. Rozanova, 2022

The article was submitted on 16.01.2022. The article was accepted on 07.04.2022.

3. Vazhenina I.S. *Imidzh, reputatsiya i brend territorii* [Image, Reputation and Brand of the Territory]. Ekaterinburg; 2013. (In Russ.).
4. Vaslavsky Ya.I., Gabuev S.V. Neoinstitutsionalny podhod kak metodologicheskaya osnova issledovaniya elektronnoho pravitelstva [Neo-institutional approach to the study of the electronic government]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016; 6. (In Russ.).
5. Dzyaloshinsky I.M. Krugly stol: “Imidzh. Reputatsiya. Kapitalizatsiya” [Roundtable “Image. Reputation. Capitalization”]. *PR-Liniya*. 2008; 2. (In Russ.).
6. Efremov V.A. Teoriya kontsepta i kontseptualnoe prostranstvo [Concept theory and conceptual space]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena*. 2009; 104. (In Russ.).
7. Kalmykov N.N., Krasnopolsky I.A. Reformirovanie sistemy gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federatsii [Reforming the civil service system of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2016; 2. (In Russ.).
8. Kanygin G.V., Gabdullin A.I. Skhema kontseptualizatsii sotsiologicheskogo issledovaniya [Conceptualization in the sociological research]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2016; 7. (In Russ.).
9. Kuznetsov A.M. “Novy institutsionalizm”: vzglyad cherez prizmu diskursivnogo analiza [“The new institutionalism”: A discursive-analysis perspective]. *METOD*. 2014; 4. (In Russ.).
10. Maslennikov E.V. Printsipy formirovaniya kontseptualnoj modeli predmeta issledovaniya v metodologicheskom kontekste sociologicheskogo izmereniya [Principles of the conceptual model of the research object in the methodological context of the sociological dimension]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sociologiya i Politologiya*. 2011; 3. (In Russ.).
11. Panov P.V. Institutsionalizm(y): ob`yasnitelnye modeli i prichinnost [Institutionalism: explanatory models and causality]. *Political Studies*. 2015; 3. (In Russ.).
12. Patrushev S.V., Ajvazova S.G., Kertman G.L., Kuchinov A.M., Miryasova O.A., Nedyak I.L., Pavlova T.V., Panov L.G., Filippova L.E. Institutsionalny analiz politicheskogo prostranstva v Rossii: predvaritelnye rezultaty [Institutional analysis of the Russian political space: Preliminary results]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik*. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moscow, 2019; 17. (In Russ.).
13. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007. (In Russ.).
14. Rudakova A.E., Grishin O.E. *Reputatsionny kapital gosudarstva* [State Reputational Capital]. Moscow, 2017. (In Russ.).
15. Sabadashova M.G. *Podhody k opredeleniyu kontsepta* [Approaches to the definition of the concept]. *Nauchnye Trudy KubGTU*. 2016; 1. (In Russ.).
16. Smorgunov L.V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Studies]. Moscow; 2020. (In Russ.).
17. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar russkoj kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow; 2004. (In Russ.).
18. Tao Mentin, Bystrova T.Yu. Metodologichesky potentsial izucheniya kontseptov v kulturologii [Methodological potential of concepts in cultural studies]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1: Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kultury*. 2020; 26 (2). (In Russ.).
19. Trubetskoj A.Yu. Psihologicheskaya model reputatsii v sisteme politicheskikh kommunikacij [Psychological model of reputation in political communication]. *Mir Psihologii*. 2006; 2. (In Russ.).
20. Tyulenev I.S. Osnovnye podhody k teoreticheskomu analizu reputatsii organizatsii: vozmozhnosti sotsialno-filosofskogo osmysleniya [Main approaches to the theoretical analysis of organizational reputation: Possibilities for the social-philosophical reflection]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2010; 2. (In Russ.).
21. Ustinova N.V. *Politicheskaya reputatsiya: sushchnost, osobennosti, tekhnologii formirovaniya* [Political Reputation: Essence, Features, Technologies of Formation]. Ekaterinburg, 2005. (In Russ.).

22. Fokin V.V. Psihologicheskaya sushchnost reputatsii [Psychological nature of reputation]. *Sovremennye Gumanitarnye Issledovaniya*. 2009; 3. (In Russ.).
23. Kharlamov I.G. Upravlenie formirovaniem reputatsionnogo kapitala [Managing reputational capital formation]. *Vlast*. 2008; 11. (In Russ.).
24. Ehrenbrink P. Expert survey — triggers for state reactance. *The Role of Psychological Reactance in Human–Computer Interaction*. Cham; 2020.
25. Eisenegger M. Trust and reputation in the age of globalization. J. Klewes, R. Wreschniok (Eds.). *Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century*. Berlin–Heidelberg; 2009.
26. Haveman H.A., Gualtieri G. Institutional logics. *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*. R. Aldag (Ed.). Oxford University Press; 2016.
27. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life. *American Political Science Review*. 1984; 78.
28. Schmidt V. Comparative institutional analysis. *Sage Handbook of Comparative Politics*. Ed. by T. Landman, N. Robinson. L.–New Delhi–Singapore; 2009.
29. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press; 1999.
30. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
31. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-590-604

Поле судебного перевода: организационные структуры и формы капитала*

Е.В. Масловская

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия
(e-mail: ev.maslovskaja@socinst.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу поля судебного перевода в современной России. В фокусе внимания автора — бюро, специализирующиеся на переводе с языков народов постсоветских государств. Теоретической рамкой исследования выступает социологический подход к изучению деятельности переводчиков и концепция П. Бурдьё, включая его анализ юридического поля. В настоящее время в литературе, посвященной деятельности судебных переводчиков, используются отдельные понятия социологии Бурдьё, но в полной мере потенциал его общесоциологической теории и концепции юридического поля остается невостребованным. В качестве основного эмпирического метода выступают полуструктурированные интервью с судебными переводчиками, руководителями бюро переводов, следователями и адвокатами. Согласно результатам исследования, поле судебного перевода в современной России характеризуется слабой структурированностью, стратифицированностью институциональных акторов, разнообразием организационных и управленческих подходов. Реляционная и динамическая перспектива Бурдьё позволила выявить процесс формирования и трансформации границ профессиональной группы судебных переводчиков в результате конкурентной борьбы держателей разных видов капитала. Раскрыта роль этнического капитала в функционировании бюро переводов. Сделан вывод, что особенности рекрутинга судебных переводчиков в значительной степени зависят от требований институциональных акторов юридического поля. Выделены факторы, определяющие различия в условиях работы судебных переводчиков: редкость языков, которыми они владеют, способность выстраивать отношения по обмену услугами с руководителем бюро, постоянные рабочие отношения с правоприменителями. Промонстрированы преимущества концепции Бурдьё для анализа структуры бюро переводов. Показано, как меняющееся соотношение символической цены статуса переводчика, его габитуса и формальной позиции в организации влияет на динамику развития бюро переводов и на расклад сил в поле судебного перевода. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что акторы юридического поля оказывают определяющее влияние на позиционную борьбу в поле судебного перевода.

Ключевые слова: социология профессий; судебный перевод; П. Бурдьё; юридическое поле; бюро переводов; габитус; этнический капитал

* © Масловская Е.В., 2022

Статья поступила 28.12.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

Потребность в социологическом анализе поля судебного перевода обусловлена необходимостью понимания того, как интерпретируются и реализуются различными группами акторов нормы законодательства, регулирующие участие переводчика в уголовном судопроизводстве, каковы условия работы переводчиков, какие факторы влияют на их профессиональное поведение. Кроме того, изучение профессиональной деятельности переводчиков важно для понимания того, как в России связаны миграционная политика, реалии культурного многообразия и специфика правоприменительных практик.

Понятие этнического капитала применялось для анализа трансформаций сообществ мигрантов, в частности, в США [29], но не использовалось для изучения особенностей рекрутинга судебных переводчиков, траекторий их карьерного пути, складывающихся между переводчиками формальных и неформальных отношений, а также особенностей функционирования бюро переводов. Возможно, одна из причин — высокий уровень институционализации профессии судебного переводчика в западных странах, для которых характерно наличие стандартизированной инфраструктуры подготовки, аккредитации или сертификации переводчиков. Опыт многих стран свидетельствует о том, что подобная система способствует внедрению единых правил, препятствует сегментированию рынка услуг по переводу и распространению неформальных практик.

Российская специфика заключается в отсутствии единой государственной службы по оказанию услуг по судебному переводу, а также в том, что рынок переводческих услуг децентрализован и коммерциализирован. Если в 1990-е годы официальные переводческие службы существовали только в структуре государственных учреждений, то в последнее время большинство организаций, предоставляющих широкий спектр переводческих услуг, — это компании малого и среднего бизнеса. Критерием различения бюро переводов является не только тип юридического лица, но и набор языков, с которых осуществляется перевод. В частности, отдельный сегмент поля переводов образуют бюро, объединяющие носителей языков народов постсоветских государств. В статье исследуется, как различные формы капитала преломляются в функционировании бюро переводов, специализирующихся на переводе с языков народов бывших советских республик. Учитывая, что данное сообщество судебных переводчиков крайне неоднородно, выделены критерии стратификации данной профессиональной группы.

Комплексность роли судебного переводчика и проблемы, связанные с его присутствием и действиями, способствовали появлению противоположных взглядов на функции переводчика. В рамках ‘translation studies’ долгое время преобладала точка зрения, согласно которой судебному переводчику следует дословно воспроизводить сказанное с одного языка на другой, сохраняя ней-

тральность и оставаясь «невидимым» [8], т.е. предполагалось, что в ходе обучения и профессиональной практики формируются паттерны сервильности и невидимости, которые определяют переводческий габитус.

«Культурный поворот» в социальных науках, наметившийся с конца 1980-х годов, усилил интерес исследователей к исторически сложившимся условиям и контексту переводческой деятельности. Было выявлено неравенство участников коммуникации и продемонстрировано, что перевод не может быть нейтральным [7. С. 136]. Судебного переводчика начали рассматривать в качестве активного участника коммуникативного взаимодействия, посредника между культурами, который берет на себя функцию «адвокатирования» [27] или занимается «примирением» сторон [20]. Одной из главных задач переводчика была провозглашена поддержка задержанного или подсудимого как фигуры, уступающей стороне обвинения, которая обладает превосходящими властными ресурсами. Перевод стал соотноситься «с борьбой за деколонизацию и политические права, а переводчики оказались вовлечены в продвижение эмансипации маргинализированных и дискриминируемых групп» [28. С. 140].

Расширительное понимание роли переводчика в судопроизводстве представлено в работах авторов, считающих, что судебный переводчик может существенным образом влиять на «конструирование» уголовного дела, выступая экспертом в области лингвистики, культуры и даже права страны обвиняемого, а также представляя юристам гуманистически окрашенный образ обвиняемого [6; 13]. Эмпирические исследования показали, что переводчики все чаще рассматривают себя как культурных медиаторов или брокеров. В некоторых европейских странах термин «культурный медиатор» начали использовать как обобщающее понятие, а термины «переводчик» и «культурный медиатор» — как взаимозаменяемые. В ходе дискуссии о возможных последствиях данной тенденции ряд исследователей обратили внимание, что отождествление деятельности переводчика и культурного медиатора порождает амбивалентность и неопределенность в понимании роли и функций переводчика и может отрицательно сказаться на развитии профессионального поля перевода [14; 24].

В рамках социологического поворота сместился акцент в понимании перевода — как практики, осуществляемой в определенном социальном контексте. Авторы социологически ориентированных исследований сфокусировались на изучении института подготовки судебных переводчиков и профессиональных ассоциаций, самопрезентации переводчиков, условий их работы, различий в представлении о функциях и роли переводчика в юридическом контексте [15; 18; 21; 23]. В некоторых работах использовались отдельные понятия социологической теории П. Бурдьё, но не его подход к анализу формирования профессиональных групп. Вместе с тем недостаточно учитывались такие конституирующие взаимодействие юристов и переводчиков характеристики, как

асимметричность властных отношений, слабые ресурсные позиции переводчика, различающиеся цели и интересы данных групп акторов.

Разработанные Бурдые общесоциологические понятия (поле, габитус, капитал и символическое доминирование) привносят аналитическую самобытность в объяснение того, почему одни переводчики поддерживают правоприменителя и выступают на стороне следствия, другие стремятся помочь обвиняемому, а третьи — «угодить» обеим сторонам, следуя собственным карьерным или финансовым интересам. Вместо того, чтобы презюмировать существование переводчиков как профессиональной группы, реляционная и динамическая перспектива Бурдые обращает наше внимание на оспариваемый процесс ее формирования. Данный подход помогает раскрыть, как конкурентная борьба между держателями различающихся видов капитала сосредотачивается на локализации и значении границ профессиональных групп, способствуя их формированию и трансформации. Осмысление Бурдые позиционной борьбы, символического капитала и ‘*illusio*’ как основанной на интересе «вовлеченности в игру» [2. С. 400] позволяет объяснить стратегические действия отдельных переводчиков, отстаивающих свою профессиональную автономию. Наконец, взгляд Бурдые на природу символического доминирования современного бюрократического государства проливает свет на центральную роль, которую правоприменительные органы играют в формировании позиционной борьбы в поле перевода.

Релевантной для социологического изучения взаимодействия правоприменителей и судебных переводчиков является и концепция юридического поля Бурдые [2. С. 75–128], оказавшая значительное влияние на социологию права [12]. Данная концепция раскрывает специфику взаимодействия между акторами, обладающими разными интересами и ресурсами. В частности, согласно Бурдые формирование юридического поля предполагает установление границы между носителями юридического капитала и не-юристами. В рамках логики функционирования юридического поля последние могут выступать только клиентами специалистов, обладающих необходимой компетенцией, или инструментально использоваться ими.

Концепция Бурдые лучше применима для анализа таких текучих и аморфных организационных единиц, как бюро переводов, по сравнению с подходом, сторонники которого рассматривают организации «как базовые единицы социальной структуры, аналогичные отдельным организмам» [11. С. 9]. Опираясь на теорию Бурдые, можно рассмотреть бюро переводов не столько как совокупность сотрудников, возглавляемых руководителем, сколько как структуру — соотношение позиций и диспозиций акторов. Соответственно, отношения, которые складываются внутри бюро, могут быть концептуализированы сквозь призму концепции Бурдые, поскольку она «позволяет включить управленческие практики в социальную сферу и понять стратегии социальных субъектов в соответствующей сфере (принятие, сопротивление), особен-

но через властные отношения и символическое доминирование... в организациях» [26. С. 15].

Для вступления в бюро переводов потенциальному сотруднику необходимо обладать определенной конфигурацией характеристик — видов специфического капитала. В отличие от исследователей, сфокусированных на экономическом, социальном и человеческом капитале, Бурдье демонстрирует важность таких форм капитала, как культурный и символический. В сегменте поля судебного перевода с языков народов постсоветских стран значим и этнический капитал — как совокупность материальных и символических ресурсов, доступ к которым облегчает принадлежность к определенной этнической группе [17. С. 357–359]. Использование концепции Бурдье для понимания этнического капитала позволяет понять, как мигранты в ответ на требования принимающего государства «инвестируют» свой этнический капитал и, в конечном итоге, выступают как акторы, выстраивающие собственные стратегии и эффективно использующие имеющиеся у них ресурсы [16. С. 264–265]. Один из источников влияния в бюро переводов — символический капитал, включая признание переводчика со стороны сотрудников правоохранительных и судебных органов. Борьба вокруг признания руководителем бюро символического капитала сотрудников нередко является одним из важнейших драйверов организационной динамики.

Выявление структуры организации предполагает определение ключевых фигур/групп и оценку видов капитала, которым они обладают и который выступает ставкой в их взаимодействии. При этом важно различать формальные позиции, которые занимают акторы, от объема и структуры форм капитала, которым обладает каждый из них. Габитус — порождающий принцип, сформировавшийся из упорядоченной импровизации [1. С. 111] — позволяет раскрыть гомологичность и взаимосвязь между формальной позицией актора (как выражением объема и видов капитала) и его позиционированием внутри организации (как набором семантических и культурно обусловленных заявлений и действий). Габитус как система диспозиций, обусловленная социальным происхождением и последующими жизненными траекториями, определяет «пространство возможностей» в конкретной сфере деятельности и структурирует восприятие некоторых из этих возможных позиций как более подходящих или желательных, чем другие.

Упущением традиционной перспективы изучения организаций является игнорирование внутриорганизационных конфликтов. С позиций концепции Бурдье разногласия и конфликты — следствие осознания растущего несоответствия между габитусом сотрудника и его положением в организации. «Специфическая эффективность габитуса может быть ясно видна во всех ситуациях... когда диспозиции агента, поднимающиеся или опускающиеся в социальной структуре... расходятся с позицией, которую занимает агент» [9. С. 214]. Поскольку любое бюро переводов встроено в сеть отношений с орга-

низациями юридического поля и в более широкий комплекс полей, результат борьбы внутри бюро определяется не только внутренней организационной структурой, но и символическим капиталом акторов, приобретенным за пределами организации. Результаты конфликтов могут принимать вид стратегических действий, приводящих к изменению динамики развития организации.

Таким образом, в качестве теоретической рамки исследования выступает композиция социологического подхода к изучению деятельности переводчиков, теории Бурдьё и его концепции юридического поля. Исследование проведено с опорой на качественную методологию — полуструктурированные интервью с переводчиками, руководителями бюро, следователями и адвокатами в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде — в 2019–2020 годы. Были использованы материалы сайтов бюро переводов и некоммерческих организаций, оказывающих социальную и правовую помощь мигрантам.

Поле судебного перевода в современной России: общая характеристика

С позиций социологии профессий судебный перевод может быть отнесен к «новым профессиям» [22], которые еще не связаны четко определенной профессиональной траекторией с конкретными правилами доступа, признанным уровнем социального престижа и рассчитываемыми шансами на получение дохода. В силу слабо институционализированных отношений обмена между инвестициями и социальным признанием, новые профессии, в том числе профессия судебного переводчика, порождают краткосрочные биографические стратегии precarious характера. Судебные переводчики, действующие на пересечении различающихся профессиональных логик — переводческой и юридической, выступают как представители «гибридной» профессии [10; 22]. В терминологии Бурдьё пространство судебного перевода можно охарактеризовать как зону структурной неопределенности.

Слабость поля судебного перевода в современной России конституирована государством, поскольку, согласно законодательству, работа переводчика не требует наличия специальных навыков и компетенций, а предполагает лишь «свободное владение языком», т.е. границы этого поля изначально размыты, и их установление, тем более поддержание, требует значительных усилий индивидуальных и институциональных акторов. Все более активную позицию в складывающемся поле судебного перевода занимают юристы, в том числе получившие дополнительное лингвистическое образование. Привлекая сторонников в новом руководстве Союза переводчиков России (СПР), заинтересованного в укреплении статуса организации в качестве ведущего институционального актора, юристы предлагают содействие в реализации планов по развитию, стандартизации и сертификации отраслевых направлений перевода, а руководители СПР выражают намерение

добиваться легитимации своей монополии и сферы полномочий в пределах рынка переводческих услуг, в том числе посредством более высоких профессиональных стандартов.

Однако каким бы слабо структурированным ни было поле перевода, оно является стратифицированным. В целом бюро переводов различаются по юридическому статусу, стилю менеджмента, особенностям рекрутинга сотрудников, набору языков, диапазону сфер, в которых осуществляется деятельность, и специфике сетевых отношений за пределами поля перевода. В крупных переводческих компаниях, занимающих топовые позиции в поле перевода, сотрудники работают с широким спектром иностранных языков, в устном и письменном форматах и заняты практически во всех сферах — от международных конференций до суда и медицинских учреждений, а основным критерием подбора сотрудников выступает наличие инкорпорированной формы культурного капитала. Бюро, специализирующиеся на переводе с языков народов бывших советских республик, образуют низовой сегмент поля: перевод в судах и отделениях полиции является одним из основных направлений их деятельности, а сотрудники рекрутируются, прежде всего, из диаспор.

Борьба за границы поля, ведущаяся отдельными группами акторов, и возникающая в результате этого стратификация, вынуждает тех, кто претендует на занятие доминирующих позиций, усиливать требования к стандартам деятельности судебного переводчика. Инициативная рабочая группа из юристов-преподавателей (один — одновременно руководитель переводческой компании) и председателя правления СПР разработала проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием Единого государственного реестра судебных переводчиков» и «Положение о судебном переводчике» [5]. Акцент в документах сделан на правовом регулировании официального перевода в ходе следственных действий и судебного процесса посредством устранения пробела в процессуальном законодательстве, которое не определяет процесс подбора переводчика судебными и правоохранительными органами и способы оценки его компетентности. Данные документы представляют интерес, поскольку позволяют увидеть, как акторы юридического поля на уровне законодательства и посредством участия в профессиональной ассоциации переводчиков оказывают существенное влияние на конституирование пространства дифференцированных позиций в поле перевода, т.е. вносят в поле перевода то, что Бурдье называл «принципом видения и деления» [3. С. 37].

Переводчики, специализирующиеся на делах с участием мигрантов, неоднозначно оценивают шансы реализации подобных устремлений в контексте ситуации на рынке услуг по судебному переводу. Те из них, кто работают исключительно в судах, согласны с необходимостью «*сертификации перевод-*

чиков или выдачи ордера, как у адвокатов», но задаются вопросом: «а кто будет на дознании, в полиции и на следствии работать, ведь тогда 99 % всех переводчиков отсеется? А пока все, кто есть на этом рынке, как-то находят себе место». При этом «если придется еще куда-то ходить, сдавать экзамены, платить деньги, никого не останется на рынке, никто не захочет — слишком много мороки».

Привнесение юридической рамки, предполагающей лишь ужесточение правил оценки работы переводчиков, кардинально не изменит ситуацию, а скорее всего лишь заставит участников изобретать новые способы обхода правил и норм. Как показывают исследования [4], институциональная основа власти правоприменителей и асимметричность властных отношений в юридическом поле определяют особенности взаимодействия судебных переводчиков и юристов. Следователи демонстрируют слабую заинтересованность во взаимодействии с переводчиками, обладающими высоким уровнем культурного капитала, в большинстве случаев предпочитая переводчиков со слабыми ресурсными позициями, не способных противостоять контролю и манипулированию. Даже выражая поддержку идеалу профессионального контроля за качеством услуг и выработки профессиональной этики, переводчики-мигранты отступают перед сложившимися в поле судебного перевода социальными практиками, большей частью неформальными, т.е. недостаточно ограничиться введением единого реестра судебных переводчиков и усилением контроля за качеством их работы. Необходимо изменить те структурные особенности взаимодействия юристов и судебных переводчиков, которые способствуют воспроизводству специфической стратификации судебных переводчиков и востребованности правоприменительными органами переводчиков разной квалификации.

Судебные переводчики между нормативной неопределенностью и требованиями акторов юридического поля

Особенностью ситуации в современной России является практически полное отсутствие подготовки переводчиков с языков народов постсоветских стран (за исключением отдельных вузов, например, Московского государственного лингвистического университета). Кроме того, в России нет системы аккредитации или сертифицирования судебных переводчиков, как и официально закрепленного требования сдавать квалификационные экзамены на право осуществлять перевод в судебном процессе или на досудебной стадии расследования преступлений. Однако опыт функционирования института судебных переводчиков во многих странах подтверждает существенную разницу между переводчиками, получившими специализирован-

ную подготовку, и теми, кто обладал важным, но явно недостаточным ресурсом — знанием требуемого языка как родного [19]. В интервью информанты подчеркивали важность не только лингвистической подготовки, но и владения юридической терминологией и знания правовых процедур: *«мало быть филологом, важно знать процедуры и юридические термины, лексика здесь специализированная»*.

Следующая проблема связана с отсутствием единого реестра судебных переводчиков, поэтому поиск переводчика нередко выполняется с использованием личных или профессиональных связей сотрудников правоохранительных, иногда и судебных органов. Поскольку основная масса мигрантов сконцентрирована в крупных городах, во многих российских регионах возникла проблема поиска переводчика: *«недавно азербайджанца арестовали в Чувашии, и вот нет там переводчиков с азербайджанского, ... с немецкого есть, французского, английского, пожалуйста... пришлось им ехать в Москву, но за какие деньги они нашли того, кто согласился с ними работать и ехать туда, не знаю»*.

Юристы сталкиваются с информационной неопределенностью, для снижения которой могли бы обратиться к документам, подтверждающим квалификацию потенциального переводчика. Еще несколько лет назад в суде нередко появлялись люди не только без специализированного, но и вообще без высшего образования: *«еще недавно в суде легко было обмануть, очень много дел с узбеками, много разных людей приходит [в качестве переводчиков], секретари в суде открывают удостоверение и даже не спрашивают, есть ли какое-то образование, не проверяют, не требуют показать диплом»*. В московских судах *«в последние года три внимательнее начали проверять документы, иногда требуют и диплом показать, хотя опять же доверяют документам, а ведь все это можно подделать при желании»*. В целом компетентность переводчика и качество выполненного им письменного перевода оценивается судьей или следователем в каждом конкретном деле, и валидность их оценки ограничивается лишь рамками дела.

Поскольку квалификация переводчика для допуска его в процесс, как правило, оценивается сугубо формально, случаются ситуации, выявляющие недостаток или отсутствие компетенции переводчика. В частности, не все переводчики в равной степени владеют навыками устного и письменного перевода — часть переводчиков занимается только устным переводом, отказываясь от письменного. Таким коллегам информанты не доверяют, поскольку, *«если он понимает значение всех слов, знает русский язык, почему не может перевести на свой родной язык... значит не знает, нет высшего образования... удивительно каких только людей нет [среди переводчиков], и ведь судья не интересуется, кто он, что из себя представляет»*. В одних случаях требуется другой переводчик для письменного перевода, в других случаях неправильный перевод приводит к тому, что обвиняемый через адвоката добивается

пересмотра приговора или передачи дела на доследование в связи с выявленной некомпетентностью переводчика.

Ответом на подобные случаи стало использование правоприменителями своего рода рецензирования — следователи обращаются к тем переводчикам, квалификации которых доверяют, с просьбой посмотреть и оценить перевод документов, выполненный другими коллегами. Судьи *«смотрят, кто аккуратно, вовремя выполняет письменные переводы, к тем и обращаются с просьбой проверить»*. Переводчики рассматривают такие просьбы как подтверждение своего профессионального статуса, но отдают себе отчет, что в некоторых случаях подобное обращение может быть вызвано стремлением судьи или следователя перенести на переводчика ответственность за ошибки юристов.

В условиях отсутствия системы аккредитации как основы для закрепления профессионального статуса за судебным переводчиком роль профессиональных фильтров, казалось бы, могут выполнять бюро переводов. Однако они выстраивают свою деятельность в соответствии с рыночной логикой максимизации прибыли: бюро как провайдер услуг ориентируется на запрос клиентов — правоохранительных и судебных органов — и старается соответствовать их ожиданиям и потребностям. Особенности рекрутинга переводчиков в значительной степени определяются набором требований со стороны институциональных акторов юридического поля. Так, для работы с органами полиции и следствия востребован не столько обладатель высокого уровня культурного капитала и компетенций профессионального переводчика, сколько тот, кто готов пренебречь репутацией профессионала, действуя в интересах сотрудников правоохранительных органов. Обычно это мигрант без инкорпорированной формы культурного капитала, но способный конвертировать свой этнический капитал и социальный капитал внутри диаспоры в ресурс, позволяющий войти в поле перевода.

Соответственно, уровень требований к сотруднику бюро переводов не включает наличие диплома о лингвистическом или филологическом образовании — это может быть диплом по технической или сельскохозяйственной специальности, подлинность которого никто не проверяет. В бюро, постоянно работающих с полицией и дознанием, требования к квалификации сотрудников невысокие: *«вообще неважно какое образование и есть ли оно, главное — носитель языка»*.

В судах перевод носит публичный характер, необходимо переводить большой объем документов, что предполагает более высокие требования к переводчикам. Руководители бюро, работающие преимущественно с судебными инстанциями, подчеркивали, что дорожат репутацией и берут на работу только проверенных людей, о которых собирают информацию внутри диаспор. В целом при подборе сотрудников руководители бюро руководствуются двумя основными принципами: во-первых, чем более редкий язык необходим, тем

меньше требований предъявляется к переводчику; во-вторых, поиск сотрудников осуществляется, как правило, через знакомых, друзей, членов диаспоры, рекомендация или протекция которых играет определяющую роль.

Переводчики, которые работают с органами дознания и полиции, практически не пересекаются с теми, кто выполняет работу по переводу в судах. Эти группы могут не иметь практически ничего общего, кроме этнического капитала и факта участия в борьбе за навязывание противоположных определений того, что есть судебный перевод. Помимо работы с правоохранительными органами или в судах, в ходе исследования были выделены следующие критерии стратификации судебных переводчиков: наличие российского гражданства; регистрация и фактическое многолетнее проживание в российских городах; документальное подтверждение лингвистического или педагогического образования; опыт работы в государственных структурах в родной стране; большой стаж работы переводчиком, в том числе судебным, в принимающей стране; владение в равной степени как устным, так и письменным переводом.

Особенности внутриорганизационных отношений в бюро переводов

Деятельность бюро, специализирующихся на переводе с языков народов бывших советских республик, едва ли может быть отнесена к «этнической экономике», которая включает практически любой бизнес под этническим «зонтиком», но это и не «анклавная» экономика, которая требует локализации в пределах этнически идентифицируемого сообщества с минимальным уровнем институциональной завершенности. Тем не менее, этнический капитал — один из основных ресурсов при поступлении на работу в такие бюро переводов. Кроме того, такие бюро, особенно на ранних стадиях функционирования, нуждаются в особых отношениях с диаспорами, где ищут потенциальных сотрудников, собирают и проверяют информацию о них. Отношения внутри бюро регулируются «ограниченной солидарностью» (*boundary solidarity*) [25. С. 1324–25] и «обязательным доверием» (*enforceable trust*) — как механизмами, которые необходимы для укрепления взаимоподдержки и эффективного контроля за отклоняющимся поведением.

Руководитель бюро выступает как «двойной агент», посредством которого в поле перевода проникает экономическая логика. Он совмещает в своем лице экономические диспозиции и этнический капитал, что благоприятствует отношениям взаимного доверия, которые обычно выходят за рамки договорных денежных обязательств и основаны на социальной норме реципрокности. Материальные и нематериальные выгоды, характерные для данного типа организаций, в меньшей степени проявляются на общем рынке труда,

где принадлежность к одной этнической группе не является определяющей характеристикой отношений собственник-работник, а реципрокный обмен — обязательной нормой.

Как правило, первоначально переводчики работают по заявкам, которые направляются в бюро переводов судами, следственными органами или полицией. Затем они либо продолжают работать по официальным заявкам, либо получают заказы напрямую, поддерживая рабочие отношения с сотрудниками правоприменительных органов. Это зависит не только от креденциального ресурса, уровня квалификации и социальной компетентности, но и от того, насколько переводчик готов соответствовать требованиям правоохранительных органов или суда.

Условия работы судебных переводчиков могут существенно различаться в зависимости от стажа работы, редкости языков, которыми они владеют, заинтересованности сотрудников правоохранительных органов или суда в конкретном переводчике, а также способности выстраивать отношения по обмену услугами с руководителем бюро. Например, переводчик может договориться с руководителем, что он получает деньги наличными за все, кроме перевода обвинительного заключения, а *«это самый большой документ... Это не оформлено, это джентльменское соглашение. Если я его нарушу, думаю, в следующий раз она мне не даст такое дело. Конечно, это выгодно, прежде всего, мне, но она так делает, чтобы сохранить меня в качестве сотрудника... Сейчас много фирм, между ними конкуренция, если я перебегу в другую, она вообще все потеряет, у нее практически не останется переводчика с ...языка»*.

Время от времени внутри бюро переводов происходят конфликты между руководителем и сотрудниками. Конкретные поводы могут различаться, но одна из основных причин — отстаивание переводчиком своей профессиональной автономии. По мере укрепления профессионального статуса и обретения большей уверенности в постоянном получении заказов со стороны правоприменителей переводчик начинает осознавать дисбаланс между своим символическим капиталом и позицией в бюро. В частности, некоторые переводчики выражают недовольство тем, что руководитель не обращает должного внимания на их достижения: *«следователь рассказал ему, как я помогла в очень сложном деле, а он ничего не сказал, не отметил мой успех, не говоря уже о повышении зарплаты»*. Другие переводчики начинают отстаивать свое право на особые условия работы — возможность самостоятельно определять, какие заявки принимать, а от каких отказываться, оставлять ли вознаграждение, например, за устный перевод, в полном объеме себе, отдавая *«в контору только за письменный перевод»*.

В подобной ситуации руководитель бюро сначала пытается воздействовать на сотрудника увещаниями, одновременно апеллируя к его чувству солидарности и приверженности интересам организации: *«на вас равняются все наши переводчики, а если вы будете так себя вести, то будете*

мне дисциплину разрушать». С обеих сторон предпринимаются попытки получить поддержку тех членов диаспоры, которые могут оказать влияние/давление на другую сторону. В зависимости от позиции переводчика в профессиональной структуре, его ценности как сотрудника, навыков вести такого рода переговоры и умения актуализировать социальный капитал внутри диаспоры, руководитель бюро может пойти на компромисс. Если в результате переговоров сотруднику не удается добиться изменения своего статуса, он следует одной из стратегий: переход на работу в другое бюро, как правило, на более выгодных условиях, или создание собственного бюро, на работу в которое он переманивает часть сотрудников. В любом случае каждый сценарий приводит к кардинальным изменениям внутри организации, а в случае создания нового бюро меняется соотношение сил и внутри поля судебного перевода.

Руководители бюро рассматривают подобное поведение сотрудников как разрыв договоренностей и используют различные способы неформального социального контроля. Согласно информантам, конфликты сопровождаются распространением негативной информации о бывшем сотруднике, в том числе рассылкой руководителем «разоблачительных» писем в другие бюро переводов и родственникам сотрудников. Информанты приводили примеры того, как руководитель обращался в правоохранительные органы с обвинениями в адрес бывшего сотрудника по поводу наличия поддельных документов (паспорта, патента или разрешения на регистрацию), хотя когда-то именно он и «делал» эти документы. Подобная ситуация характерна для тех бюро, которые взаимодействуют с органами дознания и полиции. В результате проверок, задержаний и обысков лиц, обвиненных бывшими начальниками, правоприменители обнаруживали среди переводчиков нелегальных мигрантов или лиц, занимавшихся изготовлением поддельных документов. Таким образом, зависимость акторов данного сегмента поля судебного перевода от правоохранительных органов лишь усиливалась.

В целом характер взаимодействия между судьей, полицейским/следователем и судебным переводчиком отражает структуру отношений между юридическим полем и полем перевода, которые можно определить как символическое доминирование. Хотя судебные переводчики не обладают институциональной властью, при соответствующем уровне культурного капитала они предстают экспертами в области лингвистики и культуры, т.е. могут оказывать существенное влияние на ход интеракции, используя вербальные и невербальные средства для координации и уравнивания властных отношений во взаимодействии юристов и их «клиентов»-мигрантов. Однако использование переводчиком потенциальной возможности влиять на ход интеракции и конструирование дела зависит от целого ряда факторов, в том числе особенностей представляемой им организационной структуры — бюро переводов.

Библиографический список / References

1. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001 / Bourdieu P. *Praktichesky smysl* [Practical Sense]. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
2. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005 / Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
3. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993 / Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993. (In Russ.).
4. Масловская Е.В. Судебные переводчики в расследовании уголовных дел: типы профессионального поведения и неформальные практики // Социологические исследования. 2021. № 2 / Maslovskaya E.V. Sudebnye perevodchiki v rassledovanii ugolovnykh del: tipy professionalnogo povedeniya i sotsialnye praktiki [Legal interpreters in the investigation of criminal cases: Types of professional behavior and social practices]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 2. (In Russ.).
5. Проект регулирования института судебного перевода в России / Project of Regulation of the Institution of Legal Translation in Russia (In Russ.) // URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/court-interpreting-and-translation.html>.
6. Ahmad M. Interpreting communities: Lawyering across language difference. *UCLA Law Review*. 2007; 54.
7. Bassnett S. The Translation turn in cultural studies. Bassnett S., Lefevere A. (Eds.). *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Clevedon; 1998.
8. Berk-Seligson S. *The Bilingual Courtroom: Court Interpreters in the Judicial Process*. Chicago; 1990.
9. Bourdieu P. *The Social Structures of the Economy*. Cambridge; 2005.
10. Colley H., Guery F. Understanding new hybrid professions: Bourdieu, *illusio* and the case of public service interpreters. *Cambridge Journal of Education*. 2015; 45 (1).
11. Davis G. Firms and environments. Smelser N., Swedberg R. (Eds.). *Handbook of Economic Sociology*. Princeton; 2005.
12. Dezalay Y., Madsen M. The force of law and lawyers: Pierre Bourdieu and reflexive sociology of law. *Annual Review of Law and Social Science*. 2012; 8.
13. Gibb R., Good A. Interpretation, translation and intercultural communication in refugee status determination procedures in the UK and France. *Language and Intercultural Communication*. 2014; 14 (3).
14. Hale S. Controversies over the role of the court interpreter. Valero-Garcés C., Martin A. (Eds.). *Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas*. Amsterdam; 2008.
15. Inghilleri M. Habitus, field and discourse: Interpreting as a socially situated activity. *Target*. 2003; 15 (2).
16. Kim J. Migration-facilitating capital: A Bourdieusian theory of international migration. *Sociological Theory*. 2018; 36 (3).
17. Kim J. Ethnic capital, migration and citizenship: A Bourdieusian perspective. *Ethnic and Racial Studies*. 2019; 42 (3).
18. Lee J. Conflicting views on court interpreting examined through surveys of legal professionals and court interpreters. *Interpreting*. 2009; 11 (1).
19. Liu X., Hale S. Achieving accuracy in a bilingual courtroom: The effectiveness of specialized legal interpreter training. *Interpreter and Translator Trainer*. 2018; 12 (3).
20. Merlini, R., Favaron R. Community interpreting: Reconciliation through power management. *Interpreters' Newsletter*. 2003; 12.
21. Morris R. Images of the court interpreter: Professional identity, role definition and self-image. *Translation and Interpreting Studies*. 2010; 5 (1).
22. Noordegraaf M. From “pure” to “hybrid” professionalism: Present-day professionalism in ambiguous public domains. *Administration and Society*. 2007; 39 (6).

23. Norström E., Fioretos I., Gustafsson K. Working conditions of community interpreters in Sweden: Opportunities and shortcomings. *Interpreting*. 2012; 14 (2).
24. Pöchhacker F. Interpreting as mediation. Valero-Garcés C., Martin A. (Eds.). *Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas*. Amsterdam; 2008.
25. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and immigration: Notes on the social determinants of economic action. *American Journal of Sociology*. 1993; 98 (6).
26. Tatli A., Özbilgin M., Karatas-Özkan M. (Eds.). *Pierre Bourdieu, Organization and Management*. New York; 2015.
27. Wadensjö C. *Interpreting as Interaction*. New York; 1998.
28. Wolf M. The sociology of translation and its “activist turn”. *Translation and Interpreting Studies*. 2012; 7 (2).
29. Zhou M., Mingang L. Community transformation and the formation of ethnic capital: Immigrant Chinese communities in the United States. *Journal of Chinese Overseas*. 2005; 1 (2).

The field of legal translation: Organizational structures and forms of capital*

E.V. Maslovskaya

Sociological Institute of FCTAS RAS

7th Krasnoarmeyskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

(e-mail: ev.maslovskaya@socinst.ru)

Abstract. The author conducts the analysis of the field of legal translation in contemporary Russia and focuses on translation agencies specializing in the languages of the peoples of the post-Soviet states. The theoretical framework of the research is the sociological approach to the study of legal interpreters and Bourdieu’s theory including his analysis of the juridical field. Today some concepts of Bourdieu’s sociology can be found in the studies of the activities of legal interpreters, but his theory is still insufficiently applied. The main empirical method of the research is semi-structured interviews with legal interpreters, heads of translation agencies, investigators and lawyers. The relational and dynamic perspective of Bourdieu’s theory allowed the author to analyze the formation and transformation of the boundaries of the professional group of legal interpreters as a result of competition between actors with different forms of capital. The article reveals the role of ethnic capital in the functioning of translation agencies. The author makes a conclusion that the recruitment of legal interpreters largely depends on the requirements of institutional actors of the juridical field; identifies factors affecting the working conditions of court interpreters — the rarity of their language, ability to establish reciprocal relationships with the head of a translation agency, and permanent working relationships with the law enforcement bodies personnel. The article proves the advantages of Bourdieu’s approach in the study of the translation agencies structure, and shows how the changes in interpreters’ habitus and formal position influence the development dynamics of translation agencies and the field of legal translation as a whole. The research results allow to make a conclusion that actors of the juridical field exert a decisive influence on positional struggle within the field of legal translation.

Key words: sociology of professions; legal translation; Pierre Bourdieu; juridical field; translation bureau; habitus; ethnic capital

* © E.V. Maslovskaya, 2022.

The article was submitted on 28.12.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-605-615

Социально-значимая информация и проблемы доверия казахстанских граждан к СМИ*

А.Б. Шабденова¹, Г.Т. Алимбекова², С.А. Лифанов¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби
просп. аль-Фараби, 71, Алматы, 050040, Казахстан

²Центр изучения общественного мнения,

ул. Жибек Жолы, 54, Алматы, 050002, Казахстан

(e-mail: aija2005@mail.ru; welcome@ciom.kz; lifanov.sergey.a@gmail.com)

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса населения Казахстана по проблемам информационного общества и массовой коммуникации, проведенного в рамках проекта программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан «Разработка информационных технологий и систем для стимулирования устойчивого развития личности как одна из основ развития цифрового Казахстана». Цель исследования — определение предпочтений разных социальных категорий в выборе новостей и социально-значимых тем в медиапространстве и оценка влияния новостей разной тематической направленности на развитие личности (психологическая/эмоциональная, социальная и интеллектуальная устойчивость). Проблема всестороннего анализа СМИ как канала воздействия на общество актуализировалась в условиях пандемии, что выразилось в широком применении понятия «инфодемия» в оценке информационных процессов с первой половины 2020 года. В статье исследуется процесс формирования информационной повестки дня при выборе и определении значимости новостного контента СМИ. Исходя из постулата о существенных различиях информационной повестки дня у разных социальных групп, был проработан вопрос об основных факторах доверия к информационным каналам. Полученные данные позволили выявить корреляцию между социальной значимостью новостной информации и уровнем доверия граждан СМИ. В основу работы положена теоретическая модель сочетания двух взаимодополняющих факторов: с одной стороны, влияние СМИ, обладающих если не монополией (П. Бурдье), то значительными предпочтениями в формировании общественного сознания и ценностных ориентаций, с другой стороны, зависимость СМИ, обусловленная спросом и предложением. С опорой на различные теории формирования информационной повестки подтверждена целесообразность учета социально-демографических характеристик населения при формировании контента СМИ — когда необходимо донести точечную информацию до различных социальных групп.

Ключевые слова: новости; информационная повестка дня; средства массовой информации и коммуникации; Казахстан; доверие; устойчивое развитие

Прямо или косвенно люди получают информацию, читая новости в СМИ, поэтому возникает два вопроса: какова динамика повестки дня и как люди начинают интересоваться разными темами? На эти вопросы невозможно от-

* © Шабденова А.Б., Алимбекова Г.Т., Лифанов С.А., 2022

Статья поступила 15.11.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

ветить без соответствующих замеров динамики повестки дня и общественного мнения. Современное информационное пространство представлено не только традиционными (газеты, журналы и т.д.) и электронными (телевидение, радио и т.д.) СМИ, но и принципиально новыми двухсторонними новыми СМИ (социальные медиа, подкасты, форумы и др.). Хотя кризисы всегда были временем нарастания эмоций и беспокойства, похоже, что они достигают кульминации на платформах социальных сетей, где граждане и самопровозглашенные эксперты формируют новое информационное поле. В данной работе мы изучаем повестку дня граждан в сравнении с новостным контентом СМИ Казахстана, оценивая тематические предпочтения с учетом социально-демографических характеристик, т.е. «общественную повестку дня» (*public agenda*) как результат распределения общественного интереса в одном тематическом пространстве, в отличие от «медийной повестки дня» (*media agenda*) — распределения освещения темы.

СМИ играют фундаментальную роль в формировании общественного мнения, определяя темы обсуждения или делая акцент на определенных вопросах. Значительная часть актуальной информации о наиболее значимых социальных событиях опосредована масс-медиа. Эта тема с середины прошлого века широко обсуждается в научной литературе с констатацией односторонности влияния СМИ на общественное мнение в плане формирования информационной повестки дня. В определенном смысле данная концепция восходит к теории М. Маклюэна, сформулировавшего ряд принципов оценки информационной среды, включая разделение медийных технологий на «горячие» и «холодные» (позволяющее определить характер и уровень влияния СМИ на общество и уровень вовлеченности пользователей в процесс коммуникативного обмена) [2]. Опираясь на модель Маклюэна, можно отметить их чередование как фактор развития информационной среды, а также необходимость учета при анализе СМИ культурного и социального контекста функционирования медиа. В соответствии с постулатами концепции «внешнего расширения человека» современные медиа, контент которых представлен в традиционном и цифровом формате, могут быть охарактеризованы как «холодные» — не только влияющие на человека, но и требующие ответной активности.

Влияние СМИ, оцениваемое в категориях властных отношений, можно исследовать, опираясь на концепцию П. Бурдьё, — посредством анализа влияния механизмов поля журналистики, подверженного воздействию экономических факторов и требований рынка на практически все поля культурного производства [1]. Согласно Бурдьё, как минимум телевидение располагает значительными предпочтениями в формировании общественного мнения в целом и непосредственной оценки тех или иных событий. Событие в хронике происшествий становится значимым не само по себе, а вследствие того, что случайно или целенаправленно попадает в фокус внимания журна-

листов. С другой стороны, за кадром может остаться что-то действительно важное, провокационное, протестное и т.д., в то время как внимание общественности сосредоточено на фактах и проблемах, о существовании которых она и не подозревала.

Этот феномен находит системное объяснение в теории установления повестки дня (*agenda setting theory*), согласно которой интенсивность медийного освещения социального феномена зависит от оценки людьми его важности. Эта теория оформилась еще в 1970-е годы в ходе предвыборной кампании в США [15] и обозначила два уровня формирования повестки дня — фактологический и аксиологический. Оценка важности представляет собой первый фактологический уровень, или определение повестки дня первого уровня. На втором уровне [22] происходит концентрация общественного внимания и формируется оценка ситуации, в соответствии с той позицией, которую занимает большинство СМИ (присутствует в материалах, заголовках, мнениях). Современные интерактивные технологии, в отличие от классических аудиовизуальных медиа как одностороннего канала, позволяют формировать как минимум две повестки дня. В современных теориях широко представлена «сетевая теория формирования повестки дня» (*network agenda-setting model*) [20], акцентирующая внимание на возможности существования двух и более повесток дня и их объединении в своеобразную многоуровневую структуру, т.е. исследователи вынуждены обращать внимание не на отдельные вопросы, а на явные и латентные информационные «связи», а также корреляты с социальными характеристиками, способами распространения информации (принцип Маклюэна «средство передачи сообщения и есть содержание сообщения» [2]), спецификой региональных систем регулирования СМИ и др.

Был проведен обширный ряд исследований влияния СМИ на агрессию [6], политическое поведение [11], социальную идентичность [18], общественное здоровье [17], электоральные предпочтения и ожидания [7] и т.д. Они отмечают значение деструктивных макросоциальных явлений как фактора большого объема негативного и необъективного контента (политические кризисы, военные конфликты, террористические акты и др.), но наиболее отчетливо он проявился в условиях пандемии covid-19. По сути, базовая журналистская задача — освещение кризисных ситуаций — в значительной степени переместилась в онлайн-формат и обрела характер неконтролируемого информационного потока. В этих условиях наиболее важной становится та повестка дня, которая формируется гражданами и может совпадать/не совпадать с направленностью контента СМИ [9].

Тема роли СМИ как информационного канала во время пандемии рассмотрена во множестве исследований [17; 19] и определена относительно новым термином «инфодемия» (*infodemic*) [10; 14]. Например, проработанная проблематика актуальных и потенциальных социальных страхов показывает

нарастание элементов кризисного сознания по мере того, как они «презентуются в качестве таковых СМИ» [3]. Мы поднимаем вопрос об уровне доверия граждан казахстанским СМИ в целом и в кризисных ситуациях: последние являются фактором, косвенно стимулирующим общественный интерес к социально-политической информации [8], и оказывают прямое мотивационное воздействие на поиск и обработку информации.

Метод исследования — опрос методом онлайн-анкетирования (self-administered questionnaire): анкета и хранилище данных размещены на сервере Информационно-аналитического центра. Анкета состоит из трех разделов и демографического блока. Каждый раздел охватывает следующие концепты: социальная значимость, устойчивое развитие личности и влияние СМИ. Во всех разделах основным связующим звеном выступают заголовки, с которыми респондент работал в течении всего опроса. Заголовки не были фиксированными и отличались в зависимости от анкеты — всего было девять вариаций заголовков из разных тематических областей. Общее количество заголовков в девяти вариациях составляло 270, они образовывали 60 тематических областей (внутренняя политика, здравоохранение, социальная сфера и т.д.). Тематические области были сформированы экспертами проекта, аналитиками Информационно-аналитического центра, на основе результатов топик-моделинга BigARTM.

Отбор респондентов осуществлялся по методологии, разработанной экспертами: применялась комбинированная выборка с элементами стратификации и случайного отбора из базы данных мобильных номеров. Сначала была проведена сортировка телефонных номеров по критерию «регион»: каждому региону и городу республиканского значения присвоено количественное значение от 1 до 17 в соответствии с регионами страны. Затем мобильные номера отбирались случайным образом из каждой страты, что обеспечило достаточную репрезентативность каждого региона Республики Казахстан. Интервьюерам предоставлялись списки отобранных телефонных номеров, по которым они обзванивали респондентов, приглашая к участию в опросе и отправляя ссылку на анкету. По экспертным оценкам, достаточный размер выборки — 5400, если с каждым заголовком поработают примерно 20 респондентов, или 600 респондентов на каждый вариант анкеты. Таким образом, выборка исследования составила 5400 завершенных анкет, заполненных по результатам обзвона граждан Казахстана старше 18 лет, зарегистрированных в официальных базах данных. В полевом этапе приняли участие 20 интервьюеров, каждый в среднем обеспечил 270 завершенных анкет. Полевые работы проходили с 12 июня по 14 августа 2020 года, процент достижимости составил 63%.

Выборка репрезентирует население по полу (35% мужчин и 65% женщин) и возрасту (25% — 18–24 года; 28% — 25–34; 35–44 года — 24%; 45–54 года — 15%; 55+ — 7,5%). «Чтобы обеспечить страновой охват по-

лученных данных... была проведена процедура взвешивания... на основе популяционных переменных, ...сконструированных с помощью данных комитета статистики... на начало 2020 года» [5]. Выборка репрезентирует население и по уровню образования (среднее и ниже — 15%, среднее профессиональное — 41,5%, высшее — 44%) и занятости: работники государственной сферы — 10,2%; работники по найму (частные предприятия) — 33,2%; предприниматели — 5,4%; самозанятые — 16,2%; безработные — 7,9%; студенты — 11%; пенсионеры — 2,5%; нетрудоспособные с инвалидностью — 1%; домохозяйки/домохозяева — 9,1%. Опросом были охвачены разные социальные группы по материальному достатку, распределение по данному признаку приближено к нормальному (рис. 1).

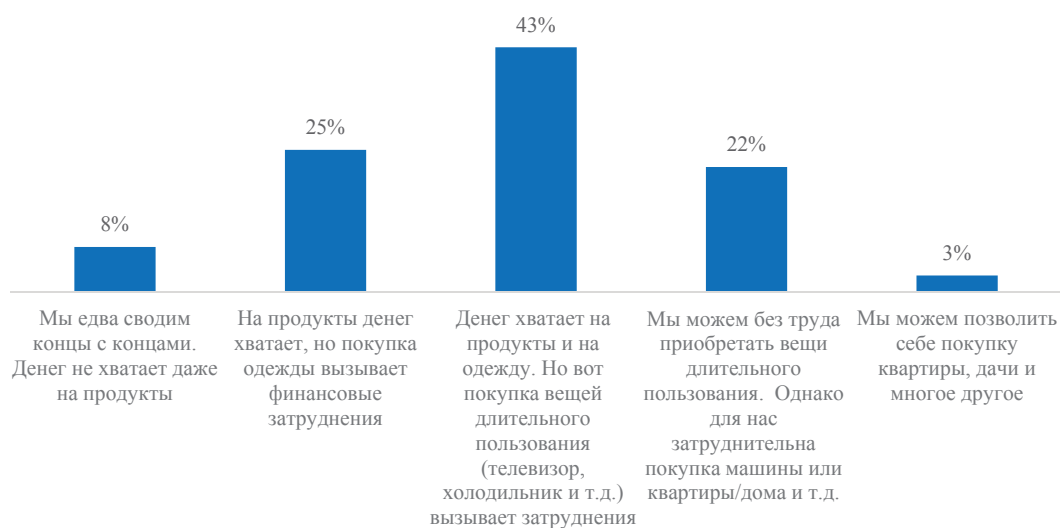

Рис. 1. Материальное положение домохозяйств

Итак, анализ особенностей формирования доверия граждан к различным информационным каналам показывает необходимость учета влияния как медийных элементов, так и социальной, политической и культурной среды. Приведем краткую характеристику системы СМИ Казахстана: по данным Министерства информации и общественного развития, на конец 2021 года в Казахстане зарегистрировано 4873 СМИ, из которых 72,6% — периодические печатные издания, 16,5% — информационные агентства и сетевые издания; иностранных СМИ — 5,4%, и в основном это российские телеканалы — 72,6%. Чаще всего в СМИ используются казахский и русский языки — 40%, значительно реже — английский, турецкий, французский, немецкий и др.; 29,6% СМИ выходят на трех и более языках. В последние годы расширился перечень теле- и радиоканалов свободно-го доступа, распространяемых национальным оператором телерадиовещания — в большинстве регионов в свободном доступе до 26 каналов (включая «Первый канал Евразия» и телеканал «Мир»).

Для каждого раздела анкеты основным связующим звеном выступили новостные заголовки, но было учтено тематическое, региональное и языковое разнообразие казахстанских изданий и, соответственно, типичные форматы заголовков, характерные для тех или иных изданий и тематических областей. Заголовки не были фиксированными и образовали 60 тематических блоков — от вопросов внутренней и внешней политики, экономического развития до событий культуры и частной сферы. Объектом анализа стала информационная повестка казахстанских СМИ, ориентированная на освещение «социально-значимой информации» — о состоянии экономической, политической и социальной сферы, событиях общественной жизни внутри страны и за рубежом. Кризисные события сосредотачивают на себе пристальное внимание общественности, как, например, в начальный период пандемии, когда даже беглый взгляд на новостные порталы фиксировал преобладание информации о covid-19.

В контексте «инфодемии» одним из частых советов аудитории становится ранжирование новостей по источнику информации с приоритетом официальных, государственных СМИ. Соответственно, важно понимать, доверяют ли казахстанцы традиционным и государственным СМИ. Результаты опроса показали, что уровень доверия к традиционным и государственным СМИ зависит от отношения к государственным институтам и социально-экономического благополучия респондентов. Достижение «достоверности» и более высокого уровня доверия возможно посредством классической «модели привратника» и атрибутов, не относящихся к содержанию новостей. Эти факторы в наибольшей степени характеризуют цифровые СМИ, социальные сети и т.д., которые могут использовать «кумулятивные эффекты» (механизмы обратной связи, обсуждения, отсутствия ретвитов и т.д.) [13]. С другой стороны, информация на платформах социальных сетей страдает от относительного отсутствия профессиональных «привратников» для мониторинга контента [12]. В целом уровень доверия к различным СМИ меняется нелинейно.

Исследование показало, что уровень доверия к казахстанским СМИ различается, но значительная часть населения все же доверяет информации — чаще женщины, чем мужчины (Табл. 1). Также уровень доверия коррелирует с возрастом: чем старше респондент, тем выше уровень доверия к СМИ — значение коэффициента корреляции показывает слабую связь, но свидетельствует о ее наличии. Наблюдается слабая, но статистически значимая ($p < 0,05$) корреляция уровня доверия населения СМИ с уровнем образования и материальным положением домохозяйств: чем выше уровень образования, тем выше уровень доверия населения казахстанским СМИ; чем лучше материальное положение домохозяйства, тем выше уровень доверия к местным СМИ.

**Распределение ответов на вопрос
«Согласны ли Вы со следующим утверждением:
Во время кризиса казахстанские СМИ помогают получить
полную информацию о ситуации в стране и за рубежом?»**

Варианты ответа	Мужчины	Женщины	Выборка
Не согласен	19%	11%	14%
Частично не согласен	13%	12%	12%
Нейтрально	25%	28%	27%
Частично согласен	22%	25%	24%
Согласен	19%	23%	22%
Другое	2%	2%	2%

Социальная значимость новости подразумевает, что «информация, представленная в ней, важна для общественного и индивидуального благополучия» [5]. Инструментарий опроса предлагал респондентам оценить важность новостей по классической пятибалльной шкале, и оценивались только заголовки новостей: «Одним из ограничений исследования является использование только заголовков в качестве текстовой информации, тогда как основной текст публикации является, возможно, даже более ценным с точки зрения устойчивого развития личности» [5]. Формирование информационной повестки дня происходит на всех каналах, включая традиционные печатные СМИ, радио и телевидение, социальные медиа, блоги и т.д. Общественная повестка дня может быть менее разнообразна, чем медийная повестка дня, особенно когда есть привлекательная тема, и аудитория сосредотачивается на ней [16]. Респонденты оценивали важность 30 новостных заголовков, освещающих разные темы. Чтобы уменьшить размерность переменных и определить, какие факторы объединяют предложенные новостные заголовки, был применен факторный анализ: исходные переменные с пятибалльной шкалой были перекодированы в дихотомические переменные, где 1 — новостной заголовок представляет интерес и важен для общества, 0 — противоположное.

С одной стороны, необходимо учитывать, что медиаповестку определяют не только новости, но и аналитические и развлекательные программы, а также коммуникативные платформы разных форматов (комментарии, блоги и др.). Определенный дискурс, прежде всего «политический дискурс» (Н. Луман), формируется вокруг «медийного» события, отличного от «реального». С другой стороны, основываясь на совместной фильтрации и агрегации информации, новостные порталы (включая электронные и печатные СМИ) выполняют функцию коллективного контроля доступа, предоставляя эмпирическую основу для проверки социальной значимости новостной информации в условиях ее массового распространения. Соответственно, эффективнее получить отклик определенной части медиапотребителей, оперируя темами

информационной повестки дня СМИ, оказывающей существенное влияние на формирование информационных потребностей населения или даже навязывающей их социальным группам.

По результатам факторного анализа было выделено четыре фактора, объясняющих 40% дисперсии. Первый фактор объединил переменные, отражающие новости о внутренних событиях политического и административного характера, например, о правящей политической партии, митингах и задержаниях на них, работе местных исполнительных органов, государственных служащих и т.п. Второй фактор включает переменные, отражающие новости о внешних событиях в мире; третий фактор — переменные, показывающие социально-экономические новости — здравоохранение, благополучие населения и т.д.; четвертый — переменные о спортивных и криминальных новостях. По каждому из сформированных факторов рассчитываются значения, которые можно использовать для дальнейшего анализа. Один из распространенных методов для этого — ранжирование факторных значений по процентилям, показывающим степень проявления каждого фактора в разрезе различных признаков.

Чтобы определить, для каких социальных групп наиболее значимы выявленные новостные факторы, полученные четыре группы процентилей, демонстрирующие степень проявления каждого фактора, были проанализированы по социально-демографическим параметрам. Моделируя социальную значимость новостной информации с помощью факторного анализа, мы исходили из возможности учесть эффект коллективных «привратников» как основной движущей силы распространения новостей. Первый фактор — по сути, новости о внутренних событиях административно-политического характера: они наиболее значимы для женщин, населения старше 55 лет и граждан с высшим уровнем образования. Второй фактор: новости о событиях в мире более значимы для молодых (18–24 года), отличительных тенденций в разрезе других характеристик не наблюдается. Социально-экономические новости (третий фактор) более значимы для населения среднего возраста (35–54 лет), спортивные и криминальные новости (четвертый фактор) — для мужчин и людей старше 55 лет.

В целом исследование подтвердило, что целесообразно принимать во внимание социально-демографические характеристики при формировании контента СМИ, если необходимо донести точечную информацию для различных групп, особенно поколенческих, потому что возраст наиболее значим при определении социальной значимости новостной информации. Активное и упорное влияние информационной повестки СМИ последовательно смягчается за счет «эффекта коллективного управления воротами» [21], который наиболее характерен для современных онлайн-медиа, а также «личностных эффектов», фиксирующих отличия информационных потребностей социальных групп, их уровня доверия СМИ и т.д. Значительная часть населения склонна доверять информации, предоставляемой казахстанскими СМИ, особенно традиционным и государственным, причем доверительное отношение к национальным

СМИ несколько выше среди женщин и укрепляется с возрастом. С одной стороны, своеобразная природа новых информационных площадок открыла доступ к официальной и неофициальной информации, с другой стороны, усложнила оценку разных аспектов воздействия медийного контента на аудиторию. Несмотря на возникшие сложности, продолжаются исследования растущего влияния новостей и социальных сетей на население разных стран [23], однако эта тематика требует многоаспектных подходов, чтобы расширить и уточнить наше понимание социальной стороны информационной сферы.

Библиографический список / References

1. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002 / Bourdieu P. *O televidenii i zhurnalistike* [On Television and Journalism]. Moscow; 2002. (In Russ.).
2. Маклюен Г.М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2007 / McLuhan H.M. *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow; 2007. (In Russ.).
3. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. №2 / Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 2)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
4. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1 / Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
5. Оспанова У.А., Баймаханбетов М.А., Шакенова М.Т. Установление влияния новостной информации на отдельные компоненты устойчивого развития личности // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Филология. 2020. №4 / Ospanova U.A., Baimakhanbetov M.A., Shakenova M. T. *Ustanovlenie vliyaniya novostnoj informatsii na otdelnye komponenty ustojchivogo razvitiya lichnosti* [Identifying the impact of news information on the selected components of the individual sustainable development]. *Bulletin of the Abai KNP.U. Series: Philological Sciences*. 2020; 4. (In Russ.).
6. Anderson C.A., Bushman B.J. Media violence and societal violence. *Science*. 2002; 295.
7. Akhmetova L., Verevkin A., Lifanova T. et al. Factors and trends of increasing role of mass media in democratic elections in Kazakhstan. *Media Watch*. 2020; 11 (2).
8. Griffin R.J., Yang Z., Ter Huurne E., Boerner F., Ortiz S., Dunwoody S. After the flood: Anger, attribution, and the seeking of information. *Science Communication*. 2008; 29 (3).
9. Han C., Yang M., Piterou A. Do news media and citizens have the same agenda on covid-19? An empirical comparison of twitter posts. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021; 169.
10. Lee J., Kim K., Park G., Cha N. The role of online news and social media in preventive action in times of infodemic from a social capital perspective: The case of the covid-19 pandemic in South Korea. *Telematics and Informatics*. 2021; 64 (11).

11. Levendusky M., Malhotra N. Does media coverage of partisan polarization affect political attitudes? *Political Communication*. 2016; 33 (2).
12. Li R., Suh A. Factors influencing information credibility on social media platforms: Evidence from Facebook pages. *Procedia Computer Science*. 2015; 72.
13. Lin X., Spence P.R., Lachlan K.A. Social media and credibility indicators: The effect of influence cues. *Computers in Human Behavior*. 2016; 63 (10).
14. Marin L. Three contextual dimensions of information on social media: Lessons learned from the covid-19 infodemic. *Ethics and Information Technology*. 2020; 1–8.
15. McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 1972; 2.
16. Pinto S., Albanese F., Dorso C.O., Balenzuela P. Quantifying time-dependent media agenda and public opinion by topic modeling. *Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications*. 2019; 524 (6).
17. Schillinger D., Chittamuru D., Ramirez A.S. From ‘infodemics’ to health promotion: A novel framework for the role of social media in public health. *American Journal of Public Health*. 2020; 110 (9).
18. Slater M.D. Reinforcing spirals: The mutual influence of media selectivity and media effects and their impact on individual behavior and social identity. *Communication Theory*. 2007; 17 (3).
19. Su Y. It doesn’t take a village to fall for misinformation: Social media use, discussion heterogeneity preference, worry of the virus, faith in scientists, and covid-19-related misinformation beliefs. *Telematics and Informatics*. 2021; 58.
20. Vu H.T., Guo L., McCombs M.E. Exploring “the world outside and the pictures in our heads”: A network agenda-setting. *Study Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2014; 91.
21. Wang C.-J., Zhu J.H. Jumping onto the bandwagon of collective gatekeepers: Testing the bandwagon effect of information diffusion on social news website. *Telematics and Informatics*. 2019; 41.
22. Wanta W., Golan G., Lee Ch. Agenda setting and international news: Media influence on public perceptions of foreign nations. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2004; 2.
23. Chang S.P., Kaye B.K. What’s this? Incidental exposure to news on social media, news-finds-me perception, news efficacy, and news consumption. *Mass Communication and Society*. 2020; 23 (2).

Socially significant information and issues of the Kazakhstanis’ trust in the media*

A.B. Shabdenova¹, G.T. Alimbekova², S.A. Lifanov¹

¹Al-Farabi Kazakh National University
Prosp. Al-Farabi, 71, Almaty, 050040, Kazakhstan

²Center for the Study of Public Opinion
Zhibek Zholy St., 54, Almaty, 050002, Kazakhstan

(e-mail: welcome@ciom.kz; aija2005@mail.ru; lifanov.sergey.a@gmail.com)

Abstract. This article presents the results of the sociological survey of the Kazakhstan society on the issues of the information society and mass communication, which was a part of the program-targeted-funded project of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan “Development of information technologies and systems for the sustainable

* © A.B. Shabdenova, G.T. Alimbekova, S.A. Lifanov, 2022

The article was submitted on 28.11.2021. The article was accepted on 10.06.2022.

personal development as a foundation for the development of digital Kazakhstan”. The study aimed at identifying preferences of various social categories in the choice of news and socially significant topics in the media space, and at assessing the influence of news of different thematic focus on the personal sustainable development (psychological/emotional, social and intellectual stability). The comprehensive analysis of the media as a channel of social influence has become more urgent under the pandemic, which is reflected in the wide use of the term ‘infodemic’ to assess information processes since the first half of 2020. The article considers the information agenda when choosing and assessing the importance of news content in the Kazakhstan media. Based on the postulate about significant differences in the information agenda of different social groups, the authors focus on the main factors of trust in information channels. The empirical data showed a correlation between the social significance of news information and the level of social trust in media. The study is based on the theoretical model combining two complementary factors: on the one hand, the influence of the media as possessing if not a monopoly (P. Bourdieu) then significant preferences in affecting public opinion and value orientations of various groups; on the other hand, the media dependence as determined by supply and demand. Based on various theories of the information agenda setting, the authors confirmed the need to take into account the social-demographic characteristics when forming the media content — when it is necessary to convey some specific information to different social groups.

Key words: news; information agenda; media and communications; Kazakhstan; trust; sustainable development

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629

Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья)*

И.Б. Назарова

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Нахимовский просп., 32, Москва, 117218, Россия
(e-mail: inna-nazarova@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена динамика показателей, характеризующих здоровье и риск-факторы для него в России в период пандемии, в том числе в сравнении со странами ОЭСР. Эмпирическая база исследования — данные официальной статистики и мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). В год начала пандемии (2020) негативную динамику показал основной объективный социально-демографический показатель — ожидаемая продолжительность жизни в России в 2020 году составила 71,54 года. Часть показателей, характеризующих здоровье, имели позитивную динамику: уменьшилась доля людей, считающих свое здоровье плохим или очень плохим (10,8 %, что хуже, чем в среднем в странах ОЭСР). За 25 лет увеличилась доля людей, оценивающих свое здоровье как хорошее и очень хорошее: женщин стало в два раза больше (17,5 % в 1994 году и 35,1 % в 2020); мужчин на 13,2 % больше (34,4 % и 47,6 %). Уменьшилась доля людей, употребляющих алкоголь, и мужчин, которые курят. Наблюдаются и негативные составляющие, которые сопровождают факторы риска и могут их усиливать во время пандемий, связанных с органами дыхания: раннее начало курения (8,5 % начали курить в 13 лет и ранее, 78,3 % начинают курить в период полового созревания — в 18 лет и ранее; половина курящих выкуривает ежедневно более 15 сигарет). В 2020 году 66 % участников мониторинга отметили, что употребляют алкогольные напитки, включая пиво (69,6 % мужчин и 55,3 % женщин); никогда не употребляют спиртные напитки 34 % (30,4 % мужчин и 44,7 % женщин). Впервые попробовал алкоголь в 14 лет и ранее 11,9 %. В 18 лет и ранее попробовали алкоголь 77,9 %. За 25 лет уменьшилась доля людей с нормальным весом: в 1994 году мужчин с нормальным весом было 57,3 %, женщин — 43,4 %; в 2020 году мужчин с избыточным весом было 43,8 %, женщин — 40,5 %. Доля людей с избытком веса увеличилась: в 1994 году мужчин было 40 %, женщин — 51,9 %; в 2020 году — 53,5 % и 55,7 %, соответственно.

Ключевые слова: здоровье; факторы риска; самосохранительное поведение; образ жизни; самооценка здоровья; мониторинг

* © Назарова И.Б., 2022

Статья поступила 16.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

В ситуации глобальных рисков и быстрых социальных перемен важна развернутая информация о здоровье населения. Полезной информацией о социальной реальности в системе здоровья и здравоохранения, дополняющей данные официальной статистики, можно считать результаты социологических исследований. Тесная связь статистики и социологии обусловлена тем, что массовые явления общественной жизни, изучаемые статистическими методами, являются основой социологического анализа [4], а данные социологических исследований подкрепляют статистический материал. Многие страны проводят мониторинговые и точечные обследования экономического положения и уровня здоровья населения, дающие репрезентативную информацию о поведении в отношении здоровья и его самооценках.

В период пандемии вопросы сохранения здоровья обозначились более остро. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предложила для мониторинга состояния и защиты здоровья населения набор показателей, позволяющий понять обстановку в стране, связанную с состоянием здоровья и его охраной. 24 показателя характеризуют 6 основных направлений: состояние здоровья, факторы риска для здоровья, доступ к медицинской помощи, качество медицинской помощи, потенциал системы здравоохранения и ее ресурсы, covid-19. Указанные показатели по форме получения (учета) распадаются на два типа: 1) представлены официальной статистикой (объективные показатели); 2) собраны социологическими методами (субъективные показатели).

Рассмотрим направления, которые содержат оба типа показателей, характеризующих здоровье и факторы риска для него, а, следовательно, выступающие индикаторами состояния здоровья, образа жизни и поведения. Объективные показатели — ожидаемая продолжительность жизни; предотвратимая смертность; заболеваемость хроническими заболеваниями; загрязнение окружающего воздуха; курение; потребление алкоголя; субъективные показатели — самооценка здоровья, избыточный вес (табл. 1). Статистические показатели (курение, потребление алкоголя) иллюстрируются социологическими данными.

Выбор указанных показателей обоснован, и релевантность их подтверждена научными исследованиями. Очевидно, что поведение индивида, связанное с образом жизни, влияет на состояние здоровья как его самого, так и окружающих. Самооценка здоровья считается более или менее устойчивым показателем не только субъективного, но и объективного состояния здоровья. В ходе Таганрогского исследования при сравнении самооценки здоровья и объективного состояния пациентов специалисты установили их соответствие [3]. Доказана связь между самооценкой здоровья и уровнем смертности [13]. Показатель самооценки здоровья используется в эпидемиологических, статистических и скрининговых исследованиях в охране материнства и детства [5].

**Показатели, характеризующие состояние здоровья населения
и факторы риска для здоровья [12]**

Направление	Показатель	Тип показателя
Состояние здоровья	1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении	объективный
	2) предотвратимая смертность — предотвратимые и поддающиеся лечению случаи смерти (на 100 тыс. чел., стандартизированный возраст)	объективный
	3) заболеваемость хроническими заболеваниями — распространенность диабета (% взрослого населения, стандартизированный возраст)	объективный
	4) самооценка здоровья — население с плохим здоровьем (% населения старше 15 лет)	субъективный
Факторы риска	5) курение — ежедневно курящие (% населения старше 15 лет)	объективный
	6) алкоголь — литры на душу населения (старше 15 лет), на основе данных о продажах	объективный
	7) избыточный вес/ожирение — население с ИМТ ≥ 25 кг/м ² (% населения старше 15 лет)	объективно/ субъективный*
	8) загрязнение воздуха — смертность из-за твердых частиц в атмосфере, особенно ТЧ 2,5 (на 100 тыс. чел.)	объективный

* Данные записываются специалистами в соответствии с измерениями пациента или с его слов; в рамках RLMS-HSE измерения проводит интервьюер

Использование показателей потребления алкоголя и доли курильщиков в качестве факторов риска основано на установленной роли образа жизни в состоянии здоровья и защите здоровья населения [10]. Курение, потребление алкоголя (в литрах) на душу населения и возраст курильщиков влияют на здоровье населения и косвенным образом — на расходы на здравоохранение на душу населения за счет более высокого уровня младенческой смертности и продолжительности пребывания в больницах [16]. Потребление алкоголя связано с увеличением числа дорожно-транспортных происшествий, что также влияет на продолжительность пребывания в больнице. Потребление алкоголя связано с детской смертностью вследствие дородового употребления беременными женщинами [9].

Существует негативная связь отклонений от нормального веса с отклонениями от нормального самочувствия и показателем летальности [2]. Недавние исследования показали, что ожирение повышает риск развития тяжелых симптомов и смерти от covid-19 [17]. Продолжительность жизни зависит от степени и продолжительности воздействия на организм человека высокой концентрации твердых частиц, что, прежде всего, связано с увеличением числа сердечно-легочных заболеваний и смертности от рака легких.

По данным ВОЗ, загрязнение воздуха ежегодно приводит к гибели 7 миллионов человек во всем мире [11].

Эмпирическая основа исследования: 1) данные государственной статистики по разделу «Здравоохранение» [1]; 2) статистическая информация ОЭСР, позволяющая сравнивать ситуацию в разных странах (для населения старше 15 лет) [12]; 3) база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за период с 1994 по 2020 годы. Панель RLMS-HSE содержит вопросы, касающиеся субъективной оценки физического здоровья, в частности, используется самая распространенная шкала самооценки здоровья — пятибалльная (очень хорошее, хорошее, среднее, плохое и очень плохое), которая перекодирована в трехбалльную.

В статье использованы данные для населения старше 15 лет в целях сопоставления с данными ОЭСР. Один из показателей, который предлагает использовать ОЭСР, — избыточный вес. База данных RLMS-HSE позволяет рассчитать индекс массы тела (ИМТ, Body Mass Index — BMI) по методике А. Кетле [14] (табл. 2).

Таблица 2

Индекс массы тела и его соответствие норме (рекомендации ВОЗ)

Индекс массы тела	Соответствие между массой и ростом
16 и менее	Выраженный дефицит массы тела
16 — 18,5	Недостаточная (дефицит) масса
18,5 — 24,99	Норма
25 — 30	Избыточная масса (предожирение)
30 — 35	Ожирение первой степени
35 — 40	Ожирение второй степени
40 и более	Ожирение третьей степени (морбидное)

Основной показатель, который мониторят страны по рекомендации ОЭСР и ВОЗ, это ожидаемая продолжительность жизни — годы жизни при рождении. Для России данный показатель в 2020 году составил 71,54 года, позитивная динамика прервалась, и показатель вернулся к состоянию четырехлетней давности (2015–2016). У женщин и городских жителей показатель выше, чем у мужчин и сельских жителей (рис. 1). Уменьшение показателя — реакция на пандемию, аналогичные изменения произошли и в других странах [12]. В 2019 году в среднем по странам, входящим в мониторинг ОЭСР, значение показателя ожидаемой продолжительности жизни составило 81 год, в России — 73,2. Хуже, чем в России, ситуация только в Индонезии, Индии и ЮАР.

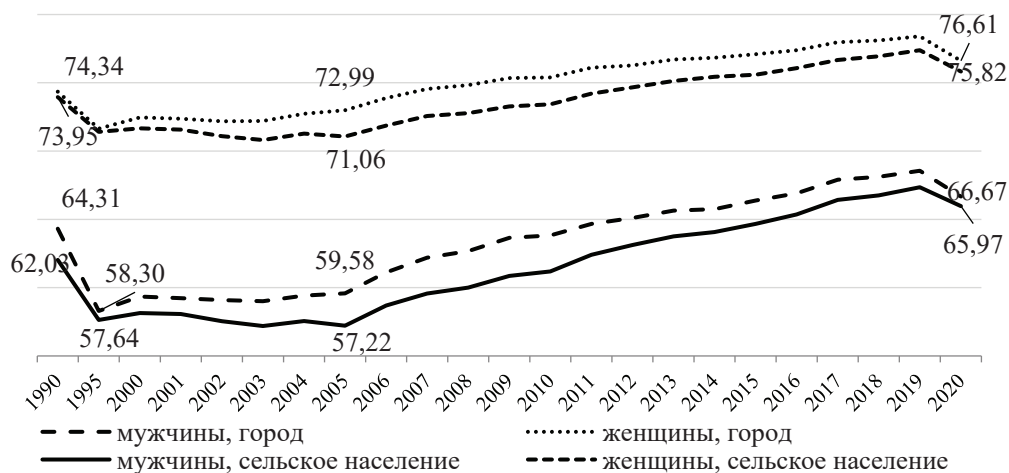

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни, число лет, данные Росстата

Важными считаются показатели, имеющие социальную составляющую, характеризующие предотвратимую смертность — предотвратимые и поддающиеся лечению случаи смерти (на 100 тыс. чел., стандартизированный возраст). В целом развернутые показатели здоровья населения демонстрируют позитивную динамику — заболеваемость по основным классам болезней (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые) (рис. 2). Резкое уменьшение показателей произошло в 2020 году по следующим видам заболеваний: новообразования, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, болезни системы кровообращения. Вклад неинфекционных заболеваний в общую заболеваемость увеличился (с 2015 года с 50,61% до 55,39%, в расчете на 10 тыс. чел.) [1] за счет значительного роста заболеваний органов дыхания, что связано с пандемией (рис. 3).

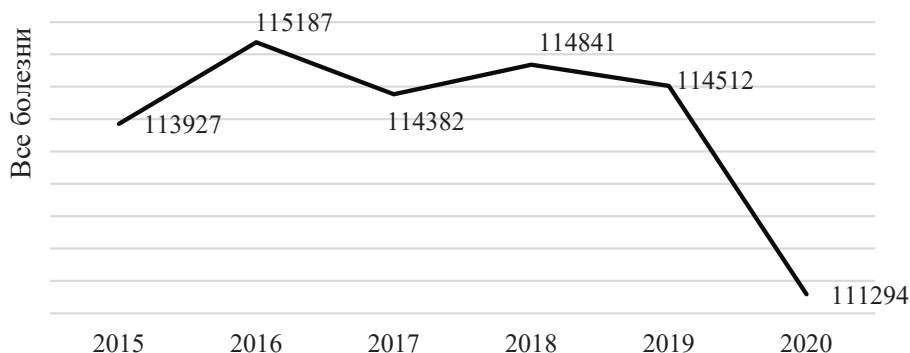

Рис. 2. Заболеваемость по основным классам болезней (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые), все болезни, Росстат

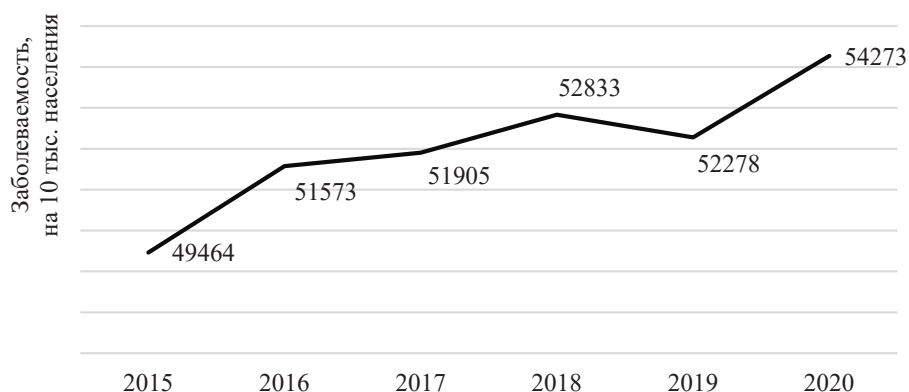

Рис. 3. Болезни органов дыхания (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые), на 10 тыс. чел., Росстат

Еще один важный показатель для ОЭСР — распространенность диабета, поскольку диабет становится значительным риском для тех, кто заболел ковидом. И здесь мы видим позитивную динамику в начале пандемии: в 2020 году было зарегистрировано больных с диагнозом сахарный диабет, установленным впервые, меньше на 88,7 тыс. человек, чем в предыдущий год. Распространенность сахарного диабета 1 и 2 типа среди взрослых в 2019 году в среднем по странам составила 6,7%, в России — 6,1% [12]. Можно предположить, что позитивная динамика связана с тем, что население значительно реже обращалось к специалистам, учитывая риск посещения общественных мест (поликлиник) и жесткую ориентацию медицинских работников на заболевших ковидом. Окончательные выводы на этот счет можно будет сделать только по статистическим данным 2023 года.

Несмотря на начало пандемии, ежедневно увеличивающееся число больных и распространение страха заболеть, население не снизило самооценку здоровья. По данным RLMS-HSE, самооценка здоровья у населения старше 15 лет в последние годы улучшалась (за исключением негативно всплеска в 2018 году), и даже в 2020 году отклонений от намеченного за 25 лет наблюдений тренда не отмечено. Позитивно свое здоровье оценивает почти половина мужчин (47,6%) и треть женщин (35,1%) (рис. 4). Самооценка здоровья имеет такой же позитивный тренд, как и заболеваемость по основным классам болезней, хотя динамика ожидаемой продолжительности жизни и болезней органов дыхания говорят о наличии проблем со здоровьем. Можно предположить, что самооценка здоровья — ригидный показатель, который запаздывает по сравнению со статистическими — объективными — показателями. Однако уменьшилась доля тех, кто оценивает свое здоровье как «плохое и очень плохое»: в среднем по стране значение этого показателя составило 10,8%.

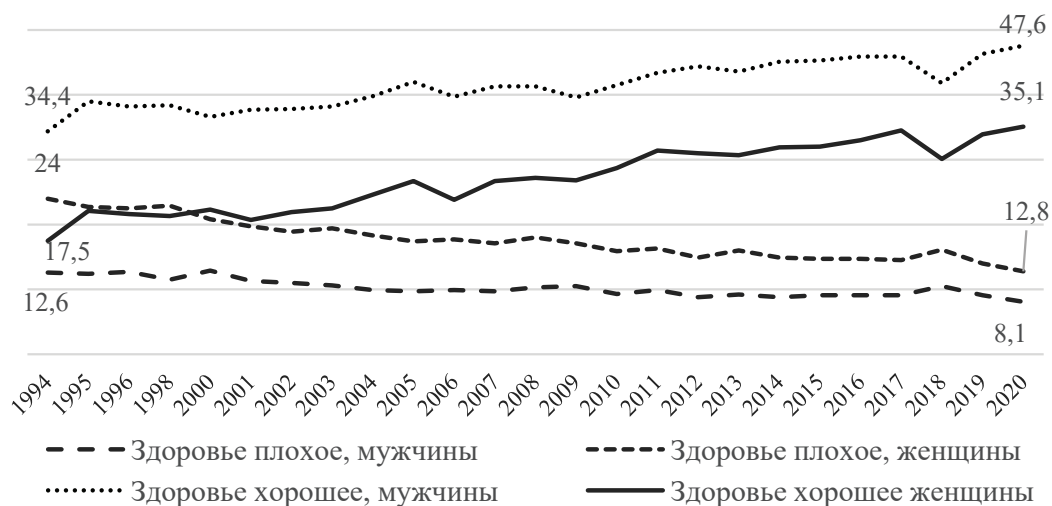

Рис. 4. Самооценка здоровья мужчин и женщин старше 15 лет, %, RLMS-HSE

Сравнивая 10% наименее обеспеченных по общему личному доходу в месяц и 10% наиболее богатых (за исключением «выбросов» — единичных доходов более 1 млн руб.), можно отметить очевидную разницу: считают свое здоровье плохим и очень плохим 10,6% представителей нижней децили и 2,5% представителей верхней децили. Также есть различия в самооценках мужчин: наиболее бедные оценивают свое здоровье как хорошее и очень хорошее в 48,5% случаев, а наиболее обеспеченные (верхняя дециль) в 57,4% случаев.

Динамика показателя самооценки здоровья россиян не отличается от других странах. В среднем в странах ОЭСР в 2019 году 8,5% взрослых считали, что у них плохое здоровье: показатель варьировал от 15% в Корее, Литве, Португалии и Латвии до 4% в Колумбии, Новой Зеландии, Канаде, Ирландии, США и Австралии. Однако категории ответов, используемые в странах ОЭСР за пределами Европы и Азии, асимметричны с положительной стороны, что может смещать данные в позитивную самооценку здоровья. Корея, Япония и Португалия — как страны с высокой ожидаемой продолжительностью жизни, но относительно низкой самооценкой здоровья [12].

Факторы риска для здоровья, которые выбрала ОЭСР, преимущественно поведенческие — это составляющие образа жизни, они носят субъективный характер, поскольку могут контролироваться людьми: курение, потребление алкоголя, неправильное питание, недостаток движения. Данные российской статистики за 2020 год показывают: среди населения старше 15 лет курит каждый пятый — 21,9% (39,1% мужчин и 7,9% женщин) [6]. Данные опросов чуть более негативны: среди населения старше 15 лет ежедневно курят 41,9% мужчин и 12,6% женщин (рис. 5). Согласно

опросным данным, в 2020 году почти десятая часть респондентов (8,5 %) ответила, что начала курить в 13 лет и ранее, каждый десятый (9,5 %) начал курить в 14 лет, 13 % — в 15, каждый пятый (18,5 %) — в 16, 12,2 % — в 17. Большинство (78,3 %) начинает курить в период полового созревания — в 18 лет и ранее. Половина курящих выкуривают ежедневно более 15 сигарет. Из тех, кто не курит сейчас, 18 % курили ранее. Позитивную динамику можно отметить только у мужчин, которые за 25 лет стали курить меньше на 15 %.

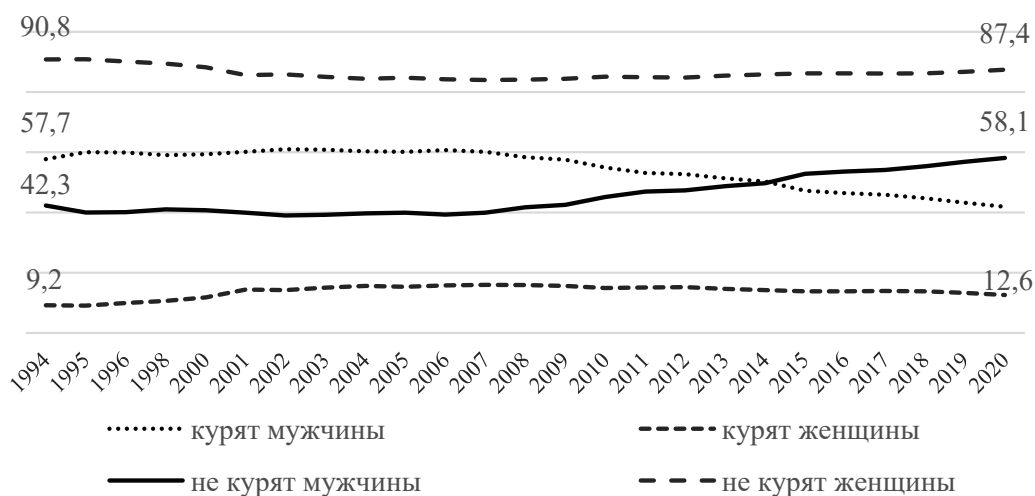

Рис. 5. Курение мужчин и женщин старше 15 лет, %, RLMS-HSE, Росстат

Несмотря на позитивные изменения, Россия все еще плохо выглядит на фоне многих стран, которые мониторит ОЭСР: в среднем больше курят только в Индонезии и Турции [15]. ОЭСР показывает, что в России в 2019 году курили больше, чем зафиксировал Росстат и RLMS (25,8%; 43,2% мужчин и 13,7% женщин). Больше россиянок курят женщины в Греции, Венгрии, Испании, Швейцарии, Германии и др. В странах так называемого «гендерного равенства» мужчины и женщины курят в одинаковых пропорциях, например, в Швеции, США и Австралии курит каждый десятый. В странах с традиционными гендерными представлениями женщины курят значительно реже, чем мужчины (например, в России).

В 2020 году 66% участников мониторинга отметили, что употребляют хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво (69,6% мужчин и 55,3% женщин); никогда не употребляют никакие спиртные напитки 34% (30,4% и 44,7%) (рис. 6). В течение последних 30 дней употреблял пиво каждый десятый (9,4%). Алкогольный опыт россияне получают достаточно рано: каждый десятый (11,9%) впервые попробовал алкоголь в 14 лет и ранее, в 18 лет и ранее — 77,9%.

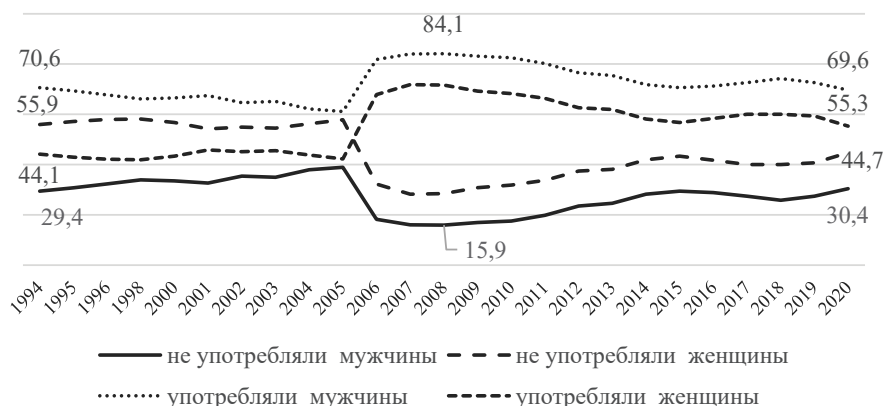

Рис. 6. Употребление спиртных напитков мужчинами и женщинами в течение последних 30 дней, %, RLMS-HSE

Очевидно, что происходит снижение потребления алкоголя: Россия по объему потребления алкоголя находится на десятом месте, ее показатель выше среднего по ОЭСР (10,8%) (годовой объем продаж чистого спирта в литрах на человека старше 15 лет). В странах ОЭСР в 2019 году в среднем потребляли 8,7 литров на человека против 9,1 литра в 2009 году. Самый высокий показатель в 2019 году был в Латвии (12,9 литра). Снижение потребления за 10 лет в России самое позитивное — в 1,5 раза (рис. 7) [7].

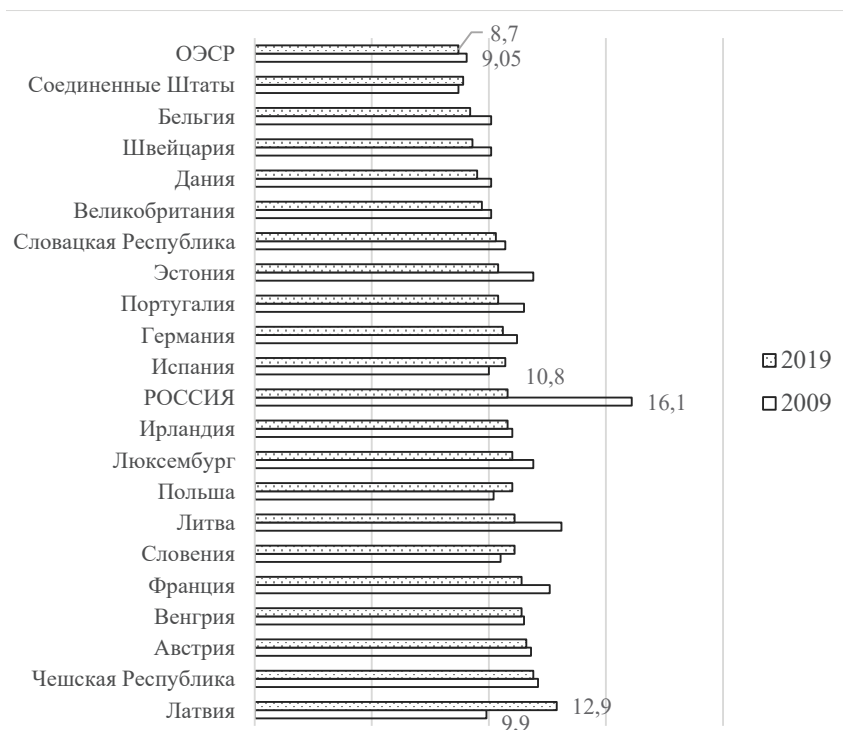

Рис. 7. Годовой объем продаж чистого спирта на человека старше 15 лет, литры, ОЭСР

Показатель индекса массы тела следует применять для ориентировочной оценки ситуации, поскольку не у всех людей избыточную массу следует считать отклонением от нормы. Доля людей с нормальным весом, по данным RLMS-HSE, уменьшилась за 25 лет: в 1994 году мужчин с нормальным весом было 57,3 %, женщин — 43,4 %; в 2020 году — 43,8 % и 40,5 %, соответственно (рис. 8). Доля людей с избытком веса увеличилась: в 1994 году мужчин было 40 %, женщин — 51,9 %; в 2020 году — 53,5 % и 55,7 %. Можно предположить, что в ожирение вносит вклад образ жизни (привычки питания, недостаток движений), однако в целом население стало более активным: если в 2006 году занимались каким-либо видом физической активности (включая езду на велосипеде) 15 %, то в 2016 году — четвертая часть, с 2019 года — пятая часть.

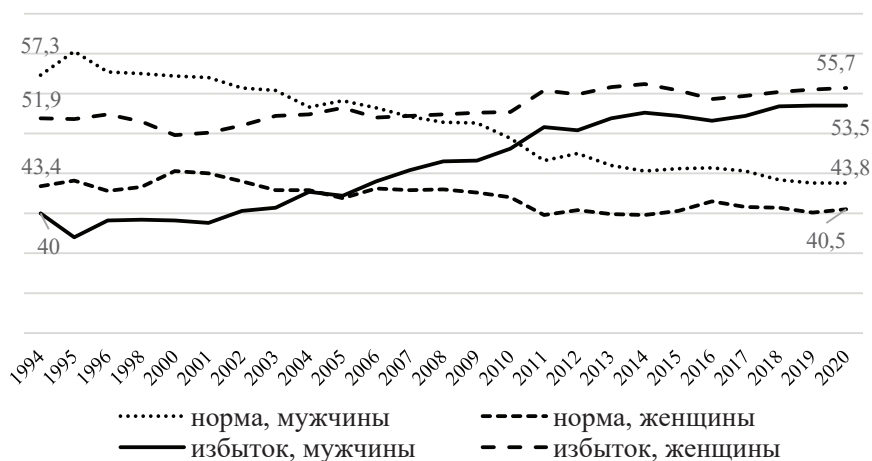

Рис. 8. Индекс массы тела, норма и избыток, RLMS-HSE

ОЭСР располагает данными о физической активности в странах, входящих в мониторинг, только за 2016 год. В 2016 году недостаточная физическая активность среди населения старше 18 лет в России составила 18 %, в среднем по странам ОЭСР — 34,7 %. Каждый пятый в России и каждый третий в странах ОЭСР не соответствовал рекомендованным нормам полноценной физической активности. В России, как и во всех странах, женщины менее активны, чем мужчины [12].

Окружающая человека среда — техническая, природная, социальная — воздействует на его здоровье. Некачественная, загрязненная техническая и природная среда оказывает негативное влияние, и посредниками в данном случае выступают мелкие частицы, которые вызывают серьезные проблемы со здоровьем, попадая в дыхательную систему и кровоток, снижая видимость на дорогах. Но внешняя техническая среда имеет социальную составляющую, поскольку является производной деятельности человека (строительные площадки, грунтовые дороги, поля, дымовые трубы, выбросы электростанций, промышленных предприятий и автомобилей, утилизация отходов

и т.д.). Природная среда также несет в себе опасные источники загрязнений: вулканы, торфяные или лесные пожары, пыльные бури, почвенная эрозия, разложение живых организмов (здесь может присутствовать человеческий фактор). Таким образом, загрязнение среды можно считать как объективным, так и субъективным фактором, поскольку к нему часто приводят антропогенные факторы — обусловленные деятельностью людей.

Преждевременная смерть, связанная с загрязнением окружающей среды твердыми частицами, на 2019 год в среднем по ОЭСР составляет 28,9 смертей на 100 тыс. чел. Наиболее благоприятная ситуация в Исландии (4,6), наихудшая — в Китае (99,4). В России этот показатель составил 50,7. С 2000 года смертность от загрязнения окружающей среды твердыми частицами заметно снизилась в большинстве стран ОЭСР — в среднем на 25 % [8].

Используя общую методику мониторинга основных показателей здоровья и факторов риска для него, можно сделать выводы о динамике значений указанных показателей и состоянии дел в России в сравнении с другими странами (табл. 3).

Таблица 3

Показатели, характеризующие состояние здоровья населения и факторы риска для здоровья (в соответствии с Таблицей 1)

Показатель	Динамика в России к 2020 / сравнение со средним значением ОЭСР	Россия, 2020	Россия, ОЭСР 2019	ОЭСР, средний показатель, 2019
ожидаемая продолжительность жизни, годы жизни при рождении	негативная / хуже	71,54 Росстат	73,2	81
заболеваемость хроническими заболеваниями — распространенность сахарного диабета 1 и 2 типа среди взрослых, %	позитивная / лучше		6,1	6,7
самооценка здоровья, % населения старше 15 лет	позитивная / хуже	10,8 RLMS		8,5 (2020)
ежедневно курящие, % населения старше 15 лет	мужчины — позитивная / хуже	21,9 Росстат	25,8	16,5
алкоголь, литры на душу населения (старше 15 лет), на основе продаж	позитивная / хуже		10,8	8,7
избыточный вес/ожирение — население с ИМТ ≥ 25 кг/м ² (%)	негативная / лучше	51 RLMS		59,6
самооценка избыточного веса среди 15-летних, 2017–2018	негативная / лучше		15,5	18,3
загрязнение воздуха — преждевременная смерть, связанная с загрязнением окружающей среды твердыми частицами на 100 тыс. чел.	позитивная / хуже		50,7	28,9

Основной показатель, характеризующий общественное здоровье и жизнеспособность населения в целом — ожидаемая продолжительность жизни — в 2020 году в России показал негативную динамику. По данному показателю мы выглядим хуже большинства стран ОЭСР, находясь ниже среднего значения. Негативная динамика отмечается и по показателям, характеризующим курение женщин, число людей с избыточным весом и число больных с проблемами органов дыхания. Позитивная динамика прослеживается по показателям, которые характеризуют заболеваемость населения и смертность: уменьшилась распространенность сахарного диабета, снизилась преждевременная смерть, связанная с загрязнением окружающей среды твердыми частицами на 100 тыс. чел., население стало меньше потреблять алкоголь и курить, сохраняется позитивный тренд самооценок здоровья.

Часть факторов риска, влияющих на здоровье в целом и в период пандемии в частности, показала позитивный тренд, и часть рисков зависит от выбора образа жизни. Загрязнение окружающей среды имеет большие масштабы и зависит не от конкретного человека, но и от общества и государственной политики, как и профилактика заболеваемости и лечение болезней. Существующие риски могут быть снижены совместными усилиями — на микро-уровне индивидами и на макро-уровне государством и обществом.

Библиографический список/References

1. Данные государственной статистики по разделу «Здравоохранение» / State statistical data on the “Healthcare system”. URL: <https://rosstat.gov.ru>. (In Russ.).
2. Конеv Ю.В., Кузнецов О.О., Ли Е.Д., Трубникова И.А. Особенности питания в пожилом и старческом возрасте // РМЖ. 2009. Т. 17. № 2 / Konev Yu.V., Kuznetsov O.O., Li E.D., Trubnikova I.A. Osobennosti pitaniya v pozhilom i starcheskom vozraste [Features of nutrition in the elderly and senile age]. *RMJ*. 2009; 17 (2). (In Russ.).
3. Корхова И.В. Методы оценки здоровья // Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / Под ред. Н.М. Римашевской. М., 2001 / Korkhova I.V. Metody otsenki zdoroviya [Health assessment methods]. *Zhenshchina, muzhchina, semiya v Rossii: poslednyaya tret 20 veka. Proekt “Taganrog”*. Ed. by. N.M. Rimashevskaya. Moscow; 2001. (In Russ.).
4. Маслов П.П. Социология и статистика. М., 1967 / Maslov P.P. *Sotsiologiya i statistika* [Sociology and Statistics]. Moscow; 1967. (In Russ.).
5. Сурмач М.Ю., Епифанова А.К. Возможности применения самооценки здоровья как критерия связанного со здоровьем качества жизни в разработке и оценке эффективности профилактических программ охраны материнства и детства // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. 2019. № 1 / Surmach M.Yu., Epifanova A.K. *Vozmozhnosti primeneniya samoootsenki zdoroviya kak kriteriya svyazannogo so zdoroviem kachestva zhizni v razrabotke i otsenke effektivnosti profilakticheskikh programm okhrany materinstva i detstva* [Possibilities of the self-rated health as a criterion of the health-related quality of life in the development and estimates of the efficiency of motherhood and childhood protection programs]. *Voprosy Organizatsii i Informatizatsii Zdravoohraneniya*. 2019; 1. (In Russ.).

6. Стандартизованная по возрасту распространенность употребления табака лицами в возрасте от 15 лет / Standartizovannaya po vozrastu rasprostranennost upotrebleniya tabaka litsami v vozraste ot 15 let [Age-standardized smoking indicator for the population older than 15 years]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59168>. (In Russ.).
7. Alcohol consumption among adults. *Health at a Glance 2021: OECD Indicators*. URL: <https://doi.org/10.1787/33f1adad-en>.
8. Air pollution and environmental degradation. *Health at a Glance 2021: OECD Indicators*. URL: <https://doi.org/10.1787/ede592e3-en>.
9. Faden V.B., Graubard B.I., Dufour M. The relationship of drinking and birth outcome in a US National Sample of expectant mothers. *Pediatric Prenatal Epidemiology*. 1997; 11 (2).
10. Folland S., Goodman A., Stano M. *The Economics of Health and Healthcare*. Prentice Hall; 2004.
11. Global map of PM2.5 exposure by city in 2020. URL: www.iqair.com/world-air-quality-report.
12. Health at a Glance 2021: OECD Indicators. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/ae3016b9-en.pdf?expires=1639897531&id=id&accname=guest&checksum=28804B343841C8E8E834104DA61A1EE4>.
13. Kaplan G.A., Camacho T. Perceived health and mortality: A nine-year follow up of the human population laboratory cohort. *American Journal of Epidemiology*. 1983; 117 (3).
14. Mathus-Vliegen E.M.H. Overweight I. Prevalence and trends. *Nederlands Tijdschrift voor Geneeskunde*: 1998: 142 (36).
15. Smoking among adults. *Health at a Glance 2021: OECD Indicators*. URL: <https://doi.org/10.1787/611b5b35-en>.
16. Sen A. Is healthcare a luxury? New evidence from OECD data. *International Journal of Healthcare Finance and Economics*. 2005: 5 (2).
17. Tartof S., Lei Q., Vennis H. et al. Obesity and mortality among patients diagnosed with covid-19: Results from an integrated healthcare organization. *Annals of Internal Medicine*. 2020: 173 (10).

Monitoring of the population health and health risk factors (research methodology)*

I.B. Nazarova

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS
Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: inna-nazarova@mail.ru)

Abstract. The article considers the dynamics of health indicators and health risk factors in Russia, including in comparison to the OECD countries. The study is based on the Russian statistical data, OECD data, and Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS–HSE). The key public health indicator — the life expectancy (years of life at birth) — shows the negative dynamics in 2020 (71.54), while some other health indicators, on the contrary, show the positive dynamics, such as the self-rated health (the share of population aged 15+ in poor health deceased). 10.8% of Russian adults consider themselves to be in poor health, which is higher than in the OECD countries. The share of people who assess their health

* © I.B. Nazarova, 2022

The article was submitted on 16.03.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

as good and very good has increased over the 25 years of the study: the share of women has doubled (17.5% in 1994 and 35.1% in 2020); the share of men has increased by 13.2% (34.4% and 47.6%). The share of people who drink alcohol and of men who smoke has decreased. However, there are negative trends that accompany risk factors: early initiation of smoking (8.5% started smoking at 13 years and earlier, the majority (78.3%) started smoking at puberty — at 18 and earlier; half of smokers smoke more than 15 cigarettes a day). The majority (66%) of the RLMS participants at least occasionally drink alcoholic beverages, including beer (69.6% of men and 55.3% of women); never drink alcohol 34% (30.4% and 44.7%). Every tenth respondent (11.9%) tried an alcohol for the first time at the age of 14 or earlier; 77.9% — at 18 and earlier. Over 25 years, the share of people with normal weight has decreased: 57.3% of men and 43.4% of women in 1994; 43.8% and 40.5% — in 2020. The share of overweight people has increased from 40% of men and 51.9% of women in 1994 to 53.5% and 55.7% in 2020.

Key words: health; risk factors; self-preserving behavior; lifestyle; health self-assessment; monitoring

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-630-645

Приспособительные практики медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения*

Л.В. Темнова¹, Э.Г. Бапинаева²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские Горы, 1, Москва, 119991, Россия

²Лаборатория социологической экспертизы Института социологии РАН
Шоссе Энтузиастов, 34, Москва, 105118, Россия
(e-mail: temnova.larisa@yandex.ru; bga01041998@mail.ru)

Аннотация. Теория высокого модернизма и концепция «метиса» Дж. Скотта называют одну из причин неудачных попыток государственного реформирования в различных областях: при подготовке изменений зачастую пренебрегают локальным практическим опытом, от которого может зависеть успех реформы в целом. Система игнорирует возможные стратегии сопротивления работников грядущим переменам, многие из которых носят неосознанный характер. Опыт проведения реформ в области здравоохранения, в том числе в России, показал, что наиболее уязвимой группой остаются врачи, которых изменения касаются в первую очередь. Побочным эффектом продолжающихся реформ в здравоохранении выступает выработка в профессиональном сообществе врачей определенных приспособительных практик, цель которых — адаптация к изменениям с наименьшими потерями для личности и профессиональной деятельности. Для выявления приспособительных практик медицинских работников в ответ на реформы и их последствия был проведен анализ имеющихся данных и серия интервью с врачами разных специальностей. В результате были систематизированы приспособительные практики врачей в профессиональной деятельности, и предложена их классификация: девиантные/недевиантные и активные/пассивные. Активные практики преобладают и реализуются в трех подсистемах: врач–администрация, врач–врач и врач–пациент. Большинство врачей легче принимают изменения, которые связаны с добавлением нового, чем прекращение традиционных практик. Все респонденты положительно оценили новые технологии, но негативно — жесткие стандарты, ограничивающие их профессиональную свободу в лечении пациентов. Выработка приспособительных практик зависит от разных факторов — пола, возраста, стажа, специализации, должности. Данные практики помогают врачам сохранить тот уклад жизни, к которому они привыкли, и вписаться в новые условия системы.

Ключевые слова: приспособительные практики; концепция «метис»; реформа здравоохранения; врачи; адаптация; девиантный и недевиантный характер приспособительных практик

* © Темнова Л.В., Бапинаева Э.Г., 2022

Статья поступила 16.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Реформы в системе здравоохранения, начало которым было положено законами «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (2010) [15] и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011) [14] «Программы–2010» [8], привели к введению новых порядков и стандартов оказания медицинской помощи, массовому сокращению и укрупнению медицинских учреждений, изменению системы финансирования. Успех реформ в социальной сфере зависит от трех составляющих — концепции реформ, качества работы реализующих ее организационных структур, отношения и установок затрагиваемых реформой социальных групп, в нашем случае — медицинских работников. Последние выступают и объектом политики государства в сфере здравоохранения, и ее субъектом, проводником, поэтому трансформации в системе здравоохранения отразились не только на пациентах, но и на медицинских работниках. Представители профессии, относящейся к социоэкономическим, подвержены высокому риску эмоционального выгорания. Ответственность за пациентов, умственные и физические перегрузки, осознание границ врачебных возможностей, недостаток времени, давление со стороны руководства и низкая оплата труда приводят к ухудшению самочувствия врачей и снижению качества медицинской помощи.

Анализ стратегии реформ в российской системе здравоохранения позволил выявить две ее особенности. Во-первых, «имплементация рассматривается как структурированный иерархический процесс, в котором разработанное задание “спускается” от властных органов к нижестоящим инстанциям — исполнителям» [13. С. 27]. Любые неудачи при таком (централизованном) подходе считаются недостатками административного контроля: исходные положения стратегий разработчиков могут оказаться ошибочными и приводить к побочным эффектам и даже полному срыву запланированной программы. Во-вторых, работники нижних исполнительных звеньев имеют достаточно свободы для самостоятельного принятия решений в реализации государственных программ. В итоге от них, а не от контроля высших органов зависит, как будет интерпретироваться программа на местах и какие принесет плоды [18].

Врачебное сообщество по-разному оценивает изменения в системе здравоохранения. Одна часть положительно относится к нововведениям: «*новое оборудование нам поставили*»; «*Касательно скорой помощи я могу сказать, что оснащение очень улучшилось — автомобили, доктора, препараты — все улучшилось*»; «*Несомненно, плюсом реформ является всеобщая диспансеризация и доступность методов обследования*»; «*К изменениям я отношусь положительно. Если мои работники оказывают медицинскую помощь согласно регламенту, то в случае чего к ним нельзя будет придираться*». Другая группа врачей подчеркивает в реформах и их последствиях отрицательные аспекты: «*Очень много писанины. Как я считаю, процентов на 60 это все не нужно*»; «*Из минусов могу отметить, что сейчас в медицине бюрократической составляющей слишком много*»; «*Иной раз когда читаешь эти регламенты,*

кажется, что их пишет человек, который к медицине не имеет никакого отношения».

Побочным эффектом перманентно продолжающихся реформ в здравоохранении выступает выработка профессиональным сообществом приспособительных практик для адаптации к изменениям с наименьшими потерями для личности и профессиональной деятельности. Появление термина «приспособительные практики» связано с концепцией «метиса» Дж. Скотта: под термином «метис» он понимает «огромное множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением» [10. С. 498]. Метис не является практикой намеренного сопротивления или противодействия, это повседневные способы интерпретации поступающих сверху сигналов или приказов. Перед исполнителем не стоит задача максимально ухудшить или нарушить приказ — он лишь пытается приспособить к новому проекту старые методы так, чтобы минимально менять привычный уклад и рисковать завтрашним днем. Как любая практическая схема действия, такое «приспособление» происходит не рефлексивно — для «игрока» это обыденное действие, направленное на то, чтобы дать ответ на приказ. Метис — это знание о том, как выполнить приказ или совершить действие таким образом, чтобы не «изобретать велосипед» и не быть наказанным. Систематические попытки, например, «вертикализировать» или унифицировать систему, наталкиваются на устойчивые и однотипные техники переосмысления. Таким образом, необходимость приспособления к стремительным изменениям в условиях труда приводит к мететическим способам выполнения профессиональной деятельности [10. С. 101–102].

Ф. Хайек критиковал экономическое планирование, особенно в форме контроля цен и заработной платы: правительственным чиновникам не хватает информации о сотнях, тысячах и миллионах людей, чье поведение оказывается непредсказуемым при определенной рыночной заработной плате и ценах [16. С. 78]. Эта проблема касается не только экономической сферы, но и всех систем общества. Например, в науке «планировщик» (занимается разработкой новых планов) не всегда является хорошим ученым, ему не хватает знаний о тех, кому он навязывает свои изменения, что может привести к негативным последствиям.

Приспособительные практики существуют не только в профессиональной среде. М. Серто провел анализ повседневной жизни: она пронизана определенными практиками [9. С. 155], которые настолько обыденны, что человек осуществляет их не задумываясь. Покупки, приготовление пищи, проведение досуга с семьей — все это рутина, на которой наше внимание не задерживается. Но, по Серто, как потребители мы далеко не так пассивны: потребляя, мы следуем заданным моделям и отдаем себе отчет в существовании неписаных правил. В повседневной жизни мы интерпретируем эти правила таким образом, чтобы использовать их преимущества и незаметно менять.

К.Д. Титаев отрицает жесткую границу между государством, которое проводит реформы, и населением, вынужденным им подчиняться. У Дж. Скотта даже низший из чиновников — агент государства, который занят реализацией модернистского проекта, а не метис. Титаев не соглашается с данным подходом: любое звено в государственной цепи может использовать приспособительные практики для упрощения своей деятельности. Это означает, что границы «миров», где модернистский проект (и присущее ему видение) сталкивается с повседневным практическим знанием обычных людей и их навыками противостояния государству, могут пролегать на любом уровне иерархии. Предложенный Титаевым перечень черт реформаторской деятельности характерен и для российского здравоохранения: унификация и вертикализация системы (отчетность, штатные расписания и т.п. должны были быть абсолютно одинаковыми от Петропавловска до Калининграда); ориентация на идеального исполнителя в вакууме (на всех уровнях) — он не может допустить ошибки и отклонения от правил; следование плану, который реализуется через набор нормативных актов, инструкций, методических пособий и т.п.; судьба этих документов не отслеживается иначе, чем через получение «снизу» отчетов; фетишизация «объективных показателей» [12. С. 98].

С одной стороны, приспособительные практики врачей могут иметь характер намеренного сопротивления и нарушения приказов «сверху». С другой стороны, врачи чаще всего пытаются лишь приспособиться к новым требованиям, используя привычные приемы, что помогает им минимизировать влияние изменений. Устоявшаяся клиническая практика позволяет врачам вести деятельность с наименьшими затратами ресурсов на выработку новых моделей поведения. Изменения трактуются многими специалистами не как механизм улучшения системы, а как угроза спокойствию, поэтому они изначально настроены против них. Проблема заключается не в том, что врачи не хотят получать новые знания и совершенствовать свои навыки, а в том, что они не желают отказываться от прежних практик и моделей поведения. В целом исследователи подчеркивают, что реформы, имеющие поверхностный характер и одностороннюю направленность, обречены на провал. Государство должно учитывать, что в системе работают живые люди, действия которых могут не вписываться в установленные рамки. Особую роль играет непрофессионализм экспертного сообщества, которое занимается разработкой и внедрением изменений.

Для выявления приспособительных практик, которые вырабатываются медицинскими работниками в ответ на реформы и их последствия, был проведен анализ имеющихся данных и интервью с 32 врачами, стаж работы которых составил от 8 до 35 лет. Интервью проводилось с врачами, работающими как в государственном (84%), так и в частном секторе (16%). В выборку вошли 17 женщин и 15 мужчин: кардиологи, терапевты, неврологи, хирурги, стоматологи, гинекологи, врачи скорой помощи, педиатры и реаниматологи.

Среди основных направлений реформирования системы здравоохранения в 2010-е годы можно выделить следующие: смена системы финансирования — переход на одноканальную систему, которую обеспечивает фонд обязательного медицинского страхования (ОМС); стандартизация — создание единых стандартов контроля качества медицинских услуг; модернизация — совершенствование материально-технического оснащения медучреждений и внедрение информационных систем; оптимизация — пересмотр принципов и объема услуг, укомплектованности медучреждений, их оснащенности и штата; маршрутизация пациентов — введение трехуровневой системы оказания медицинской помощи [3. С. 93].

Анализ имеющихся данных показывает, что практики представителей медицинского сообщества в ответ на эти реформы могут сводиться как к изменению поведенческих тактик, так и к преобразовании среды. В первом случае конформизм врачей может вынуждать их выбирать тактики действия «в обход», позволяющие формально соответствовать предъявляемым требованиям и экономить свои физические и психологические ресурсы, но появляются риски для здоровья пациентов (при добросовестном выполнении обязанностей в условиях повышенных нагрузок могут возникать риски врачебной ошибки и профессионального выгорания). В случае преобразования среды врачебное сообщество прибегает к конфликтным тактикам, например, протесту против нового порядка и открытому сопротивлению свершившимся или запланированным изменениям. В ряде случаев сотрудникам лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) индивидуально или коллективно удается добиться изменения условий труда и повысить свои шансы адаптироваться к ним, однако в ходе протестов могут возникать риски здоровью пациентов, связанные с неоказанием медицинской помощи в необходимом объеме. Если адаптация невозможна, профессионалы прибегают к «тактике проигравшего» — меняют место работы или сферу деятельности, что может приводить к обострению кадровых проблем медицинских организаций [1. С. 52].

Е.А. Тарасенко и М.Я. Эйгель изучили отношение среднего и младшего персонала к реструктуризации медицинских учреждений. На основании полученных данных они разделили респондентов на три группы: смирившиеся/вынужденные сторонники, запуганные и убежденные сторонники/выигравшие — большинство опрошенных оказались в группе смирившихся [11. С. 58]. Запуганные согласны работать даже за меньшую заработную плату и более интенсивно, чтобы сохранить работу. Как правило, к этой группе относится большинство представителей младшего медперсонала, которые понимают, что в случае сокращения не получают таких больших денежных компенсаций, как средний медперсонал, и не обладают достаточной квалификацией, чтобы чувствовать себя уверенно на рынке труда [11. С. 59]. Они держатся за работу, согласны практически на любые условия труда. Все это они могут компен-

сировать тем, что получают доступ к неофициальным платежам пациентов за оказание дополнительных санитарно-гигиенических услуг.

Интервью, проведенные О.С. Караевой, подтверждают негативное отношение врачей к новым стандартам: иногда они избыточны, иногда недостаточны, но отступление от них становится крайне сложным под жестким контролем страховых компаний [3. С. 99]. Несмотря на то, что стандарт формально не является эталоном деятельности врача, страховые компании, выполняя надзорную функцию, зачастую возводят его в ранг строго обязательного и штрафуют за отклонения от него. При желании оказать помощь сверх нормативов врач должен обосновать свои действия, т.е. затратить усилия на преодоление бюрократических процедур (без гарантий, что его действия будут поддержаны). Тем самым системой поощряется (негативными санкциями) формальное следование стандартам.

Несогласие или невозможность следовать новым стандартам основано на прежних профессиональных нормах. Новые правила противоречат привычному порядку лечения, ставя врачей перед моральным профессиональным выбором: внимательное обследование пациента или правильное заполнение бумаг, лечение из соображений экономической целесообразности или профессионализма и т.д. Так, чтобы оказать качественную помощь пациенту, более 90 % опрошенных приходилось отклоняться от действующих регламентов и назначать диагностические процедуры сверх стандарта, чтобы уточнить диагноз [3. С. 102]. В результате введения стандартизации в наиболее уязвимом положении оказываются наиболее квалифицированные и опытные медики. Молодое поколение врачей, напротив, получая стандарты в качестве профессиональной нормы, ориентируется на «потоковость» и формализм.

На основании экспертных интервью, проведенных с врачами в 2020–2021 годы, мы систематизировали основные практики, применяемые ими в ответ на реформы и их последствия. Анализ транскриптов интервью позволил предложить следующую классификацию приспособительных практик врачей по критериям «девиантность/недевиантность» и «активность/пассивность»: недевиантные активные; девиантные активные; недевиантные пассивные; девиантные пассивные. В медицине наиболее распространены активные практики: врачи реагируют на поступающие сверху приказы и приспосабливаются к ним, оставаясь внутри системы. Это приспособление может выходить за установленные рамки (девиантные практики), так оставаться внутри них (недевиантные). Так как активные практики составляют большую часть приспособительных практик, мы можем выделить в них три подгруппы по трем подсистемам — «врач–администрация», «врач–врач» и «врач–пациент». Если специалист не может выполнять качественно свои должностные обязанности, когда эмоциональное выгорание и постоянно меняющаяся рабочая среда приводят к максимальной формализации труда, то возможен уход

из профессии (временный или окончательный) или переход из государственного ЛПУ в частное — это девиантные пассивные практики.

1. Недевиантные активные практики (не выходящие за рамки стандартов и регламентов).

1.1. Подсистема «врач–администрация». Стандартизация и сокращение медицинских учреждений привели к тому, что нагрузка на врачей увеличилась, а время, отведенное на одного пациента, сократилось (осмотр, постановка диагноза, заполнение истории болезни). В связи с тем, что документацию перевели в электронный формат, врачам старшего возраста приспособиться сложнее, на заполнение форм у них уходит больше времени, чем у молодых специалистов. Также им необходимо дополнительное обучение для работы на новом оборудовании. Возникает дилемма: посвятить больше времени пациенту или заполнению форм? Большинство респондентов ставит на первое место благополучие пациента: на приеме врач уделяет максимально возможное время больному, а для себя делает небольшие заметки, и в конце рабочего дня по ним заполняются журналы и отчетные материалы согласно стандартам. *«Времени, которое отводится на прием одного пациента, очень мало. Зимой женщине требуется только 10 минут, чтобы подготовиться к осмотру! Чтобы не терять время, я у себя кратко фиксирую данные, а в перерыве или в конце рабочего дня более развернуто заполняю отчеты»*; *«Задерживаемся на работе, бывает, на час, два или даже три, чтобы все как следует заполнить»*; *«Если не успеваю все сделать на работе, часть историй болезни я могу забирать и домой»*. Такое внимание врачей к отчетности обусловлено жестким контролем руководства и страховых компаний, хотя стандартизация была направлена на упрощение контроля за профессиональной деятельностью врачей. Во время проверки страховые компании сосредотачиваются на форме отчета — упущенное слово или даже знак препинания могут повлечь наказание врача, что усугубляет напряжение на рабочем месте. Порой врач жертвует личным временем, чтобы выполнить все требования: отработав смену в больнице или поликлинике, время отдыха он также вынужден посвящать служебным вопросам. Врачи не успевают отдыхать, чувство усталости приобретает хронический характер, что сказывается и на их самочувствии и отношениях с близкими.

1.2. Подсистема «врач–врач». Многие респонденты отмечали, что для них важен коллектив, в котором они работают. Наталкиваясь на непонимание родных и близких, которые не имеют отношения к медицине, врачи обращаются к своим коллегам — за профессиональным советом и психологической поддержкой: *«Работаю в кардиологическом центре. Большинство врачей здесь — кардиологи, которые очень часто консультируются друг с другом, а я, в свою очередь, такой возможности лишена, так как больше неврологов в центре нет. Одной мне тяжело»*. Врачи не только помогают друг другу советами, но и «прикрывают» коллег, поскольку от врачебной

ошибки никто не застрахован: *«Иногда ко мне приходят пациенты, которым назначили неправильное лечение. Если ситуация не критична, то лишний раз упоминать это и тревожить пациента не стоит»*. Поддержка врачами друг друга положительно сказывается на их работе и эмоциональном состоянии: *«Признание коллег, конечно, очень важно для любого специалиста. Наивысшая степень признания для меня — это когда коллеги доверяют лечение своих близких именно тебе»*.

1.3. Подсистема «врач–пациент». Страховые компании оплачивают лишь те процедуры и лекарственные средства, которые входят в установленный перечень. Однако ситуации бывают разные: болезнь может протекать с осложнениями, и лечения по ОМС может быть недостаточно, а материальное положение пациентов не всегда позволяет им оплатить оставшуюся часть лечения. В таком случае врачам приходится искать альтернативные пути. Например, в кардиологии регламентом предписано, что в течение одного срока госпитализации больному бесплатно можно поставить два стента на сердце, но если врач видит, что этого недостаточно для эффективного лечения и полного выздоровления, то выписывает его и заново госпитализирует, чтобы бесплатно провести процедуру еще раз: *«Бывают такие ситуации, когда человеку нужно поставить три стента, а больница оплачивает только два. Поэтому мы выписываем его, и он поступает повторно, чтобы провести операцию в полном объеме, и он получил качественную медицинскую помощь. Хотя это все можно было бы сделать за одну госпитализацию»; «К нам поступают не только чисто кардиологические пациенты, которых мы можем, допустим, по стандартам лечить, но и совершенно другого направления. Естественно, приходится при сопутствующих заболеваниях сердечно-сосудистой системы отклоняться и от регламента, и от стандарта, за что нас не поощряют, но интересы пациентов прежде всего... Вы можете себе представить, что человек поступил к нам в тяжелом состоянии, а мы вынуждены на скорой везти его в другой центр, так как у нас нет всего необходимого, в том числе нужного специалиста, для полной диагностики. А к нам ехать никто не хочет, особенно если ночь. Дежурный свой пост не оставит, а те, кто уже дома, в другой центр приезжать не хотят, вот и приходится с пациентами разъезжать»*.

2. Девиантные активные практики.

2.1. Подсистема «врач–администрация». При нормальных адаптивных практиках врачи жертвуют личным временем, но не выходят за рамки стандартов. Однако в ряде случаев заполненная карточка больного может не соответствовать действительности, поскольку картина болезни у разных людей может различаться: пол, возраст, профессия, сопутствующие заболевания, материальное положение — все это влияет на протекание болезни и ее лечение, но жесткий регламент и ограничение лекарственных препаратов «связывают руки» врачам: *«Приходится иногда назначать другое лечение во благо паци-*

ента. Мы в первую очередь думаем именно о нем... А отчетные материалы заполняются уже согласно требованиям». Стандарты направлены на максимально эффективное лечение с минимальными затратами и не учитывают множественные факторы, которые приводят к болезни и сопровождают ее. Официальное отклонение от регламента и назначение других средств, не входящих в перечень жизненно необходимых и важнейших (ЖНВЛС), довольно трудоемко — иногда необходимо собирать консилиум, который решает, целесообразно отступление от стандартов или нет. Многим не хочется тратить на это время — свое и пациента. Назначение лекарственных средств, не входящих в Перечень, или отклонение от порядка лечения может не включаться в отчетность. Такие практики грозят врачам дисциплинарным взысканием вплоть до увольнения, а иногда и судебным разбирательством. Молодые специалисты, которые не хотят рисковать карьерой, реже прибегают к подобным практикам, нежели врачи со стажем: *«От стандартов стараюсь не отклоняться. Те, кто “сидит наверху”, этого не поймут, а расхлебывать придется мне».*

Бывают случаи, когда врачи, наоборот, назначают не все анализы и лекарства, которые предписывает регламент. Например, чтобы провести имплантацию, стоматологи-ортопеды должны получить от больного результаты ряда анализов [3], но не все можно бесплатно сделать. В таком случае врач может негласно разрешить больному пропустить те анализы, которые, на его взгляд, не существенны для лечения: *«В трансплантологии пациент должен предоставить определенный список сданных анализов. Только после этого мы можем начать лечение. Но оснащение нашей больницы не позволяет провести эти процедуры бесплатно, а не все пациенты финансово могут позволить себе их сделать в частной клинике. В таком случае приходится идти на уступки и сокращать список. Но официально мы не можем сказать пациенту, что эти анализы из списка нужны, а эти нет. Но можем дать совет неофициально».*

2.2. Подсистема «врач–врач». Иногда врачи используют труд младшего медперсонала для облегчения работы — делегируют медсестрам и ординаторам часть обязанностей: первичный осмотр, заполнение истории болезни и т.д. С одной стороны, это разгружает врача, и он больше времени посвящает больному, но, с другой стороны, может негативно сказываться на младшем медперсонале и начинающих специалистах: *«Мне с заполнением отчетов помогает моя помощница — медсестра. Иногда я подключаю и ординаторов».* Медицинские сестры имеют большой собственный функционал, и дополнительная работа увеличивает их нагрузку, причем далеко не всегда их работа должным образом оплачивается. Большая часть их работы однообразна и «невидима», карьерного роста почти нет — это вызывает недовольство и чувство неудовлетворенности. Прикрепление ординаторов к опытным врачам также зачастую ограничивается делегированием им задач по заполнению историй болезни и первичному осмотру, а диагностикой и лечением занимается врач. Врачи бывают не заинтересованы в обучении молодых специалистов — им за это не доплачивают,

процесс и результат обучения не контролируют. В результате нехватка практического опыта негативно отражается на работе молодого специалиста — после ординатуры он не сможет квалифицированно выполнять свои обязанности: *«Заканчивая медфак, мы окрылены мыслями, что будем... спасать людей, но реальность обрезает нам крылышки. На деле 70%, если не 80% деятельности посвящено заполнению бумажек».*

2.3. Подсистема «врач–пациент». В данную группу практик мы отнесли получение взяток от пациентов и их родственников: отсутствие системы антикоррупционных законов, постоянные реформирования и минимальный риск разоблачений привели к тому, что медицина остается наиболее коррумпированной сферой в современной России [3]. Врачи оправдывают себя низким уровнем заработной платы: время на обучение, каждодневный труд, стресс и напряжение несоизмеримы с уровнем дохода. К тому времени, когда заканчивается ординатура, многие обзаводятся семьями, чтобы прокормить их, врачи часто идут на подработку, устраиваются на вторую работу. Взятки стали обыденностью, что не удивляет ни врачей, ни пациентов: в России к взяткам относятся как к форме благодарности. У недобросовестных специалистов качество оказываемой помощи может сильно различаться в зависимости от того, получили они от пациента деньги или нет: *«В нашей стране очень остро стоит проблема коррупции среди врачей. Они получают деньги как до лечения, т.е. пациент (или его родственники) оплачивает возможность более качественного ухода, так и в качестве благодарности в конце лечения. Оба варианта, на мой взгляд, недопустимы в медицине, и нужно с этим как-то бороться».*

3. Недевиантные пассивные практики. Яркий пример — эмоциональное выгорание врача, при котором ему становится безразлична работа, вызывающая лишь раздражение. Пациенты чувствуют равнодушие и лечиться у такого специалиста отказываются. При этом не врач не готов (или не хочет) что-то менять, он остается в профессии, но продуктивно выполнять свои обязанности уже может, хотя от него зачастую зависят жизни людей.

4. Девиантные активные практики. Когда специалист начинает чувствовать апатию, усталость и отрешенность, он может избрать путь ухода из государственной клиники в частную. Так, из 35 опрошенных 7 ушли в частную сферу: у них не только увеличился доход, но и возросла степень свободы в принятии решений о способах лечения. Другой вариант — ухода из профессии на время или навсегда: *«Я со скорой ушел, на скорой я был на полставки вплоть до последнего месяца... Я чувствую, что если бы я оттуда не ушел, я бы начал вред наносить людям. Не из-за того, что я хочу нанести вред, а ситуация такая складывается по отношению к пациенту. Не могу преодолеть вещи, которые там есть. Ничем не могу изменить эту ситуацию».* Часто мысли об уходе возникают у врачей на фоне постоянных тяжелых нагрузок: *«Я очень устаю. Иногда приходят в голову мысли, что нужно было выбрать другую*

профессию. Сутками пропадаешь на работе, при этом нужно кормить семью и поднимать детей, а у тебя зарплата 30 тысяч... В такие моменты сидишь и думаешь, зачем это все мне надо было». Уход из профессии позволяет отдохнуть и переосмыслить свою жизнь. После перерыва человек может вернуться в профессию или выбрать другой путь: «Абсолютно не мыслю себя без профессии. У меня много разных знаний и умений, но я очень люблю свою основную профессию врача и менять ничего не хочу. Понимаете, я какое-то время работала в иной области, но это была вынужденная мера, работала инженером... Но я всегда знала, что я буду работать врачом».

Таким образом, описанные практики помогают врачам сохранить тот уклад, к которому они привыкли и который упрощает их профессиональную деятельность. В ходе интервью почти все врачи отметили, что хотя бы раз им приходилось отклоняться от действующих регламентов, чтобы оказать качественную помощь пациенту. В целом врачам старшего возраста труднее адаптироваться к изменениям, они используют приспособительные практики чаще, чем их молодые коллеги, и успешность адаптации к изменениям обратно пропорциональна возрасту (стажу). Молодые специалисты более позитивно воспринимают реформу и подстраиваются под новые стандарты. Пол также оказывает влияние на приспособительные практики: работающая женщина испытывает более высокие рабочие перегрузки из-за дополнительных домашних и семейных обязанностей, но «женщины продуктивнее, чем мужчины, используют стратегии избегания стрессовых ситуаций» [15. С. 67]. Еще одним фактором, влияющим на приспособительные практики, служит должность врача: для руководства введенные стандарты упростили работу, стали регламентом, который определяет не только повседневную работу, но и действия в сложных непредвиденных ситуациях. Если врач работал строго в рамках регламента, то оправдать его действия будет намного проще. Многие специалисты легче воспринимают изменения, которые связаны с добавлением в практику чего-либо нового, нежели с прекращением старого [16]: например, отношение к дополнению перечня ЖНВЛП значительно лучше, чем к его сокращению.

Внедрение рыночных механизмов в российскую медицину не способствовало увеличению властных ресурсов врачебной профессии, активному вовлечению специалистов в формирование стандартов деятельности и влиянию на реформирование отрасли. Сегодня мы видим, что ситуация не изменилась. Более того, дистанцированность врачебного сообщества от развития своих властных полномочий также выступает фактором формирования приспособительных практик [4. С. 61–79].

Управляющее воздействие (декларирование целей, выбор средств) государственного органа (министерства и департаментов здравоохранения) приводит к появлению социальных представлений медработника о соответствии

целей и средств, обусловленных его образованием, опытом работы, взаимодействием с врачебным сообществом и т.п. Сложившиеся мнения актуализируются в профессиональной среде, на основе чего происходит выбор и реализация модели поведения, которая включает различные приспособительные практики: адаптацию к нововведениям или уход (из конкретного ЛПУ или профессии). Замыкающим звеном этой цепочки выступает влияние преобладающих форм адаптации врачей на качество медицинской помощи и отношение населения к политике государства в сфере здравоохранения.

Институциональными характеристиками системы здравоохранения, провоцирующими формирование приспособительных практик у врачей, выступают: перекалфикация профессиональной деятельности в оказание услуг (врач — поставщик услуг); рост числа нормативных предписаний, жесткая регламентация и рутинизация деятельности врача; строгий контроль работы со стороны страховых компаний, департаментов и министерства здравоохранения; правовая незащищенность медицинских работников; «пациентский экстремизм»; невысокие зарплаты медицинских работников в государственных ЛПУ, что вынуждает их искать дополнительный заработок; в частных медицинских учреждениях развивается гипердиагностика и гиперназначения.

Необходимы стратегии, препятствующие распространению тех приспособительных практик врачей, что снижают качество медицинской помощи. Важным шагом должен стать тщательный отбор профессионалов в рабочие группы, занимающиеся подготовкой программ реформирования, — чтобы высококвалифицированные специалисты из всех отраслей медицины смогли уже на этапе разработки оценить целесообразность внедрения изменений. Превентивное информирование профессионального сообщества о предстоящих нововведениях облегчит врачам принятие грядущих реформ. Также необходима обратная связь и внесение поправок в реформы как на этапе разработки, так и после внедрения. Эксперты не могут предугадать абсолютно все последствия реформ и реакцию общества на них, и только опыт врачей поможет объективно оценить ситуацию. Вводимые нормативы и регламенты должны иметь рамочный характер: уникальность каждой истории болезни предполагает отступление от установленных норм (с обязательным обоснованием) и предоставление врачам большей свободы в выборе метода лечения, особенно врачам с большим стажем работы.

Библиографический список

1. Бояркина С.И. Реформа российского здравоохранения 2011–2016 гг. в оценках представителей врачебного сообщества: стратегии, тактики, риски // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 3.
2. В начале пандемии мы чувствовали себя нужными // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/01/14157217.shtml>.

3. *Караева О.С.* Реформа здравоохранения в оценках врачей и пациентов. Социологический анализ институциональных изменений 2012–2016 гг. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. №3–4.
4. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2004.
5. Пациентский экстремизм охватывает регионы // URL: https://www.ng.ru/health/2021-07-06/8_8191_patient.html.
6. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 18.09.2006 г. № 665 «Об утверждении Перечня лекарственных средств, отпускаемых по рецептам врача (фельдшера) при оказании дополнительной бесплатной медицинской помощи отдельным категориям граждан, имеющим право на получение государственной социальной помощи» // URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7898-prikaz-minzdravsotsrazvitiya-rossii-665-ot-18-sentyabrya-2006-g>.
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 02.06.2015 г. № 290н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача–педиатра участкового, врача–терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача–невролога, врача–оториноларинголога, врача–офтальмолога и врача–акушера–гинеколога» // URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/9082-prikaz-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii-ot-2-iyunya-2015-g-290n-ob-utverzhdenii-tipovyh-otraslevykh-norm-vremeni-na-vypolnenie-rabot-svyazannyh-s-posesheniem-odnim-patsientom-vracha-pediatra-uchastkovogo-vracha-terapevta-uchastkovogo-vracha-obschey-praktiki-semeynogo-vracha-vracha-nevrologa-vracha-otorinolaringologa-vracha-oftalmologa-i-vracha-akushera-ginekologa>.
8. Программа от 18 июля 2010 г. // URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7502>.
9. *Серто М.* Практика повседневной жизни. Пространственные практики // Прогнозис. 2010. № 1.
10. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2005.
11. *Тарасенко Е.А., Эйгель М.Я.* Реформирование здравоохранения: отношение среднего и младшего медицинского персонала к реструктуризации медицинских учреждений // Вопросы обеспечения качества лекарственных средств. 2016. № 3.
12. *Титаев К.Д.* Хитроумные полицейские. Почему провалились все проекты улучшения правоохранительной деятельности в России // Социология власти. 2012. № 4–5.
13. *Ушаков Е.В.* Исследования имплементации программ в науке государственного и муниципального управления // Политика и правовое государство. 2017. № 11.
14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895.
15. Федеральный закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289.
16. *Хутидзе Т.М.* Фридрих фон Хайек и экономическая мысль неоавстрийской школы // Вестник ВГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2015. № 13.
17. *Чумакова Г.А., Бабушкин И.Е.* Синдром выгорания медицинских работников. Барнаул, 2005.
18. *Gupta D.M., Boland R.J., Aron D.C.* The physician’s experience of changing clinical practice: A struggle to unlearn // Implementation Science. 2017. Vol. 12. No. 1.
19. *Hargrove E.C.* The Missing Link: The Study of the Implementation of Social Policy. Washington, 1975.
20. *Lipsky M.* Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. N.Y., 1980.

21. *Mayntz R.* Public bureaucracies and policy implementation // *International Social Science Journal.* 1979. Vol. 31. No. 4.
22. *Pressman J., Wildavsky A.* Implementation. Berkeley, 1973.

Adaptive practices of healthcare workers under the reforms*

L.V. Temnova¹, E.G. Vapinaeva²

¹Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

²Laboratory of Sociological Expertise of Institute of Sociology RAS
Shosse Entuziastov, 34, Moscow, 105118, Russia
(e-mail: temnova.larisa@yandex.ru; bga01041998@mail.ru)

Abstract. The theory of high modernism and the concept ‘metis’ by J. Scott identify one of the reasons for unsuccessful state reform in various areas: when preparing changes, local practical experience is often neglected, but the success of the reform as a whole may depend exactly on such knowledge. The system ignores the possible strategies of workers’ resistance to the coming changes, many of which are unconscious. The reforms in the field of healthcare, including in Russia, have shown that doctors remain the most vulnerable group affected by changes. A side effect of the ongoing reforms is the development by the professional community of doctors of certain adaptive practices aimed at adaptation to changes with the least losses for the individual and professional activity. To identify the adaptive practices of medical workers in response to the reforms and their consequences, the authors examined the available data and conducted interviews with doctors of various specialties. As a result, adaptive practices of doctors in their professional activities were systematized, and their classification was proposed: deviant/non-deviant and active/passive. Active adaptive practices prevail and are implemented in three subsystems: doctor–administration, doctor–doctor and doctor–patient. Most doctors tend to accept changes that involve adding new practices rather than changes removing traditional practices. All respondents positively assessed new technologies, but negatively assessed rigid standards that limit their professional freedom. The development of adaptive practices depends on various factors — gender, age, length of service, specialization, position. Such practices help doctors to keep the habitual way of professional life and to adapt to new working conditions.

Key words: adaptive practices; concept ‘metis’; healthcare reform; doctors; adaptation; deviant and non-deviant adaptive practices

References

1. Boyarkina S.I. Reforma rossiyskogo zdravookhraneniya 2011–2016 gg. v otsenках predstaviteley vrachebnogo soobshchestva: strategii, taktiki, riski [Russian healthcare reform of 2011–2016 in the assessments of the medical community: Strategies, tactics, risks]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii.* 2019; 22 (3). (In Russ.).
2. V nachale pandemii my chuvstvovali sebja nuzhnymi [At the beginning of the pandemic, we felt needed]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/01/14157217.shtml>. (In Russ.).

*© L.V. Temnova, E.G. Vapinaeva, 2022

The article was submitted on 16.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

3. Karaeva O.S. Reforma zdravookhraneniya v otsenkah vrachey i patsientov. Sotsiologicheskyy analiz institutsionalnykh izmeneniy 2012–2016 gg. [Healthcare reform in the assessments of doctors and patients. Sociological analysis of institutional changes in 2012–2016]. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2016; 3–4. (In Russ.).
4. Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Perspektivy professionalizatsii rossiyskikh vrachey v reformiruyushchemsya obshchestve [Prospects for the professionalization of Russian doctors in the reforming society]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik–2004*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow; 2004. (In Russ.).
5. Patsientskiy ekstremizm ohvatyvaet region [Patient extremism sweeps the regions]. URL: https://www.ng.ru/health/2021-07-06/8_8191_patient.html. (In Russ.).
6. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsialnogo razvitiya RF ot 18.09.2006 g. No. 665 “Ob utverzhdenii Perechnya lekarstvennykh sredstv, otpuskayemykh po retseptam vracha (feldshera) pri okazanii dopolnitelnoy besplatnoy meditsinskoy pomoshchi ot delnym kategoriyam grazhdan, imeyushchim pravo na poluchenie gosudarstvennoy sotsialnoy pomoshchi” [Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of September 18, 2006 No. 665 “On the approval of the List of Medicines provided by the prescription of a doctor (paramedic) when ensuring additional free medical care to certain categories of citizens who have the right to receive the state social help”. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7898-prikaz-minzdravsotsrazvitiya-rossii-665-ot-18-sentyabrya-2006-g>. (In Russ.).
7. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsialnogo razvitiya RF ot 02.06.2015 g. No. 290n “Ob utverzhdenii tipovykh otraslevykh norm vremeni na vypolnenie rabot, svyazannykh s poseshcheniem odnim patsientom vracha–pediatra uchastkovogo, vracha–terapevta uchastkovogo, vracha obshchey praktiki (semeynogo vracha), vracha–nevrologa, vracha–otorinolaringologa, vracha–oftalmologa i vracha–akushera–ginekologa” [Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of June 2, 2015 No. 290n “On the approval of the industry standards for the time for one patient’s visit to a district pediatrician, district therapist, general practitioner (family doctor), neurologist, otorhinolaryngologist, ophthalmologist and obstetrician-gynecologist”. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/9082-prikaz-ministerstva-zdravookhraneniya-rossiyskoy-federatsii-ot-2-iyunya-2015-g-290n-ob-utverzhdenii-tipovykh-otraslevykh-norm-vremeni-na-vypolnenie-rabot-svyazannykh-s-poseshcheniem-odnim-patsientom-vracha-pediatra-uchastkovogo-vracha-terapevta-uchastkovogo-vracha-obshchey-praktiki-semeynogo-vracha-vracha-nevrologa-vracha-otorinolaringologa-vracha-oftalmologa-i-vracha-akushera-ginekologa>. (In Russ.).
8. Programma ot 18 iyulya 2010 g. [Program of July 18, 2010]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7502>. (In Russ.).
9. Certeau M. *Praktika povsednevnoy zhizni. Prostranstvennye praktiki* [The practice of everyday life. Spatial practices]. *Prognosis*. 2010; 1. (In Russ.).
10. Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow; 2005. (In Russ.).
11. Tarasenko EA., Eigel M.Ya. Reformirovanie zdravookhraneniya: otnoshenie srednego i mladshego meditsinskogo personala k restrukturalizatsii meditsinskih uchrezhdeniy [Reforms of the healthcare system: Attitudes of the middle and junior medical personnel to the restructuring of medical institutions]. *Voprosy Obespecheniya Kachestva Lekarstvennykh Sredstv*. 2016; 13. (In Russ.).
12. Titaev K.D. *Khitroumnye politseyskie. Pochemu provalilis vse proekty uluchsheniya pravookhranitelnoy deyatelnosti v Rossii* [Cunning cops. Why all law-enforcement improvement projects failed in Russia]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2012; 4–5. (In Russ.).
13. Ushakov E.V. *Issledovaniya implementatsii programm v nauke gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Research on the implementation of programs in the State and Municipal Management]. *Politika i Pravovoe Gosudarstvo*. 2017; 11. (In Russ.).

14. Federalny zakon ot 21 noyabrya 2011 g. No. 323-FZ “Ob osnovah okhrany zdoroviya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ “On the basics of protecting the health of Russian citizens”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895. (In Russ.).
15. Federalny zakon ot 29.11.2010 g. No. 326-FZ “Ob obyazatelnom meditsinskom strakhovanii v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of November 29, 2010 No. 326-FZ “On the compulsory medical insurance in the Russian Federation”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289. (In Russ.).
16. Khutidze ТМ. Friedrich von Hayek i ekonomicheskaya mysl neoavstriyskoy shkoly [Friedrich von Hayek and the economic thought of the neo-Austrian school]. *Vestnik VGU. Seriya 9: Issledovanija Molodyh Uchenyh*. 2015; 13 (In Russ.).
17. Chumakova G.A., Babushkin I.E. *Sindrom vygoraniya meditsinskih rabotnikov* [Burnout Syndrome of Medical Workers]. Barnaul; 2005. (In Russ.).
18. Gupta D.M., Boland R.J., Aron D.C. The physician’s experience of changing clinical practice: A struggle to unlearn. *Implementation Science*. 2017; 12 (1).
19. Hargrove E.C. *The Missing Link: The Study of the Implementation of Social Policy*. Washington; 1975.
20. Lipsky M. *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York; 1980.
21. Mayntz R. Public bureaucracies and policy implementation. *International Social Science Journal*. 1979; 31 (4).
22. Pressman J., Wildavsky A. *Implementation*. Berkeley; 1973.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-646-660

Human development, satisfaction with human capital and security in the Siberian and Far Eastern border regions*

S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E. Noyanzina

Altai State University

Dimitrova St., 66, Barnaul, 656049, Russia

(e-mail: svet-maximova@yandex.ru; daria.omelchenko@mail.ru; noe@list.ru)

Abstract. The development of human capital in Russia is rather controversial and is characterized by both significant achievements and serious challenges. Russian regions differ in terms of the accumulated human capital, and many Siberian and Far Eastern territories are the most vulnerable in this perspective. Based on the analysis of the statistical indicators (more than 40) and the results of sociological research, the authors present a model of the main dimensions of social security in their relationship with the development of human potential in the border regions of Russia, with a focus on the regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts. According to the statistical data, the human development index is closely related to security in the labor sphere and the characteristics of the social-economic development, which determine, among other things, the features of the functioning of the social security system. The authors identified the statistically significant but less strong links of the human development index with the level of the social infrastructure development and environmental security. The results of sociological studies in five border regions (Altai Region, Amur Region, Khabarovsk Region, Omsk Region, and Altai Republic: N = 2802) show a subjective assessment of the efficiency of human capital and its relationship with social-structural factors, institutional environment and quality of social relations. The authors conclude that human capital in the border regions depends not only on economic factors, but also on broader social conditions: the human capital estimates depend on the institutional and generalized trust, social representations, and perceived discrimination. The development of human capital varies by region, which reflects the specifics of its accumulation and functioning in different contexts and conditions.

Key words: human capital; human development; global indices; social security; institutional trust; border regions of Russia; Siberian Federal District; Far-Eastern Federal District

The logic of the post-industrial development predetermined the ‘humanistic turn’ of the global economy and declared the individual the main subject of consumption, the beneficiary of produced goods, and a driver of the economic growth. Transformations of labor markets and types of employment increased the significance of cognitive and social-behavioral skills in making complex decisions

* © S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E. Noyanzina, 2022

The article was submitted on 28.11.2021. The article was accepted on 10.06.2022.

and working in groups, together with personal abilities to adapt, think logically and critically, be self-assured. Only countries with the developed economy of knowledge, healthy population and sophisticated educational systems producing highly qualified competitive specialists will have advantages in creating conditions for the sustainable growth, better standards and quality of living.

The OECD defines human capital broadly — as “the knowledge, skills, competencies and other attributes embodied in individuals or groups of individuals, acquired during their life and used to produce goods, services or ideas” [24]. There is a global consensus that the deficiency of human capital is the main reason why poor countries remain poor, and that efforts to develop human resources, to fight poverty and social exclusion are significant factors contributing to the economic-social prosperity of societies and innovative development [4; 16; 30]. Investment in human capital correlates with social cohesion and generalized trust, which can be explained by the effect that trust and social cohesion contribute to the economic growth [5; 11]. On the other hand, external and internal threats have destructive impacts on human capital and social relations. The cohesiveness of societies and their human capital depends on the quality of public institutions, especially those that provide social protection and contribute to the development of civil society and democracy [6; 16; 27; 28]. Despite some evidence, the study of human capital usually focuses on economic aspects, which determines the need to consider its other possible determinants and their interrelations in various contexts.

Human capital in the Eastern regions of Russia

For Russia, human capital is the main bargaining chip allowing to make the wished-for technological breakthrough and change the extensive, commodity-dependent economy into more intensive, corresponding to the new realities of the information society [17; 31]. The Global Competitiveness Index of the World Economic Forum, based on the indicators of the macro-economic environment, social infrastructure, health, education, labor market, financial and technological spheres, ranked Russia 43rd out of 140 countries [8]. However, in terms of health and education, Russia demonstrates a significant backlog: Russia is ranked only 97th by the population’s health, and 54th by the educational capital. According to the Global Innovation Index by the WIPO and INSEAD, Russia is the 47th with 35.6 points out of 131 countries and the 6th in the group of the upper middle-income economies (since 2017) [32]. The new project of the World Bank on the Index of Human Capital shows that in Russia, it is only 68% effective. It is growing (from 0.60 in 2010 to 0.68 in 2020) due to improvements in the adult survival, marking a rebound from the drop in life expectancies in the post-Soviet space, and is higher than the average for the upper-middle income countries but lower than the average for Europe and Central Asia [33].

Even a brief analysis of various indices shows that differences in their theoretical-methodological grounds, methods and data sources result

in contradictory conclusions. For instance, the authors from the HSE claim that Russia has a chance to switch to a social policy and social investments focused on human capital due to significant achievements in the economy and social sphere as contributing to the higher educational level, income and consumption aimed at self-development, health support and culture (about 40% of the population — a possible ‘growth driver’). They also note an increase in real incomes and health expenditure (74% in 2005–2015), reorganization of the health care system, a decrease in mortality and the reform of the compulsory health insurance, a decrease of inequalities in the territorial access to the pre-school education, the development of the supplementary, tertiary education [21]. Estimates of other scholars exploring the Russian human capital are rather pessimistic: the split of education into mass and elite, the destruction of institutional mechanisms of quality control, the ongoing revision of educational standards have eroded the traditional system of education and exacerbated social inequality [3; 18; 29]; the change of political-economic regime devaluated human capital as incompatible with the contemporary requirements for skills and knowledge [15; 23].

The Russian economy and labor market are characterized by significant discrepancies between human potential and workplaces [31]. Among the most vulnerable categories are the self-employed and seasonal workers, youth not in employment, education or training (NEET), and some other categories lacking possibilities to demand assurances and career perspectives [9]. These categories demonstrate disinterest in their future often manifested in social isolation and alienation, which can take aggressive and destructive forms [2]. Thus, institutional conditions and individual strategies and practices, despite some positive trends, indicate disbalances in the use of human capital in Russia. The rational approach to the measurement of human capital (future benefits can be calculated with indicators of the labor market based on productivity and wage ratios) is hardly applied to Russia [29].

There are considerable interregional inequalities by income and strong social heterogeneity in some dimensions of human capital — education, longevity and income. Moscow, Saint-Petersburg and regions with the resource-oriented economies (Tumen Region, Sakhalin Region, Republic of Sakha, Nenets Autonomous Region) have better positions, while most national republics (except Tatarstan, Sakha, Udmurtia, Bashkortostan), border Siberian and Far Eastern regions remain the most depressive and vulnerable [12]. The positive but slow dynamic of the human development in Siberian and Far Eastern regions is not sufficient for a qualitative leap in social sphere — to overcome the chronic underdevelopment and social inequality [7; 14].

The main factor determining the specifics of border territories of Russia is their geographic position and responsibility for national security: they perform contact and barrier functions that allow, on the one hand, to adopt positive practices of the economic development and best production technologies; on the other hand, there

are additional costs of the border control, i.e., additional pressure on the budget and social infrastructure [19]. Compared with the internal regions, border regions are more exposed to the social-economic security. The main threats are related to the low diversification of economy, dependence on imports, extensive exports of raw material and resources, weak innovational activity, inefficient regional and municipal management, and inequalities in spatial development, especially in Siberia [20; 26].

Many scholars insist on the necessity of a special social-economic policy for border regions, especially depressive [1]. Despite some attempts to create in Siberia and the Far East innovative economic zones, territories of the advanced development, ‘technological spaces’, ‘cultural-historical centers’ or ‘recreational zones’ (Tomsk, Novosibirsk, Kemerovo, Krasnoyarsk, Altai, Khabarovsk, Primorsky Regions), eastern border regions are far from achieving such ambitious goals. Our research focuses on the state and tendencies in the development of their human capital, its different dimensions, broader social contexts and outcomes.

The system approach to the analysis of human capital, social security and trust imply the measurement of their indicators. Our first step was to examine the official statistical data on the social-economic and demographic development and to identify the key dimensions of social security as the lack risks and threats in social sphere together with a complex of conditions ensuring the satisfaction of vital needs and social security at different levels — individual, group and societal [25]. We used the data for 48 border regions, which allowed to take into account the geographic diversity and to consider different zones of the Russian borderland. In selecting the statistical indicators, we relied on the discriminativity of indices, their ability to describe peculiarities of the regional situation; availability of data for all border regions; relative measures; the most actual data and similar period of time (an averaged data for 2014–2018). The dataset included 40 indicators divided into 9 groups: regional economy; demographic security; labor market and professional education; welfare, standards of living and pressure on the social security system; health care system and health of population; social infrastructure, education and sport; social order and public security; environment and ecological security; access to information technologies and information security. In each group, the factor analysis allowed to identify 11 integral indicators of social security, which were clustered into groups of border regions with similar characteristics of social security. In combining the security analysis with the data on the human development, we identified typical and specific for the Siberian and Far Eastern border regions interrelations between human capital and social security.

The second part of the research consisted of sociological surveys in five border regions of the Siberian and Far-Eastern districts (N = 2802, face-to-face and online interviews, respondents aged 18–70 years, quota sampling). The Far-Eastern borderland was represented by the Amur Region (HDI = 0.84) belonging to the cluster with the resource-based economy and the Khabarovsk Region (HDI = 0.857) — a mid-developed, industrial-agrarian region. In the Siberian

federal district, the survey was conducted in three regions — the Omsk Region (HDI = 0.879) — a well-developed region with strong processing industries, the Altai Region (HDI = 0.838) — a mid-developed industrial-agrarian region, and the Republic of Altai (HDI = 0.826) — a poorly developed agrarian region. Respondents evaluated the financial-social features of human capital measured with four indicators — satisfaction with the income and job, career development and upward social mobility (Likert-type scales).

We focused on interrelationships between human capital and social security assessed with the questions on personal security (“To what extent do you feel safe at the moment?”), social feelings (from optimism to apathy and hopelessness), perceived discrimination (human rights violations). Another group of hypotheses concerned interrelations between human capital and social trust. The generalized trust was assessed by the classic question “Generally speaking, would you say that most people can be trusted or that you need to be very careful in dealing with people?”; the institutional trust — by the level of trust to the Russian President, government, regional and municipal authorities, state corporations, judiciary system, financial and bank system, police, federal security service. We conducted a regression analysis to test hypotheses about isolated effects of social security and trust on human capital estimates.

Siberian and Far Eastern border regions: statistical data

If we examine the distribution of the the HDI indices by border regions grouped by federal districts, we will see non-significant mean values in 6 out of 8 federal districts — from 0.848 to 0.875 (Fig. 1). In each federal district, there are leaders and outsiders according to the regional economy and possible investment in human resources. In the Siberian Federal District, the leaders are the Krasnoyarsk Region, one of the most developed export-oriented industrial regions of Russia (0.892), the Novosibirsk Region — the administrative center of the federal district and the leading scientific center with the diversified economy and a strong industrial sector (0.883), and the Omsk Region — an industrial-agrarian region (0.879). The Republics of Buryatia and Altai and the Republic of Altai with the significant share of agrarian and tourist-recreational sectors and the low level of urbanization show a moderate human development (0.826–0.838), while the Republic of Tyva has the smallest HDI in Russia (0.801). In the Far Eastern Federal District, there are three border regions with the primary-products oriented economies and developed mineral industries, whose HDI is very high and comparable with some European or South-Eastern high-income countries: Republic of Sakha (0.903), Magadan (0.897) and Sakhalin (0.896) Regions. The least fortunate regions are the Jewish Autonomous Region (0.824) and the Transbaikal Territory (0.836) — rich in mineral reserves but peripheral and the most ‘abandoned’. Other border regions of this district have rather modest HDI — from 0.840 in the Amur Region to 0.867 in the Chukotka Autonomous Region.

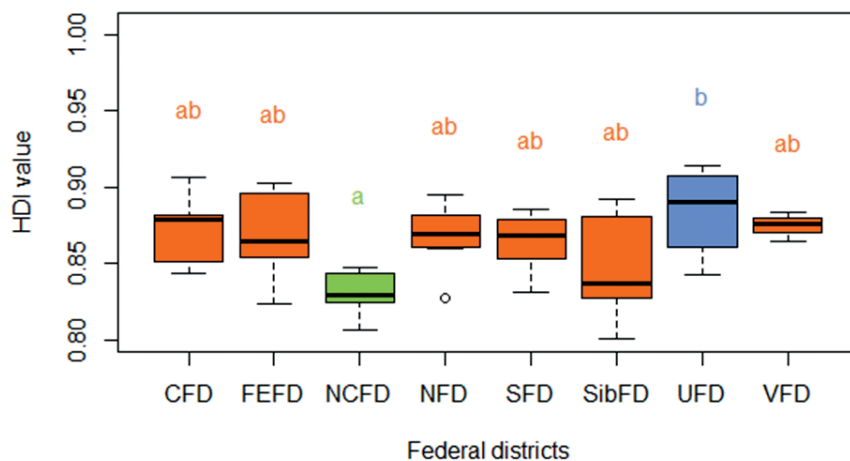

Fig. 1. Mean values of the the HDI in border regions (groups with non-significant differences are marked with the same color and letters)

Source: Analytical Center of the Government of the Russian Federation, 2019
 CFD — Central Federal District, FEFD — Far-Eastern, NFD — Northwestern, SFD — Southern, SibFD — Siberian, VFD — Volga, NCFD — North-Caucasian, UFD — Ural Federal District.

The cluster analysis with 11 integral indices of social security allowed to identify 5 main groups of border regions (Fig. 2). The first cluster consists of 3 regions — Chukotsky, Nenetsky and Yamalo-Nenetsky Autonomous Regions (AR) with the very high level of social security except for mental health and suicides. The second cluster consists of 8 the least-advantaged regions — Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkar, Ingush, Chechen, Kalmyk, Dagestan, Tyva and Altai Republics, in which 6 out of 11 factors indicate low standards of living, problems in the labor market, weakness of the health care system, high pressure on the social security system, and low access to information technologies. However, these regions show higher demographic security, physical and mental health, a relatively low level of crime and a favorable ecological situation. The third cluster includes regions with favorable conditions for 10 integral factors except for physical health: Arkhangelsk, Astrakhan, Magadan, Murmansk, Sakhalin, Khabarovsk, Kamchatka Regions, Republics of Karelia, Sakha, North-Ossetia. The fourth cluster was formed by the Republic of Buryatia, Kurgan, Amur, Transbaikal, Altai and Jewish Autonomous Regions, in which the main threats to social security are the problems of the social-economic development and employment, low standards of living, weaknesses in the health care system, mental health of the population, poor access to information technologies. At the same time, there is a relatively high level of physical health and a developed social infrastructure, and a better environment as a counterbalance to the social-economic difficulties. The fifth cluster consists of 21 regions in which social security is threatened by depopulation, undeveloped social infrastructure, problems with somatic health and ecological security. However, there are tendencies contributing to the positive development, such as a lower level of unemployment,

a higher level of mental health and public safety, a better access to IT technologies. These are: Leningrad, Tumen, Pskov, Novosibirsk, Omsk, Smolensk, Bryansk, Rostov, Volgograd, Saratov, Belgorod, Kaliningrad, Chelyabinsk, Voronezh, Orenburg, Krasnoyarsk Regions, and the Republic of Crimea.

Thus, the Siberian and Far Eastern Federal Districts are not homogenous and differ in social security: in the latter, there is a great regional differentiation — 5 regions are in the third cluster, 3 regions — in the fourth, 1 — in the first cluster with the highest level of social security, and 1 — in the fifth cluster with social-demographic and ecological problems. In the Siberian Federal District, almost all regions are on the negative pole of the social security continuum and differ by risks and vulnerabilities: 3 border regions are in the fifth cluster, 2 regions — in the second, and 2 — in the fourth.

Fig. 2. Typology of border regions by factors of social security

AL – Altai Region, AM – Amur, AR – Arkhangelsk, AS – Astrakhan, BL – Belgorod, BR – Bryansk Region, BU – of Buryatia, CN – Chechen Republic, CL – Chelyabinsk, CK – Chukotka, DA – Dagestan, GA – Altai, IN – Ingushetia, KB – Kabardino-Balkaria, KN – Kaliningrad, KL – Kalmykia, KQ – Kamchatka, KC – Karachay-Cherkessia, KI – Karelia, KH – Khabarovsk Region, KD – Krasnodar, KX – Krasnoyarsk, KU – Kurgan, KS – Kursk, LN – Leningrad, MG – Magadan, MM – Murmansk, NN – Nenets Autonomous Region, NO – North-Ossetia, NS – Novosibirsk, OM – Omsk, OB – Orenburg, PR – Primorsky, PS – Pskov, RO – Rostov, SK – Sakha (Yakutia), SL – Sakhalin, SA – Samara, SR – Saratov, SM – Smolensk, TU – Tyva, TY – Tyumen, VG – Volgograd, VR – Voronezh, YN – Yamalo-Nenetsky Autonomous, YV – Jewish Autonomous, ZB – Transbaikal Region, KR – Republic of Crimea

The comparison of the human development (HDI) with 11 factors of social security (Table 1) showed the most important and confident relationship between the labor market security and employment ($r = 0.677$, $p < 0.01$), which links human capital to the level of employment and a share of active population, and between the economic well-being and pressure on the social security system ($r = 0.672$, $p < 0.01$), which relates the human development to the low share of wages below the poverty line and a greater share of decent incomes. There are moderate but significant

correlations between the HDI and the social infrastructure development as ensuring sport and pre-school activities ($r = 0.480$, $p < 0.01$), access to the quick and safe Internet ($r = 0.459$, $p < 0.01$), ecological security ($r = 0.386$, $p < 0.01$), economic sustainability ($r = 0.378$, $p < 0.01$), and demographic security $r = 0.310$, $p < 0.01$).

Table 1

Correlation between the HDI and factors of social security in border regions

Factors (dimensions) of social security	SibFD	FEFD	All regions
Economic sustainability of region	0,667	0,822**	0,378**
Demographic security	-0,828*	0,332	-0,31*
Security in the sphere of labor and occupation	0,909**	0,582	0,677**
Well-being and pressure on the social protection system	0,787*	0,312	0,672**
Health-care infrastructure	-0,335	0,639*	0,33*
Public health (physical) (inversed)	0,883**	-0,374	0,223
Social infrastructure	0,561	0,011	0,48**
Mental health	-0,321	-0,548	-0,106
Public order (inversed)	-0,786*	-0,458	-0,034
Informational security and access to the Internet	0,753	0,616	0,459**
Ecology and the quality of environment (inversed)	0,836*	-0,044	0,386**

* Correlation is significant at the 0.05 level (two-sided)

** Correlation is significant at the 0.01 level (two-sided)

In the Far-Eastern Federal District, the human development has a stronger correlation with the capability to develop economy and ensure necessary investments ($r = 0.822$, $p < 0.01$) and health-care infrastructure ($r = 0.639$, $p < 0.05$). In the Siberian Federal District, there is a strong negative correlation between the HDI and demographic security ($r = -0.828$, $p < 0.01$). The level of public health is a significant indicator of social security and an intrinsic component of human capital; it positively correlates with the HDI ($r = 0.883$, $p < 0.01$), but this positive relation, due to the inversion, represents an opposite tendency: in regions with the high HDI, the level of health measured with mortality from cardio-vascular and oncologic diseases is lower (Novossibirsk, Omsk, Krasnoyarsk and Altai Regions), while in regions with the relatively low HDI (republics Tyva or Altai), the level of health is higher.

An even more important social security factor relevant for the Siberian borderland—employment ($r = 0.909$, $p < 0.01$) measured with the level of unemployment and a share of working population. This relationship confirms that the human development in Siberia is impossible without institutional conditions ensuring the stability of the labor market. The relationship between the factor of well-being and

pressure on the social security system and the HDI ($r = 0.787$, $p < 0.05$) is more complex and non-linear despite a significant and strong correlation (Fig. 3): several regions have similar shares with the income below subsistence level but very different HDI (Novosibirsk, Krasnoyarsk and Altai Regions, Republic of Buryatia). The factor of public order shows a negative correlation with the HDI ($r = -0.786$, $p < 0.05$), i.e., the higher human capital is associated with the low level of crime including committed by the youth, under alcohol or drugs. The positive correlation of the HDI with the factor of ecological security, which is also inverse (high values with greater ecological risks and pollution ($r = 0.836$, $p < 0.05$, Fig. 4), mean that the border regions with stronger industrial sectors and higher human development (Krasnoyarsk and Novosibirsk Regions) have numerous sources of air pollution and greater volumes of pollutants, whereas in the agrarian, ecologically safe regions (Republics of Altai, Buryatia and Tyva), the human development is not high.

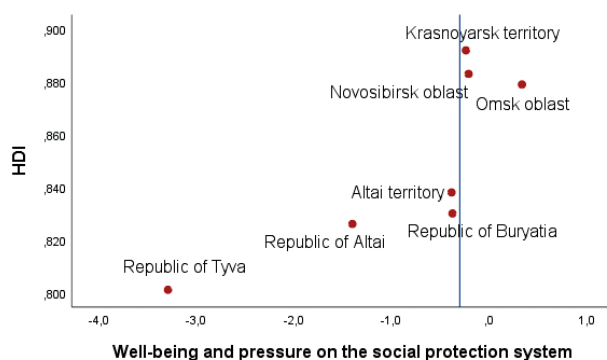

Fig. 3. Relationship between the HDI and the factor of well-being and pressure on the social protection system in the border regions of the Siberian Federal District

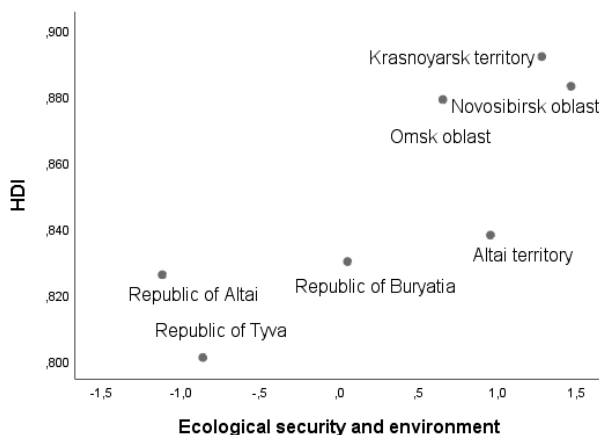

Fig. 4. Relationship between the HDI and the factor of ecological security and environment in the border regions of the Siberian Federal District

Subjective estimates of human capital and their relation with social security

The sociological analysis focused on the subjective characteristics of human capital and their determinants including institutional environment and social relations. The respondents' evaluations of their income and job, career development and upward social mobility were combined in an integral index of personal human capital satisfaction which showed significant regional differences. The highest level of satisfaction — in the Khabarovsk Region ($m = 0.26$), compared with the mean value in the Omsk Region ($m = 0.05$), while the least satisfied people lived in the Altai Region ($m = -0.21$) and the Republic of Altai ($m = -0.14$). The Amur Region has mean values close to the Omsk and Khabarovsk Regions ($m = 0.15$). Thus, the results reflect general differences in the human development of border regions as described in the previous section, which confirms the validity of our scale and its non-intangible dimensions (the subjective perception of personal achievements and perspectives).

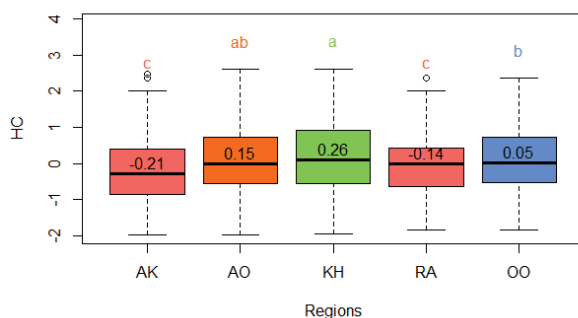

Fig. 5. Mean values of the human capital evaluations in five regions (significant differences at the 5% level at least are marked with the same color and letter)

AK — Altai Region, AO — Amur, KH — Khabarovsk Region, RA — Republic of Altai, OO — Omsk Region

In addition to the regional specifics explained by institutional features of the regional economy and management, there are other social-structural factors reflecting a significant gap in social conditions and opportunities. Thus, the difference between urban and rural areas is significant in all border regions except for the Republic of Altai with the low density of population and low urbanization (only 29.3% lived in the city — the administrative center of the Republic — Gorno-Altaysk) combined with the poor standards of living and traditional (agrarian) activities, which results in people's dissatisfaction with their human capital regardless their location ($m = -0.11$ in the city, $m = -0.16$ in the village, $p = 0.57$). The urban-rural difference is more evident in the Altai Region — its rural inhabitants are unhappy ($m = -0.37$) compared with inhabitants of cities ($m = 0.02$, $p < 0.0005$). In the Amur Region, rural residents are also frustrated with their social-economic

position ($m = -0.21$), while the urban population is in a more favorable situation than in the Altai Region ($m = 0.19$).

Gender differences have marginal significance ($m = 0.084$ for men and $m = -0.0016$ for women, $p = 0,053$), and in regional samples, are statistically significant only in the Amur Region ($m_{\text{men}} = 0.43$, $m_{\text{women}} = 0.15$, $p < 0,05$): women are generally less satisfied with their job, career and finances. The gender comparison of subjective evaluations in this region show that women more often report a moderate/middle level of income (74.2 %) and rarely admit belonging to the wealthy class (19.6 %); while the corresponding shares of men are different — 59.8 % and (29.5 %, $p < 0.05$).

Age is not an important factor for the general satisfaction with human capital, but in some regions differences are statistically significant. Thus, in the Amur Region, people under 30 show higher levels of satisfaction ($m = 0.422$) than people over 50 ($m = 0.13$). In the contrary, in the Omsk Region, younger people are less satisfied with their human capital ($m = -0.19$) compared with the middle-aged ($m = 0.17$) and old-aged ($m = 0.17$, $p < 0.05$). The factor of ethnicity is insignificant for all regions except for the Omsk Region, in which the Russian majority is more satisfied ($m = 0.12$) than other ethnic groups ($m = -0.05$, $p < 0.01$).

Despite pessimistic statements about the non-effective and low-quality education [10; 22], our research shows that the more educated people are more satisfied with their human capital, at least at the all-regional level ($p < 0.0005$). This tendency is true for 3 regions — the Altai, Amur and Omsk Regions ($p < 0.05$) (Fig. 6). In the Khabarovsk Region, both groups (with and without higher education) are equally satisfied ($m = 0.26$ and 0.27 correspondingly), which indicates comparable opportunities for people of working and highly-qualified professions. In the Republic of Altai, the situation is opposite: both groups are dissatisfied with their financial and professional situation and perspectives ($m = -0.07$ and $m = -0.19$).

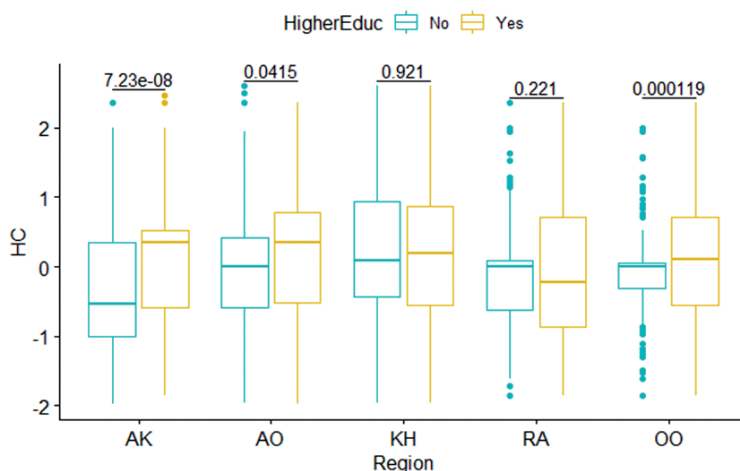

Fig. 6. Differences in the level of satisfaction with human capital by education

There are differences between three social categories: managers and entrepreneurs with the highest values of satisfaction ($m = 0.52$), specialists with higher education ($m = 0.06$) and the most dissatisfied categories — low-qualified workers, specialists with vocational training and unemployed (mean values vary from -0.14 to -0.36 with non-significant differences). More prosperous regions show less significant differences between social-professional groups compared with the regions with social-economic problems. For instance, in the Altai Region, specialists with higher education and managers ($m = 0.13$ and $m = 0.07$) have smaller but at least positive scores compared to other groups (differences significant — from -0.27 to -0.46 , $p < 0.05$). In the Republic of Altai, there is a huge gap between the highly satisfied (managers, entrepreneurs, $m = 0.54$) and all other groups. Specialists with higher and vocational education have similar scores ($m = -0.39$ and $m = -0.29$), which indicates a low demand for qualified skills. Moreover, unskilled workers show insignificantly higher levels of satisfaction (-0.03), while the unemployed are the most frustrated ($m = -0.74$).

In the Omsk Region, the main differences are observed between the unemployed and specialists with intermediate professional education ($m = -0.55$ and $m = -0.40$), on the one side, and managers and businessmen ($m = 0.71$), on the other ($p < 0.05$). In the Khabarovsk and Amur Regions, differences are insignificant due to their similar and rather high scores compared with other regions — correspondingly, 0.65 and 0.43 in the group of managers and businessmen, 0.50 and 0.03 — in the group of unskilled workers, 0.24 and 0.22 — in the group with vocational training, 0.16 and 0.20 — in the group with higher education, -0.06 and 0.11 in the unemployed group. Despite the statistical insignificance, educated people are in a less favorable position than groups of the lower educational status, which indicates that the human development in these regions do not follow an innovative path of knowledge-based technologies that need a high specialization of workers, but rather an extensive and conservative path.

Finally, we tested hypotheses whether human capital was an important factor affecting the character of social relations with other people and institutions and the level of social security. According to the statistical data, security dimensions have different relationships with the human development in different border regions. We conducted a regression analysis of the sociological data to prove our conclusions. The results showed significant and reliable relationships between the human capital evaluations and all other dependent variables: the former are associated with the institutional trust ($\beta = 0.37$ — all regions, $\beta = 0.45$ — АК, $\beta = 0.32$ — АО, $\beta = 0.27$ — КН, $\beta = 0.42$ — РА, $\beta = 0.42$ — ОО, $p < 0.001$), which confirms that more educated and experienced people have a more respectful attitude towards the state and its institutions, and that the institutional regime favors and relies on people with higher education, experience, income and social status, while vulnerable categories (low access to education and ‘social lifts’) are usually socially excluded and do not find enough institutional support. Human capital is associated with trust in other people

in general ($\beta = 0.28$ — all regions, $\beta = 0.37$ — AK, $\beta = 0.24$ — AO, $\beta = 0.15$ — KH, $\beta = 0.28$ — RA, $\beta = 0.3$ — OO, $p < 0.001$); and the economic wealth is rather mediated by the human capital it contributes to create.

Human capital allows to live in a safer environment and defend personal interests, it is an important indicator of social anxiety and fear which are more expressed by people with the low human capital outcomes. Corresponded coefficients are as follows: perceived discrimination: $\beta = 0.21$ — all regions, $\beta = 0.19$ — AK, $\beta = 0.22$ — AO, $\beta = 0.16$ — KH, $\beta = 0.36$ — RA, $\beta = 0.23$ — OO ($p < 0.001$); social feelings ($\beta = -0.41$ — all regions, $\beta = -0.42$ — AK, $\beta = -0.45$ — AO, $\beta = -0.31$ — KH, $\beta = -0.45$ — RA, $\beta = -0.48$ — OO ($p < 0.001$); personal security: $\beta = -0.34$ — all regions, $\beta = -0.24$ — AK, $\beta = -0.39$ — AO, $\beta = -0.28$ — KH, $\beta = -0.37$ — RA, $\beta = -0.38$ — OO ($p < 0.001$). At the same time, the ‘weight’ of human capital differs by region, i.e., its accumulation and functioning depend on various contexts and conditions, especially concerning the social security indicators.

The proposed research methodology is complex and versatile, it allows to consider human capital in different perspectives — social-statistical and subjective. When focusing on human capital in the border regions of Russia, one should be aware that there is a lack of official data on many important characteristics of human capital; that international comparisons based on global indices usually use the national-level data representing the whole country but not its regional differentiation; that differences in approaches and conceptual grounds make human capital a very blurred concept with unclear operationalization patterns. Due to the non-experimental design of our research, we cannot make conclusions about causal relationships; therefore, we chose the path of hypotheses — considering human capital a determinant of trust and social security, which is logically and theoretically grounded. However, there is rather an interdependence. i.e., more cohesive-trustful relations and safer social conditions lead to the human capital development and improvement.

Funding

Paper was prepared in the framework of the task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZMW-2020-0001 “Human capital, migration and security: Transformation in the new migration environment in Central Asia”.

References

1. Atanov N.I., Munkodugarova A.B. Position of border regions in the transboundary economic space: Principal risks and threats (on the example of the Transbaikal territory. *National Security: Regional Aspects of the Borderland*. Chita; 2014. (In Russ.).
2. Bepalova Yu.M., Kondakov V.F. Precariat in contemporary Russia: A danger of resentment. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*. 2016; 2. (In Russ.).
3. Boldov O.N., Ivanov V.N., Suvorov A.V., Shirokova T.K. Dynamics and structure of the Russian education in the 1990s. *Issues of Forecasting*. 2002; 4. (In Russ.).
4. Commins S. *World Development Report 2018: Learning to Realize Education’s Promise — Fragility, Conflict, and Violence*. World Bank; 2017.

5. Dearmon J., Grier R. Trust and the accumulation of physical and human capital. *European Journal of Political Economy*. 2011; 27 (3).
6. Easterly W., Ritzen J., Woolcock M. *Social Cohesion, Institutions, and Growth*. Center for Global Development. Working Paper No. 94; 2006.
7. Glazyrina I.P., Faleichik L.M. Russian Eastern border regions: Issues of human capital. *ECO*. 2014; 44 (11). (In Russ.).
8. Global Competitiveness Report 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.
9. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. Russian precariat: Issues of the human capital accumulation. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016; 3. (In Russ.).
10. Gorbunov A.P., Gorlova E.B., Maslennikova N.V. *Theory and Practice of Education Quality Management*. Moscow; 2017. (In Russ.).
11. Gradstein M., Justman M. Education, social cohesion, and economic growth. *American Economic Review*. 2002; 92 (4).
12. Grigoriev L.M. Features of the human capital development in the subjects of the Russian Federation. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/22461/3-grigorev-pdf>. (In Russ.).
13. Kaasa A. Social capital, institutional quality and productivity: Evidence from European regions. *Economics & Sociology*. 2016; 9 (4).
14. Kalugina Z.I. Siberia in the focus of social development. *Region: Economics and Sociology*. 2018; 2. (In Russ.).
15. Kapeluchnikov R.I. *Essay on the Russian Human Capital*. Preprint WP3/2008/01. Moscow; 2008. (In Russ.).
16. Kapelushnikov R.I. *What is the Cost of Human Capital in Russia?* Moscow; 2012. (In Russ.).
17. Khromov N.I. Human capital as a factor of the economic development. *Bulletin of the Donetsk National University. Series B: Economics and Law*. 2016; 1. (In Russ.).
18. Konstantinovskiy D.L. Inequality in the sphere of education: The Russian situation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2010; 5. (In Russ.).
19. Kotilko V.V., Nemirova G.I., Pashennikh F.S. Competitiveness and economic security in the border regions: Realities and perspectives. *National Interests: Priorities and Security*. 2013; 46. (In Russ.).
20. Kudinov V.V., Mukhina E.G. Major threats to the national security in the border subjects of the Russian Federation. *Scientific-Innovative Technologies as a Factor of the Sustainable Development of the Agrarian-Industrial Complex*. Kurgan: 2020. (In Russ.).
21. Kuzminov Ya.I., Ovcharova L.N., Yakobson L.I. (Eds.). *Human Capital as a Factor of the Social-Economic Development*. Moscow; 2016. (In Russ.).
22. Lukichev P.M. Economy of the Russian higher education: State regulation or deregulation? *Perspectives of Science and Education*. 2017; 4. (In Russ.).
23. Nesterova D., Sabyryanova K. *Investments in Human Capital in the Transition Period in Russia*. Scientific Report No. 99/04. Moscow; 1998. (In Russ.).
24. OECD: *Human Capital: How What You Know Shapes Your Life*. OECD; 2007.
25. Omelchenko D.A., Maximova S.G., Noyanzina O.E. Perception of social security in regions of the Russian-Asian borderland (on the example of the Altai Region). *Society and Security Insights*. 2020; 3 (1). (In Russ.).
26. Polozkov M., Epifanova N. (2015). Modern threats to the economic security of border regions. *State Service*. 2015; 1 (93). (In Russ.).
27. Ritzen J. *Social Cohesion, Public Policy, and Economic Growth: Implications for OECD Countries*. Quebec; 2000.
28. Rothstein B., Stolle D. *How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust*. Boston; 2002.
29. Soboleva I. Paradoxes of the human capital measurement. *Economy Issues*. 2009; 9. (In Russ.).
30. Stark O., Wang Y. Inducing human capital formation: Migration as a substitute for subsidies. *Journal of Public Economics*. 2002; 86 (1).

31. Tikhonova N.E., Karavay A.V. Dynamics of some indicators of the general human capital of Russians in 2010–2015. *Sociological Studies*. 2018; 5.
32. *Who Will Finance Innovation?* Cornell University; 2020.
33. World Bank: *The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of Covid-19*. Washington; 2020.

Человеческое развитие, удовлетворенность человеческим капиталом и безопасность в сибирском и дальневосточном приграничье*

С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина

Алтайский государственный университет
ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия
(e-mail: svet-maximova@yandex.ru; daria.omelchenko@mail.ru; noe@list.ru)

Аннотация. Развитие человеческого капитала в России довольно противоречиво и характеризуется как значительными достижениями, так и серьезными проблемами. Российские регионы различаются по критерию аккумулированного человеческого капитала, и многие сибирские и дальневосточные территории с этой точки зрения наиболее уязвимы. На основе анализа статистических индикаторов (более 40) и результатов социологических исследований в статье предпринята попытка моделирования основных измерений социальной безопасности в их взаимосвязи с развитием человеческого потенциала в приграничных регионах России, с фокусом на регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Согласно статистическим данным, индекс человеческого развития тесно связан с безопасностью в трудовой сфере и характеристиками социально-экономического развития, определяющими, в том числе, особенности функционирования системы социальной защиты. Статистически значимые, но менее сильные связи выявлены с уровнем развития социальной инфраструктуры и экологической безопасностью. Результаты социологических исследований в пяти приграничных регионах (Алтайский край, Амурская область, Хабаровский край, Омская область, Республика Алтай: N = 2802) продемонстрировали субъективную оценку эффективности человеческого капитала и ее взаимосвязь с социоструктурными факторами, институциональной средой и качеством социальных отношений. Авторы делают вывод, что человеческий капитал в приграничных регионах зависит не только от экономических факторов, но и от более широких социальных условий: оценки человеческого капитала связаны с институциональным и обобщенным доверием, социальными настроениями и воспринимаемой дискриминацией. Развитие человеческого капитала различается по регионам, что отражает специфику его накопления и функционирования в разных контекстах и условиях.

Ключевые слова: человеческий капитал; человеческое развитие; глобальные индексы; социальная безопасность; институциональное доверие; приграничные регионы России; Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ

* © Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., 2022

Статья поступила 28.11.2021 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-661-671

Food supply in the Arctic: Municipal authorities' opinion*

A.B. Neustroeva¹, A.N. Shishigina²

¹Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia)

Prosp. Lenina, 33, Yakutsk, 677000, Russia

²Arctic Scientific Research Centre of the Sakha Republic (Yakutia)

Kurashova St., 22, Yakutsk, 677000, Russia

(e-mail: aizok@mail.ru; schanan@yandex.ru)

Abstract. The UN experts rightly point out that “inequality between different regions of a particular country is often more significant than inequality between countries”. The article considers the issues of food provision for the hard-to-reach areas of the Yakut Arctic based on the survey of the municipal authorities in the Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) on the current situation and problems of food supply. In general, the issues of ‘northern delivery’ are most acute for the hard-to-reach territories of Russia. The article is based on the results of the expert survey — representatives of the municipal authorities in 10 out of 13 Arctic regions of Yakutia. According to the empirical data, in most settlements and villages of the Arctic regions of Yakutia, there are such problems as a shortage and a narrow list of provided products, their low quality and high prices, lack of food control, insufficient number of vegetable stores and warehouses. Due to the high food prices, the most vulnerable groups are poor citizens, among whom families with children prevail. Despite the average indicators of the economic access of food, the transport access to food in the Arctic regions of Yakutia is critically low. In these areas, the cost of a food basket in the consumer basket, on average for a five-year period, turned out to be significantly higher than the average for the Republic of Sakha (Yakutia). The food market of the Yakut Arctic is very specific, primarily due to the peripheral geographic location and the underdevelopment of the transport infrastructure. Significant volumes of food deliveries with the participation of the regional budget can only affect the minimum prices of products. The situation is aggravated by the lack of a unified legal framework and organizational structure for hard-to-reach territories; therefore, ensuring their food security requires additional research and special management decisions.

Key words: food supply; northern delivery; transport inaccessibility; social inequality; Arctic zone of the Russian Federation; Yakutia; expert survey

Social inequality in Russia is a more acute problem than poverty. The features of inequality formed in the 1990s, and the structure of income, despite recessions and crises, has not changed much [6]. Aggregated national indicators conceal social inequality, which is most clearly expressed in the low physical and economic access to quality food for some groups.

*© A.B. Neustroeva, A.N. Shishigina, 2022

The article was submitted on 24.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

According to the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the participating states “recognize the right of everyone to an adequate standard of living for himself and his family, including adequate food, clothing and housing, and to the continuous improvement of living conditions” [2]. The right to adequate nutrition is crucial for economic, social and cultural rights, and the provision of the population with food is an important indicator of the social state and an important element of national security [5; 16; 19].

Residents of remote Arctic and northern settlements are in the most vulnerable position in terms of food supply due to the extreme natural, climatic and geographical features combined with the low level of the social-economic development. Arctic regions are significantly inferior to other territories in terms of natural conditions for agriculture (cold climate, short vegetation period, poor soils, and excessive moisture); there are almost no conditions for crop and livestock production. Therefore, the basis of food supply in the Arctic is formed by food deliveries from other regions.

More than a half of the largest Russian region — the Sakha Republic (Yakutia) — is in the Arctic zone with extremely low winter temperatures, remote settlements of hard access and a small number of inhabitants. At the beginning of 2022, there were 75.6 thousand people, or 7.7% of the population in Yakutia. The entire territory of the Sakha Republic is unfavorable for agricultural production [9]. Despite the fact that, since the 17th century, the Far North had an economic model based on the export of raw materials and import of resources for livelihood, historically, the basis of the Arctic indigenous peoples’ nutrition was local: reindeer herding, hunting, fishing, gathering herbs. During the Soviet era, the Arctic peoples of Russia were under the pressure of external factors which lead to significant changes in the nutritional structure. The state, on the one hand, was interested in the development of these territories; on the other hand, did not create an infrastructure that would ensure independence from external supplies [3]. The ‘Northern Supply Haul’ of cargoes to the Arctic regions of the Sakha Republic has a seasonal character — in summer by rivers and in winter by ice/snow roads.

According to the Russian legislation, regions have the right of centralized purchases and supplies to the municipal areas of the Far North and similar territories. Thus, Yakutia annually subsidizes from the regional budget the transportation costs for the delivery of socially important food products (SIFP) to the hard-to-reach settlements. The main subsidies are received by the regional operator Yakutoptorg. The list of food products to be delivered to the remote settlements varies considerably by region: in Yakutia, this list includes 32 items.

Under the market economy, the Northern Supply Haul has become the most acute problem for the region due to the lack of financing — there is a tendency of reduction of volumes and assortment of food supplied. The situation is aggravated by the crisis of traditional activities and industrial development of the northern territories, which limited the access of the Northern indigenous peoples to traditional foods and transformed their traditional diet [7; 17; 18].

Municipal authorities are the closest to the real needs of the Arctic villagers; their social functions imply the smooth functioning of institutions of life support in local communities [12]: perishable food provision, ensuring necessary conditions for the functioning of all spheres of life, and so on. The article aims at revealing the opinion of the municipal authorities of the Arctic regions of the Sakha Republic (Yakutia) on the current situation with food supply.

The issues of food supply are considered in both Russian and international perspectives. Russian scientists tend to focus on import substitution and food self-provision, threats to food security, new approaches to food policy and assessments of the economic and financial access to food [4; 11; 13; 15]. The normative-legal acts adopted in Russia from 1994 to the present day do not reflect the real situation in the food sphere; they are applicable in favorable conditions without emergencies; moreover, the regional level of food security has specific features which are associated primarily with the historical division of Russian regions into producing and consuming [1]. Foreign studies focus on the sustainability of food systems in relation to environmental, economic and social aspects [22; 24], and the impact of climate change on food security in the regions [21]. The main limiting factor of food supply in the Arctic zone of the Sakha Republic (Yakutia) is transportation. Food and goods are mainly brought in by winter roads, and at other times, by air. In some settlements, food is delivered in summer by river transport.

The article is based on the expert survey of the representatives of municipal authorities in 10 Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia). The data was collected in March 2021 with the semi-formalized interviews (the questionnaire consisted of more than 20 questions). The heads and deputy heads of the Arctic districts and rural settlements, heads and leading specialists of the departments and divisions of municipal administrations in the Arctic districts of the Sakha Republic (Yakutia) were interviewed (121 respondents in 6 settlements and 30 rural settlements, which is 30.2% of all settlements in the Arctic zone of Yakutia).

According to the municipal authorities, year-round roads fully provide with food only 9.5% of settlements in the Arctic zone, 24.3% are provided by winter roads, 22% — by air including ‘green flights’, and 22.6% — by river (Table 1). Winter roads provide the population of the Arctic regions with 51% to 70% of food products, river transport — with 21% to 50%, air and year-round road transport — with less than 20% each.

More than 76.8% of municipal officials consider food supply in their locality as the most acute problem. In most settlements and villages in the Arctic regions, the municipal authorities name such problems as shortages and a narrow list of products, low quality and high prices of food, lack of food quality control, lack of vegetable storage facilities and warehouses. In summer and fall, from July to the winter roads in December, there is a shortage of all kinds of food. More than 55% of experts mentioned the lack or shortage of fresh fruits and vegetables in their settlements, 33.1% — of milk and dairy products, 10% — meat products,

including beef, pork and sausages. Goods in short supply are quality baby food, eggs, fish and seafood, bakery and confectionery. It is very hard to find perishable food in the Arctic villages: the risk of loss during transportation is very high for entrepreneurs, and not all settlements have vegetable storage facilities and warehouses, so entrepreneurs try to bring long-term storage products that can be stored at temperatures below freezing.

Table 1

**Share of food and medicine supply
in the Arctic regions of the Sakha Republic (Yakutia)
by different ways of delivery (experts' estimates)**

Delivery method	Supply (%)			
	100 %	51–70 %	21–50 %	less than 20 %
year-round road transportation	9,5	14,3	9,5	66,7
winter roads	24,3	41,4	25,2	9
air transport	22	15,4	30,8	31,9
river transport	22,6	17,7	33,9	25,8

In summer and fall, products are delivered to the Arctic zone only by ‘green flights’ — the delivery of a limited set of SIFP is organized by the government of Yakutia. ‘Green flights’ bring fresh products only once or twice a year, during the off-road period. ‘Green flights’ are costly since first the cargo is transported by air to the district centers, then by helicopters to the remote villages. The cheaper way to deliver food is water transportation and then transportation by the An-24 flights. The experts believe that the ‘green flight’ brings 2 tons of fresh vegetables only once a year for more than 500 people, which is not enough.

The situation with food supply in district centers was assessed by the municipal authorities as more or less favorable. In remote villages, due to the lack of regular transportation and all-terrain vehicles, the access to food during the summer and fall seasons is a serious problem: in 17 % of villages, there are no food suppliers or stores, and stalls or sales are organized at home by individuals. Only 5 % of experts believe that it is possible to buy virtually all basic types of food in their locality, but there is a problem of their high cost. According to the official statistics of March 2020,

the average prices for vegetables and fruits in the Arctic regions of the Yakutia were 2–3 times higher than the average prices in Yakutsk.

Due to high food prices, the low-income groups are in the most vulnerable situation, primarily families with children. The standard of living in the Arctic regions is lower than that of the Republic's average. According to the Ministry of Labor and Social Development of the Sakha Republic, in 2019, more than 12 thousand people, or 17.8% of the total population of the Arctic zone of Yakutia were registered as in need for social support. The share of those in need in the Arctic regions of Yakutia exceeded the average Republic's indicator twice (9.1%). Every fifth person living in the Arctic regions cannot afford food of proper quality at current prices. Inaccessibility of some food products, low incomes of the local population and high costs of living in the Arctic regions do not allow the population to maintain a sufficiently high level of consumption, which is the basis of the standard of living [23].

The majority of experts consider the high cost of transportation (94.9%), high prices for basic goods (68.6%), and inaccessibility of quality and inexpensive mobile Internet communications (61.9%) the main factors affecting the standard of living in the Arctic regions. Due to high transportation costs, the real cost of the minimum set of food products in the consumer basket is significantly higher than in the rest of the region. Low incomes of the majority of the population in remote villages determine a poor assortment of the delivered food from the cheap low-quality segment. Poor food supply in the Arctic regions lead to the deterioration of nutrition, inaccessibility of a nutritious and healthy diet. 21.6% of experts rated the quality of delivered food as very low.

One of the main reasons for a limited range of food supply to the Arctic regions is the lack of storage and marketing infrastructure, of warehousing and transit terminals [14]. More than 83.3% of experts say that there is no adequate storage for crops in their locality. Only 1% have a sufficient warehouse for vegetables, and 15.7% have a warehouse but not big enough or in despair, i.e., it is impossible to bring perishable and frost-prone products in large quantities. Personal subsidiary farms and traditional activities play an important role in the food supply of the Arctic regions [10]. According to the experts, on average, 19.5% of the population fully meet the needs of their households in meat, fish, berries and vegetables by traditional activities (Table 2), almost 30% — by half, and 32.2% — by 25%. Only 18.8% of the population are not engaged in traditional activities and do not have personal farmsteads. 28.7% fully meet their needs in berries, 24.8% — in fish, 16.8% — in meat of wild animals and game, and 7.5% — in vegetables. The population is least self-sufficient in vegetables (44.3%). For families living in the Arctic zone, it is common to exchange traditional food, for example, fish for reindeer, or fish and meat for help or some service.

Table 2

Expert estimates of the role of subsistence farming and traditional activities in meeting the food needs in the Arctic regions of the Sakha Republic (Yakutia)

Food	No	Up to 25 %	Up to 50 %	Up to 100 %
Meat	8	39,8	35,4	16,8
Fish	8,8	30,1	36,3	24,8
Berries	13,9	28,7	28,7	28,7
Vegetables	44,3	30,2	17,9	7,5
Average	18,8	32,2	29,6	19,5

The municipal authorities believe that there are prospects for breeding pigs, poultry, rabbits and other in the Arctic zone of Yakutia (66.7%), but there are barriers (some experts mentioned examples of successful poultry and pig farms). More than 33% of experts believe that there are no prospects for breeding the early maturing animals in the Arctic zone due to the high cost of keeping, expensive feed, difficult delivery, lack of desire, lack of outbuildings to keep early maturing animals, the need to heat outbuildings in winter, high heating fees, lack of forage and hayfields, lack of veterinary services in the settlements. To solve these problems by private and peasant farms, the suggest “to develop the social contract program”, “to breed Yakut horses”, “to ensure the state support in providing mixed fodder and production base”, “to feed the soon-to-be-breeders with self-caught fish”, etc. However, 46.9% of the experts say that the local population has little interest in raising pigs, poultry and other livestock — only 8%, be the experts’ estimate, are interested in breeding early maturing animals.

In general, the municipal authorities assess their activities and the decisions of the republican authorities to solve the problems of food supply to the Arctic regions as insufficient. To the question “How effectively do the republican and municipal authorities perform their duties of food provision to the people of your locality?”, 32.4% of the experts answered “definitely effective”, 29.7% — “rather ineffective” and 5.4% — “completely ineffective”; 32.4% found it difficult to answer the question.

To change the situation with the poor food supply, municipal authorities take various measures: cooperate with the state operator Yakutoptorg in organizing the delivery of food by ‘green flights’ and setting the quantities and assortment of products. The experts consider the quantities and assortment of food products delivered by ‘green flights’ insufficient: “green flights are needed at least two or three times a year instead of one”; “there are not enough fruit and vegetable deliveries, it is necessary to organize more green flights”; “we need subsidized air transportation to deliver fresh products”. To increase the number of ‘green flights’, the experts suggest to reconsider the transport scheme of the ‘northern delivery’, to introduce effective planning of freight traffic, to increase subsidies to the state

operator, to reduce the costs of air transportation by engaging small aircraft and river shipping. The municipal authorities consider cargo shipment by the Northern Sea Route from the European part of Russia one of the most promising options for the Arctic regions. In additions, the delivery of food products should be organized to the settlements rather than the district centers, for which the municipal authorities suggest to open Yakutopttorg stores in all settlements and support Yakutopttorg municipal operators in building food stores and warehouses.

The municipal authorities consider the state support for entrepreneurs another important step in improving the food supply system in the Arctic zone. They highly appreciate the role of small and medium-sized business in the food supply. According to the Federal Tax Service, in Yakutia, at the beginning of 2020, there were 305 small businesses (2.7% of all small businesses in the region) and 1,594 individual entrepreneurs excluding private farms (6.3%) in the Arctic zone. In the retail trade, there were 57 small enterprises (2.6%) and 449 individual entrepreneurs (4.7%). According to the experts, small enterprises and individual entrepreneurs deliver up to 70% of food products to the Arctic regions.

Under the high rural unemployment, many entrepreneurs in the Arctic were forced to become entrepreneurs and perform social functions as well. The municipal authorities cooperate with individual entrepreneurs to calculate the amount and assortment of food products, to control prices and quality of the delivered products. However, for the most part, entrepreneurs are engaged in the purchase, delivery and sale of food products without any state support. Their key problem is the complicated transportation scheme, and the experts believe that urgent measures are needed to support entrepreneurs in solving this problem — it is necessary to subsidize transportation costs, to introduce low-cost credits for providing the population with food, to introduce tax incentives for the Arctic entrepreneurs.

In many Arctic villages, there is a hidden food market: ‘apartment sellers’, ‘private sellers selling illegally’, ‘citizens selling at home’. According to the experts, the hidden food market accounts for up to 30% of the total turnover of goods in the Arctic zone (individuals deliver food of poor quality and sell it through personal networks, the shelf life of products is violated).

The municipal authorities mentioned another important aspect of food security in the Arctic regions — the state support for agricultural producers, communities of indigenous peoples and private subsidiary farms. The municipal authorities help agricultural producers with supplies of fodder, and much work is done to open winter roads on time. In winter, the municipal authorities organize the delivery of meat, venison and fish from the nearby areas. The experts suggest the following measures of the state support for agricultural producers: “to open small farms in all areas of agriculture; today only large farms are subsidized, and our small ones cannot compete with them”; “it is necessary to support the start-ups of agricultural producers”; “to establish enterprises for processing reindeer meet and fish products for local sales”.

Inequality in food and nutrition remains an important criterion of the level of social equality, an indicator of social well-being and of the efficiency of the social state [8]. According to the World Bank, the level of spatial inequality in Russia is higher than in most similar economies [9]. Compared with other regions of the Far Eastern Federal District, the average monthly income in 2005–2020 in Yakutia was higher, which proves the effectiveness of the measures taken by the Government of the Republic of Sakha (Yakutia). In 2018, the consumer-purchasing power of nominal wages decreased in the country in general, in all federal districts, in the Republic, and very significantly in its Arctic economic zone. In 2017–2019, that the average monthly wage in the Arctic regions of Yakutia were below the national average by 4.8%. In the Arctic regions of Yakutia, the average consumer basket for the five-year period of 2015–2019 was by 69.3% higher than the national average. The average volume of social payments and the taxable money income of the population in the Arctic municipalities are lower than the national average by 3%. On average, in the Arctic regions of Yakutia, the prices for eggs are 80% higher than in the capital of the Republic, for potatoes — by 194%, for salt — by 186%, for milk (2,5–3,2% fat) — by 139,2%, because the volume of food deliveries with the state support remains low.

In 2020, the average share of the delivered food products compared to the rational nutrition norms for the Arctic zone of the Sakha Republic was: flour — 50.1%, sugar — 27.1%, salt — 8.3%, pasta — 16.9%, vegetable oil — 6.8%. The impact on the minimum price for these products was insignificant. In addition, food prices in the Arctic regions do not seem to depend on traditional factors in the developed competitive retail environment. The food market in the Arctic zone is characterized by peripheral location, difficult accessibility, and special features of the consumer behavior (natural exchange, traditional products, informal sector), which limits the possibilities of competition and determines the presence of state operators responsible for providing SIFP (primarily flour) and ensuring food security (physical and financial access to SIFP).

Despite unfavorable conditions for agriculture, high prices for food, goods and services, both in the Sakha Republic and in its Arctic zone, compared to other Russian regions, the average situation is not critical in terms of the food economic affordability. In general, transportation costs affect final consumer prices to a greater extent under certain seasonal and other natural factors, which can be leveled with the modernization of equipment used in the delivery of products to settlements, and of infrastructure for the long-term storage of food products. The reduction of final prices for the main foods products can be achieved only by increasing the capacity of the early food delivery, modernizing transport and storage infrastructure, implementing the state policy on healthy diet, and changing the unhealthy eating habits. Due to the complex multi-stage food delivery to the largest region of the country with the highest degree of transport and energy isolation and, thus, an underdeveloped infrastructure, none of the experience and

established practices of the entities of the Russian Federation in food provision to hard-to-reach areas can be applied. Therefore, one of the key conditions for a comprehensive system of food supply and its efficiency is a unified regulatory-legal framework at the federal level and a clear organizational structure applicable to hard-to-reach territories.

Funding

The work was carried out within the framework of the state program of the Republic of Sakha (Yakutia) “Development of the Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia) and Indigenous Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2020–2024” at the expense of the budget of the Republic of Sakha (Yakutia) allocated to the State Budget Institution “Arctic Research Center of the Sakha Republic (Yakutia)”.

References

1. Belkharoev Kh.U. Gosudarstvenno-pravovaja politika Rossii v obespechenii prodovolstvennoj bezopasnosti [Russian state-legal policy in ensuring food security]. *Lex Russica*. 2016; 6. (In Russ.).
2. Deklaratsija Vsemirnogo sammita po prodovolstvennoj bezopasnosti [Declaration of the World Summit on Food Security (Rome, November 16, 2009)]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009_declaration.pdf. (In Russ.).
3. Zvorykina Yu.V., Zvorykina E.I. Osobennosti vnedrenija biotekhnologij i optimizatsii severnogo zavoza dlja obespechenija produktami pitaniya v Arktike [Features of the introduction of biotechnology and optimization of the northern delivery to provide food in the Arctic]. *Rossijskaja Arktika*. 2018; 3. (In Russ.).
4. Larionov V.G. Prodovolstvennaja bezopasnost Rossii [Russia's food security]. *Prodovolstvennaja Politika i Bezopasnost*. 2015; 2 (1). (In Russ.).
5. Lomakin P.N. *Obespechenie prodovolstvennoj bezopasnosti Rossii: vnutrennie i mezhdunarodnye aspekty* [Ensuring Russia's Food Security: National and International Aspects]. Moscow; 2017. (In Russ.).
6. *Neravenstvo v potreblenii domashnih hozjajstv. Bjulleten o tekushhijh tendentsijah rossijskoj ekonomiki* [Inequality in Household Consumption. Bulletin on Current Trends in the Russian Economy]. Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Neustroeva A.B., Samsonova I.V., Malysheva M.S., Semenova L.A. Sovremennoe polozhenie traditsionnykh khozjajstv korennykh malochislennykh severnykh narodov v Respublike Sakha (Yakutija) [Current situation of traditional farms of indigenous Northern peoples in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*. 2020; 23 (3). (In Russ.).
8. *Preodolenie prostranstvennogo neravenstva. Kak snova sobrat sovetsky "pazl" v uslovijah rynochnoj ekonomiki* [Overcoming Spatial Inequality. How to Reassemble the Soviet “Puzzle” in the Market Economy]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities>. (In Russ.).
9. Rasporjazhenie Pravitelstva Rossijskoj Federatsii ot 26 janvarja 2017 g. No. 104-r “O perechne sub'ektov RF, territorii kotoryh odnosjatsja k neblagoprijatnym dlja proizvodstva selskohozjajstvennoj produkcii territorijam” [Decree of the Russian Government of January 26, 2017 No. 104-r “The list of subjects of the Russian Federation, the territories of which are unfavorable for agricultural production”]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71598770>. (In Russ.).
10. Stepanova K.M., Petrova L.V., Egorova V.R., Egorova G.F. Produkty mestnogo proizvodstva v strukture pitaniya naselenija arkticheskoj zony Jakutii [Local products in the structure of nutrition of the population in the Arctic zone of Yakutia]. *Vestnik AGATU*. 2021; 4. (In Russ.).

11. Trotsuk I.V., Nikulin A.M., Wegren S. Traktovki i sposoby izmerenija prodovolstvennoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii: diskursivnye i realnye protivorechija [Interpretations and dimensions of food security in contemporary Russia: Discursive and real contradictions]. *Mir Rossii*. 2018; 27 (1). (In Russ.).
12. Frolova I.V., Gazizova L.I. Munitsipalnaja vlast kak politichesky fenomen: rossijskoe prochtenie [Municipal authorities as a political phenomenon: A Russian interpretation]. *Vlast*. 2016; 24 (12). (In Russ.).
13. Khajrullina O.I. Otsenka finansovoj dostupnosti prodovolstvija: zarubezhny i otechestvenny opyt [Assessment of the food financial affordability: Foreign and national experience]. *Prodovolstvennaja Politika i Bezopasnost*. 2021; 8 (2). (In Russ.).
14. Shishigina A.N. Osnovnye napravlenija obespechenija ustojchivogo razvitija arkticheskoj zony Rossijskoj Federatsii (na primere Respubliki Sakha (Yakutija)) [The main directions for ensuring the sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Nauchnye Trudy Volnogo Ekonomicheskogo Obshhestva Rossii*. 2020; 226 (6). (In Russ.).
15. Shutkov A.A. Prodovolstvennaja politika: novye podkhody ee formirovanija v uslovijah rosta konkurentnoj borby na mirovyh rynkah [Food policy: New approaches to its ensuring under the growing competition in world markets]. *Prodovolstvennaja Politika i Bezopasnost*. 2019; 6 (2). (In Russ.).
16. Anderson K., Strutt A. Food security policy options for China: Lessons from other countries. *Food Policy*. 2014; 49.
17. Andronov S., Lobanov A., Popov A. et al. Changing diets and traditional lifestyle of Siberian Arctic indigenous peoples and effects on health and well-being. *Ambio*. 2021; 50 (11).
18. Bogdanova E., Andronov S., Morell I.A. et al. Food sovereignty of the indigenous peoples in the Arctic zone of Western Siberia: Response to covid-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020; 17 (20).
19. Capone R., Bilali H.E., Debs P. et al. Food system sustainability and food security: Connecting the dots. *Journal of Food Security*. 2014; 2 (1).
20. Caputo P., Ducoli C., Clementi M. Strategies and tools for eco-efficient local food supply scenarios. *Sustainability*. 2014; 6 (2).
21. Greaves W. Securing sustainability: The case for critical environmental security in the Arctic. *Polar Record*. 2016; 52 (6).
22. Leat P., Revoredo-Giha C., Lamprinopoulou C. Scotland's food and drink policy discussion: Sustainability issues in the food supply chain. *Sustainability*. 2013; 3.
23. Markova V.N., Alekseeva K.I., Neustroeva A.B., Potravnaya E.V. Analysis and forecast of the poverty rate in the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia). *Studies on Russian Economic Development*. 2021; 32 (4).
24. *Towards a Sustainable Food System*. Scientific Opinion No. 8. Brussels; 2020.
25. Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table*. Lanham; 2018.
26. Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security. *Eurasian Geography and Economics*. DOI: 10.1080/15387216.2021.2002170

Продовольственное обеспечение в Арктике: мнение муниципальных властей*

А.Б. Неустроева¹, А.Н. Шишигина²

¹Академия наук Республики Саха (Якутия)
просп. Ленина, 33, Якутск, 677000, Россия

²Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия)
ул. Курашова, 22, Якутск, 677000, Россия
(e-mail: aizok@mail.ru; schanan@yandex.ru)

Аннотация. Эксперты ООН справедливо отмечают, что «неравенство между разными регионами отдельной страны зачастую оказывается более значительным, чем неравенство между странами». В статье рассмотрены вопросы обеспечения продовольствием труднодоступных районов якутской Арктики на основе опроса муниципальных властей арктических районов Республики Саха (Якутия) о сложившейся ситуации и проблемах продовольственного обеспечения. В целом вопросы «северного завоза» — острейшая проблема для труднодоступных территорий России. Статья основана на результатах экспертного опроса — представителей муниципальных органов власти 10 из 13 арктических районов Якутии. Согласно полученным данным в большинстве поселков и сел арктических районов Якутии наблюдаются такие проблемы, как дефицит и узкий перечень завозимых продуктов, их низкое качество и высокие цены, отсутствие контроля за продовольствием, недостаточное обеспечение овощехранилищами и складами. В результате высоких цен на продукты питания в наиболее уязвимом положении оказываются малоимущие граждане, среди которых преобладают семьи с детьми. Несмотря на среднестатистические показатели экономической доступности продовольствия, транспортная доступность арктических районов Якутии критически низка. В этих районах стоимость продуктового набора потребительской корзины в среднем за пятилетний период оказалась значительно выше среднереспубликанских значений. Продовольственный рынок якутской Арктики весьма специфичен, прежде всего, вследствие периферийного географического положения и неразвитости транспортной инфраструктуры. Завоз значительных объемов продовольствия с участием регионального бюджета может влиять только на минимальные цены продуктов. Ситуация усугубляется отсутствием единой нормативно-правовой базы и организационной структуры для труднодоступных территорий, поэтому обеспечение их продовольственной безопасности требует дополнительных исследований и особых управленческих решений.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение; северный завоз; транспортная недоступность; социальное неравенство; Арктическая зона Российской Федерации; Якутия; экспертный опрос

Информация о финансировании

Работа подготовлена в рамках реализации государственной программы Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы» за счет средств бюджета Республики Саха (Якутия), выделенных ГБУ «Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия)»

* © Неустроева А.Б., Шишигина А.Н., 2022

Статья поступила 24.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-672-686

Социальные функции сельских фермеров (на примере Алтайского края)*

Е.А. Попов

Алтайский государственный университет
ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия
(e-mail: popov.eug@yandex.ru)

Аннотация. В статье акцент сделан на выделении социальных функций сельских фермеров. Значимость такого ракурса исследования объясняется возможностями переоценки социальных процессов, происходящих в современных селах России. Сложности сельского бытия предопределяют разные варианты оказания помощи сельчанам со стороны фермеров. Основная цель статьи — установить, какие социальные группы или общности могут принимать активное участие в повседневной сельской жизни и, таким образом, влиять на изменение системы ценностей односельчан, оказывая воздействие на последствия отчужденности и разобщенности людей. В ходе теоретического анализа было установлено, что сельские фермеры — социально-профессиональная группа, имеющая свои ценностные приоритеты, которые позволяют ей активно включаться в жизнь сельского социума. Включенность в решение проблем сельских поселений носит не только социально-экономический характер, но и морально-нравственный (помощь, поддержка, ответственность). В статье рассматривается эвристический потенциал понятия «социальная функция» применительно к оценке роли фермеров в повседневной жизни российских сел. Были проведены полуструктурированные интервью с сельскими фермерами Алтайского края — чтобы определить ключевые социальные функции, связанные с активными действиями представителей этой социально-профессиональной группы. В опросе приняли участие 66 мужчин-информантов разного возраста. Были оценены действия фермеров, направленные на консолидацию жителей сел, поддержку людей в трудной жизненной ситуации и расширение сотрудничества с органами местного самоуправления в решении значимых для села вопросов. На этом основании был выделен ряд социальных функций фермеров, которые свидетельствуют об особенностях и направлениях их деятельности в развитии сел, например, функция объединения жителей для выполнения общего дела, имеющего значение для улучшения жизни в сельской местности.

Ключевые слова: сельская территория; сельский фермер; социальные функции; консолидация; жизнестойкость

Российские села в современных условиях сталкиваются со множеством проблем, прежде всего, социально-экономического характера [4; 6; 16; 21; 22; и др.]. Однако возрастает и отчужденность в российских селах — их жители часто надеются только на свои силы и не могут в полной мере рассчитывать на помощь местного сообщества или органов местного самоуправления. Для

* © Попов Е.А., 2022

Статья поступила 13.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

эффективного развития села необходимо ставить и решать вопросы социальной сплоченности и консолидации, поэтому в статье рассматривается роль сельских фермеров не столько в экономическом плане, сколько в социальном — социальные функции фермеров могут серьезным образом способствовать интеграции односельчан и совместному решению актуальных проблем сельской жизни.

Некоторые исследователи отмечают значимость построения солидарного локального социума в современных условиях, для чего необходима «формулировка смыслов, ценных для большинства населения региона и основанных на культурно-исторических традициях; развитие духовности, патриотизма, позитивного мышления; утверждение идеи социальной справедливости как ведущего принципа взаимоотношений между людьми, органами власти и населением; социальная активность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем; диалог органов управления и гражданского общества» [28. С. 27]. Социальные функции сельских фермеров отчасти направлены на эти принципы формирования локального сельского социума, но главная их задача состоит в интеграции людей, минимизации последствий отчужденности, безнадежности и безответственности, которые порождают кризис сельского бытия и мешают развитию российских сел.

Очевидно, что любой фермер в сельской местности решает, прежде всего, задачи личного характера и выполняет функции экономического свойства — он является предпринимателем, который развивает сельское хозяйство или промышленное производство, тем самым внося вклад в развитие конкретного села посредством выплаты налогов и создания рабочих мест. С другой стороны, фермер, являясь частью локального сельского социума, не может оказаться безразличным к судьбе родного села и его жителей. К тому же его дети могут ходить в местную школу, а члены семьи — трудиться в сельских коллективах, поэтому он становится актором сельского бытия. В этом статусе, имея доступ к экономическим ресурсам, занимая активную социальную позицию (например, для решения задач «на благо села»), фермер способен многое осуществить для лучшей жизни односельчан и укрепления местного сообщества.

По российскому законодательству крестьянское (фермерское) хозяйство «представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии» (ФЗ № 74 от 11.06.2003 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»). Здесь акцент сделан на родственных отношениях, которые могут «усиливать» влияние фермера на социальную жизнь односельчан, поскольку расширяется вовлеченность

людей в фермерскую деятельность, а помимо родственников это могут быть и «граждане, не состоящие в родстве с главой фермерского хозяйства» (ст. 3). Если исходить из того, что «в России село наряду с сельскохозяйственными функциями выполняет ряд важнейших социальных функций: осуществляет социальный контроль над территориями, сохраняет народные культуры, решает вопросы рационального размещения населения в регионах, проблемы продовольственной безопасности страны и т.д.» [25. С. 198–199], то возрастает роль каждого жителя. Но для решения этих задач необходима интеграция, заинтересованность и возможности для выполнения селом своего предназначения. У фермера имеются для этого и основания, и возможности.

Таким образом, в условиях развития сельского социума происходит разобщенность односельчан, что затрудняет решение актуальных для села задач, но в то же время реализация социальных функций сельских фермеров может способствовать интеграции жителей, а значит, усилению их активности в вопросах улучшения сельского бытия. Выявление таких социальных функций фермеров позволяет взглянуть на активизацию сельского социума не столько в преобладающем социально-экономическом ключе, сколько в системе ценностных приоритетов жителей сел.

В изучении социальных функций фермера имеет смысл руководствоваться несколькими методологическими векторами — наработками социологии села и направления, в основе которого лежит исследование качества жизни. Акцент также сделан на рассмотрении фермерства как социально-профессиональной группы.

В рамках социологии села методологические стратегии «опираются преимущественно на институциональные и феноменологические подходы» [20. С. 207]. В частности, исследователи все чаще обращают внимание на отчуждение или, напротив, возможности интеграции (консолидации) населения для решения актуальных задач, характерных для определенной местности или типичных для большинства сел России [7; 11; 14]. Нередко высказываются суждения о предпосылках и последствиях «разложения крестьянства» [2], выживания «униженного класса российского крестьянства» [5], распада крестьянского мира [1. С. 45] и в конечном итоге «раскрестьянивания» — ценностно-смысловой и социально-экономической трансформации крестьянства [8]. На фоне серьезных изменений сельского бытия и крестьянства можно предположить, что фермерство способствует в той или иной степени как интеграции людей, так и помощи селу в развитии. При этом авторы указывают и на сложности, с которыми сталкиваются фермеры: проблемы с арендой земли, отсутствие профессионального образования у нанимаемых работников и т.д. [18].

К числу важных вопросов, рассматриваемых в социологии села, следует отнести «специфичность момента трансформации российского села, когда уходят традиционные формы хозяйствования, исчезают привычные

контуры социальной структуры и вместе с ними крестьянский дух и образ жизни» [19. С. 661]. В силу того, что сельская жизнь прочно связана с землей, коллективным и домашним хозяйством, у жителей сел складываются соответствующие ценностные стереотипы, которые формируют отношение к труду и сельскому бытию. «Специфика ценностных ориентаций сдерживает рост товарности сельхозпроизводства и модернизацию аграрной институциональной системы» [10. С. 178]. Вероятно, это связано с тем, что жители сел прежде всего готовы к труду на своей земле, приносящей им продукты питания, которые затем могут быть реализованы ими по своему усмотрению с получением прибыли или средств существования. Между тем труд на чужой земле (например, принадлежащей агропредприятию или фермеру) несколько нивелирует ценностные ориентации жителей сел, что рассматривается как сдерживающий фактор аграрного развития. Но главной причиной остается «низкая доходность сельскохозяйственного производства и труда» [23. С. 27]. В социокультурном плане важны «процессы социальной аномии, связанные с эксклюзией части сельчан из-за изменений в организации труда и утраты позитивной профессиональной идентификации» [27. С. 77].

С точки зрения проблематики качества жизни важна связь его оценок с эффективностью социально-экономической политики [12]. Однако в исследовании социальных функций фермеров важен и другой аспект — как проявление социальной активности фермеров влияет на возможности развития села и улучшение жизни односельчан: можно говорить о повышении качества жизни жителей села, если социальные функции фермеров направлены на помощь селу. Некоторые исследования показывают, что жители «будут участвовать в общественной жизни и в мероприятиях, организованных по месту жительства, если это даст возможность благоустроить территорию, улучшить качество жизни местного населения» [17. С. 547]. При этом у жителей сел возникает «традиционалистская жизненная модель», которая предполагает «удовлетворенность весьма скромного и бедного набора потребностей для общего довольства своей жизнью» [25. С. 24]. Это характерно для сельского бытия, но в то же время «нынешняя ситуация в стране не позволяет большинству россиян в достаточной степени реализовывать те жизненные модели, к которым они стремятся. А это, в свою очередь, не позволяет им воспринимать свою жизнь позитивно» [25. С. 32]. Немаловажно, что «субъективная оценка качества жизни тесно коррелирует с личностными и психологическими особенностями людей» [26. С. 39]. В этой связи реализация социальных функций фермеров в условиях роста проблем сельского бытия может повлиять не только на ценностные установки односельчан и изменить их отношение к селу и в целом к жизни в лучшую сторону, но и снять или минимизировать психологические и личностные сложности, оказывающие воздействие на качество жизни.

В понимании приоритетов улучшения сельского бытия имеет значение и идентификация фермерства как социально-профессиональной группы. «Перспективность фермерства определяется его преимуществами: во-первых, главным стимулом в трудовой деятельности является личный интерес, который устраняет промежуточные звенья между работником, средствами производства и результатами труда; во-вторых, по своей организационной структуре наиболее полно используется специфика сельского образа жизни, заключающаяся в локальности поселенческих структур села и единстве производственной, бытовой и культурной сфер жизнедеятельности; в-третьих, данная форма создает в сельском хозяйстве единые условия жизни, цели и интересы для всех членов семьи, выступая ее консолидирующим фактором» [3. С. 31]. Консолидирующий фактор является одним из определяющих в понимании социальных функций фермеров — их социальная деятельность направлена на интеграцию жителей в решении актуальных проблем повседневной сельской жизни. Повышается в связи с этим и социальная ответственность фермерства — она «имеет ярко выраженное социально-ориентированное понимание, согласно которому бизнес не может не быть сегодня в России социально ответственным, не может не реализовывать социальные проекты хотя бы потому, что и сам в этом заинтересован, и вынужден соответствовать требованиям власти и ожиданиям населения» [30. С. 8]. Социальные проекты характерны для фермеров, и в их реализации проявляются не только социальные функции, но и особенности данной социально-профессиональной группы: активность, целеустремленность, экономический расчет, социальная ответственность и др. В этих чертах зарубежные исследователи усматривают в фермерстве совмещение двух полюсов: экономического — с ориентацией на бизнес-кейсы — и ценностного — связанного с формированием установок на коллективизм, взаимопомощь, сотрудничество [32; 34; 35].

С учетом концептуализации социальных функций сельских фермеров необходимо рассмотреть понятие «социальная функция». Можно выделить два основных подхода: 1) это «некоторые устойчивые характеристики объекта, совокупность которых дает общее представление о месте того или иного объекта или процесса в происхождении, существовании, развитии глобального целого, а также о взаимосвязи и зависимости его составляющих» [24]; важное значение имеет устойчивость характеристик, которые соотносятся с общественными отношениями; 2) это инструмент эффективного достижения значимых для общества или его групп целей, которые обеспечивают конкретные результаты [33. С. 70–72]. Социальные функции выделяются в системе разных явлений и процессов, но могут быть связаны с деятельностью или действиями конкретных субъектов. Поэтому, если мы говорим о социальных функциях фермеров, то имеем в виду оценку их систематических действий, направленных на изменения конкретной ситуации в лучшую сторону, что подтверждается результатами эмпирических исследований (Табл. 1).

Совокупность приведенных индикаторов позволяет дать оценку систематическим действиям сельских фермеров, направленным на улучшение повседневной жизни односельчан, включая общие усилия по решению проблем отчуждения или разобщенности, оказанию поддержки в трудных жизненных ситуациях, а также взаимодействие с органами власти для реализации социально значимых проектов на селе.

Таблица 1

Содержание понятия «социальная функция сельских фермеров»

Показатели	Переменные	Индикаторы
Отношение к взаимному решению проблем	Действия, направленные на консолидацию жителей	Интеграция сельского сообщества
Отношение к повседневной жизни	Оказание поддержки людям в трудной жизненной ситуации	Жизнестойкость сельского социума
Отношение к системе управления	Расширение сотрудничества с субъектами по решению значимых для села вопросов	Взаимодействие с органами местного самоуправления

Эмпирическое исследование «Сельский фермер: социальная активность и социальное партнерство» было проведено на базе Алтайского государственного университета в течение 2019–2021 годов. Основной метод — полуструктурированные интервью с сельскими фермерами (опрошено 66 фермеров из разных сельских районов): средний возраст — 43 года, высшее образование имели 40 человек, среднее профессиональное — 19, среднее — 7. Все фермеры — мужчины, средний стаж фермерской деятельности — 7 лет. Период постоянного проживания в сельской местности составил в среднем более 5 лет. Отбор сельских фермеров велся с учетом времени проживания на селе и опыта фермерства, поскольку для выявления социальных функций фермеров необходима оценка их активного участия, например, в интеграции сельского социума, что требует активной включенности фермеров в местные сообщества, а она формируется в течение определенного времени. В гайде интервью были отражены три основных тематике: 1) состояние сельского сообщества и роли фермеров в развитии сельской местности; 2) ключевые проблемы жителей и возможности фермеров в поддержке и помощи односельчанам; 3) отношения фермеров и органов власти.

По мнению исследователей, сельское сообщество — «определенная социальная общность, отличающаяся как уровнем экономического развития, так и спецификой психологического климата. Это прежде всего слабая формализация социальных ролей и контактов, превалирование персонифицированных отношений между людьми (межличностных, родственных, соседских), внутригруппового контроля, традиций и обычаев, сила местных авторитетов и контроля со стороны семьи (либо односельчан), отсутствие анонимности» [3. С. 33]. Многие в консолидации жителей сел и минимизации отчужденно-

сти могут решить социально-профессиональные группы — они проявляют заметную активность и связаны, как правило, с субкультурой интеллигенции. Традиционно к таким группам причисляют сельских учителей, медиков, работников сферы культуры. Но если активность или гражданская позиция односельчан могут быть подкреплены, например, финансово, то это, вероятно, увеличит возможности реализации инициатив, направленных на улучшение жизни на селе. Сельские фермеры имеют такие возможности и, кроме того, способствуют снятию социальной напряженности, создавая трудовые места, культивируя и сохраняя аграрные угодья и т.д. Но социальные функции фермеров проявляются и в том, как представители данной группы влияют на интеграцию социума, необходимую для сохранения его устойчивости и развития.

Фермеры отмечают, что их вклад в интеграцию сельского социума связан, прежде всего, с осознанием необходимости совместного решения актуальных проблем: *«трудно быть одному на селе, здесь каждого касаются даже мелкие проблемы, которые могут стать большими, и с ними будет трудно бороться»; «всегда приходится звать людей, обращаться к ним, чтобы они не были пассивными, чтобы, кто как сможет, помогали обустроить наше село»; «я думаю, что только сообща можно как-то улучшить эту жизнь, да, это сложно, но у нас нет другого выхода».* В ходе эмпирического исследования были выявлены две основные функции сельских фермеров, направленные на интеграцию односельчан и повышение эффективности совместных усилий в решении конкретных вопросов: функция трудовой консолидации и функция социально-культурного взаимодействия.

Первая функция прослеживается в действиях почти всех информантов — она касается не только создания рабочих мест, что является неотъемлемой частью фермерской деятельности, но и организации совместной трудовой деятельности по облагораживанию территории, ремонту или строительству значимых помещений (школа, библиотека, медпункт и др.), обеспечению обучающихся или пациентов горячим питанием и т.д. Так, например, в районном центре Тальменка местные фермеры сначала принимали участие в сборе подписей населения для сохранения парковой зоны, а позже стимулировали жителей для совместного обустройства парка. В поселке Троицком фермер не только выделил средства на ремонт клуба, но и направил бригаду работников, которой руководил лично. Примеров такого рода довольно много — все информанты готовы помочь своему селу и включиться в конкретные дела вместе с односельчанами. Результаты взаимодействия фермеров с жителями сел оценивались респондентами позитивно, и функция трудовой консолидации может быть признана одной из основных во взаимодействии односельчан и в уменьшении последствий отчужденности и разобщенности жителей: *«если мы все помогаем своему селу, то оно, конечно, становится лучше, но я думаю, что и сами люди меняются в хорошую сторону»; «так просто наших людей не со-*

берешь на благое дело, приходится поработать над этим, но результат важен: люди становятся ответственнее, и это иногда может улучшать ситуацию»; «мне кажется, что, когда мы работаем вместе не просто ради денег, а чтобы оставить что-то детям и своему селу, то результат получается более значимым, а люди становятся как бы ближе друг другу».

Для интеграции сельского социума важна и функция социально-культурного взаимодействия. В российских селах коллективный досуг ограничен: не везде есть клубы, библиотеки и школы, поэтому жителям приходится решать проблемы культурного досуга, исходя из своих возможностей и желаний. В этих случаях нужен человек, который бы смог организовать мероприятие, связанное с досугом, воспитанием детей и молодежи, просвещением. Информанты неоднократно подчеркивали, что готовы выходить с инициативами или способствовать реализации социально-культурных проектов: *«после трудовых будней всегда нужно подумать об отдыхе, о каких-то культурных вещах, но у нас немного вариантов»; «лично я всегда за то, чтобы у нас прилично было с воспитанием детей, да и взрослых нужно приобщать к культуре»; «я несколько раз предлагал мероприятия, мы их организовывали, проводили, они собирали много народа, да почти все село приходило, это помогает нам жить»* и т.д.

Таким образом, роль фермеров в интеграции сельского сообщества заключается в стимулировании и организации совместной трудовой деятельности односельчан, направленной на улучшение жизни на селе, а также в реализации социально-культурных проектов. К числу последних можно, например, отнести организацию фермером из села Налобиха совместных поездок односельчан в городские театры, фермер из поселка Табуны создал шахматный клуб для детей и взрослых и т.д.

По мнению исследователей, для крестьянства в целом характерна «вселенская печаль» [9. С. 90], высокая степень пессимистичности [27. С. 72] или «пассивная жизненная позиция» [13. С. 84]. Данные состояния увеличивают степень отчужденности людей, поэтому важно способствовать снижению инертности и вовлечению односельчан в жизнь села. Роль фермеров здесь может оказаться определяющей. По результатам эмпирического исследования были установлены две социальные функции — функция поддержки односельчан в трудной жизненной ситуации и функция общего дела. У сельских фермеров имеется больше возможностей для оказания помощи односельчанам и в экономическом плане, и в моральном: *«каждый год у нас что-то происходит не очень хорошее, какие-то негативные события, но я никогда не остаюсь в стороне от помощи людям»»; «я могу помочь любому, кто ко мне обратится, но я должен понимать, в какой ситуации оказался человек и как его поддержать»; «трудных жизненных ситуаций на селе хоть отбавляй, но жители могут на меня рассчитывать, если нужна помощь, я всегда помогу и финансово, и морально».*

Поддержка односельчан в трудной жизненной ситуации не просто снижает масштаб отчужденности, но и формирует событийные «кейсы» взаимодействия фермеров и жителей. Например, к особым событиям участники исследования отнесли тяжелые последствия пожаров и утраты имущества, что нередко происходит на селе, поскольку в сельской местности сохраняется печное отопление и часто происходят пожары. Поддержка односельчан часто была не одноразовой — в виде какой-либо выплаты, а многоэтапной, включая помощь в постройке нового жилья, приобретении мебели, одежды и бытовых приборов. Большинство информантов вынуждены помогать людям в трудной жизненной ситуации, связанной с последствиями пожаров.

Распространенным объектом реализации функции поддержки односельчан являются многодетные семьи. Как правило, такие семьи часто оказываются в тяжелой жизненной ситуации, поскольку испытывают сложности с трудоустройством, доступом к медицинской помощи, содержанием жилья и домашнего хозяйства и т.д. Фермеры оказывают помощь в подготовке детей в школе, предлагают родителям дополнительные возможности заработка, нередко привлекают органы местного самоуправления к активной помощи семье: *«невозможно пройти мимо такой проблемы, но что делать, если родители не могут поднять детей, лично я не могу равнодушно относиться к этому»; «приходится ломать голову, как помочь этим семьям, иногда это вполне хорошие семьи, но встречаются и неблагополучные, но их тоже не бросишь».*

Функция поддержки односельчан в трудной жизненной ситуации связана и с другой функцией, которая «привязана» к деятельности сельских фермеров, — функцией общего дела. Ее реализация оказывает воздействие на консолидацию сельского социума, совместное решение актуальных проблем села, вовлеченность в поддержку односельчан и активное взаимодействие с органами власти. Общее дело, как выразились некоторые участники исследования, не только объединяет людей, но и дает возможность почувствовать заботу друг о друге и ответственность за свою жизнь и жизнь других людей. Общее дело понимается фермерами как событие, которое привлекает большую часть села или даже всех жителей: *«оно никого не оставляет равнодушным»*, *«проверяет людей на прочность во всех смыслах»*, *«почти роднит»*. Функция общего дела определяет особую роль фермеров в укреплении жизнестойкости сельских жителей — фермеры инициируют общее дело, принимают в нем участие вместе со своими семьями, оценивают его влияние на консолидацию сельского социума: *«важно, чтобы каждый человек понимал, что сообща мы можем менять нашу жизнь, и это может дать нам силы»*; *«когда люди не понимают друг друга, не понимаю, как жить дальше, их нужно чем-то заинтересовать серьезным, тогда они поймут, что к чему»*; *«наше общее дело — это, во-первых, приобщить всех жителей нашего села, а во-вторых, сделать жизнь лучше, хоть как-то повлиять на из-*

менение в лучшую сторону». Каждый информант привел примеры общих дел и высоко оценил их результаты: «люди стали заметно добрее», «чувствовалось, как мы выступаем единым фронтом». Например, в поселке Хабары при активном участии фермеров было организовано волонтерское движение, в которое в разное время были включены многие жители села и близлежащих поселений, помогая людям в трудных жизненных ситуациях.

Функции сельских фермеров, связанные с поддержанием жизнестойкости односельчан, зависят от ориентации фермеров на традиционные для села ценностные приоритеты: «если я не помогу, то кто это сможет сделать, мы все здесь вместе, поэтому если выступить единым фронтом, то многие проблемы можно решить»; «наши семьи из поселка знают, что я готов прийти им на помощь, потому что семья для нас всех, жителей села, имеет важное значение». При участии фермеров у односельчан может быть «зафиксирован значимый положительный сдвиг в сторону достиженческих принципов жизни» [31. С. 102].

Влияние органов власти на развитие сельских территорий велико — от их решений зависит организация повседневной жизни односельчан. Но если в процессы принятия ответственных (а, возможно, и судьбоносных) решений включаются сельские активисты, то эффективность действий власти возрастает. Формы взаимодействия фермеров и власти различны, но прежде всего это инициативы, направленные на улучшение жизни на селе и развитие сельского поселения. Такие инициативы носят как социально-экономический характер, так и социально-гуманитарный — это реализация проектов, направленных на консолидацию сельского социума и улучшение жизни односельчан, т.е. речь идет о функции инициативного взаимодействия сельских фермеров с системой управления.

Как показали результаты исследования, более половины информантов позитивно оценивают взаимодействие с органами власти и выделяют два основных направления такого сотрудничества: 1) инициирование социально значимых проектов и активное участие в продвижении инициатив: «конечно, я понимаю, что у местной власти ресурсов не много, но наши инициативы не остаются без ответа»; «в нашем селе мы дружим с властью, и это помогает в решении проблем, не всех, но тех, которые понятны людям и затрагивают их жизнь»; «я часто захожу в нашу управу, потому что есть некоторые идеи о том, как улучшить что-то в нашем поселке, мы думаем, как бы это воплотить на практике, не сразу, но кое-что получается»; 2) взаимодействие по вопросам развития села на уровне выполнения решений органов местного самоуправления: «если ко мне обратится наша администрация, я не откажусь, сделаю, что возможно»; «я думаю, что если от нашей местной власти исходят инициативы, значит, она имеет рычаги для этого, но без помощи односельчан вряд ли что-то можно дельное придумать»; «хотелось бы, конечно, чтобы наши органы власти побольше делали для села, но и мы готовы

помогать, я думаю, что жители тоже это понимают и идут навстречу». В качестве примера можно привести участие фермеров в инициировании и разработке проекта рекреационной зоны в селе Фоминское, а затем и его реализации при поддержке органа местного самоуправления. В селе Знаменка местная администрация запланировала открытие при сельском клубе библиотеки, и фермер вместе с жителями активно включился в этот процесс.

Таким образом, эффективность реализации значимых проектов на селе может возрастать при участии сельских фермеров, если они взаимодействуют с органами местного самоуправления, причем они нередко сами обращаются в администрации поселений с инициативами по развитию села. Все респонденты подчеркнули необходимость такого взаимодействия, но также обратили внимание на то, что органы власти обращаются к ним за помощью довольно часто, и многие фермеры идут на сотрудничество, понимая важность предлагаемых решений для улучшения жизни на селе. Фермеры рационально оценивают проблемы развития села и рассматривают экономический фактор как один из ключевых, однако в своих действиях руководствуются и морально-нравственными принципами, оказывая разностороннюю помощь и поддержку односельчанам. Фермеры активно выступают за согласованное взаимодействие с жителями сел для преодоления сложных социальных проблем частного и общественного характера, а также сотрудничают с органами местного самоуправления в реализации социально значимых проектов на селе.

Библиографический список

1. *Анисимов Р.И.* Социально-экономическая трансформация смысла жизненного мира российских крестьян // *Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
2. *Бессокирная Г.П.* Происходит ли «разложение крестьянства» в реформирующейся России? // *Социологические исследования*. 2014. №6.
3. *Боконтаева Д.К.* Фермеры как социально-профессиональная группа // *Социологические исследования*. 1998. №3.
4. *Бондаренко Л.В.* Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // *Социологические исследования*. 2016. №3.
5. *Буздалов И.Н.* Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства // *Вопросы экономики*. 2011. №4.
6. *Великий П.П.* Смыслы духовной жизни сельских жителей // *Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
7. *Великий П.П.* Хозяйства сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // *Социологические исследования*. 2019. №12.
8. *Великий П.П., Бочарова Е.В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // *Социологические исследования*. 2012. №1.
9. *Виноградский В.Г.* Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // *Социологические исследования*. 2015. №12.
10. *Жвителишвили А.Ш.* Институциональная динамика российского села: историко-социологический взгляд // *Вестник Института социологии*. 2011. №3.
11. *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Новая парадигма сельского развития // *Мир России*. 2009. №2.

12. *Кислицына О.А.* Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4.
13. *Конов Ю.М., Белоножко М.Л., Барбаков О.М.* Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области // Социологические исследования. 2016. № 3.
14. *Кузьмин С.А.* О трансформации деревенского уклада и судьбах сельскохозяйственного производства в России // Мир России. 2007. № 1.
15. *Мареева С.В.* Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3.
16. *Мареева С.В.* Уровень и качество жизни // Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / Ред.: М.К. Горшков, В.В. Петухов. М., 2017.
17. *Мерсиянова И.В.* Институты самоорганизации по месту жительства и качество жизни населения // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 7. № 4.
18. *Муханова М.Н.* Занятость сельского населения России в неформальном секторе // Россия и современный мир. 2016. № 4.
19. *Муханова М.Н.* Занятость сельян в неформальном секторе на рынке труда АПК // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории / Отв. ред.: А.Г. Иванов, А.А. Иванов. Йошкар-Ола, 2018.
20. *Муханова М.Н.* Обзор методологических подходов к анализу трансформации аграрного рынка труда в современной России // Вестник Института социологии. 2021. № 36.
21. *Муханова М.Н., Жвителишвили А.Ш., Бессокирная Г.П.* Российское село: социально-структурные процессы от прошлого к настоящему. М., 2014.
22. *Освальд И.* Индустриализированная деревня. К трансформации сельского образа жизни в постсоциалистических обществах // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Ред.: Е. Богданова, О. Бредникова. СПб., 2013.
23. *Скальная М.М., Тарасов Н.Г., Козлов М.П., Эрюкова И.Д.* Социально-экономический портрет фермера // Никоновские чтения. М., 2013.
24. *Титаренко Л.Г.* Социальная функция // URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/203/socialnaya-funkciya.htm>.
25. *Тихонова Н.Е.* Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3.
26. *Токарская Н.М., Марасанова А.А.* О качестве жизни населения Иркутска // Социологические исследования. 2015. № 6.
27. *Тощенко Ж.Т.* Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социологические исследования. 2018. № 2.
28. *Тулузакова М.В.* Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 2.
29. *Хазуров А.А.* Структура сельского расселения. Тенденции и проблемы развития // Вестник Института социологии. 2011. № 3.
30. *Чирикова А.Е.* Социальная ответственность бизнеса: должник, благодетель, партнер // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4.
31. *Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Балабанова Е.С.* Тенденции духовно-нравственного развития жителей сел Белгородской области (опыт институционального анализа) // Социологические исследования. 2017. № 12.
32. *Köpfer J.* Neue Möglichkeiten für die soziale Verantwortung des Geschäfts im Agrarsektor der wirtschaftlichen Entwicklung des Auslands. Berlin, 2002.
33. *Meckford T.* Social Characteristics of the Most Relevant Social Transformations in the Conditions of Post-Capitalism. N.Y., 2001.

34. *Mirsky F.* Agrarian Policy and Mechanisms for the Formation of Values of Workers Engaged in Agriculture. Chicago, 2008.
35. *Prassman O., Vikkenti I.* Village Life and the Image of a Villager: Integration, Quarrels, Business and Projects. San Francisco, 2011.

Social functions of rural farmers (on the example of the Altai Region)*

E.A. Popov

Altai State University
Dimitrova St., 66, Barnaul, 656049, Russia
(e-mail: popov.eug@yandex.ru)

Abstract. The article focuses on the social functions of rural farmers. The significance of this perspective is determined by the possibilities of reevaluating social processes in the contemporary Russian countryside. Features of rural life predetermine various options for rural farmers to support villagers. The article aims at identifying those social groups and communities that can take an active part in everyday rural life, thus, changing the value system of the village and affecting the consequences of alienation and disunity. The theoretical analysis allowed the author to define rural farmers are a social-professional group with specific value priorities which lead to its active participation in the life of rural society. Such an involvement in solving the problems of rural settlements is of both social-economic and moral nature (help, support, responsibility). The article considers the heuristic potential of the concept ‘social function’ in assessing the role of farmers in the daily life of Russian villages. The author conducted semi-structured interviews with farmers in the Altai Region — to identify the key social functions associated with the activities of the representatives of this social-professional group. The author interviewed 66 male farmers of different age to assess their actions for consolidating the villagers, supporting people in difficult life situations, and expanding cooperation with the local government to solve the most important tasks of rural settlements. Based on the empirical data, the author identifies a number of social functions of farmers, which explain the features and directions of their activities in the development of Russian villages.

Key words: rural area; rural farmer; social functions; consolidation; resilience

References

1. Anisimov R.I. Sotsialno-ekonomicheskaya transformatsiya smysla zhiznennogo mira rossijskih krest'yan [Social-economic transformation of the life-world meaning for the Russian peasants]. *Smysly selskoj zhizni (Opyt sociologicheskogo analiza)*. Moscow; 2016. (In Russ.).
2. Bessokirnaya G.P. Proiskhodit li “razlozhenie krest'yanstva” v reformiruyushchejsya Rossii? [Is there a “decomposition of the peasantry” in reforming Russia?]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2014; 6. (In Russ.).
3. Bokontaeva D.K. Fermery kak sotsialno-professionalnaya gruppa [Farmers as a social-professional group]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1998; 3. (In Russ.).
4. Bondarenko L.V. Razvitie selskih territorij Rossii: otsenki, mneniya, ozhidaniya [Development of the Russian rural areas: Estimates, opinions, expectations]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 3. (In Russ.).

* © E.A. Popov, 2022

The article was submitted on 13.03.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

5. Buzdalov I.N. Razvitie selskih territorij Rossii: Unizhenny klass: o sotsialnom statuse i ekonomicheskom polozhenii rossijskogo krestyanstva [Humiliated class: The social status and economic situation of the Russian peasantry]. *Voprosy Ekonomiki*. 2011; 4. (In Russ.).
6. Veliky P.P. Smysly duhovnoj zhizni selskih zhitelej [The meanings of the spiritual life of rural residents]. *Smysly selskoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)*. Moscow; 2016. (In Russ.).
7. Veliky P.P. Khozyaeva selskih podvorij: differentsiatsiya, problemy, budushchee [Owners of rural farmsteads: Differentiation, problems, future]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 12. (In Russ.).
8. Veliky P.P., Bocharova E.V. Raskrestyanivanie kak indikator destruktivnoj transformatsii rossijskoj agrosfery [Depeasantization as an indicator of the destructive transformation of the Russian agrarian sphere]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012; 1. (In Russ.).
9. Vinogradsky V.G. Krestyansky mir v diskurse pokolencheskoj pechali [Peasant world in the discourse of generational sadness]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12. (In Russ.).
10. Zhvitiashvili A.S. Institutsionalnaya dinamika rossijskogo sela: istoriko-sotsiologicheskyy vzglyad [Institutional dynamics of the Russian village: A historical-sociological approach]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2011; 3. (In Russ.).
11. Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. Novaya paradigma selskogo razvitiya [A new paradigm of rural development]. *Mir Rossii*. 2009; 2. (In Russ.).
12. Kislitsyna O.A. Natsionalny indeks kachestva zhizni (blagopoluchiya) kak instrument monitoringa effektivnosti sotsialno-ekonomicheskoy politiki v Rossii [National index of life quality (well-being) as a means for monitoring the effectiveness of the social-economic policy in Russia]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2017; 15 (4). (In Russ.).
13. Konev Yu.M., Belonozhko M.L., Barbakov O.M. Sotsialnye nastroeniya selskih zhitelej yuga Tyumenskoj oblasti [Social mood of rural residents in the south of the Tyumen Region]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 3. (In Russ.).
14. Kuzmin S.A. O transformatsii derevenskogo uklada i sudbah sel'skokozyajstvennogo proizvodstva v Rossii [On the transformation of the rural way of life and the fate of agricultural production in Russia]. *Mir Rossii*. 2007; 1. (In Russ.).
15. Mareeva S.V. Neravenstvo zhiznennykh shansov rossiyan v sfere balansa zhizni i truda [Inequality of the Russians' life chances in the life-work balance]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 3. (In Russ.).
16. Mareeva S.V. Uroven i kachestvo zhizni [Level and quality of life]. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Book 5. Moscow; 2017. (In Russ.).
17. Mersiyanova I.V. Instituty samoorganizatsii po mestu zhitelstva i kachestvo zhizni naseleniya [Institutions of self-organization at the place of residence and the quality of life]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2010; 7 (4). (In Russ.).
18. Mirsky F. *Agrarian Policy and Mechanisms for the Formation of Values of Workers Engaged in Agriculture*. Chicago; 2008.
19. Mukhanova M.N. Zanyatost selskogo naseleniya Rossii v neformalnom sektore [Employment of the rural population of Russia in the informal sector]. *Rossiya i Sovremennyy Mir*. 2016; 4. (In Russ.).
20. Mukhanova M.N. Zanyatost selyan v neformalnom sektore na rynke truda APK [Employment of villagers in the informal sector of the labor market in the agrarian-industrial complex]. *Rossiyskoe krestyanstvo i selskoye khozyaystvo v kontekste regionalnoy istorii*. Yoshkar-Ola; 2018. (In Russ.).
21. Mukhanova M.N. Obzor metodologicheskikh podhodov k analizu transformatsii agrarnogo rynka truda v sovremennoj Rossii [Review of methodological approaches to the analysis of the transformation of the agrarian labor market in contemporary Russia]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2021; 36 (In Russ.).
22. Mukhanova M.N., Zhvitiashvili A.S., Bessokirnaya G.P. *Rossiyskoe selo: sotsialno-strukturnye protsessy ot proshlogo k nastoyashchemu* [Russian Village: Social-Structural Processes from the Past to the Present]. Moscow; 2014. (In Russ.).

23. Osvald I. Industrializirovannaya derevnya. K transformatsii selskogo obraza zhizni v postsocialisticheskikh obshchestvakh [An industrialized village. On the transformation of the rural lifestyle in post-socialist societies]. *Vdali ot gorodov. Zhizn postsovetskoy derevni*. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
24. Skalnaya M.M., Tarasov N.G., Kozlov M.P., Eryukova I.D. Sotsialno-ekonomichesky portret fermera [Social-economic portrait of the farmer]. *Nikonovskie chteniya*. Moscow; 2013. (In Russ.).
25. Titarenko L.G. Sotsialnaya funktsiya [Social function]. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/203/socialnaya-funkciya.htm>. (In Russ.)
26. Tikhonova N.E. Udovletvorennost rossiyan zhiznyu: dinamika i faktory [Satisfaction of Russians with life: Dynamics and factors]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2015; 3. (In Russ.).
27. Tokarskaya N.M., Marasanova A.A. O kachestve zhizni naseleniya Irkutsk [On the quality of life of the population of Irkutsk]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 6. (In Russ.).
28. Toshchenko Z.T. Osobennosti zhiznennogo mira selskih zhitelej Rossii [Features of the life world of rural residents in Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 2. (In Russ.).
29. Tuluzakova M.V. Strategiya formirovaniya solidarnogo obshchestva: praktika, sotsialnye riski i perspektivy [Strategy for developing a solidary society: Practice, social risks and prospects]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2014; 14 (2). (In Russ.).
30. Khagurov A.A. Struktura selskogo rasseleniya. Tendentsii i problemy razvitiya [Structure of rural settlement. Trends and problems of development]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2011; 3. (In Russ.).
31. Chirikova A.E. Sotsialnaya otvetstvennost biznesa: dolzhnik, blagodel, partner [Social responsibility of business: Debtor, benefactor, partner]. *Nauka i Obrazovanie: Khozyajstvo i Ekonomika; Predprinimatelstvo; Pravo i Upravlenie*. 2016; 4. (In Russ.).
32. Efendiev A.G., Gogoleva A.S., Balabanova E.S. Tendentsii duhovno-nravstvennogo razvitiya zhitelej sel Belgorodskoj oblasti (opyt institutsionalnogo analiza) [Trends in the spiritual-moral development of the villagers in the Belgorod Region (an institutional analysis)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 12. (In Russ.).
33. Köpfer J. *Neue Möglichkeiten für die soziale Verantwortung des Geschäfts im Agrarsektor der wirtschaftlichen Entwicklung des Auslands*. Berlin; 2002.
34. Meckford T. *Social Characteristics of the Most Relevant Social Transformations in the Conditions of Post-Capitalism*. New York; 2001.
35. Prassman O., Vikkenti I. *Village Life and the Image of a Villager: Integration, Quarrels, Business and Projects*. San Francisco; 2011.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-687-706

Идея справедливости как социальная «ловушка» для России*

А.З. Черняк, М.Л. Ивлева, А.М. Орехов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: cherniak_az@rudn.ru; ivleva-ml@rudn.ru; orekhov_am@rudn.ru)

Аннотация. Статья подготовлена по итогам участия авторов в работе круглого стола «Справедливость и законотворчество» подпроекта «Этика и право: механизмы взаимовлияния» проекта НИУ ВШЭ «Прикладная этика» в Государственной Думе 1 декабря 2021 года. В статье рассмотрены социальные проблемы, связанные с существованием институтов справедливости, которые условно названы институциональными ловушками (понятие, взятое из экономики). Авторы интересуются, как работают эти «ловушки» в условиях современной России и как можно с ними справиться. В статье анализируется современный дискурс социальной справедливости, который характеризуется разнообразием концепций и широким проблемным полем. Предлагается несколько видоизмененное под цель статьи определение институциональной ловушки — такая комбинация социальных институтов, которая, при попытках ее реального воплощения, приводит к результатам, кардинально отличающимся от предполагаемых при конструировании таких институтов, а зачастую им противоположным. Утверждается, что ловушка возникает, когда институт или комбинация институтов, созданная для обеспечения справедливости определенного вида или в соответствии с конкретной идеей справедливости, порождает наряду со справедливостью или иным сопоставимым по ценности общественным благом явную несправедливость. Это ловушка и для общества, так как его ожидания обмануты, и для государства — оно получает новые социальные проблемы, которые необходимо решать. Выдвигается предположение, что ловушкой институты делают не только то, что они не отвечают задачам, которые государство с их помощью пытается решить, но и то, что социальные ожидания людей в отношении этих институтов сформированы в системе прежних ценностей или унаследованы от нее. Авторы приходят к выводу, что институциональные решения проблемы (создание новых институтов, модернизация существующих) не гарантируют желаемого результата. Необходима единая программа обучения справедливости и милосердию (учитывающая культурные различия), включающая объяснение их принципиального значения для общества и каждого его члена.

Ключевые слова: справедливость; модель справедливости; проект реализации справедливости; институт; институциональная ловушка; эксплуатация; дискриминация; Россия

* © Черняк А.З., Ивлева М.Л., Орехов А.М., 2022

Статья поступила 02.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Современный дискурс социальной справедливости характеризуется разнообразием концепций и широким проблемным полем. Тем не менее, в попытках осмыслить данную категорию можно выделить две традиции — антично-средневековую (Платон [15], Аристотель [1], Т. Гоббс [6], Дж. Локк [11], И. Кант [9]) и новоевропейскую, начало которой заложил Дж. Ролз [18], а продолжил Р. Нозик [13]. Оригинальные концепции справедливости предложены в рамках либертарианских (А. Сен [22], М. Нуссбаум [31–32], П. Штомпка [25]) и коммунитаристских (А. Макинтайр [12]) подходов. Отечественная социогуманитаристика представлена трудами Г.Ю. Канарша [8], Б.Н. Кашникова [10], А.В. Прокофьева [18–20], С.С. Гапоненко [5] и др. [7; 14; 17; 23; 26], объединенными проблемой распределительной справедливости и поиском «морально-политических оснований собственного проекта общественного устройства» [8. С. 246]. В качестве сущностной характеристики первой из названных традиций следует отметить понятие блага, вторая связана с понятием права. В анализе роли институциональных и неинституциональных факторов как инструмента гармонизации социальных отношений мы опираемся и на античную культуру со свойственным ей полисным мышлением и признанием необходимости жизни как добродетели, и на конвенциональное понимание справедливости как соглашения между гражданами по поводу взаимного признания прав.

Не ставя задачу обзора теорий справедливости и логики их трансформаций, отметим, что справедливость с древних времен считается важнейшей общественной ценностью. Традиционно за установление и поддержание социальной справедливости отвечают законы и институты, создаваемые для их принятия и исполнения, хотя, конечно, у них есть и другие функции. В современных обществах институты вносят решающий вклад в производство и распределение социально значимых благ. Справедливость не является исключением: разные ее формы обеспечиваются в той или иной степени такими институтами, как суды, выборы, налоги, частная и общественная собственность. Более того, хотя идея обеспечения справедливости как важнейшая функция государства встречается уже в трудах Платона [15] и Аристотеля [1], именно в современном мире справедливость стала одним из важнейших мерил качества и даже успешности государства. Если институты государства не обеспечивают приемлемой для общества меры справедливости в тех сферах, где очевидная несправедливость особенно чувствительна для его членов, и это продолжается длительное время вследствие нежелания или неспособности власти изменить ситуацию, значительно возрастает риск гражданского конфликта, политической нестабильности и т.п.

Самый очевидный источник социальных проблем, связанных со справедливостью, — несправедливые законы и институты, которые могут быть таковыми либо в силу некомпетентности тех, кто их создал, либо в силу определенной расстановки ценностных приоритетов (например, если институты

распределения экономических благ создаются олигархической властью в интересах наиболее богатой части населения). Но даже самый прогрессивный и справедливый «на бумаге» институт может в реальных условиях оказаться далеко не таким социально полезным, как ожидалось. В связи с этим другой обычной проблемой для государства, от которого общество ждет обеспечения того или иного вида и уровня справедливости, является слабость механизмов ограничения неинституциональной несправедливости (в форме коррупции, волонтаризма, правового нигилизма и т.п.), порождаемой конкретными людьми, от которых зависит функционирование института. В обоих случаях институт может стать социальной или институциональной ловушкой как для общества, так и для государства.

Понятие институциональной ловушки было введено в научный оборот и активно используется прежде всего экономистами [см., напр.: 2–4; 30]. Различия в определении этого понятия касаются сущности явления и причин его возникновения. Мы используем в качестве рабочего определение институциональной ловушки, предложенное В.А. Полтеровичем, — неэффективный, но устойчивый институт или норма поведения [16]. Ловушка интересующего нас вида возникает, когда институт или комбинация институтов, созданная для обеспечения справедливости определенного вида или в соответствии с некоей идеей справедливости, порождает наряду с ней или иным сопоставимым по ценности общественным благом явную несправедливость. В интересах государства, в целом заботящегося о справедливости (неважно по каким причинам), не создавать такие ловушки, а если они возникли (что часто трудно предотвратить и предвидеть (1)) — стараться из них выбраться.

Под институциональной ловушкой мы понимаем отдельный институт, закон или социальную практику, комбинацию этих элементов, а также ситуацию, в которой общество и государство сталкиваются с социальными проблемами, возникающими в связи с существованием того или иного института. Институты могут стать ловушкой в плане справедливости в силу внутреннего несовершенства, неудачного подбора исполнителей, изменения условий функционирования, соединения с другими институтами. Так, практически любая система квотирования, призванная минимизировать социальное неравенство, несет в себе предпосылки для несправедливости в виде непропорционального уравнивания, так как предполагает, что представители определенной группы будут иметь привилегии независимо от их способностей, знаний, заслуг, вклада и т.п. В этом случае власть сознательно жертвует одной справедливостью ради другой, что может вызывать недовольство, если у значительной части общества ценностные приоритеты расставлены иначе. Несправедливость или ее предпосылки могут быть заложены в закон или институт непреднамеренно: тогда они обеспечивают некую справедливость или иное не менее ценное общественное благо, а не являются полностью несправедливыми в глазах тех, на кого они распространяются. Например, высокие

пособия для безработных, выделяемые из бюджета государства, могут быть вполне справедливой мерой в условиях, когда большинство безработных остались без работы по независящим от них причинам, но перестать быть таковой, если большинство безработных просто не хотят работать, и работающие должны получать меньше, чтобы оплачивать их лень.

Конечно, существуют разные понятия справедливости: называя один закон или институт справедливым, мы не можем исключить его противоположной оценки кем-то другим. Мы не знаем, существует ли нечто справедливое или несправедливое безотносительно к мнениям людей, и не подразумеваем, говоря о справедливом социальном институте или законе, что он справедлив в абсолютном смысле. Возможно, что справедливое просто не может порождать несправедливость и, соответственно, быть ловушкой. Но в политике и государственном строительстве, если только этим не занимаются философы-идеалисты, определяющее значение имеет относительная справедливость — отраженная в социальных ожиданиях, убеждениях и прочих диспозициях индивидов, поэтому мы концентрируемся на ней.

Не все, что люди создают с благими намерениями или в чем видят пользу для себя, оказывается для них ловушкой. Для таковой характерен не только обман ожиданий тех, кто в нее попал, но и то, что негативная ценность результата перевешивает позитивную ценность «заманивающих» благ. Принимая новый закон, законодатели вполне могут понимать, что его применение будет иметь и некоторые вредные последствия, но он не будет ловушкой, если общественный вред от него не перевесит существенно его ожидаемую или реальную общественную пользу (2). Другой важной чертой ловушки является то, что из нее трудно или невозможно выбраться: элементы социальной системы, делающие ее источником существенной несправедливости, не могут быть устранены или заменены другими в силу своей важной роли. Например, сравнительно демократический институт выборной монархии повлиял на утрату политического единства такими некогда могущественными странами, как Священная Римская империя и Речь Посполитая. В плане справедливости такие процессы обычно сопровождаются усилением правового произвола на местах вследствие ослабления центральной власти.

В современной России можно выделить три группы социальных институтов по происхождению. Одна группа, куда входят, например, бесплатное всеобщее среднее образование, пенсии и льготы, унаследована от СССР. Эти институты создавались как средства обеспечения всеобщего равенства начальных возможностей и справедливого (в социалистическом смысле) распределения благ. Разумеется, они выполняли эту функцию даже в советское время лишь отчасти. Недостаточная эффективность некоторых из них была связана, вероятно, с тем, что идея справедливости, определявшая принцип действия таких институтов, не вполне соответствовала результирующей справедливости. Так, институт пенсий не обеспечивал равенство доходов не-

работающих в силу возраста, потому что пенсии учитывали такие переменные, как профессия, категория работника и трудовой стаж. Можно возразить, что принцип пенсионного обеспечения не был вполне справедливым, так как не соответствовал общепризнанным идеалам меритологической справедливости: стаж, должность и категория работника могут не отражать его вклад в общественное благосостояние, не говоря уже о его нуждах. Но, с другой стороны, перечисленные параметры могут трактоваться как отражающие заслуги перед обществом независимо от вклада (результатов труда) работника. Здесь мы сталкиваемся с проблемой определения справедливости, которая не обязательно влияет на моральную оценку института в конкретном обществе — он может выглядеть как однозначно справедливый или несправедливый, быть однозначно справедливым в одном отношении и несправедливым в другом.

В целом система советских институтов справедливости в конечном счете обернулась обманутыми ожиданиями. Но эти институты не являются ловушками в плане справедливости для современной России, потому что при всех их недостатках и неэффективности в условиях капитализма без них, скорее всего, было бы значительно хуже. Кроме того, обеспечение всеобщего равенства уже не является целью государства, в котором функционируют эти институты, т.е. их неспособность его обеспечить не имеет того морального значения, которое имело в социалистическом государстве. Скажем, то, что пенсии в России маленькие и не позволяют достойно жить, воспринимается многими как серьезная проблема и несправедливость, в которой виновато государство, но это — неудача не института пенсий, а государства, не обеспечившего его эффективной работы на благо людей. С другой стороны, институт пенсий можно считать ловушкой, если мы готовы трактовать переход от советского строя к постсоветскому как изменение условий функционирования данного института, а не всей системы институтов. Во втором случае можно считать ловушкой справедливости всю совокупность постсоветских институтов, отвечающих за экономическую политику, поскольку они позиционируются государством как инструменты социальной справедливости. Не в последнюю очередь ловушкой их делает не столько то, что эти институты не отвечают задачам, которые государство с их помощью пытается решить, сколько то, что социальные ожидания в отношении этих институтов сформированы в системе социалистических ценностей или унаследованы от нее. Неравенство в пенсионном обеспечении не является ловушкой для современной России хотя бы потому, что государство не ставит цель обеспечения экономического равенства, т.е. данный институт если и обманывает ожидания, то явно не ожидания равного распределения благ.

Вторую группу составляют институты, созданные в последние двадцать лет. По большей части они создавались не ради обеспечения справедливости, а ради укрепления системы властных и экономических отношений. Но по-

сколькo от государства люди все еще ждут справедливости и определенные его действия и декларации дают основания для таких ожиданий, эти институты становятся ловушками в той мере, в какой вступают в противоречие с укорененными в обществе представлениями о справедливости (по крайней мере, за обеспечение которой общество все еще считает ответственным государство). Однако наше общество очень неоднородно в идейном плане, поэтому законы или институты, нарушающие права, ценимые одной его частью, могут не восприниматься как несправедливые (по этой причине) другими. Так, закон об иноагентах несправедлив с точки зрения той части общества, которая чувствительна к угрозе авторитаризма и тоталитаризма, но для большинства граждан не представляет проблемы, потому что не покушается на их важнейшие ценности, что позволяет государству пренебрегать справедливостью без серьезного риска для себя. Возможно, не вполне корректно квалифицировать как ловушку справедливости институт, который несправедлив для меньшинства, но это, конечно, вопрос спорный: поскольку несправедливое ущемление интересов меньшинства не ведет к нарушению гражданского мира только потому, что большинству нет дела до интересов меньшинства, порождающие это ущемление элементы системы власти все же можно считать ловушками (особенно учитывая, что расстановка ценностных приоритетов в обществе может поменяться). Однако такие институты и законы не являются ловушками в том смысле, что с ними не связаны особые ожидания в плане справедливости (это не значит, что их существование не влияет на моральную оценку государства в целом и его политики в конкретной сфере в частности).

Все менее очевидно с институтами, составляющими третью группу: это институты новой России, созданные в период ее возникновения на обломках СССР. Они обосновывались как инструменты обеспечения общественных благ и справедливости, характерных для западных демократий и не доступных или доступных в ограниченном объеме в СССР, как правило, в ущерб некоторым видам справедливости, доступным в прежнюю эпоху и все еще ценимым многими. Так, институт частной собственности создавался для обеспечения права законного владения законно приобретенным имуществом. В определенном смысле его целью также является равенство прав собственности, но он не препятствует возникновению имущественного неравенства, включая крайне несправедливые его формы в меритологическом смысле. Если государство не создает механизмы недопущения или минимизации таких видов неравенства, институт частной собственности оказывается для него ловушкой. Например, если люди не имеют равного доступа к механизмам законного приобретения собственности, вытекающее из этого неравенство (если оно значительное) выглядит вопиющей несправедливостью, так как не обусловлено неравенством приложенных усилий, имеющихся талантов, насущных потребностей и т.п. Бедные могли бы стать богаче, но эконо-

мика или политика устроены так, что у них нет такой возможности. В данном случае не ясно, насколько ловушкой для России является сам институт частной собственности: с одной стороны, он создает условия для появления несправедливого неравенства, с другой — они возникают на систематической основе, только когда нет эффективных механизмов, ограничивающих результирующее имущественное неравенство. В этом отношении ловушкой правильнее считать всю совокупность институтов и механизмов, связанных с регулированием владения, приобретения и т.п., которая не предусматривает минимизацию или компенсацию негативных моральных эффектов функционирования одного из них. Как бы то ни было, институт частной собственности, как и ряд других ключевых институтов современной России, является для нее ловушкой в плане справедливости, поскольку систематически порождает явления, оцениваемые многими гражданами как несправедливость если не сами по себе, то относительно социальных ожиданий, унаследованных от предшествующего строя.

Люди могут терпеть даже очень серьезную несправедливость довольно долго. И все же в современных условиях, когда широкие слои населения в той или иной мере вовлечены в политику или могут в ней участвовать при случае, государству не следует долго игнорировать откровенную несправедливость (в относительном смысле), порождаемую его институтами или политикой в целом. Конечно, чем больше изначальный кредит общественного доверия у власти, тем дольше люди будут терпеть несправедливости, ответственность за которые (с их точки зрения) лежит на ней. Но кредит доверия имеет ограниченное время действия, так что даже власти, которая имеет его в большом количестве, неразумно рассчитывать только на него. С другой стороны, он позволяет выиграть время для выработки наилучшего способа решения проблемы.

Государству лучше не попадать в ловушки несправедливости, вырабатывая способность их предвидеть и не допускать. Если это делается посредством создания специальных институтов — консультативного совета, например, то возникает логическая проблема: если разумной стратегией является предварительная оценка последствий учреждения института, то это должно относиться и к институтам, имеющим целью недопущение институциональных ловушек; но тогда ни один институт не может быть учрежден, если только государство не пренебрежет требованиями рациональности. Какими бы знающими ни были эксперты, привлекаемые для оценки последствий учреждения институтов, прогностический потенциал наук в их сегодняшнем состоянии не настолько велик, чтобы можно было всерьез рассчитывать эффективно обходить любые институциональные ловушки. Кроме того, для успешного предвидения необходимо обеспечить условия для беспристрастного, политически независимого применения знаний в интересах социального прогнозирования — чтобы выводы экспертов не были результатами

запугивания, манипуляций и т.п. со стороны групп, заинтересованных в определенной оценке. На данный момент государства не располагают эффективными средствами решения этой задачи, к тому же институты часто создаются в экстренном порядке (особенно на начальном этапе государственного строительства), когда нет возможности просчитать все социально значимые последствия (нет времени и слишком много переменных).

Таким образом, институциональные ловушки возникают и, скорее всего, не перестанут возникать в обозримом будущем, какие бы усилия государство ни прилагало, чтобы их избежать. Поэтому способность государства выбираться из ловушек с минимальными или сравнительно легко компенсируемыми потерями является важной политической добродетелью. Разумеется, разные результаты можно считать решением задачи — в зависимости от того, как трактуются выражения «выбраться из ловушки», «наименьшие потери» и т.п. Если брать в качестве образца ловушки капкан, рыболовный крючок или мышеловку, то мы считаем выбравшимися из нее тех, кто физически покинул опасное место. Даже устранение непосредственной угрозы смерти или пленения может не иметь решающего значения, если существо остается в ловушке, потому что угроза была ликвидирована не вследствие его усилий и сохраняется (ведь жертва это не контролирует). Между тем если животное, например, отгрызает себе лапу, чтобы выбраться из капкана, и умирает, покинув капкан, кажется естественным описывать ситуацию как «животное выбралось из ловушки ценой своей жизни» (3).

Ловушки, которые создает для нас жизнь в обществе, обычно представляют собой более сложные ситуации: угрозы, которые делают их ловушками, часто не устраняются перемещением в пространстве или во времени за границы воздействия соответствующих факторов. Так, для правителя, начавшего войну с обещаниями легкой победы и больших дивидендов, если она обернется огромными потерями, военными неудачами и общественным недовольством, оптимальным выходом было бы чудесное событие, которое прекратило войну и компенсировало все несчастья. Физически покинуть свой пост, сбежать или умереть вряд ли будет приемлемым выходом, потому что главной угрозой, делающей ситуацию ловушкой, является не угроза его жизни или свободе, а угроза его репутации, власти, политическому наследию и т.п. Кроме того, такого рода ловушки, как правило, оказываются ловушками для общества в целом.

В случае социальных, особенно институциональных, ловушек обезвреживание может быть не худшим решением, чем их ликвидация, поскольку устранение или радикальное реформирование института может создать еще больше проблем, чем его сохранение. То же относится к проблемам, источником которых является не отдельный закон или институт, а система в целом. Хотя устранение источника проблемы (института, закона, практики или си-

стемы) — очевидное решение, оно не всегда является лучшим, даже когда доступно. Под обезвреживанием обычно понимают превращение объекта в безопасный (при условии, что он был опасен), что, как правило, предполагает устранение исходящих от него угроз. В случае физического объекта это может быть изъятие поражающего элемента, перевод в безопасное состояние или помещение в среду, в которой он безопасен (нейтрализация).

Какие воздействия на институциональные ловушки могут соответствовать обезвреживанию? Либо те, что имеют целью устранение или сглаживание порождаемого ловушкой социального вреда, либо те, что фактически оказывают подобное воздействие. Но под социальным вредом институциональной ловушки можно понимать как порождаемую ей несправедливость или иной вред, так и общественную реакцию на него, имеющую негативное значение для государства или общества. Соответственно, под обезвреживанием ловушки в социальном контексте можно понимать как недопущение или минимизацию наносимого ею вреда, так и предотвращение или минимизацию негативного воздействия этого вреда, если он нанесен, т.е. сглаживание вреда.

Классический способ сглаживания социального вреда институциональной ловушки — предоставление обществу альтернативных благ сопоставимых со справедливостью в количестве, достаточном, чтобы оно перестало воспринимать социальный вред как серьезное нарушение общественного договора или — шире — оправдание разрушения гражданского мира. Государство слишком сильно ограничило личные свободы граждан — вот взамен дополнительные экономические блага. Это может сработать, но вряд ли это универсальное решение: во-первых, государство не всегда способно дать что-то сопоставимое взамен; во-вторых, это средство не надежно, так как люди могут по-разному реагировать на одну и ту же «пропорцию» утраченных и приобретенных благ.

Другой широко используемый прием — идеологическая обработка, чтобы убедить людей, что социальный вред или не вреден (а то и полезен), или приемлем как плата за что-то более ценное. Во втором случае людей надо либо убедить в том, что нечто более ценное они уже имеют или получают в будущем, либо предоставить им что-то подходящее на эту роль. Первая из этих двух стратегий, даже если оставить в стороне ее сомнительное моральное качество, не очень хорошо работает в современных демократических и мультикультурных обществах, где ценностные приоритеты могут сильно меняться со временем. Например, в США общественное сознание за довольно короткий срок изменилось настолько, что «черное» (скажем, однополые браки) стало буквально «белым». Демократическому государству трудно в полной мере контролировать эти процессы, и часто триггером изменений выступают активные общественные движения, а государство только реагирует на них — одни пытаюсь подавить, а другие поддерживая или не мешая

им. Вполне правдоподобна гипотеза, что в условиях неполного и не жесткого централизованного контроля за потоками информации радикальное изменение общественного сознания — задача, решить которую без серьезного везения невозможно.

В отсутствие альтернативного блага успех стратегии государства, как правило, зависит от наличия угрозы для всех членов общества, серьезной настолько, чтобы служить для них мобилизующим началом (основанием отказать от привычного образа жизни, пойти на жертвы и т.п.). Если угрозы нет, государство может ее создать средствами пропаганды. Но успех в этом случае также будет зависеть от того, насколько государство контролирует потоки информации, а достичь этого, не прибегая к жесткой политической цензуре, ограничению свобод личности и прочих тоталитарных средств, проблематично. Так что, хотя государства редко обходятся без идеологий, позволяющих оправдывать те действия властей, польза которых для общества не очевидна, рекомендовать эти методы вряд ли правильно, учитывая как их моральный вред, так и слабую эффективность в современных условиях.

Идея сглаживания вреда предполагает, что он нанесен, независимо от того, осознает это общество или нет. Преодоление институциональной ловушки посредством недопущения исходящего от нее вреда или его минимизации (методы нейтрализации) имеет собственную общественную ценность: даже при наличии эффективного метода сглаживания социального вреда институциональной ловушки государству лучше работать и над нейтрализацией создаваемых им ловушек, так как в изменчивых условиях общественного бытия ничто не гарантирует, что хорошо работающий в один момент метод не даст сбой в другой момент, особенно в ситуации кризиса.

Механизмы нейтрализации, как и механизмы сглаживания, могут быть институциональными или нет. Если у государства есть возможность создать специальный институт, успешно нейтрализующий социальный вред другого института, это хорошо, но, во-первых, это не всегда возможно, а, во-вторых, второй институт тоже может оказаться ловушкой или создать ее, и так до бесконечности. Вероятно, государству полезно иметь и неинституциональные средства, и самым очевидным из них, на важность которого указывали еще Платон и Аристотель, являются гражданские добродетели. Хотя важность таких неинституциональных факторов для поддержания социального мира в целом признается, современная политическая мысль слишком сильно фокусируется на институтах, считая правильно работающую их систему панацеей от социальных болезней.

Еще Аристотель [1] заметил, что даже хорошие законы не всегда хорошо работают, потому что в конкретных ситуациях могут иметь значение детали, которые в законе не оговорены, и здесь решающим фактором оказываются личные качества судящего, известные как добродетели. Некоторые считают, что институты в принципе не могут эффективно работать без добродетелей,

что можно понимать по-разному: например, то, насколько институт способен выполнять стоящие перед ним социальные задачи, зависит от личных качеств ключевых исполнителей предусмотренных им ролей; или что эффективные институты не могут быть или редко могут быть созданы недобродетельными людьми (что еще менее убедительно). Для нас важнее другой аспект: добродетельность исполнителей предусмотренных социальным институтом ролей обычно помогает нейтрализовывать некоторые виды социального вреда, вызванного его существованием, при условии, что именно ею люди руководствуются на службе. В идеале, вероятно, может существовать институт, в котором личные качества людей, влияющих на его работу, не имеют значения, или такой, в котором агентами выступают компьютерные программы или роботы. На практике поведение людей, отвечающее за функционирование институтов, может значительно варьировать, в частности, подход к исполнению своих обязанностей может быть слишком формальным или, напротив, слишком заинтересованным и предвзятым.

Оби эти крайности несут в себе угрозу возникновения несправедливости или иного социального вреда даже там, где его могло бы не быть. Формализм, при котором сознательно игнорируются реальные нужды и интересы тех, кто зависит от работы института, и предвзятость, при которой одни интересы учитываются, а другие игнорируются на основании личных, классовых, групповых предпочтений или практических соображений, могут превратить в свою противоположность любое благое или общественно полезное начинание. Поэтому широкое распространение таких подходов к выполнению своих обязанностей может превратить систему институтов в ловушку для общества. В России, к сожалению, эти два принципа традиционно широко распространены, и если с предвзятостью (когда интересы государства не затронуты) государство еще как-то борется (хотя бы декларирует борьбу), то для сдерживания формализма не делается ничего (4).

В то время как предвзятость часто граничит с нарушением правил или регламента, формалиста в этом редко можно обвинить и наказать по закону. Позволяя гражданам судиться с государством или обеспечивая обратную связь иного рода, власть может сглаживать социальный вред, порождаемый формализмом, но все же полезнее было бы иметь эффективное средство ограничения его распространения. Воспитание в гражданах определенных добродетелей является таким средством: если человек ценит справедливость или иное общественное благо само по себе, уже просто осознание им того, что его формальное или предвзятое решение в конкретном случае породит несправедливость или иное общественное зло, будет для него серьезным основанием пересмотреть свой подход. И действуя в рамках институциональной системы, являющейся ловушкой в силу своей внутренней порочности или несовершенства, добродетельный человек, способный влиять на ее работу, может снизить порождаемую ею несправедливость, например, гуманный су-

дья, вынужденный судить в соответствии с несправедливым законом, может выносить наиболее мягкие приговоры из возможных.

Если говорить о несправедливости, связанной с функционированием института частной собственности в России, то, поскольку он является важной составляющей современной экономики и сравнительно справедлив по сути, его отмена вряд ли может быть хорошим решением. Наиболее вопиющая, т.е. требующая немедленного исправления, несправедливость состоит не в неравенстве доходов или благосостояния, а в природе этого неравенства. Аналогичную несправедливость можно наблюдать в обществах, в которых нет института частной собственности или он не работает. Мы связываем появление данного вида несправедливости в современной России с созданием института частной собственности не потому, что считаем его ответственным за несправедливость подобного вида, а потому что общественные ожидания, сформированные в предшествующий период, оказались обмануты системой, в основе которой лежит институт частной собственности. Это, конечно, не значит, что соответствующей несправедливости не было при советском строе, но до определенного времени она не была настолько вопиющей по разным причинам. На закате советской эпохи многочисленные привилегии партийной и советской номенклатуры сильно раздражали людей, и система распределения благ выглядела несправедливой и по эгалитаристским, и по меритологическим меркам, что, возможно, стало одной из причин коллапса СССР. Но именно советская власть последовательно убеждала граждан СССР в том, что справедливость, прежде всего в сфере распределения, есть важнейшая общественная ценность, и сформировала у граждан ожидания, в силу которых они рассматривали новую капиталистическую систему институтов как средство обеспечения распределительной справедливости. И когда эти ожидания не оправдались, и несправедливости в данной сфере стало еще больше, виноватым оказался капитализм.

Почему в постсоветской России не созданы институты, нацеленные на снижение несправедливой диспропорциональности доходов и уровня жизни, — отдельный вопрос, на который мы не будем пытаться ответить (5). Идеологических и пропагандистских ресурсов для эффективного сглаживания воздействия на общества этого социального вреда у государства не хватает (иногда кажется, что соответствующие механизмы работают, но лишь потому, что общество пока готово мириться со сложившимся положением вещей), и неинституциональные формы нейтрализации данной ловушки могли бы стать действенным решением. Даже если вся система, скажем, экономических отношений устроена так, чтобы не препятствовать появлению или сохранению определенных форм несправедливости, человек, у которого есть власть, может своими действиями снизить количество этой несправедливости, если он в этом заинтересован. Так, глава крупной корпорации мог бы отказаться получать сверхбольшую зарплату, если она несоразмерна его роли

в производстве, чиновники могли бы менее формально подходить к своим обязанностям и учитывать реальные интересы людей, законодатели могли бы тщательнее подходить к принятию законов, проверяя их на совместимость с основными или наиболее распространенными в обществе требованиями справедливости и т.д. Добродетели являются универсальным мотиватором — как внутренним (для человека действовать определенным образом становится естественно), так и внешним (образцы, которым принято следовать). Человек, для которого справедливость — одна из высших ценностей, будет заботиться о том, чтобы его решения не стали причиной серьезной несправедливости, а также чтобы исправлять таковую там, где это в его власти.

Если государство всерьез решает прибегнуть к этому средству, это может стать как хорошей, так и плохой новостью: хорошей — потому что развитие таких форм обеспечения справедливости ценно и само по себе (как добродетель), и как альтернативное средство решения социальных проблем; плохой — потому что слишком легко, прикрываясь заботой о воспитании гражданских добродетелей ради исправления институциональных пороков, решать совершенно другие задачи, например, идеологические.

Помимо опасности подмены целей, воспитание добродетелей как инструмент государства еще и не очень эффективен: воспитание — задача со столькими неизвестными, что никогда нельзя быть уверенным, что результат будет в достаточной мере отвечать ожиданиям. Тем не менее, история дает примеры сравнительно успешных проектов такого рода. Так, в СССР прилагались серьезные усилия по воспитанию правильного советского человека: жизненные ценности и установки большинства советских людей, по крайней мере до периода «застоя», существенно отличались от таковых у жителей капиталистических стран. Однако эта система, фактически сделавшая подвиг и героизм нормой жизни, не помешала советской модели деградировать (в том числе в плане справедливости, которую она была призвана обеспечить в первую очередь). И, разумеется, советское воспитание не мешало людям творить несправедливости (например, нарушение прав человека, осуждение без достаточных оснований и т.п.), которые они либо не воспринимали как несправедливости, либо оправдывали (в силу того же воспитания). Советское воспитание не было воспитанием добродетелей в классическом смысле — т.е. воспитанием качеств, имеющих универсальную общественную ценность. Если бы его целью было именно это, то неспособность воспрепятствовать массовым проявлениям несправедливости можно было бы считать его провалом, так как классические добродетели (в основных этических системах Запада, предусматривающих корреляцию между моральными качествами и добродетелями) обязательно включают общую справедливость как неприятие любых форм несправедливости. В царской России за воспитание добродетелей отвечала в основном религия, но, поскольку религиозное воспитание было частью государственной системы образования, она стала важной ча-

стью государственной стратегии поддержания социального мира и порядка, что не мешало системе быть во многих отношениях несправедливой.

С одной стороны, неудачи связаны с несовершенством или даже порочностью идеологии, лежавшей в основе этих систем воспитания: если бы людям прививали любовь к подлинным ценностям, справедливости, неприятию любых форм несправедливости, результаты были бы иными. Но, во-первых, ни у кого нет монополии на знание того, в чем состоит полнота справедливости или какие из вызывающих недовольство людей вещи следует считать несправедливыми, т.е. ни о какой реальной системе воспитания мы не можем уверенно сказать, отвечает она приведенному выше идеалу или нет. К тому же мы говорим о справедливости в относительном смысле, и уместно добродетель справедливости трактовать аналогичным образом — как набор качеств, ценимых в конкретном обществе в определенный исторический период (не обязательно в силу исключительной общественной полезности каждого из них, как полагал Д. Юм) (6). Применительно к приведенным примерам легко сказать, что системы воспитания не были рассчитаны на обеспечение справедливости, которая воспринималась многими как важная ценность и идеал общественного устройства. Тем не менее, какую систему воспитания добродетелей, реализованную в конкретном обществе, ни возьми, всегда найдется несправедливость, с которой она не позволяет эффективно бороться. Либо мы должны отказаться от использования данного метода, поскольку он несовершенен, либо, если мы признаем его в целом полезным, следует ориентироваться на иные параметры сравнительной оценки качества образовательных систем как инструментов воспитания добродетелей.

С другой стороны, может быть роль добродетелей в борьбе с несправедливостью переоценена? Нередко качества, считающиеся добродетелями, больше мешают, чем способствуют утверждению справедливости в той или иной сфере. Например, во многих традиционных обществах в основе воспитания лежит деление на женские и мужские добродетели, соответствующее делению на мужские и женские социальные роли; такая система не будет способствовать утверждению справедливости в виде равенства начальных возможностей. Тем не менее, это не значит, что никакие добродетели и система, нацеленная на их воспитание, не могут быть эффективным инструментом установления справедливости или борьбы с несправедливостью. К тому же есть очевидная разница между ролью добродетели как качества, которым субъект уже обладает, и ролью добродетели как ценности, прививаемой гражданам. Эффективность второй зависит от качеств системы воспитания, а первой — от качеств самой добродетели, ее отношения к справедливости. Если добродетели, которые человек практикует, исполняя свои обязанности, являются частью системы ценностей, включающей справедливость, он будет стараться быть справедливым в соответствующих делах. Но если государство прививает гражданам определенные добродетели, то,

даже если они полностью подчинены идее справедливости, это не гарантирует, что граждане будут справедливы, так как система воспитания может иметь изъяны.

Другая проблема коррекции институциональной несправедливости посредством личных добродетелей состоит в том, что у разных слоев, классов и групп часто бывают разные, иногда противоречащие друг другу, представления о том, какие качества являются добродетелями, а какие пороками. Стандартизованная система государственного образования не может устранить эти разногласия, поскольку альтернативные идеологии продолжают воздействовать на обучающихся, и кто на какие идеалы будет ориентироваться, зависит скорее от частных обстоятельств и даже удачи, чем от системных свойств образовательных институтов. Кроме того, современные системы ориентированы скорее на образование в узком смысле снабжения полезной информацией и развития полезных компетенций (далеко не обязательно включающих добродетели), чем на воспитание морально ответственного гражданина (7). С другой стороны, подавление государством альтернативных точек зрения на жизненные ценности и выхолащивание свободы мысли в современном мире воспринимаются как проявления вопиющей несправедливости. Разумеется, можно создать социальные фильтры, которые обеспечивали бы доступ к важным должностям только или в основном тем, кто воспринял «правильные» идеи, что в той или иной мере делается во многих странах, но это тоже вид дискриминации, а, значит, несправедливости.

Поскольку запрос на справедливость сохраняется, а институциональные решения проблемы институциональной несправедливости не реализуемы или неэффективны, в интересах государства вложиться в воспитание добродетелей, которые могли бы компенсировать или снизить производимую ею институтами несправедливость. Конкретный набор добродетелей должен определяться ситуацией — тем, какие формы несправедливости создают наибольшие риски социальной нестабильности и какие личные качества могли бы изменить ситуацию к лучшему при сохранении существующей системы институтов. Обладание двумя качествами кажется необходимым, но вряд ли достаточным условием эффективности данного решения: предпочтение справедливости (и тех ее форм, которые в наибольшей степени отвечают текущим запросам общества) и милосердие. Последнее важно, поскольку справедливое решение может быть ошибочным (основанным на правильном принципе, но неверной информации), и милосердие позволяет минимизировать его негативные моральные и социальные последствия. Разумеется, добродетели тоже не являются панацеей, поскольку, скажем, милосердие, будучи в целом полезным, если кто-то пострадал от справедливого, но ошибочного решения (не говоря уже о несправедливом), будет вредным, если кто-то не заслуживает мягкого отношения с точки зрения норм морали. Но это все же лучше, чем ничего.

В современной российской политике господствует представление, что институты решают все, но при этом институциональные решения ряда серьезных проблем, связанных с потребностью людей в справедливости, не реализуются. Совершенно игнорировать роль неинституциональных факторов в производстве социальных благ, включая справедливость, и ничего не делать для совершенствования морали не разумно, так как это исторически зарекомендовавший себя инструмент гармонизации социальных отношений. Мы не призываем интегрировать религиозное воспитание в систему государственного образования или вводить строгую политическую цензуру — в современных условиях эти меры с большой вероятностью будут иметь обратный желаемому эффект. Но разработка и внедрение единой программы обучения справедливости и милосердию (учитывающей культурные различия), включая объяснение их принципиального значения для общества и каждого его члена, как бы наивно это ни звучало, — тот минимум, который вполне осуществим.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-511-44003 «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации»

Примечания

- (1) Проблемы предсказания социальных последствий даже сравнительно простых действий, не говоря уже о таких сложных воздействиях, как учреждение нового института или принятие нового закона, хорошо известны: в самых общих чертах, это задача со слишком большим числом неизвестных.
- (2) Под вредом и пользой можно понимать разные вещи, например, количество понесенных потерь и приобретенных благ определенных видов. Однако одно и то же количество конкретного блага или зла может иметь разное значение для разных субъектов в разных ситуациях. Соответственно, для ловушки характерно не столько количественное превосходство результирующего зла над заманивающим благом, сколько его большая негативная ценность для тех, кто попал в ловушку. Важно также учесть степень влияния людей, чьи ожидания оказались обмануты, на общественное сознание. С другой стороны, понятия пользы и вреда могут включать сравнительные ценности составляющих их благ или зол; тогда в таком дополнении определения нет необходимости.
- (3) Если ценой устранения угрозы является что-то столь же ценное, как и то, на что была направлена угроза, ситуации, когда угроза устранена такой ценой, могут не выглядеть решением проблемы. С этой точки зрения неправильно говорить тому, кто заплатил такую цену, что он выбрался из ловушки, так как выбраться значит решить проблему. Это возражение базируется на широкой трактовке слова «выбраться» — не просто избавиться от угрозы, но и не заплатить за это слишком высокую цену. Мы используем более узкую трактовку, которая охватывает только ситуации устранения угрозы (усилиями субъекта или хотя бы частично благодаря его усилиям).
- (4) В советское время его иногда высмеивали в средствах массовой информации, т.е. люди понимали, что так поступать не хорошо.
- (5) Скорее всего, причина не только в том, что наша власть так сильно ценит дух капитализма, что готово пожертвовать ради него социальной справедливостью. Возможно, введение таких институтов для власти сопряжено с большим риском, чем сохранение

или усиление несправедливости в сфере распределения (например, если те, чьи интересы пострадают, имеют более непосредственное и сильное влияние на политику, чем широкие массы, страдающие от соответствующей несправедливости). Может быть, власть считает, что располагает столь большим кредитом доверия, что может позволить себе не думать даже о видимости справедливости данного вида.

- (6) Скажем, если бы все или большинство граждан воздерживались от секса, для государства, у граждан которого нет других способов производить потомство, это было бы скорее вредно, чем полезно (по совокупности воздействий). Тем не менее, воздержание может быть высоко ценимой гражданами добродетелью, если они религиозны, и религия трактует секс как грех.
- (7) В определенном смысле добродетели можно квалифицировать как полезные для общества компетенции. Но в современном государственном образовании акцент сделан на знаниях и умениях, полезных для индивида как субъекта экономических отношений, — тех, что позволяют ему достичь определенного уровня благосостояния и социального положения. Полезность для общества редко определяет выбор преподаваемых знаний или умений, если только речь не идет об обучении особым профессиям для производства общественного блага или об идеологической обработке.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983.
2. *Балацкий Е.В.* Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // Журнал экономической теории. 2012. № 2.
3. *Будович Ю.И., Будович М.С.* Развитие исследований из области теории институциональных ловушек и классификация ловушек // Вестник Финансового университета. 2013. № 5.
4. *Верников А.В.* Концепция институциональных ловушек: попытка применения к анализу нового института. М., 2020.
5. *Гапоненко С.С.* Политическая справедливость: становление понятия // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1.
6. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001.
7. *Ивлева М.Л., Курмелева Е.М., Рудановская С.В.* Человек и общество в контексте современности // Вопросы философии. 2018. № 4.
8. *Канарш Г.Ю.* Справедливость // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1.
9. *Кант И.* Сочинения: в 4 т. Т. 1: Трактаты и статьи (1784-1796). М., 1993.
10. *Кашиников Б.Н.* Либеральная теория справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004.
11. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М., 2009.
12. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.—Екатеринбург, 2000.
13. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008.
14. *Орехов А.М.* Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии. 2010. № 9.
15. *Платон.* Государство. СПб., 2005.
16. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
17. «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011.
18. *Прокофьев А.В.* Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М., 2013.
19. *Прокофьев А.В.* Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула, 2006.
20. *Прокофьев А.В.* Человеческая природа и социальная справедливость в современном этическом аристотелианстве // Этическая мысль. 2001. Вып. 2

21. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
22. Сен А. Идея справедливости. М., 2016.
23. Троцук И.В. Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
24. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
25. Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.
26. Chernyak A. Egalitarian distributive justice and reasoning luck // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities, 2016.
27. Do Quy-Toan. Institutional Trap. Policy Research Working Paper WPS 3291. Washington, 2004.
28. Gradstein M. Institutional traps and economic growth // International Economic Review. 2008. Vol. 49. No. 3.
29. Hatzis A. Greece's institutional trap // Managerial and Decision Economics. 2018. Vol. 39. No. 8.
30. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. N.Y., 1990.
31. Nussbaum M. Beyond the social contract: Capabilities and global justice // The Political Philosophy of Cosmopolitanism / G. Brock, H. Brighouse (Eds.). Cambridge, 2005.
32. Nussbaum M.C. Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism // Political Theory. 1992. Vol. 20.

Idea of justice as a social trap for Russia*

A.Z. Chernyak, M.L. Ivleva, A.M. Orekhov

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: cherniak_az@rudn.ru; ivleva-ml@rudn.ru; orekhov_am@rudn.ru)

Abstract. This article is a result of its authors' participation in the round table "Justice and Lawmaking" of the subproject "Ethics and Law: Mechanisms of Mutual Influence" of the HSE project "Applied Ethics" in the State Duma on December 1, 2021. The article considers social issues associated with the justice institutions, which are conditionally named institutional traps (an economic term). The authors focus on how these 'traps' work in contemporary Russia and how it is possible to get out of them. The article presents the contemporary discourse on social justice, which is characterized by a variety of concepts and a wide thematic field, and provides a definition of the institutional trap modified for the article's tasks — a combination of social institutions, which being implemented leads to the results radically different or even opposite to the expected when designing such institutions. The authors argue that a trap is a result of the institution or a combination of institutions created to ensure justice of a certain kind or in accordance with a certain idea, when such an institution or combination leads to both justice (or other comparable public good) and clear injustice. This is a trap for society, because its expectations are deceived, and for the state, because it gets new social problems to be solved. The authors believe that what makes institutions an institutional trap is not only the fact that they do not cope with their tasks, but also do not meet social expectations determined by the system of previous values or inherited from

* © A.Z. Chernyak, M.L. Ivleva, A.M. Orekhov, 2022

The article was submitted on 02.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

it. The authors conclude that institutional solutions (creation of new institutions, modernization of existing ones) do not guarantee the desired result; we need a single educational program for promoting justice and mercy (taking into account cultural differences), which would explain their fundamental importance for society and its every member.

Key words: justice; model of justice; project of justice implementation; institution; institutional trap; exploitation; discrimination; Russia

Funding

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-511-44003 “Social knowledge: Challenges of the contemporary technogenic civilization”

References

1. Aristotle. *Politika* [Politics]. *Works* in 4 vols. Vol. 4. Moscow; 1983. (In Russ.).
2. Balastsky E.V. *Institutsionalnye i tekhnologicheskie lovushki: analiz idey* [Institutional and technological traps: Analysis of ideas]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2012; 2. (In Russ.).
3. Budovich Yu.I., Budovich M.S. *Razvitie issledovaniy iz oblasti teorii institutsionalnykh lovushek i klassifikatsiya lovushek* [Development of research in the field of theory of institutional traps and classification of traps]. *Vestnik Finansovogo Universiteta*. 2013; 5. (In Russ.).
4. Vernikov A.V. *Konseptsiya institutsionalnykh lovushek: popytka primeneniya k analizu novogo instituta* [Concept of institutional traps: Application to the analysis of new institutions]. Moscow; 2020. (In Russ.).
5. Gaponenko S.S. *Politicheskaya spravedlivost: stanovlenie ponjatiya* [Political justice: Development of the concept]. *Srednerussky Vestnik Obshchestvennykh Nauk*. 2015; 1. (In Russ.).
6. Hobbes T. *Leviathan* [Leviathan]. Moscow; 2001. (In Russ.).
7. Ivleva M.L., Kurmeleva E.M., Rudanovskaya S.V. *Chelovek i obshchestvo v epohu sovremennosti* [Person and society in the era of modernity]. *Voprosy Filosofii*. 2018; 4. (In Russ.).
8. Kanarsh G.Yu. *Spavedlivost* [Justice]. *Filosofskaya Antropologiya*. 2018; 4 (1). (In Russ.).
9. Kant I. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. *Traktaty i pisma (1784-1796)*. Moscow; 1993. (In Russ.).
10. Kashnikov B.N. *Liberalnaya teoriya prava: praktika Rossii* [Liberal Theory of Law: Russian Practice]. Vilikey Novgorod; 2004. (In Russ.).
11. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises on Government]. Moscow; 2009. (In Russ.).
12. Macintyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya po teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory]. Moscow–Ekaterinburg; 2000. (In Russ.).
13. Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow; 2008. (In Russ.).
14. Orekhov A.M. *Spravedlivost kak bazisnyi printsip ustroistva obshchestva* [Justice as a basic principle of social organization]. *Voprosy Filosofii*. 2010; 9. (In Russ.).
15. Plato. *Gosudarstvo* [State]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
16. Polterovich V.M. *Institutsionalnye lovushki i ekonomicheskie reformy* [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i Matematicheskie Metody*. 1999; 35 (2). (In Russ.).
17. “Pravda”: *diskursy spravedlivosti v russkoj intellektualnoj istorii* [“Truth”: Discourses of Justice in the Russian Intellectual History]. Moscow; 2011. (In Russ.).
18. Prokofiev A.V. *Vozdadim kajdomu dolzhnoe. Vvedenie v teoriyu spravedlivosti* [Meting out Justice: Introduction to the Theory of Justice]. Moscow; 2013. (In Russ.).
19. Prokofiev A.V. *Spravedlivost i otvestevennost: sotsialno-eticheskie problemy v filosofii morali* [Justice and Responsibility: Philosophical-Ethical Issues in Moral Philosophy]. Tula; 2006. (In Russ.).
20. Prokofiev A.V. *Chelovecheskaya priroda i sotsialnaya spravedlivost v sovremenom eticheskom aritotelianstve* [Human nature and social justice in contemporary ethical Aristotelianism]. *Eticheskaya Mysl*. 2001; 2. (In Russ.).
21. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Novosibirsk; 1995. (In Russ.).
22. Sen A. *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow; 2016. (In Russ.).

23. Trotsuk I. Kak vozmozhna sotsiologiya emotsiy i chto ona daet dlya ponimaniya schastja i spravedlivosti [How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
24. Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, empiricheskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
25. Sztompka P. Spravedlovost [Justice]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2017; 6. (In Russ.).
26. Chernyak A. Egalitarian distributive justice and reasoning luck. *Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities*; 2016.
27. Do Quy-Toan. *Institutional Trap. Policy Research Working Paper WPS 3291*. Washington; 2004.
28. Gradstein M. Institutional traps and economic growth. *International Economic Review*. 2008; 49 (3).
29. Hatzis A. Greece's institutional trap. *Managerial and Decision Economics*. 2018; 39 (8).
30. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. New York; 1990.
31. Nussbaum M. Beyond the social contract: Capabilities and global justice. *The Political Philosophy of Cosmopolitanism*. G. Brock, H. Brighouse (Eds.). Cambridge; 2005.
32. Nussbaum M.C. Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism. *Political Theory*. 1992; 20.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-707-719

Установочное исследование как методологический инструмент формирования пиплметрической панели медиаизмерения аудитории телевидения*

А.В. Посталовский

Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь
(e-mail: postalnio@tut.by)

Аннотация. Статья посвящена методологическим подходам и исследовательской практике реализации установочного исследования, применяемого для построения пиплметрической панели медиаизмерения рейтинговых показателей телевидения. Основная задача установочного исследования — построение социально-демографического портрета аудитории, оценка вклада в телепросмотр разных возрастных групп, выявление контрольных параметров для отбора постоянных участников исследования. В Республике Беларусь в 2020 году была апробирована практика образования единого национального измерителя рейтингов телевидения и радио. На медиарекламный рынок вышла компания «МедиаИзмеритель», которая использует международные стандарты (GGTAM) и исследовательские технологии (Kantar, Великобритания). Для формирования панели постоянных участников исследования, оснащенных техническими устройствами пассивного измерения рейтингов телевидения (пиплметры), необходимо установочное исследование и последующий многомерный анализ полученных данных. Актуальность статьи обусловлена инновационной для Беларуси практикой создания единого национального медиаизмерителя и небольшим количеством работ, посвященных практике установочных исследований аудитории телевидения. В статье описан механизм реализации установочного исследования, проведенного в июле–декабре 2020 года посредством личных интервью «лицом к лицу» и телефонного опроса CATI; рассмотрены методологические аспекты формирования телевизионной панели посредством многомерного анализа эмпирических данных; проанализированы теоретические подходы к интерпретации понятия «аудитория» и представлен дизайн панельной матрицы — эмпирической структуры пиплметрической панели.

Ключевые слова: установочное исследование; панель; панельная матрица; пиплметр; аудитория; телевидение; рейтинг

В современных условиях медиаконвергенции информационной сферы немаловажное значение обретают особенности эмпирического измерения эффективности средств массовой информации (далее — СМИ). Измерение эффективности и формирование рейтинговых показателей конкретных СМИ

*© Посталовский А.В., 2022

Статья поступила 15.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

позволяют получить картину медиапредпочтений национальной аудитории. Кроме того, индикаторы востребованности и эффективности медиа делают возможной оценку динамики рейтинговых показателей, необходимую для прогнозирования дальнейшего развития медиасферы. Измерение эффективности СМИ предполагает фиксацию обращения аудитории к информационному контенту. В данном случае, в отличие от традиционной социологии СМИ, выявление оценочной реакции респондента («нравится» — «не нравится», «доверяю» — «не доверяю») не является задачей измерения. Фиксация обращения потребителей массовой информации к транслируемому контенту позволяет сформировать эмпирические показатели, в частности, такие количественные характеристики, как охват, доля и рейтинг телеканалов и радиостанций. Данные медиапоказатели показывают расстановку приоритетов в национальном информационном поле (в сегменте аудиовизуальных СМИ). Для получения актуальной эмпирической информации необходимо проводить регулярные измерения рейтинговых показателей телевидения и радиовещания. В социологии СМИ такой вид исследования называется медиаизмерением, и его объект — не содержание и технологии распространения информации, а ее потребители, т.е. аудитория.

Концептуальные и методологические подходы к изучению аудитории СМИ были заложены в работах Т.З. Адамьянц, Н.В. Адемуковой, С.В. Вартанова, Д.М. Вьюгиной, М.М. Назарова, И.А. Полуэхтовой, Ф.И. Шаркова, Ю.Н. Юдиной [1–5; 7–9; 12; 16; 22–24; 26] и др.: дается развернутое определение аудитории СМИ, рассматриваются актуальные методики организации и проведения ее исследований. В социологии СМИ наблюдается многообразие концептуальных подходов к определению аудитории, и универсальная трактовка такова: «совокупность людей, возникающая на основе общности их информационных потребностей, интересов (вытекающих из их социальной принадлежности), а также форм, способов, каналов этих потребностей» [11. С. 190]. Здесь подчеркивается общность интересов как системообразующий фактор, позволяющий объединить в совокупность значительное количество потребителей информации конкретного СМИ. Соответственно, «аудитория телевидения — это социокультурная общность, представляющая собой совокупность людей, не обязательно связанных прямыми контактами, но объединенных общей практикой телепотребления, в ходе которой они включаются в процесс социального общения на макро-уровне и приобретают сходный социокультурный опыт» [15. С. 9].

Если аудитория — это «коммуникативная общность людей, воспринимающих один и тот же объект», то «единственным условием формирования аудитории... выступает процесс восприятия различными людьми одного и того же объекта независимо от его природы. Поскольку любой процесс восприятия имеет коммуникативную природу, то аудитория всегда является

коммуникативной общностью» [22. С. 37]. В указанных контекстах, помимо общности информационных потребностей, общей практики телепотребления и схожего социокультурного опыта, выделяется такой важный коммуникативный аспект, как восприятие информации. В частности, восприятие телевизионного контента представляет собой социально-психический процесс усвоения визуальных и звуковых символов, воспроизведенных в условиях технического ограничения обзора (экран телевизора). Результат восприятия телевизионного контента — формирование поведенческой реакции в отношении увиденного и субъективных оценок («нравится» — «не нравится») объекта телепередачи.

С одной стороны, аудитория характеризуется воздействием со стороны СМИ, с другой стороны, выступает «товаром» во взаимоотношениях СМИ и рекламной индустрии, чему способствуют медиаизмерения, в рамках которых рейтинговые показатели являются медийной валютой во взаимоотношениях крупных источников воспроизводства информационного контента и рекламным рынком. «Понятие “аудитория” закреплено за субъектом, который в рамках системы массмедиа является объектом коммуникативного воздействия и потребителем определенного медийного контента. В то же время аудитория, будучи потребителем медиаиндустрии, является его важнейшим товаром, “продаваемым” впоследствии рекламодателям» [13. С. 121]. Эта трактовка в наибольшей степени отражает понимание аудитории в маркетинговых медиаисследованиях, в рамках которых результаты рейтинговых замеров — условный «товар» во взаимоотношениях исследовательской компании-измерителя и СМИ.

Аудитория аудиовизуальных СМИ — сложный для изучения объект. С одной стороны, аудитория телевидения имеет те же основания, что и аудитория иных СМИ — общность информационных потребностей, общая практика медиапотребления и коммуникативные практики. С другой стороны, для современной телеаудитории характерно отсутствие целостной структуры и единства каналов потребления: классическое линейное телесмотрение, онлайн-просмотр на планшете, использование OTT-сервисов, отложенный просмотр, видеоконтент по запросу — разные практики телепотребления с различающимися методиками изучения и фиксации рейтинговых показателей. Немаловажное значение приобретает и переход от аналогового телевидения к цифровому: «был нарушен прежний механизм воспроизводства телеаудитории и произошел так называемый “цифровой раскол”, которому соответствует тенденция сокращения аудитории традиционного телевидения. Индикатором цифрового раскола является такое состояние телесмотрения в аудитории 55+, при котором объем ее телесмотрения в системе Интернета превзойдет телесмотрение традиционного ТВ» [19. С. 31]. Кроме того, сама по себе аудитория сегментирована по тематическим интересам и неравномерна по возрастным ха-

рактикам. Можно выделить следующие тенденции телесмотрения: снижение популярности телевидения; изменение структуры аудитории (старение); сокращение среднего времени телесмотрения; изменение роли телевидения (переход от информационной к развлекательной функции); стратификация аудитории [14. С. 9].

Процессы трансформации медиапространства и цифровизации общества меняют не только практики потребления, но и каналы воспроизводства телевизионного контента: «в условиях многоканальности и высокой диверсификации аудитории, которые порождают неустойчивость панели и высокую погрешность, доверие к существующей системе измерения падает» [10. С. 31]. Однако без изучения медиапотребления как количественными, так и качественными методами невозможно развитие медийного ресурса — отсутствие репрезентативного портрета целевой совокупности потребителей аудиовизуальной информации неизбежно приведет к стагнации ее источника.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 122 «О создании системы медиаизмерений» от 9 апреля 2020 года под медиаизмерением понимается «систематический сбор, анализ, хранение и распространение данных о зрительских и слушательских предпочтениях аудитории телевизионных и радиовещательных СМИ» [21]. Проведение медиаизмерений требует создания исследовательской организации, которая обеспечивает непрерывность рейтинговых замеров, предоставляя медиарынку и рекламным компаниям информацию о предпочтениях аудитории аудиовизуальных СМИ. ЗАО «МедиаИзмеритель» проводит измерения национальной аудитории телевидения и радио, в том числе анализ рейтинговых показателей телеканалов и радиостанций. Компания поставляет теле- и радиоиндустрии, рекламным агентствам и органам государственного управления актуальную информацию о телесмотрении и радиослушании. Статус национального медиаизмерителя был присвоен компании Министерством информации Республики Беларусь: «Это решение обусловлено тем, что... давно назрела необходимость в создании объективной, современной, соответствующей международным стандартам системы измерений аудитории телевидения и радио. На мировом рынке массовой информации и рекламы медиаизмерения являются полноценным компонентом, более того — одним из важнейших» [18].

В Республике Беларусь аудиторные исследования проводились фактически с обретения страной независимости, но статусом национального медиаизмерителя ранее не наделялась ни одна исследовательская структура. Этот статус предполагает использование компанией передовых методик и технологий измерения рейтинга, в частности, «МедиаИзмеритель» использует пиплметрическое оборудование британской компании Kantar (PeopleMeter 5000), программное обеспечение радиоизмерения Ramapp (Kantar, Турция), а так-

же Instar Analytics (Kantar, Испания) — программу обработки результатов медиаизмерений. Формирование национальной системы медиаизмерений, как и ход исследовательских работ, активно обсуждается с представителями британского офиса Kantar. Запуск проекта национального медиаизмерения, в том числе методологический консалтинг по оптимизации исследовательского процесса и пиплметрической панели (600 домохозяйств), осуществляет компания TNS Central Asia (Казахстан).

Система национального медиаизмерения была сформирована в довольно сжатые сроки, учитывая эпидемиологическую ситуацию в связи с распространением covid-19 и общественно-политическую обстановку периода лета–осени 2020. В условиях пандемии было проведено установочное исследование аудитории телевидения и рекрут телевизионной панели. Распространение covid-19 стало препятствующим фактором при проведении массового опроса «лицом к лицу», в частности, затянув период полевых работ вследствие отказов респондентов от участия в исследовании. Несмотря на трудности, в 2021 году «МедиаИзмеритель» начал коммерческую поставку данных телеизмерения (продажу результатов регулярных медиаисследований).

Для эффективного медиаизмерения рейтинговых показателей телеканалов необходима репрезентативная панель, и замер рейтинга должен осуществляться методом пассивного измерения, в рамках которого полностью исключен субъективный фактор, характерный для дневниковой панели. Задача статьи — описать теоретико-методологический подход к формированию панельной выборки, используемой для проведения медиаизмерения посредством пассивной фиксации телесмотрения. Было реализовано установочное исследование, результаты которого позволили сформировать социально-демографический портрет телеаудитории и понять факторы, влияющие на характеристики индивидуального телесмотрения, поскольку «выборка для установочного исследования обычно в 10 раз больше, чем впоследствии сформированная панель» [6. С. 51].

Установочное исследование — первый этап построения телевизионной панели. Это «репрезентативные выборочные опросы домохозяйств, проводимые методом личного интервью со взрослыми членами семьи по домашним адресам. В ходе установочного опроса регистрируется состав семьи и наличие в семье телевизионного оборудования» [5. С. 82]. «По результатам установочного исследования обновляются контрольные параметры панели, производятся соответствующие необходимые изменения... — посредством замены и дополнительного набора домохозяйств. Являясь источником информации о генеральной совокупности, установочное исследование также является источником базы данных потенциальных участников панели» [20. С. 101]. Иными словами, установочное исследование — это массовый опрос населения (домохозяйств) по репрезентативной случайной выборке

для выявления структуры целевой аудитории, определения факторов, влияющих на медиапотребление, построения социально-демографического портрета и получения данных о технической оснащенности каналами получения информации. По итогам установочного исследования мы должны установить половозрастное распределение телеаудитории, материальный статус целевой аудитории, техническую оснащенность домохозяйств, объем вклада в телезрительство в разрезе социально-демографических групп, типы целевой аудитории в зависимости от объема медиапотребления и базу данных для рекрута телевизионной панели. Проведение установочного исследования выступает обязательным этапом медиаизмерений пассивными средствами фиксации рейтинговых показателей и общепринятым требованием в мировой практике таких исследовательских проектов.

Установочное исследование для формирования телевизионной панели проводилось в Республике Беларусь в июле–декабре 2020 года. Выборочная совокупность составила 6500 респондентов — десятикратное соотношение к предполагаемому размеру телевизионной панели (650 домохозяйств), генеральная совокупность — 7,3 млн человек, проживающих в городских населенных пунктах. Массовый опрос проводился посредством личных интервью в системе CAPI (опрос на планшетах с обязательной фиксацией геолокации интервьюера и записью интервью) и CATI (регулярные телефонные опросы). В географию выборки по умолчанию включались города с населением 100 тысяч и более (Минск, Барановичи, Бобруйск, Борисов, Новополоцк, Пинск, Орша, Мозырь, Лида, Солигорск), средние и малые города отбирались случайным образом.

Согласно полученным данным максимальное время просмотра телевидения зафиксировано в возрастной группе 55+ — общий объем телезрительства как у мужчин, так и у женщин данного возраста составляет более четырех часов день. При этом совокупная численность наиболее активной женской группы 55+ составляет порядка 23 % телезрителей (у мужчин — 11 %). В целом общее время просмотра у женщин больше, чем у мужчин, т.е. активная телеаудитория белорусского телевидения преимущественно женская. Наименьший объем телесмотра зафиксирован в возрастной группе 15-24 лет (1,5 часа в сутки). Условные точки соответствия объемов телесмотра и количественных характеристик в общем массиве аудитории достигнуты в возрастных группах 35–44 лет и у мужчин, и у женщин.

Немаловажным фактором телесмотра является техническая оснащенность домохозяйств: почти у половины домохозяйств (45,5 %) в городах с населением более 100 тысяч человек имеется два и более телевизоров. 70,3 % домохозяйств подключены к кабельному ТВ, что позволяет говорить о применимости пассивного метода измерения аудитории (пилметрического оборудования) для получения репрезентативных данных о телесмотрении.

Важны и средние показатели телепросмотра, особенно в сопоставительном контексте установочных исследований аудитории ТВ в других странах. Так, общий объем среднесуточного просмотра телевидения белорусской аудиторией составляет 198 минут, что несколько выше, чем в Казахстане (180 минут) и значительно выше, чем в Узбекистане (138 минут), что позволяет говорить о большей востребованности в Беларуси телевидения как источника информации. В будние дни максимальный охват телесмотрения приходится на период 18:00-23:00 (максимальная численность постоянной телеаудитории). В целом динамика показателей охвата в разрезе суточного интервала схожа с установочными исследованиями аудитории в Узбекистане и Казахстане, но в Республике Беларусь фиксируются более высокие показатели охвата в течение дня, а в Узбекистане утренняя активность телезрителей несколько выше. В выходные дни максимальный охват телесмотрения приходится на 19:00-22:00, и, по сравнению с узбекским телесмотрением, для белорусской телеаудитории характерен более низкий охват в течение раннего утра (6:00-8:00).

Телевизионная панель обязательно ротируется, как правило, вследствие отказа от дальнейшего участия в исследовании или нарушения правил участия. Ориентировочный показатель годовой ротации панели составляет 15-20% ее численности, рекрут дополнительных домохозяйств производится из панельного резерва, сформированного в рамках установочного исследования. Для обновления информации о контрольных параметрах телевизионной панели и структуре аудитории предполагается проведение ежегодных установочных исследований. Объем выборки повторного (и последующих) установочных исследований составляет 3250 респондентов — половина выборки первого опроса [17. С. 51–52].

Целью установочного исследования выступает и построение панельной матрицы — это рассчитанный посредством многомерного анализа переменных, репрезентирующих реальную телеаудиорию, набор контрольных параметров и особенностей телесмотрения. Контрольные параметры ложатся в основу построения телевизионной панели, являясь основными критериями отбора необходимого количества домохозяйств. Многомерный статистический анализ применяется в отношении данных установочного исследования и включает в себя следующие этапы:

1. Типологизация телезрителей:

- А) Анализ ответов респондентов на четыре вопроса: «Скажите, как часто в последний месяц вы лично смотрите телевизор по будням и по выходным?»; «Сколько в среднем времени за день вы лично смотрите телевизор в будни и в выходные?»; «В среднем за неделю какой из каналов лично вы смотрите очень много, какие много, какие мало, какие очень мало, а какие не смотрите совсем?»; «Как часто лично вы смотрите телевизор в разное время суток? Дайте, пожа-

- луйста, ответ по каждому интервалу для будних и выходных дней отдельно»;
- Б) Выделение факторов телеповедения (метод главных компонент);
 - В) Кластерный анализ факторов зрительского поведения для выделения однородных классов со схожим телесмотрением;
 - Г) Определение типов телезрителей: малоактивные (17,1 %; мало смотрят ТВ в будние дни — до 80 минут — и немного больше в выходные дни — до 100 минут); зрители выходных (6,8 %; значительный объем телесмотрения — до 280 минут — зафиксирован именно в выходные дни); активные (29,4 %; объемы телесмотрения составляют 245 минут в будний день и свыше 300 минут в выходной день); ночные (4,6 %; смотрят телевизор исключительно в ночной период без явного предпочтения какого-либо телеканала); вечерние (32,6 %; явное предпочтение вечернего эфира (временной интервал 19-22 часа) в будние дни — 200 минут — и в выходные дни — 250 минут, предпочтение отдается преимущественно художественным фильмам и сериалам); неактивные (9,5 %; незначительное время просмотра ТВ в любое время суток — 33 минуты в будни, 18 минут — в выходные).
2. Выбор контрольных параметров — анализ социально-демографических и технических характеристик, определяющих зрительское поведение: наличие в домохозяйстве двух и более работающих телевизоров; наличие пожилых и детей; наличие трех и более человек; столичный статус и численность проживающих в городском поселении; регион страны. Далее проводится факторный анализ соответствия социально-демографических и технических характеристик домохозяйств вкладу в телесмотрения каждого типа телезрителей. По итогам факторного анализа выделены четыре контрольных параметра, которые в наибольшей степени выражены в массиве переменных: численность городского населения (столица, 100 тысяч +, меньше 100 тысяч); наличие пожилых; наличие двух и более работающих телевизоров; наличие трех и более человек.
 3. Построение панельной матрицы с выделенными параметрами для контроля при рекруте (табл. 1). Администраторы панели должны учитывать следующие параметры: в городах с населением свыше 100 тысяч человек должно быть рекрутировано не менее 97 домохозяйств в количестве трех и более человек, в Минске — не менее 36 домохозяйств, в которых есть пожилые люди (55 +), в городах с населением менее 100 тысяч — не менее 35 домохозяйств без пожилых членов, состав домохозяйств — три и более человек, а работающих телевизоров — не менее двух, и т.д. При соблюдении контрольных параметров сформированная панельная матрица будет в полной мере репрезентировать реальную телевизионную аудиторию страны [17. С. 58].

Дизайн панельной матрицы

2021_ Панельная матрица для рекрута домохозяйств	Всего
Всего	650
Домохозяйства в городах 100+ без пожилых, 1-2 человека	94
Домохозяйства в городах 100+ без пожилых, 3+ человек	97
Домохозяйства в городах 100+ с пожилыми, 1-2 человека	54
Домохозяйства в городах 100+ с пожилыми, 3+ человек	21
Домохозяйства в городах <100 без пожилых, 1 ТВ, 1-2 человека	39
Домохозяйства в городах <100 без пожилых, 1 ТВ, 3+ человек	39
Домохозяйства в городах <100 без пожилых, 2+ ТВ, 1-2 человека	20
Домохозяйства в городах <100 без пожилых, 2+ ТВ, 3+ человек	35
Домохозяйства в городах <100 с пожилыми, 1-2 человека	52
Домохозяйства в городах <100 с пожилыми, 3+ человек	19
Домохозяйства в Минске без пожилых, 1-2 человека	54
Домохозяйства в Минске без пожилых, 3+ человек	46
Домохозяйства в Минске с пожилыми, 1-2 человека	44
Домохозяйства в Минске с пожилыми, 3 человека	36

После получения согласия членов домохозяйства на участие в исследовании в жилом помещении (квартира, дом) устанавливается пиплметр — технический прибор пассивного измерения аудитории телевидения. Количество пиплметров в домохозяйстве определяется количеством работающих телевизоров: соответственно, если в домохозяйстве три телевизора, то именно это количество пиплметров устанавливается рекрутированным участникам исследования.

Таким образом, установочное исследование позволяет медиаизмерителю (исследовательской компании, которая планирует организовать измерение рейтинговых показателей) сформировать структуру телеаудитории с оценкой доли вклада в телесмотрение, на основании чего посредством многомерного анализа эмпирических данных выделяются контрольные параметры для рекрута (отбора) постоянных участников исследования (панель). Практика ежегодных установочных исследований помогает отслеживать динамику изменения структуры телеаудитории с эмпирической корректировкой пиплметрической панели в соответствии с выявленными новыми особенностями и факторами телесмотрения.

Библиографический список

1. *Адамьянц Т.З.* Аудитория СМИ как субъект и объект коммуникативных взаимодействий // *Человек*. 2018. №3.
2. *Адемуква Н.В.* Становление и развитие методов измерения телеаудитории в России // *Бизнес. Общество. Власть*. 2015. №23.
3. *Ачкасова К.* Медиапотребление в новой реальности // URL: <https://mediascope.net/news/1177564>.
4. *Бузин В.Н.* Дегуманизация медиапространства: проблемы и решения. М., 2021.
5. *Вартанов С.А.* Big Data в измерении телевизионной аудитории: методы очистки и обработки данных цифровых STB // *Теория и практика медиарекламных исследований*. Вып. 4. М., 2014.
6. *Вольфсон Ю.Р.* Пассивные методы измерения аудитории телевидения // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2010. №4.
7. *Вьюгина Д.М.* От аудитории к медиапотребителю: трансформация концепции аудитории в медиаисследованиях // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017. Т. 6. №1.
8. *Гарипова Г.Р., Кинзябулатова Л.М.* Особенности развития телеаудитории в России // *Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика*. Уфа, 2015.
9. *Гришай В.Н., Попова Т.В., Мацнев А.А.* Методология прикладных исследований телевизионной аудитории в социологии // *Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2016. №1.
10. *Коломиец В.П.* Медиа и медиаисследования // *Теория и практика медиарекламных исследований*. Вып. 2. М., 2021.
11. *Коробейников В.С.* Редакция и аудитория. Социологический анализ. М., 1983.
12. *Назаров М.М.* Измерения аудитории ТВ в современной мультискринной среде (практика зарубежных рынков). М., 2015.
13. *Новикова Т.Е.* Изменение значения понятия «аудитория» в контексте современных медиакоммуникаций // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2013. №2.
14. *Пащутин Д.Ю.* Статистическое исследование динамики аудитории в России: Автореф. дис. к.э.н. М., 2011.
15. *Полухтлова И.А.* Социокультурная динамика российской аудитории телевидения: Автореф. дис. д.с.н. М., 2008.
16. *Полухтлова И.А.* Телевидение и его аудитория в эпоху Интернета. М., 2018.
17. *Посталовский А.В.* Измерение рейтингов телевидения и радио в условиях трансформации медиапространства. Минск, 2021.
18. Пресс-релиз к Указу Президента Республики Беларусь «О создании в Республике Беларусь системы медиаизмерений» // URL: <http://mininform.gov.by/news/all/press-reliz-k-ukazu-prezidenta-respubliki-belarus-o-sozdanii-v-respublike-belarus-sistemy-mediaizmer>.
19. *Скобелев В.Л.* Современное состояние и развитие телепотребления в России // *Петербургский экономический журнал*. 2019. №1.
20. *Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение)* / Сост. и общ. ред. В.П. Коломийца. М., 2001.
21. Указ Президента Республики Беларусь №122 от 09.04.2020 «О создании системы медиаизмерений» // URL: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type-Указ/122-09.04.2020.htm.
22. *Шариков А.В.* Законы телеаудитории: опыт эмпирических исследований // *Наука телевидения*. 2012. №9.
23. *Шарков Ф.И.* Конвергенция элементов политического медиапространства // *Политические исследования*. 2017. №3.

24. Шилина М.Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМК // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 1.
25. Щепилов К.В. Медиаисследования и медиапланирование. М., 2005.
26. Юдина Е.Н., Коробницын В.И. Социологические исследования ТВ и рекламы. М., 2006.

Exploratory research as a method for making a people-metric panel in the media study of the television audience*

A.V. Postalovskiy

Centre for Sociological and Political Research of Belarusian State University
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus
(e-mail: postalnio@tut.by)

Abstract. The article considers methodological approaches and practical use of the exploratory research for making a people-metric panel for the measurement of television ranking indicators. The main task of the exploratory research is to design a social-demographic portrait of the audience, to assess the contribution to the television viewing of different age groups, and to identify control parameters for the selection of permanent participants in such studies. In 2020, in the Republic of Belarus, the practice for establishing a single national television and radio ranking measuring company was tested. The MediaIzmeritel company entered the media advertising market as using international standards (GGTAM) and research technologies (Kantar, UK). To make a panel of studies' participants equipped with technical devices for the passive measurement of television ranking (people meters), an exploratory research and a subsequent multivariate analysis of the data obtained are necessary. The article describes the innovative for Belarus practice of creating a single national media measurement company under the few works on exploratory research of the television audience. The author explains the design of such an exploratory study conducted in July-December 2020 with the face-to-face interview and CATI telephone survey; methodological aspects of making a television panel with a multivariate analysis of empirical data; theoretical approaches to the interpretation of the concept 'audience', and the design of the panel matrix — the empirical structure of the people-metric panel.

Key words: exploratory research; panel; panel matrix; people meter; audience; TV; ranking

References

1. Adamiants T.Z. Auditoriia SMI kak sub`ekt i ob`ekt kommunikativnyh vzaimodeistviy [Media audience as a subject and object of communication interactions]. *Chelovek*. 2018; 3. (In Russ.).
2. Ademukhova N.V. Stanovlenie i razvitie metodov izmereniia teleauditorii v Rossii [Formation and development of the TV audience measurement methods in Russia]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast*. 2015; 23. (In Russ.).
3. Achkasova K. Mediapotreblenie v novoi realnosti [Media consumption in the new reality]. URL: <https://mediascope.net/news/1177564>. (In Russ.).

*© A.V. Postalovskiy, 2022

The article was submitted on 15.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

4. Buzin V.N. *Degumanizatsiia mediaprostranstva: problemy i resheniia* [Dehumanization of the Media Space: Problems and Solutions]. Moscow; 2021. (In Russ.).
5. Vartanov S.A. Big Data v izmerenii televizionnoi auditorii: metody ochkistki i obrabotki dannyh tsifrovyyh STB [Big Data in the TV audience measurement: Methods for cleaning and processing the digital STB data]. *Teoriya i praktika mediareklamnyh issledovaniy*. Vyp. 4. Moscow; 2014. (In Russ.).
6. Volfson Yu.R. Passivnye metody izmereniia auditorii televideniia [Passive methods for measuring the TV audience]. *RUDN Journal of Sociology*. 2010; 4. (In Russ.).
7. Viyugina D.M. Ot auditorii k mediapotrebiteľiu: transformatsiia kontseptsii auditorii v mediaissledovaniiah [From the audience to the media consumer: Transformations of the concept ‘audience’ in media research]. *Voprosy Teorii i Praktiki Zhurnalistiki*. 2017; 6 (1). (In Russ.).
8. Garipova G.R., Kinzyabulatova L.M. Osobennosti razvitiia teleauditorii v Rossii [Features of the development of the TV audience in Russia]. *Aktualnye problemy kommunikatsii: teoriya i praktika*. Ufa; 2015. (In Russ.).
9. Grishai V.N., Popova T.V., Matsnev A.A. Metodologiya prikladnyh issledovaniy televizionnoy auditorii v sotsiologii [Methodology of the applied research of the television audience in sociology]. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisperudentsiya, Politologiya, Ku'turologiya*. 2016; 1. (In Russ.).
10. Kolomiets V.P. Media i mediaissledovaniia [Media and media research]. *Teoriya i praktika mediareklamnykh issledovaniy*. Vyp. 2. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Korobeinikov V.S. *Redaktsiia i auditoriia. Sotsiologicheskyy analiz* [Editorial Board and Audience. Sociological Analysis]. Moscow; 1983. (In Russ.).
12. Nazarov M.M. *Izmereniya auditorii TV v sovremennoi multiekrannoi srede (praktika zarubezhnykh rynkov)* [Measurements of the TV Audience in the Contemporary Multiscreen Environment (Foreign Markets)]. Moscow; 2015. (In Russ.).
13. Novikova T.E. Izmenenie znacheniya ponятиya “auditoria” v kontekste sovremennykh mediakommunikatsii [Changes in the meaning of the concept ‘audience’ under the contemporary media communications]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2013; 2. (In Russ.).
14. Pashutin D.Yu. *Statisticheskoe issledovanie dinamiki auditorii v Rossii* [Statistical Study of the Audience Dynamics in Russia]. Moscow; 2011. (In Russ.).
15. Poluekhova I.A. *Sotsiokulturnaia dinamika rossiiskoi auditorii televideniia* [Social-Cultural Dynamics of the Russian Television Audience]. Moscow; 2008. (In Russ.).
16. Poluekhova I.A. *Televidenie i ego auditoriya v epokhu Interneta* [Television and Its Audience in the Age of the Internet]. Moscow; 2018. (In Russ.).
17. Postalovskiy A.V. *Izmerenie reitingov televideniya i radio v usloviiah transformatsii mediaprostranstva* [Making Television and Radio Rankings under the Transformation of the Media Space]. Minsk; 2021. (In Russ.).
18. Press-reliz k Ukazu Prezidenta Respubliki Belarus “O sozdanii v Respublike Belarus sistemy mediaizmereniy” [Press release to the Decree of the President of the Republic of Belarus “On the creation of the system of media measurements in the Republic of Belarus”. URL: <http://mininform.gov.by/news/all/press-reliz-k-ukazu-prezidenta-respubliki-belarus-o-sozdanii-v-respublike-belarus-sistemy-mediaizmer>. (In Russ.).
19. Skobelev V.L. Sovremennoe sostoyanie i razvitiie telepotrebleniya v Rossii [The state and development of the television consumption in Russia]. *Peterburgskiy Ekonomicheskyy Zhurnal*. 2019; 1. (In Russ.).
20. *Telereklamny biznes (informatsionno-analiticheskoe obespechenie)* [TV-Advertising Business (Information-Analytical Support)]. Sost. i obsch. red. V.P. Kolomietsa. Moscow; 2001. (In Russ.).
21. Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus No. 122 ot 09.04.2020 “O sozdanii sistemy mediaizmereniy” [Decree of the President of the Republic of Belarus No. 122 of 04/09/2020

- “On the creation of the system of media measurements”]. URL: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type-Указ/122-09.04.2020.htm. (In Russ.).
22. Sharikov A.V. Zakony teleauditorii: opyt empiricheskikh issledovaniy [Laws of the TV audience: Empirical studies]. *Nauka Televideniya*. 2012; 9. (In Russ.).
 23. Sharkov F.I. Konvergentsiia elementov politicheskogo mediaprostranstva [Convergence of the elements of the political media space]. *Political Studies*. 2017; 3. (In Russ.).
 24. Shilina M.G. Tendentsii razvitiya sovremennykh mediasistem i aktualnye kontseptsii teorii SMK [Trends in the development of contemporary media systems and relevant theories of mass media]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2010; 1. (In Russ.).
 25. Shchepilov K.V. *Mediaissledovaniya i mediaplanirovanie* [Media Research and Media Planning]. Moscow; 2005. (In Russ.).
 26. Yudina E.N., Korobnitsyn V.I. *Sotsiologicheskie issledovaniia TV i reklamy* [Sociological Studies of the TV and Advertising]. Moscow; 2006. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-720-731

Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России*

К.В. Кияненко

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
ул. Душинская, 9, Москва, 111024, Россия

Московский архитектурный институт (Государственная академия)
ул. Рождественка, 11/4, к.1, стр. 4, Москва, 107031, Россия

Аннотация. В пред- и ранней пореформенной российской социологии города, градостроительства и управления городом значительное место занимают труды выдающегося социолога и психолога Тамары Моисеевны Дридзе. Ее концепции градоустройства, социального участия и городской среды воплощают особенности демократического видения процессов городского развития и социального управления городом. В условиях доминирования либерально-рыночного градорегулирования это видение воспринималось чуть ли не маргинальным. Но с принятием в 2016 году федерального проекта формирования «комфортной городской среды» риторика «среды» и «соучастия» широко распространилась и в обществе, и в социальных науках о городе. Можно ли полагать, что идеи и теоретические конструкции демократического формирования города теперь определяют его развитие? Отвечая на этот вопрос, автор уточняет содержание основных понятий из градосоциологического лексикона Т.М. Дридзе, ее трактовку связи между средой, социумом и соучастием, выявляет методологическую роль последнего, определяет соучастие как шкалу социальных практик — от активизма левого толка до иницилируемого властью соучастия сверху. Посредством понятийно-терминологического анализа сравниваются три стратегии управления городом — градостроительство, градорегулирование и градоустройство, из которых лишь последнее отчетливо демократично. Анализ текстов и методик федерального проекта, с учетом сделанных уточнений о содержании базовых концепций и стратегий работы с городом, позволяет сделать вывод о качествах проекта. В нем демократическая социально-средовая установка на вовлечение горожан в процессы градоустройства — планирования, осуществления, оценки результатов — подменяется контролируемым властью процессом благоустройства городских территорий. Что и определяет актуальность трудов Т.М. Дридзе для демократически ориентированного исследования и формирования города.

Ключевые слова: социология города; социология управления; социальное участие; городская среда; социальные стратегии; Т.М. Дридзе; национальный проект «комфортная городская среда»

* © Кияненко К.В., 2022

Статья поступила 03.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Концепты «городская среда», «социальное участие» и «градоустройство», их природа и связи между ними, их проецирование на живой город и рассмотрение возникающих практических последствий для городской жизни занимают особое место в академическом наследии выдающегося отечественного исследователя города, социальных процессов его формирования и управления Тамары Моисеевны Дридзе. В ее текстах три данные конструкции предстают не просто как понятия, но как идеальные модели и становящиеся сущности — ориентиры, к которым должен продвигаться реальный, ущербный как среда обитания, советский по происхождению город и бюрократизированное, отчужденное от горожанина «градостроительство» [3–11]. Так виделось будущее Т.М. Дридзе и ее единомышленникам четверть века назад — когда «бетон» рыночной социальной и экономической матрицы еще не успел как следует схватиться, а ранние постперестроечные надежды на демократию градоформирования и ее неопределенность в условиях рынка — в значительной мере развеяться.

До недавнего времени среда, соучастие и градоустройство продолжали интересовать относительно немногих авторов в социологии, теории архитектуры и градопланирования, городских исследованиях и антропологии [см., напр.: 1; 2; 12; 16–18]. Но после 2016 года ситуация резко меняется. Произошло событие, которое внесло первые два понятия — «городская среда» и «прямое участие граждан» — в число самых популярных, известных теперь любому чиновнику — от федерального до местного уровня, городскому активисту и исследователю города. Был принят Национальный проект «Жилье и городская среда» и Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». Но можно ли полагать, что российские города движутся благодаря этим проектам в направлении, которое наметили труды Дридзе и ее соратников?

На этот вопрос нельзя ответить, во-первых, без конкретизации изначального смысла упомянутых концептов на основе текстов Дридзе. Во-вторых, следует прокомментировать некоторые ее установки отсылками к работам авторов, близких к ней по теоретическим воззрениям и гражданской позиции. В-третьих, важно рассмотреть логические связи между данными концептами, воспользовавшись понятийно-терминологическим анализом, устанавливающим связь между средовым видением и стратегиями формирования города, и сравнив трактовку интересующих нас концептов в российских и авторитетных зарубежных источниках. В-четвертых, необходимо определить, как средовое видение и соучаствующая установка проникают в реализуемый сегодня федеральный проект развития российского города.

Понимание Дридзе человеко-средовых отношений восходит к трактовке ею социологии как науки «о способах самоорганизации и воспроизводства форм социальности или человеческого общежития» [7. С. 94]. Способы эти детерминированы процессами обмена веществом, энергией и информацией

между человеком и средой. Жизненная среда — это и природа, и рукотворные «плоды технико-технологической цивилизации», и информация (потoki знаков и символов, коммуникации), и другие люди («социопсихоантропологический» компонент) [3. С. 134]. Социальность воспроизводится в локальной ситуации, образуемой «трехмерным социально-воспроизводственным пространством» — одновременно биоэкологическим, экономическим и социально-культурным [4. С. 200–201], а единство между людьми и средой поддерживается метаболическими процессами.

Как полагала Дридзе, естественная природа данных обменных процессов, «человеко-средового метаболизма», нарушена бюрократическим градостроительством и управлением городом, распадом местных социально-территориальных сообществ, индустриальным домостроением, что приводит к «отчуждению горожан от городской среды» [4. С. 190]. Не имея представлений о локальных ситуациях, власти и градостроители принимают решения, которые «загоняют внутрь» конфликт людей со средой, — необходимо переходить к «локальной социально-ориентированной стратегии городского... развития» на основе принципа «социального участия» местного населения, «субъектов социального действия» в выработке решений о среде обитания. А реализовать этот принцип позволит «теория коммуникаций как управляемый социальный механизм» [4. С. 196–201].

Социально-средовая направленность видения Дридзе явственно проступает в используемых ею понятиях. Человеческий агент в обменных процессах — это «горожанин», «местное население», «социально-территориальное сообщество», «сообщество городских жителей», «человек», «люди», «субъект». Город репрезентирован понятиями «городская среда», «жизненная среда», «территориальная среда», «обжитая людьми среда», «среда обитания людей», «место». Для описания процессов формирования города привлекаются концепты «градостроительство», «производство среды обитания», «средовой подход» и лишь в контексте критических рассуждений — «градостроительство».

Особая роль в воссоздании нарушенных обменных процессов «человек–среда» принадлежит социальному участию. Оно противостоит в текстах Дридзе полному бесправию местного населения «при ничем не ограниченном давлении разнообразных инвесторов», практическому отсутствию реальных сил, «способных представлять и защищать интересы местного населения в органах власти и управления», проектной деятельности, которая «выведена за рамки конкретного социального контекста и практически диктует свои условия горожанам» [6. С. 27–30]. Дридзе считала необходимым обеспечивать участие местного населения во всех стадиях обустройства жизненной среды не только путем опросов, учета жалоб и местных инициатив, публичных обсуждений кем-то сделанных проектов и выбора из заготовленных градостроительных решений, но и совместной с жителями работой над проектами [6. С. 31].

Из понимания Дридзе соучастия как естественного механизма обеспечения человеко-средового метаболизма вытекают существенные теоретические и методологические следствия. Если между человеком и средой существуют закономерные и неустранимые отношения обмена, то любые действия со средой (создание, воссоздание, трансформации) должны этим закономерностям соответствовать. Пока естественная связь между человеком и средой не оборвана, требования человека транслируются в организацию среды беспрепятственно, можно полностью довериться механизму самодеятельности. Если связь нарушена, например, крупномасштабным отчужденным строительством и градостроительством, бюрократическим управлением, ее придется выявлять и воспроизводить одним из четырех возможных методов.

Первый метод — научные исследования, когда требования человека к среде устанавливаются и внедряются. Второй метод — использование механизмов совершенной представительной демократии, когда требования беспрепятственно ретранслируются снизу-вверх — от человека туда, где принимаются решения о среде. Третий метод — обращение к прямой демократии: привлечение человека к созданию среды в различных схемах его соучастия с многочисленными другими заинтересованными стейкхолдерами (проектно-строительным бизнесом, инвесторами, властью). Еще один механизм установления связей между человеком и средой — это свобода выбора средовых объектов горожанином при доступности широкого спектра вариантов выбора. В отношении объектов недвижимости этот выбор ограничен экономической нецелесообразностью существенной диверсификации продукта.

Строго говоря, соучастие — это не определенная стратегия действий, а идеологически окрашенная шкала стратегий. На одном ее полюсе находится стихийный активизм — соучастие снизу, а на другом — иницилируемые и управляемые властью программы и проекты привлечения общественности, общественные слушания и т.п., т.е. соучастие сверху. Где-то между полюсами этой шкалы находится политически корректное соучастие, признаком которого, по мнению известного исследователя этого феномена Г. Саноффа, является право участвующих граждан принимать решения о среде самостоятельно, без попыток манипулирования со стороны власти [25]. Если вспомнить известную «лестницу гражданского соучастия» Ш. Арнстайн, это самые верхние ступени лестницы [20]. Общая эволюция форм соучастия за рубежом заключается в том, что активизм 1960-х годов постепенно вытеснялся, хотя и не был вытеснен полностью, менее конфликтным практическим соучастием 1990-х [26].

В сфере жилищного строительства более полувека развивается еще одна форма соучастия, сочетающая управление развитием городской среды со стороны общества и власти в виде капитальных конструктивно-инженерных «опор» (supports), размещаемых по генплану, с возможностью освоения этих опор отдельными семьями в виде собственного разнообразного «запол-

нения» (infill). Идея была сформулирована Н.Д. Хабракеном как концепция «опор и заполнения», ему же принадлежит концепция «естественного отношения» между людьми и жилищами, которая близка идее естественного метаболизма «человек-среда» Дридзе [22]. В наше время социально инклюзивная стратегия Хабракена развивается как тема «открытого строительства» С. Кендаллом [23]. Для архитекторов и планировщиков эта идея скорее техническая, но ее социально-управленческий и даже политический подтексты (перераспределение городской власти) очевидны.

Соучастие представляется компенсаторным механизмом прямой демократии, который включается всякий раз, когда представительная демократия бездействует или неэффективна, научные исследования отсутствуют, естественные связи «человек-среда» доиндустриального типа разорваны, постиндустриальные еще не выросли, а возможности поддержания человеко-средового метаболизма, характерные для верхних ценовых сегментов рынка (свобода выбора диверсифицированного продукта), большинству недоступны. В самом верхнем ценовом сегменте рынка среда воспроизводится адресно, а обитатель имеет право решающего голоса при ее формировании. Но даже на продвинутом рынке недвижимости США, при высоком уровне платежеспособного спроса населения, эта ниша по карману не более чем 1%–2% населения [21. С. 13].

Важнейшее следствие из теории и исследований Дридзе для формирования города состоит в следующем: если понимать человека как органичную составляющую среды, а среду — как неразрывный с человеком контекст его обитания, при том, что они связаны обменными метаболическими процессами, то формирование города становится соучаствующим градоустройством, «конструктивным диалогом заинтересованных сторон» [8]. То есть темы человека как обитателя города, города как среды обитания, формирования города как соучаствующего процесса — в противовес градостроительству — взаимообусловлены и неразрывны. Среда, соучастие и градоустройство — единое повествование, а не случайно привязанные друг к другу волей исследователя сюжеты. Такая точка зрения объединяет Дридзе с демократически настроенными теоретиками города из области архитектуры и градопланирования, с самыми видными среди них — В.Л. Глазычевым и А.А. Высоковским. Оба известны как приверженцы концепции среды и городской среды, оба сознательно не употребляли понятие «градостроительство», отказываясь от него в пользу градоустройства и средового подхода, оба были поборниками идеи социального участия горожан в создании города [1; 2].

Однако есть нюансы в трактовке города и градоустройства названными и другими авторами. Понятийно-терминологический анализ разных концептов, встречающихся в русскоязычных текстах для обозначения создания города, показывает, что за разнообразием понятий скрывается различие стратегий, отличающихся основаниями, содержанием и результатами [24]. Три

концепта упоминаются в академических текстах чаще других (наряду с градопланированием, градоформированием и др.) — их содержательная характеристика представлена в Таблице 1.

Таблица 1

**Сравнение базовых концептов
трех социальных стратегий создания города**

Стратегии создания города	Базовые концепты		
	города	субъектов создания города	процессов создания города
Градостроительство (административно- бюрократическая стратегия)	территории, застройка, зона, микрорайон, здание, пространство, жилая среда	архитекторы, градостроители, власть, ведомства, муниципалитеты	исследование, проектирование, градостроительство, зонирование
Градорегулирование (либерально-рыноч- ная стратегия)	территории, земельные участки, объекты и рынок недвижимости	частные лица, право- обладатели, застрой- щики, публичная власть, администра- ция города	публичные слушания, правовое зонирова- ние, инвестиционные проекты
Градоустройство (демократическая стратегия)	среда, городская среда, среда обитания, среда жизнедеятельности	местные сообщества, органы власти, субъ- екты развития среды, участники формиро- вания среды	управление разви- тием территорий, технологии соучастия, социальные действия

Риторика среды, соучастия, местных сообществ свойственна той сфере формирования города, которая предпочитает самоназвание «градоустройство». Здесь местные сообщества воспринимаются как субъекты развития среды, что дает основания называть данный подход демократическим. Для градорегулирования характерна опора на класс имущих горожан — домовладельцев, правообладателей, застройщиков; здесь экономическая жизнь доминирует, а не участвующие в ней субъекты к формированию среды не приглашаются, да и сам термин «среда» не в ходу; это либерально-рыночная стратегия. В традиционном градостроительстве среда упоминается, но в самом приземленном смысле — как пространство между домами или пространство с жилыми домами (жилая среда), а также как окружающая среда в ассоциируемых с экологической проблематикой текстах. О соучастии ничего не говорится, городские жители — послушные реципиенты профессиональных услуг, население города, спроектированного специалистами и построенного властью. Таким образом, взаимосвязь рассматриваемых концептов, на которую указывают тексты Дридзе, изданные два десятка лет назад, вполне подтверждается и современной литературой о формировании города.

С 2016 года в России реализуется федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», который представляет государственную политику в области формирования города и является ее существенной состав-

ляющей. Понятия «городская среда» и «соучастие» — «участие граждан в решении вопросов городской среды» — в нем ключевые, так как определяют цели и главные ресурсы реализации проекта («повышение комфортности городской среды», «создание механизма прямого участия граждан» в ее формировании, «увеличение доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды») [15]. Можно ли считать данный проект и олицетворяемую им политику воплощением подходов, теоретически обоснованных и продвигавшихся Дридзе и другими поборниками демократического градоустройства?

В достаточно сложной структуре нацпроекта с отдельными подпроектами и компонентами на первый план выступает оценка качества городской среды — на основе специально разработанной методики индексирования качества — и построение рейтинга российских городов по степени благоприятности среды. Не давая четкого определения городской среды, методика все же как-то ее обрамляет: «Городская среда характеризуется совокупностью природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду жизнедеятельности города на определенной территории и определяющих комфортность проживания на этой территории» [14]. Было бы неоправданно ожидать от практически ориентированной методики академической строгости определений, но данная формулировка не помешала тому, что в федеральном проекте сочетание слов «формирование комфортной городской среды» моментально обернулось понятным любому чиновнику и горожанину «благоустройством городских территорий». Между тем разница между двумя концептами и подходами существенна.

Первый — о единстве человека, его физического контекста и обменных процессов, а второй — о мощении плитками, о скамейках и фонарях, к чему все в конце концов и свелось. Первый — о том, что физическое пространство обитания формируется обитателем, при его участии и под его контролем, все судьбоносные решения о среде принимает сам обитатель. Второй концепт ничего такого не предполагает, вместо этого — удобство, комфорт, привлекательность для «посетителей города». Первый — об имманентной конфликтности формирования города и постоянном разрешении этих конфликтов, второй — о буквалистской безмятежности благоустроительного процесса. Дридзе очень точно описала эту, всемерно поддерживаемую городской бюрократией, подмену: «вмешательства в обжитую людьми среду... связаны со смещением акцентов с благоденствия людей на “благоустройство территорий”» [6. С. 27]. Не случайно в тексте методики и проекта не встречается главное средовое понятие, определяющее связь людей со средой, — «местные сообщества». Они здесь лишние и не рассматриваются как создатели среды.

Итак, концепт «городская среда» употребляется в федеральном проекте в самом ущербном, с точки зрения социального знания, «дизайнерском» смысле — как городское пространство, упакованное разными ландшафтами

и предметами. Описывающий его Перечень индикаторов для расчета качества городской среды включает 36 позиций. Они характеризуют шесть аспектов среды: безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность, эффективность управления. При этом аккуратно обойдены почти все проблемные характеристики городов — вредные выбросы, заболеваемость и смертность населения от «плохой экологии», преступность, трущобы, сегрегация, «средовые» скандалы и противостояния населения и власти. Не приходится удивляться тому, что в результате такого избирательного подхода в число городов с благоприятной средой, по официально составленным рейтингам, попадают даже те, что входят одновременно в список самых экологически проблемных — Красноярск, Норильск, Дзержинск, Магнитогорск, Череповец.

Федеральный проект заточен на «участие населения», что во всех отношениях оправданно. Среди 36 пунктов в перечне индикаторов качества среды есть даже «доля лиц в возрасте 14 лет, вовлеченных в принятие решений по вопросам городского развития», озвучены планы довести эту долю до 30%. Но как понимается «принятие решений»? В тексте проекта к основным мероприятиям по вовлечению граждан отнесено только «рейтинговое голосование» и «обсуждение конкретных проектов создания комфортной городской среды». Да, есть 36 пунктов, но оценивает качество среды не население, не жители городов — все делается по расчетным формулам, на основе статистики, изучения документов организаторами проекта. И при этом нет даже обещания учитывать оценки и результаты обсуждений в ходе принятия решений, которое по-прежнему власть оставляет за собой.

Таким образом, глубокое, социально фундированное средовое видение, гражданское соучастие и демократическое градостроительство тесно взаимосвязаны. Они являются надежными индикаторами друг друга, что доказывают труды Дридзе и других авторов, все развитие городов. Рассматривая городские программы сквозь призму этих понятий, мы понимаем, что современная отечественная стратегия социального и пространственного управления городом уже не может быть государственным градостроительством, но пока не стала ни рыночным градорегулированием, ни демократическим градостроительством. Инициативы горожан, даже будучи ограничены очень узкими рамками «благоустройства территорий», не имеют шансов превратиться в самостоятельные решения о развитии города, что бы ни декларировали национальные проекты и программы. Российский город далек от того, чтобы стать полноценной средой обитания и ареной истинного, равноправного соучастия всех общественных сил, продуктом их сбалансированного равнодействия. А, значит, работы и идеи Дридзе по демократическому градостроительству еще долго будут оставаться актуальными.

Информация о финансировании

Статья представляет результаты исследования, выполненного при поддержке Государственной программы РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.4.6. «Социально-средовая парадигма архитектурного знания: сравнительное исследование роли в российской и зарубежной англоязычной теории, профессии и образовании»

Библиографический список

1. *Высоковский А.А.* Градоустройство: задачи профессионального развития: в 3 тт. Т. 1: Теория. М., 2015.
2. *Глазычев В.Л.* Средовой подход в развитии города. Избранные лекции по муниципальной политике. М., 1995.
3. *Дридзе Т.М.* Человек и среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1.
4. *Дридзе Т.М.* Местное население как субъект социального участия: проблемы социально приемлемой региональной политики // *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы*. М., 1994.
5. *Дридзе Т.М.* Человек в городском пространстве: социально-коммуникативные механизмы и социальное участие в формировании городской среды // *Мир психологии и психология в мире*. 1995. № 4.
6. *Дридзе Т.М.* Вернуть столицу горожанам (о социальной диагностике в градоустройстве) // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5.
7. *Дридзе Т.М.* Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М., 1998.
8. *Дридзе Т.М.* Социальная диагностика в градоустройстве // *Социологические исследования*. 1998. № 2.
9. *Дридзе Т.М.* Урбанизм и городская политика в свете экоантропоцентрической социологии // *Урбанизация в формировании социокультурного пространства* / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999.
10. *Дридзе Т.* Градоустройство с человеческим лицом // *Муниципальная власть*. 2004. № 3.
11. *Дридзе Т.М., Акимкин Е.М.* Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. Обнинск–М., 2005.
12. *Ещина Е.В.* Социально-демократические методы соучастия в градорегулирующей деятельности архитектора (на примере города Пензы): Автореф. дисс. к.а. Нижний Новгород, 2004.
13. *Любова О.В.* Формирование современной городской среды: имитация или реальность // *Вестник Евразийской науки*. 2019. № 2.
14. Методика формирования индекса качества городской среды: утверждена распоряжением Правительства РФ от 23.04.2019 № 510-р. М., 2019.
15. Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды»: утверждена Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 18 апреля 2017 г. № 5.
16. *Руденко Л.Д.* Актуальные вопросы исследования городской среды в современной социологии // *Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. № 4/1.
17. *Тарасова Л.Г.* Город как самоорганизующаяся система: принципы управления его развитием // *Архитектура и строительство России*. 2009. № 4.
18. *Черемисин В.В. Томилин В.Ф.* Потенциал участия горожан в формировании городской среды // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 9.
19. *Шныренков Е.А.* Развитие городов на основе реализации интересов социальных групп // *Вестник Института социологии*. 2015. № 2.
20. *Arnstein S.* A ladder of citizen participation // *AIP Journal*. 1969. July.

21. *Bell B.* Designing for the 98% without architects // *Good Deeds, Good Design: Community Service Through Architecture* / B. Bell (Ed.). N.Y., 2004.
22. *Habraken N.J.* Supports: An Alternative to Mass Housing. L., 1972.
23. *Kendall S., Teicher J.* Residential Open Building. L., 2000.
24. *Kiyanenکو K.* Socio-environmental paradigm of architectural knowledge and Russian strategies for urban formation // *Proceedings of the 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2020)*. Moscow–Paris.
25. *Sanoff H.* Community Participation Methods in Design and Planning. N.Y., 2000.
26. *Toker Z., Toker U.* Community design in its pragmatist age: Increasing popularity and changing outcomes // *METU JFA*. 2006. Vol. 23. No. 2.

Social strategies for urban management and urban-environment development in the works of T. M. Dridze and in contemporary Russia*

K.V. Kiyanenکو

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

Dushinskaya St., 9, Moscow, 111024, Russia

Moscow Architectural Institute (State Academy)

Rozhdestvenka St., 11/4, bldg. 1–4, Moscow, 107031, Russia

Abstract. In the pre- and early post-reform Russian urban sociology, the works of T.M. Dridze, a prominent Russian sociologist and psychologist, are of a great importance. Her concepts of urban development, social participation and urban environment reflect the democratic approach to urban development and urban social management. Under the dominant liberal, market-oriented urban regulation, this approach was considered almost marginal. However, after the adoption in 2016 of the federal project for developing a ‘comfortable urban environment’, the rhetoric of ‘environment’ and ‘participation’ started to prevail in both society and urban social sciences. The question is whether the ideas and theoretical models of the democratic urban planning started to determine the contemporary urban development. To answer this question, the author clarifies the content of the basic terms used by T.M. Dridze and her interpretation of the relationships between the environment, society and participatory technologies; reveals the methodological role of social participation and defines it as a scale of social practices — from the grassroots ‘activism’ to the ‘participation from above’ initiated by the authorities. The author conducts a conceptual-terminological analysis to compare three strategies of urban development: urban construction, urban regulation and urban arrangement, and only the last one seems to be consistently democratic. The analysis of the texts and methods of the federal project allows the author to make conclusions about the certain qualities of this project. Thus, the project replaces the democratic social-environmental type of social participation in urban development — planning, implementation, assessment of results — by the improvement of urban areas as controlled by the authorities. This means that the works of T.M. Dridze are still relevant for the democratic urban studies and urban development.

Key words: urban sociology; sociology of management; social participation; urban environment; social strategies; T.M. Dridze; National Project Comfortable Urban Environment

*© K.V. Kiyanenکو, 2022

The article was submitted on 03.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

Funding

The study was supported by the Science and Technology Development State Program of the Russian Federation for 2013–2020 within the Program for Fundamental Research of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation and Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; the project 1.4.6. “The social-environmental paradigm of the architecture knowledge: A comparative study of its role in Russian and foreign English theory, profession and education».

References

1. Vysokovsky A.A. *Gradoustroystvo: zadachi professionalnogo razvitiya* [Urban Development: Tasks for Professional Development]. Vol. 1. Theory. Moscow; 2015. (In Russ.).
2. Glazychev V.L. *Sredovoy podkhod v razvitiy goroda. Izbrannye lektzii po munitsipalnoy politike* [Environmental Approach to the Urban Development. Selected Lectures on Municipal Policy]. Moscow; 1995. (In Russ.).
3. Dridze T.M. Chelovek i sreda v prognoznom sotsialnom proektirovanii [Man and environment in the prognostic social project planning]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 1994: 1. (In Russ.).
4. Dridze T.M. *Mestnoe naselenie kak sub`ekt sotsialnogo uchastiya: problema sotsialno priemlemy regionalnoy politiki* [Local population as a subject of social participation: Issues of the socially acceptable regional policy]. *Prognoznoe sotsialnoe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy*. Moscow; 1994. (In Russ.).
5. Dridze T.M. *Chelovek v gorodskom prostranstve: sotsialno-kommunikativnye mehanizmy i sotsialnoe uchastie v formirovanii gorodskoy sredy* [Man in the urban space: Social-communicative mechanisms and social participation in the development of the urban environment], *Mir Psikhologii i Psikhologiya v Mire*. 1995: 4 (5). (In Russ.).
6. Dridze T.M. Vernut stolitsu gorozhanam (o sotsialnoy diagnostike v gradoustroystve) [How to return the capital to its citizens (on social diagnostics in the urban development)]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 1997: 5. (In Russ.).
7. Dridze T.M. *Gradoustroystvo: ot sotsialnoy diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon* [Urban Development: From Social Diagnostics to a Constructive Dialogue of Stakeholders]. Moscow, 1998. (In Russ.).
8. Dridze T.M. Sotsialnaya diagnostika v gradoustroystve [Social diagnostics in urban development]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1998: 2. (In Russ.).
9. Dridze T.M. Urbanizm i gorodskaya politika v svete ekoantropotsentricheskoy sotsiologii [Urbanism and urban policy in the ecoanthropocentric sociology]. Sayko E.V. (Ed.). *Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokulturnogo prostranstva*. Moscow; 1999. (In Russ.).
10. Dridze T.M. Gradoustroystvo s chelovecheskim litsom [Urban development with a human face]. *Munitsipalnaya Vlast*. 2004: 3. (In Russ.).
11. Dridze T.M., Akimkin E.M. *Sotsialno obosnovannoe gradoustroystvo v rezhime prognoznogo proektirovaniya: ot sotsialnoy diagnostiki k profilaktike konfliktnykh situatsiy i konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon* [Socially Responsible Urban Development in the Prognostic Project-Planning Mode: From Social Diagnostics to Conflict Prevention and Constructive Dialogue of Stakeholders]. Obninsk–Moscow; 2005. (In Russ.).
12. Eshchina E.V. Sotsialno-demokraticheskie metody souchastiya v gradoreguliruyushchey deyatel'nosti arhitekтора (na primere Penzy) [Social-Democratic Methods of Participation in the Urban Regulation by the Architect (on the example of the city of Penza)]: Avtoref. diss. k.a. Nizhniy Novgorod; 2004. (In Russ.).
13. Liubova O.V. Formirovanie sovremennoy gorodskoy sredy: imitatsiya ili realnost' [Development of the contemporary urban environment: Imitation or reality]. *Vestnik Evraziyskoy Nauki*. 2019: 2. (In Russ.).

14. Metodika formirovaniya indeksa kachestva gorodskoy sredy [Methodology of the Index for the Urban Environment Quality]: utverzhdena Rasporyazheniem pravitelstva RF ot 23.04.2019 No. 3. Moscow; 2019. (In Russ.).
15. Pasport prioritetnogo proekta “Formirovanie komfortnoy gorodskoy sredy” [Passport of the priority project “Development of the Comfortable Urban Environment”]: utverjden Prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam 18.04.2017. No. 5. Moscow; 2017. (In Russ.).
16. Rudenko L.D. Aktualnye voprosy issledovaniya gorodskoy sredy v sovremennoy sotsiologii [Urgent issues of urban studies in contemporary sociology]. *Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2012: 4/1. (In Russ.).
17. Tarasova L.G. Gorod kak samoorganizuyshchayasya sistema: printsipy upravleniya ego razvitiem [City as a self-organizing system: Principles of managing its development]. *Arhitektura i Stroitelstvo Rossii*. 2009: 4. (In Russ.).
18. Cheremisin V.V., Tomilin V.F. Potentsial uchastiya gorozhan v formirovanii gorodskoy sredy [The potential of citizens’ participation in the urban development]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2016: 9. (In Russ.).
19. Shnyrenkov E.A. Razvitie gorodov na osnove realizatsii interesov sotsialnykh grupp [Urban development based on the interests of social groups]. *Vestnik Instituta Sociologii*. 2015: 2. (In Russ.).
20. Arnstein S. A ladder of citizen participation. *AIP Journal*. 1969: 35 (4).
21. Bell B. Designing for the 98% without architects. Bell B. (Ed.). *Good Deeds, Good Design: Community Service through Architecture*. New York; 2004.
22. Habraken N.J. *Supports: An Alternative to Mass Housing*. London; 1972.
23. Kendall S., Teicher J. *Residential Open Building*. London; 2000.
24. Kiyanenko K. Socio-environmental paradigm of architectural knowledge and Russian strategies for urban formation. *Proceedings of the 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2020)*. Moscow–Paris; 2020.
25. Sanoff H. *Community Participation Methods in Design and Planning*. New York; 2000.
26. Toker Z., Toker U. Community design in its pragmatist age: Increasing popularity and changing outcomes. *METU JFA*. 2006: 23 (2).

НАШИ АВТОРЫ

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, директор Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Алимбекова Гульжан Токтамысовна — кандидат социологических наук, директор Центра изучения общественного мнения (Алматы, Казахстан) (e-mail: welcome@ciom.kz).

Бапинаева Элина Германовна — менеджер клиентского отдела Лаборатории социологической экспертизы Института социологии Российской академии наук (e-mail: bga01041998@mail.ru).

Белов Андрей Александрович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Белорусского государственного университета (e-mail: belov404.net@gmail.com).

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: volkovaoa@rambler.ru).

Гаспаршвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: gasparishvili@yandex.ru).

Гудкова Яна Александровна — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: yana140210@mail.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Капишин Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: poliarnik@yandex.ru).

Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: okildyushov@hse.ru).

Кияненко Константин Васильевич — доктор архитектуры, старший научный сотрудник отдела современных проблем средоформирования и градорегулирования Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства; профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института (e-mail: kiyanenko_k@yahoo.com).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Лифанов Сергей Алексеевич — докторант кафедры философии Казахского национального университета имени аль-Фараби (e-mail: lifanov.sergey.a@gmail.com).

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета (e-mail: svet-maximova@yandex.ru).

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии, руководитель Центра социолого-правовых исследований Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ev.maslovskaja@socinst.ru).

Назарова Инна Борисовна — доктор экономических наук, заведующая Лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: inna-nazarova@mail.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (narbut-np@rudn.ru).

Неустроева Аиза Борисовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований геосистем Академии наук Республики Саха (Якутия) (e-mail: aizok@mail.ru).

Ноянзина Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ Алтайского государственного университета (e-mail: noe@list.ru).

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета (e-mail: daria.omelchenko@mail.ru).

Орехов Андрей Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: orekhov_am@rudn.ru)

Оставная Алла Николаевна — старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко (e-mail: alaost@rambler.ru).

Попов Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета (e-mail: popov.eug@yandex.ru).

Посталовский Александр Владимирович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: postalnio@tut.by).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Розанова Нина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента, начальник управления по научной работе Смоленского государственного университета (e-mail: rozznina@yandex.ru).

Ротман Давид Генрихович — доктор социологических наук, директор Центра социологических и политических исследований Центра Белорусского государственного университета (e-mail: dgrotman@rambler.ru).

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: riazan@mail.ru).

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: savina.opinio@yandex.ru).

Темнова Лариса Витальевна — доктор психологических наук, профессор кафедры современной социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: temnova.larisa@yandex.ru).

Черняк Алексей Зиновьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: cherniak_az@rudn.ru).

Шабденова Айжан Базархановна — PhD по социологии, старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета имени аль-Фараби (e-mail: aija2005@mail.ru).

Шишигина Анна Николаевна — кандидат исторических наук, руководитель отдела междисциплинарных исследований Севера и Арктики Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия) (e-mail: schanan@yandex.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

- 1. Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]); ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
- 2. Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
- 3. Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
- 4.** В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
- 5.** К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, гео-графических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.